

МЕХУДА АТЛАС

ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ

МЕХУДА АТЛАС • ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ

Иехуда Атлас

עבריה וצבי עופר

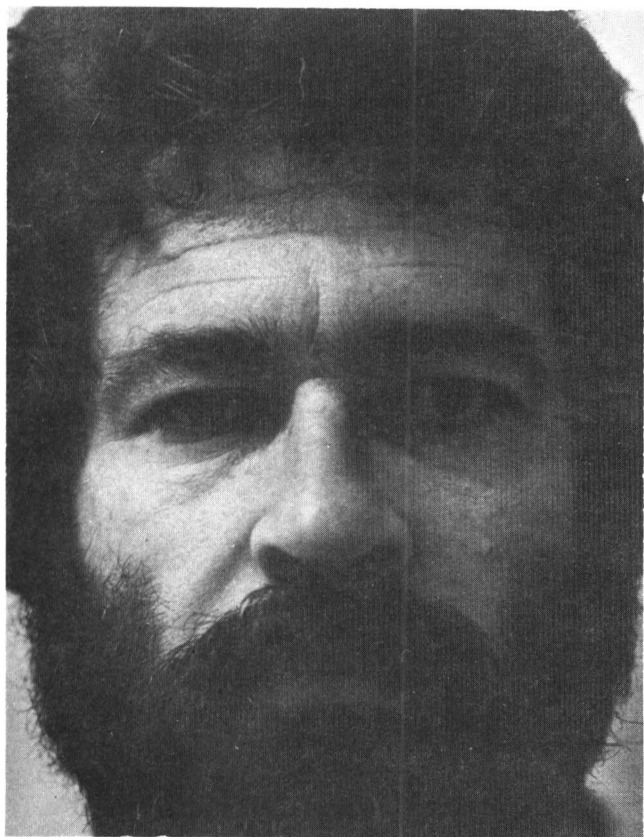
קבוץ יפעת ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ

(присуждена премия по литературе им. И.Бен-Цви)

הוצא בסיוע

המרכז לשילוב מורשת יהדות המזרח

משרד החינוך והתרבות

ИЕХУДА АТЛАС – журналист, член редакции "Иедиот ахаронот". Родился в 1937 году в мошаве Эй-Ирон. Учился в Тель-Авивском университете. Его первая книга "Хоть на виселицу" вышла в свет в 1969 году. Опубликовал также сборники стихов для детей и взрослых: "И этот мальчик – я", "Тоже этот мальчик – я", "Увидеть как".

Иехуда Атлас

ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ

(еврейское подполье в Ираке)

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1982

Printed in Israel

יהודה אטלס
עד עמוד התליה

Yehuda Atlas
UP TO THE SCAFFOLD

עיריית חיפה
מחלקת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
יחידה ארדשטיין - ספריה
מלאי.....

361

Перевела с иврита *Р. Рабинович*
Арабские имена и географические
названия проверила *Н. Занд*

Под общей редакцией *Я. Цура*

©

All rights reserved.

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR: Давид Титиевский, июль 2021 г., Хаيفا

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Яков Цур	VII
1 Хоть на виселицу	3
2 Спичка, которая разожгла костер.	10
3 Это Мессия!	20
4 Чемоданы Моше Даяна	30
5 Радиопередатчик по имени "Малка"	45
6 Польский шпион	50
7 Бегство с Севера	69
8 Пачка писем в баке с горючим	80
9 "Гинносар" и "Кинерет".	89
10 Десять беглецов из лагеря Атлит.	100
11 Революеры посылкой	111
12 На развалинах Ниневии	122
13 Пешком в Эрец-Исраэль.	134
14 Две могилы в пустыне	149
15 Операция "Майхельберг"	159
16 Шейх Хаким угрожает убийством.	169
17 Копилки Керен-Каемет	171
18 "Сегодня ночью арабские войска войдут в Палестину"	184
19 Веселье у виселицы	186
20 Прорыв на восток	192
21 Трое убитых	206
22 По доносу	212
23 Поток	224
24 Мы вправе расплакаться от счастья	246
25 Мистер Армстронг у Тауфика ас-Сувейди.	256
26 Исход из Вавилона	265
27 На сей раз женитьба не состоялась	279
28 Настал черед заброшенных и забытых.	293
29 Самолет, который вернулся	302
30 Крушение	311
31 До самой виселицы	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — удивительный рассказ о еврейском подполье в Ираке, которое способствовало репатриации в Израиль почти всего иракского еврейства — 110 тысяч человек — в течение всего лишь одного 1951 года.

Современный Ирак занимает территорию древней Месопотамии (Междуречья), ставшей на заре истории, наряду с Египтом, колыбелью цивилизации.

Зародившаяся здесь, на Ближнем Востоке, культура постепенно распространилась вширь и дала начало истокам европейской цивилизации. Здесь, в бассейне "великих" рек Евфрат и Тигр, возникли Ассирия и Вавилония — могучие империи завоевателей. Они захватили и разрушили много государств, в том числе и маленькие царства Иудею и Израиль, падение которых в 8 и 6 веках до н.э. положило начало рассеянию еврейского народа.

Но Месопотамия была также землей, где процветала еврейская культура уже с самого начала диаспоры. Этот расцвет продолжался под властью персов и под властью арабских халифов вплоть до 10 века н.э. Здесь были важнейшие центры изучения Торы, здесь был создан Вавилонский Талмуд, который на протяжении многих столетий лежал в основе духовной жизни еврейских общин всех стран. Здесь действовали гаоны, и здесь были созданы произведения религиозной поэзии, известные как пиютим и вошедшие в еврейские молитвенники. На протяжении столетий эта земля, которую евреи продолжали называть Вавилонией, служила местом пребывания рош ха-гола — главы диаспоры, чей авторитет был незыблем для евреев всего мира.

Вплоть до начала "золотого века" еврейской литературы в Испании Вавилония была центром и средоточием духовной жизни всего еврейского народа. Рабби Птахья из Регенсбурга, путешественник 13 века, писал: "Среди евреев Вавилонии вовсе нет неграмотных".

* * *

Но в современном Ираке, образовавшемся после Первой мировой войны в результате распада Османской империи, мало что осталось от величия древней Месопотамии. Ирригационная сеть, питавшаяся водами обеих рек, засорилась и разрушилась. Правители безжалостно эксплуатировали население. Постоянно возникали раздоры между суннитами и шиитами. Англичане поставили во главе нового государства принца Фейсала, сына короля Саудовской Аравии Хусейна. Но создавать государство приходилось с самого начала.

Евреи были тогда наиболее передовым слоем населения Ирака. Большое влияние на них оказала английская культура: будучи торговцами, они поддерживали тесные контакты с англичанами в портовом городе Басра, в Индии, Сингапуре, Гонконге. Было ощутимым также влияние французской культуры: многие иракские евреи учились в школах парижского "Альянса". Но, вместе с тем, они оставались верны культурному наследию своего народа и жили насыщенной еврейством жизнью.

Не удивительно, что англичане пользовались услугами иракских евреев вплоть до 1932 года — конца срока британского мандата на Ирак. В период, когда страной правил — под покровительством Великобритании — Фейсал I, роль евреев в строительстве нового государства была решающей. Они участвовали в создании государственных учреждений. Евреи были в числе депутатов парламента. На протяжении нескольких лет пост министра финансов занимал еврей. Евреи были среди создателей университетов, участвовали в создании современной арабской литературы. Однако, после

смерти Фейсала в Ираке восторжествовал мусульманский фанатизм.

Следует помнить, что евреи Ирака (как и евреи Ирана) — одна из немногих еврейских общин, поселившихся в государстве Израиль, члены которой не устремлялись в рассеяние, даже не пересекли Средиземное море, не оседали в Европе. Поэтому ее не постигла участь вечных скитальцев, гонимых из страны в страну, — удел большей части еврейского народа, как ашкеназов, так и сефардов.

* * *

В этой книге описываются события, которые отлично помнят старожилы Израиля, но новым репатриантам есть смысл об этом рассказать. Немецкие войска под командованием Роммеля продвигались по пустыне из Ливии в Египет. В Бейруте и Дамаске располагались части французской армии, которыми командовал генерал Денц, подчинявшийся правительству Петэна, сотрудничавшему с немцами. В Багдаде разразилось пронацистское восстание, во главе которого стоял Рашид Али ал-Килани. Среди организаторов и вдохновителей восстания был заклятый враг англичан и евреев, бывший иерусалимский муфтий Хадж Амин ал-Хусейни, создатель арабских полков в составе армий Гитлера.

В какое-то мгновение казалось, что английской армии на Ближнем Востоке не избежать поражения. Англичане посылают через пустыню воинское подразделение, в задачу которого входило подавить восстание иракцев. Но английским солдатам не пришлось даже вступить в бой. Как только они приблизились к Багдаду, иракское правительство — и муфтий вместе с ним — бежало к своим друзьям-нацистам, и в городе не осталось никакой власти.

Но в то время, когда фашисты покидали город, а британские солдаты еще не вошли в него, арабы Багдада устроили погром местных евреев. Этот погром про-

изошел в 1941 году, во время еврейского праздника Шавуот.

* * *

В период британского мандата евреи Ирака были тесно связаны с ишувом в Эрец-Исраэль. В Ираке велась сионистская деятельность, учителя из Эрец-Исраэль преподавали в еврейских школах Ирака. После истечения срока британского мандата в Ираке все эти связи были прерваны. Сионистское движение было поставлено в этой стране вне закона.

* * *

Возможность возобновить связи с евреями Ирака представилась во время Второй мировой войны, когда были созданы подразделения британской армии, состоявшие из добровольцев из Эрец-Исраэль.

Свыше 30 тысяч евреев из Эрец-Исраэль вступили добровольцами в английскую армию, чтобы воевать с нацистами. Не так просто было еврею из Эрец-Исраэль стать добровольцем. Британское правительство опасалось, что эти добровольцы усилят еврейское население Палестины, и весьма неохотно соглашалось на их мобилизацию. Однако на всем Ближнем Востоке, совершенно оторванном от Англии Европой, оккупированной нацистами, не нашлось никого, кто готов был помочь союзническим армиям в их борьбе: арабы с надеждой ожидали победы нацистов.

Итак, единственным союзником Британии на Ближнем Востоке оказался ишув в Эрец-Исраэль, и англичане вынуждены были призывать еврейских солдат в ряды своей армии. С течением времени были созданы роты и батальоны, в которых служили исключительно евреи из Эрец-Исраэль, а позднее была образована Еврейская бригада. Эти подразделения численно превосходили армию де Голля (не считая колониальных сое-

динений) и созданные в рамках армий союзнических держав чешские и польские соединения.

Более того: полмиллиона евреев подмандатной Палестины располагали единственной на Ближнем Востоке развитой промышленной технической и транспортной базой. Англичанам потребовались бы сотни кораблей, чтобы доставить, огибая мыс Доброй Надежды, машины, автобусы, сельскохозяйственную и промышленную продукцию для снабжения своей действующей армии на Ближнем Востоке. В Эрец-Исраэль они нашли все необходимое. Крупные фирмы-подрядчики, такие как "Солел-Боне", например, производили работы для английской армии и обеспечивали доставку нефти из Ирака и Ирана. Автобусы компании "Эгед" проделывали сотни километров по пустыне, обеспечивая связь между Багдадом, с одной стороны, и Эрец-Исраэль и Египтом — с другой.

Эти контакты с Ираком предоставили возможность ишуву в Эрец-Исраэль наладить тесные связи с еврейским подпольем в Ираке. Посланцы ишува пробирались в Ирак под видом солдат и офицеров британской армии, шоферов "Эгеда", сотрудников "Солел-Боне" или специально созданных для этой цели фиктивных компаний, которые будто бы желали вести переговоры о сделках с иракскими властями или частными компаниями. В тех случаях, когда посланцев из Эрец-Исраэль арестовывали по подозрению в том, чем они в действительности занимались, или даже в случаях, когда ни у кого не было ни малейших сомнений, кем они являются на самом деле, — им удавалось спастись. Помогали им в этом наклонность иракцев, даже самых высокопоставленных, к легкой наживе и хорошо налаженная система взяточничества (бакшиша).

* * *

Опаснейшие задания в Ираке выполняли лучшие сыны ишува, в большинстве своем киббуцники. Среди

них были: Шаул Авигур (тогда Мееров) из киббуца Киннерет, посвятивший всю свою жизнь делу спасения евреев, которым угрожала опасность; Энцо Серени из киббуца Гиват-Бреннер, создатель халуцианского движения в Италии и организатор засылки еврейских парашютистов из Эрец-Исраэль в оккупированную немцами Европу (прыгнув с парашютом в Северной Италии, он попал в руки нацистов и погиб вместе с миллионами других евреев в лагере смерти); Шмарья Гутман из киббуца Наан, молодой археолог-любитель, один из первых исследователей Масады. В Ирак были посланы также молодые халуцим, уроженцы Багдада, владевшие иракским диалектом арабского языка. Среди них выделялись своим бесстрашием Шломо Хиллель (Гилель), впоследствии посол Израиля в ряде стран, депутат Кнесета и министр израильского правительства, и Мордехай Бен-Порат, один из наиболее отважных и упорных борцов за спасение евреев мусульманских стран.

Посланцы из Эрец-Исраэль поддерживали евреев Ирака и помогали им покинуть эту страну — оставив там имущество, вынося пытки и издевательства, подвергая саму свою жизнь опасности — страну, в которой их предки жили на протяжении тысячелетий. Покинуть Ирак, чтобы репатрироваться на Родину, в Эрец-Исраэль. Имущество многих из тех, кто прибывал в страну из Ирака, составляли одни только носильные вещи.

Эпопее репатриации иракских евреев трудно найти аналогию даже в бурной истории Государства Израиль. Следует помнить, что, в отличие от евреев Восточной Европы, евреи Ирака не имели опыта революционных движений, у них не было государственного опыта. За свою длинную историю они знали периоды тяжелых притеснений. Жизнь учила их покорно сгибать спины под ударами судьбы. Подавляющее большинство иракских евреев были простыми людьми, которые были преданы традициям своего народа, оберегали свои сионаги и соблюдали святость субботы. Но в этот переломный период они отказались подчиниться судьбе и

стать легкой добычей разнузданного мусульманского фанатизма.

Они прибыли в Эрец-Исраэль в труднейшее время. Молодое государство не могло сразу абсорбировать такое громадное число репатриантов — почти 15% всего еврейского населения страны. Но всем было ясно: евреям Ирака угрожает смертельная опасность, и если, не дай Бог, будет упущена представившаяся возможность, — кто знает, удастся ли спасти их когда-нибудь...

И так они прибывали в Израиль, заселяя временные лагеря (маабарот) по всей стране, жилищем в которых служили либо палатки, либо наспех сколоченные тесные бараки, с трудом укрывавшие от зимних дождей. Каждый день самолеты доставляли тысячу новых репатриантов, и иногда не хватало времени даже на то, чтобы поставить для них палатки...

В 50-х годах от всей большой общины в Ираке осталось всего около 6 тысяч человек. Все имущество, накопленное иракскими евреями на протяжении столетий, попало в руки иракских властей. Но правителям Ирака все было мало: в январе 1969 года на центральной площади Багдада были повешены девять евреев, обвиненных в "измене Родине" и в шпионаже в пользу Израиля. Фотографии виселиц и арабской толпы вокруг них были опубликованы во всем мире.

Сложнейшую задачу по репатриации целой еврейской общины взяла на себя группа подпольщиков. Еврейскому подполью в Ираке удалось увлечь за собой десятки тысяч людей, которые сегодня живут и трудятся в Израиле. Страдания, выпавшие на их долю в Ираке, и трудности первых лет жизни в Израиле стали для них лишь воспоминанием.

Яков Цур

Когда Шмарья и Эзра рассказали старику Сухейку, какова настоящая цель их приезда в Багдад, и предупредили его, что, помогая им, он подвергает опасности свою жизнь и жизнь своей семьи, — по щекам его потекли слезы; он позвал сыновей и сказал: "Дети мои, ради Эрец-Исраэль — хоть на виселицу"!

ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ

Однажды в начале лета 1942 года двое неизвестных вошли в еврейский банк "Эдуард Аббуди" в Багдаде. Они были одеты в шоферские спецовки, на головах — форменные фуражки "Эгед". Вид их свидетельствовал о проделанном ими дальнем пути.

— Господин Салман, — постучал слугитель в кабинет директора, — вас хотят видеть двое солдат.

Салман Сухейк, молодой директор банка, вышел к ожидающим.

— Шалом, — сказал тихо один из них, пониже ростом. Из-под его фуражки выбивалась непослушная прядь волос.

Салман растерялся и не ответил. Где-то в глубине памяти прозвучал сигнал опасности.

Разговор у дверей кабинета привлек внимание любопытных, которые тут же окружили их, с интересом прислушиваясь.

Салман встрепенулся и повысил голос:

— А вам что здесь нужно? Уж нельзя поговорить о деле, чтобы кто-нибудь не сунул свой нос?

Дело есть дело. Этого оказалось достаточно, чтобы разогнать любопытных.

Но время шло, а Салман все еще колебался. Пришельцы сказали ему "шалом". Этим же словом приветствовал Салмана солдат, с которым он встретился несколько недель тому назад в гостинице "Рашид", солдат из Эрец-Исраэль. Он появился и исчез. Эта встреча уже почти забылась. Может быть, эти двое и есть те люди, о которых говорил ему солдат? Он тогда сказал, что паролем будет служить слово...

— Габриэль!.. — вдруг невольно вырвалось из уст Салмана. Тут он осекся: ведь первыми должны были произнести это слово его гости.

— Вот, вот, Габриэль, — подхватили пришедшие, будто вспомнив о чем-то важном, — Габриэль нас послал.

Через несколько минут Салман вызвал служителя, отдал ему связанную узлом одежду "шоферов", сменивших ее на элегантные английские костюмы, и сказал: "Беги к моей матери и передай, чтобы согрела котел воды. Вечером у нас будут гости".

В тот вечер настроение у них было мрачное. Казалось, вот-вот снова придется надеть шоферские спецовки и отправиться в обратный путь. Прошедший день не предвещал ничего хорошего.

Первая неудача — в Хаббании. Там, вблизи озера, в двух часах езды от Багдада, расположена огромная британская база. Им удалось проехать туда незаметно: вклинились в колонну автобусов и думали доехать так до самого Багдада. Вдруг комендант-еврей, знавший их тайну, заявил: "Тут ваш путь кончается. Получен приказ: взять в автобусы солдат-ассирийцев* и завтра же двинуться обратно в Эрец-Исраэль!".

— Но это невозможно! — воскликнул один из "шоферов". — Мы должны добраться до Багдада, а без вас не сможем, ты ведь знаешь: у нас нет никаких документов!

— От души сочувствую, но приказ есть приказ. Другого выхода нет: вам придется вернуться с нами.

Через несколько часов один из "шоферов" предложил коменданту:

— Слушай, — сказал он, — может быть, ты поговоришь с британским командиром Хаббании? Скажи ему, что вот эти шоферы пятеро суток тряслись по пустыне без отдыха. Как же теперь они могут вернуться,

* Ассирийцы — остатки христианского населения Ирака.

не повидав Багдада, города Харун ар-Рашида, "Тысячи и одной ночи", кабаре, ну, и все такое... Надо же и солдату немного насладиться жизнью. Командир — человек военный и, наверняка, должен понять.

Комендант только покосился на него: вы, дескать, посмотрите на этих молодцов, что у них в голове? Сказал: "О'кей", и вот — они не только вышли сухими из воды, но благодаря им и настоящие шоферы "Эгеда" и "Дана" тоже сели в автобус и поехали развлекаться в большой город.

Но после удачи — встреча с Салимом. Все, что им говорили о нем — истинная правда: парень хоть-куда, серьезный, вдумчивый, лишнего слова не скажет. Но Салим сразу же предупредил, что надежды, которые возлагают на него — просто недоразумение. Он вовсе не причастен к группе, которую они разыскивают, и не может даже предложить им место для ночлега: дом его — в арабском районе. К ним заходят соседи и приятели — евреи и арабы. Двое посторонних могут вызвать подозрение. Кроме того, у него две незамужние сестры. Что скажут соседи?

Как быть? Пойти в одну из гостиниц, кишящих сыщиками, и попасться им в руки? Или переночевать на скамейках в саду? (Двое нарядных эфенди спят под открытым небом!)

Все их надежды были теперь связаны с молодым директором банка Салманом, к которому они обратились сразу после приезда. Это он устроил им встречу с Салимом. Пока они беседовали, Салман сидел в стороне, делая вид, что разговор его не интересует. Но как только уловил суть разговора, ему стало неловко, и он тут же пригласил обоих остановиться у него в доме, пока они не найдут нужных им людей.

Оба гостя хорошо помнили, что им говорили о Салмане перед отъездом: "Чудесный парень, наш на все сто процентов, но чересчур увлекающийся и горячий, так что может ненароком провалить дело".

Это было мнение одного разбирающегося товарища, но на сей раз он, очевидно, ошибся.

— Я знаком с его братом Овадией, — сказал один из них. — Думаю, что мы можем целиком полагаться на Салмана.

* * *

Овадия, брат Салмана, перебрался в Эрец-Исраэль десять лет тому назад и вскоре вступил в киббуц Гинносар. Однажды Овадия встретился с Шаулом Мееровым (Авигуром), членом киббуца Кинерет. Овадия не знал, что Авигур руководит нелегальной алией и возглавляет Мосад*, однако для него не было тайной, что Авигур выполняет какие-то ответственные и секретные задания. В то время не задавали вопросов. Поэтому, когда Авигур попросил у Овадии письмо к кому-нибудь из членов его семьи в Багдаде, тот, ни о чем не расспрашивая, написал коротенькую записку и дал Шаулу адрес банка, где работал его брат Салман.

Вскоре Шаул под видом британского солдата появился в Багдаде и встретился с Салманом в гостинице "Рашид". То ли письмо от брата, то ли мужественное рукопожатие, военная форма Шаула, а может быть, слова, которые он говорил, убедили Салмана, и он проникся безграничным доверием к мнимому солдату. А может быть, причиной тому было внимание, с которым Шаул слушал рассказы Салмана на ломаном иврите об ужасах и бедствиях, выпавших на долю евреев Ирака прошлым летом, во время рашидских погромов.

Авигур приехал в Багдад, чтобы связаться с организацией "Шабаб аль-инказ" (Молодежь спасения).

Воззвание этой группы попало в Эрец-Исраэль и вызвало большой интерес. Еврейская молодежь Ирака решила действовать: если возобновятся погромы — евреи дадут отпор. Они готовились к этому, организуя самооборону.

* Мосад ле-Алия Бет — организация, занимавшаяся нелегальной алией (1944—1948).

В Багдаде Шаул встретился с Салимом. Ему показалось, что Салим связан с группой.

— Скоро приедут сюда товарищи из Эрец-Исраэль, привезут оружие, обучат членов организации как с ним обращаться, помогут организовать самооборону и будут готовить молодежь к алии, — обещал Шаул и добавил: — Все приезжающие будут держать связь через Салмана.

Спустя несколько дней "солдат" исчез. Перед отъездом он назвал Салману пароль: "Габриэль".

* * *

Шмарье Гутману, члену киббуца Наан, исполнилось 38 лет. Он был секретарем молодежной организации и очень любил свою работу. Но была у него и другая любовь. Шмарья обрел ее десять лет тому назад, увидев впервые скалы крепости Масада.

Он давно мечтал провести на вершине Масады семинар для инструкторов молодежи. Тема семинара: подготовка молодежи к борьбе за освобождение страны.

Мечта Шмарьи была на пороге осуществления, когда его пригласили на встречу с Шаулом Авигуром. Шаул спросил, согласен ли он взяться за выполнение ответственного задания и для этого поехать в Ирак?

Шмарья вскипел: согласен ли он? Да не только согласен, но настаивает на том. Участие в спасении евреев он считает высшим национальным долгом.

— Подбери подходящего человека, который поедет с тобой, — сказал Авигур.

— Подберу, — решительно ответил Шмарья. Но у меня есть одно условие: семинар "Масада" состоится до моего отъезда. Я хочу в нем участвовать!

Условие было принято.

И там, на вершине скалы, ночью, Шмарья открыл тайну человеку, избранному им в спутники. Тот сразу же дал согласие. Звали его Эзра Кадури.

Эзра, член киббуца Маоз-Хаим, как будто был создан для такого дела: преданный член Хаганы, активист

движения "Алия Бет", специалист по дзюдо, имеющий опыт работы с молодежью, хорошо знакомый с оружием. Эзра пустил глубокие корни в стране, но вместе с тем сохранил воспоминания об Ираке, где прошло его детство. Эзра покинул Ирак в двенадцатилетнем возрасте. Он хорошо говорил по-арабски, да и внешность у него была подходящей. Ради освобождения евреев Востока он был готов на все.

В комнате Авигура Шмарья и Эзра получили последние инструкции. Шаул водил пальцем по карте и наставлял их:

— У входа в город вы переходите по мосту через Тигр, на мосту стоит полицейский. — Он помолчал минуту, чтобы усилить впечатление. — Потом вы попадаете на улицу Рашида. Здесь снова полицейский. — Пауза. — Сворачиваете налево и поднимаетесь до перекрестка — опять полицейский. — Пауза. — Следующая улица — еще полицейский...

Озноб прошел у них по спине: полно полицейских, и все гонятся за ними!

И будто для того, чтобы подчеркнуть всю опасность задания, Шаул сухим и деловым тоном добавил:

— Каждый из вас получит не больше двадцати пяти лир. Если попадетесь — жаль денег.

Перед выездом, между уроками географии и арабского языка Шмарья и Эзра заехали к Овадии Сухейку в Гинносар. Они хотели расспросить его о евреях Ирака, их нравах и обычаях. Хотя со времени его приезда в Эрец-Исраэль прошло много лет, Овадия сохранил в памяти подробности жизни иракских евреев. С особым чувством он рассказывал о доме отца.

— Наш отец — замечательный человек, — говорил Овадия, — глубоко религиозный и образованный. Все его помыслы связаны с Эрец-Исраэль. Мысли о земле предков были всегда для него источником радости.

* * *

— Вы сможете жить у нас, — сказали Салман Сухейк и его брат Шаул приехавшим из Эрец-Исраэль, когда стало ясно, что парней из "Шабаб" пока найти не удалось. — Но сначала нужно получить разрешение от отца.

— Конечно, — ответил Шмарья, — но я прошу, скажите ему всю правду: кто мы такие и что собираемся здесь делать. Но и этого ему показалось недостаточно, и он попросил встречи со стариком с глазу на глаз. В откровенной беседе Шмарья признался, что они приехали сюда организовать еврейскую молодежь, научить ее защищаться. После рашидских погромов нельзя сидеть без дела. Самооборона и алия — возвращение в страну отцов — вот главная цель. Иракское правительство будет их преследовать, англичане будут охотиться за ними, возможно, многие евреи будут против них. Но они — посланцы Эрец-Исраэль — намереваются остаться в Ираке, пока не завершат свое дело.

Они хотели бы жить в его доме, но не могут скрывать, что ему будет грозить большая опасность, что он рискует своей жизнью и жизнью своей семьи.

Когда Шмарья говорил, слезы текли по щекам старика.

— Этот дом, — сказал он, — уже не мой, он ваш. Эта семья — ваша. Если будет трудно, мы пройдем через муки избавления: ведь нужно, чтобы кто-то прошел через эти муки. Я человек верующий. Я знаю, в чем внутренний смысл этих мук избавления. Я верю, что вы сделаете то, что нужно, а больше я и знать не хочу.

Потом старик созвал сыновей и сказал им:

— Дети мои, ради Эрец-Исраэль — хоть на виселицу!

СПИЧКА, КОТОРАЯ РАЗОЖГЛА КОСТЕР

Янтарные четки постукивали за его спиной, фуражка сползала на лоб, как у настоящего багдадца. В кармане костюма хранилось иракское удостоверение личности на имя Хадури — жителя Мосула. Такое же удостоверение на имя Наджи было у Эзры. Они получили эти документы за сорок динаров, врученных посреднику. В Ираке за деньги можно было уладить любое дело.

Шмарья — толковый парень. Лишь недавно он впервые попал в шумный город, а вот уже бродит по закоулкам, коренной житель, стучит кубиками шеш-беш по кофейням, заходит в кинотеатры, не брезгует самыми подозрительными уголками. Он хочет знать каждый камень, каждую дыру в этом городе, овладеть местным диалектом, приглядеться к быту и нравам местных жителей, чтобы в случае надобности затеряться среди них.

Вначале они рта не раскрывали при посторонних: опасались, как бы язык их не выдал. Выходя из дому, оглядывались по сторонам: нет ли чего подозрительного. Но это скоро прошло. Шмарья и Эзра стали увереннее, привыкли к одежде, понемногу овладели багдадским говором — словом, вели себя как коренные жители города. Проходя мимо полицейского, даже взглядом его не достаивали.

Они смеялись, вспоминая предупреждения Авигура. Кто, в сущности, эти полицейские? В большинстве — отъявленные босяки. Многие совсем неграмотны. Да как они посмеют задерживать почтенных господ! А если и осмелятся, то достаточно будет нескольких мот, чтобы удовлетворить их любопытство.

Евреи составляли тогда четвертую часть населения Багдада. Шмарья и Эзра обошли весь город, чтобы приглядеться к их житью-бытью. Побывали на базаре, где евреи во весь голос зазывали покупателей, разгляды-

вали ювелирные изделия еврейских умельцев, прохаживались по тесным улочкам нищего еврейского квартала, где сточная вода стекала по ржавым трубам к порогам жилищ. Посетили и богатые районы, видели роскошные виллы Баттавина и Каррады — резиденции богачей и заправил.

Было ясно, что начать работу придется в зажиточных слоях, среди купцов, чиновников, людей свободных профессий. Эти люди тяжелее переносили кризис после рашидских погромов. Такого кризиса иракское еврейство еще не знало. Люди гордые и честные, они никак не могли примириться с изменой иракского народа, которому они так много дали, и с изменой англичан, которые ничего не сделали, чтобы остановить кровопролитие.

Со времени английской оккупации Ирака и до провозглашения независимости еврейская интеллигенция чувствовала себя "столпом общества". Десятки лет она служила Ираку верой и правдой.

Евреи создали иракскую администрацию. Они занимали руководящие должности во многих учреждениях и министерствах — в министерстве финансов, железнодорожного транспорта и связи.

Сэр Иехезкель Сассон — министр финансов в 1921-1927 гг., посовествовавший Черчиллю (тогда — британскому министру колоний) на Каирской конференции в 1921 году произвести эмира Фейсала в короли, был евреем; Аврахам аль-Кабир — генеральный директор министерства финансов, блестящий экономист; Салим Тарзи — начальник почты и телеграфа во время Второй мировой войны; Моше Шохат — заместитель начальника управления железнодорожного транспорта и, наконец, Юсуф аль-Кабир — гениальный ученый, декан юридического факультета университета, первый представитель Ирака в Лиге Наций.

Из среды евреев вышли члены парламента и Сената; финансисты и банкиры; способнейшие купцы, которые поставили на ноги торговлю и открыли перед ней иностранные рынки; промышленники, которые разви-

ли страну и дали работу многим семьям. Кто как не евреи превратили Багдад в оживленный торговый город? Кто выстроил богатые современные кварталы? Из чьей среды вышло так много юристов, экономистов, врачей, фармацевтов, учителей? Даже первый гражданский летчик Ирака был евреем.

И вот, когда евреи почувствовали себя в Ираке равными среди равных, если не больше, в праздник Шавуот 1941 года разразились погромы Рашида Али и доказали, что их в Ираке ненавидят и считают чужими и что никогда эта страна не станет для них родиной.

До 1932 года евреи Ирака жили спокойно, строили страну и обстраивались сами. Положение изменилось, когда Ирак получил независимость. Арабский шовинизм и мусульманский фанатизм подняли голову, и это привело к изгнанию евреев из правительственных учреждений и назначению на их место мусульман. Еврейским торговцам начали создавать всевозможные препятствия и ограничивать их деятельность.

В 1933 году скончался король Фейсал I, который ценил евреев и хорошо к ним относился. Престол унаследовал король Гази, и положение евреев ухудшилось. Гази ориентировался на нацистскую Германию, идеи фюрера нашли отклик в Ираке. Комплекс неполноценности, нищета и невежество были плодородной почвой, на которой взошли ядовитые плоды. В ежедневной газете "Аль-алам аль-араби" печаталась книга Гитлера "Майн Кампф" и открыто велась нацистская агитация. После приезда в Багдад германского посла Фрица Грубе яд проник еще глубже, и вскоре вокруг свастики сплотилась группа политиканов, журналистов, партийных вожаков, иракских и панарабских шовинистов, мусульманских фанатиков, врагов Британии и противников королевского дома. Они-то и стали знаменосцами ненависти.

Их деятельность и пропагандистские передачи берлинского радио на арабском языке сделали свое дело. Яд антисемитизма проник всюду: в школы, клубы, армию, полицию, администрацию, в толпу. Возникли

ячейки активных нацистов, а после визита вожака гитлеровской молодежи Бальдур фон Шираха и возвращения иракских учителей, посланных в Германию для повышения квалификации, в Ираке было основано молодежное движение "Аль-Футувва" и полувоенная организация нацистской молодежи "Катаиб аш-шабаб".

В хоре ненависти были слышны голоса палестинских шовинистов, сторонников иерусалимского муфтия, который позже избрал своей резиденцией Багдад. В 1936—38 гг. начались погромы. В Багдаде и Басре было убито десять евреев; в еврейские клубы бросали бомбы; начались грабежи.

После кровавого переворота Бакра Сидки в 1936 году, движущей силой в политике стали офицеры. Они же руководили настроениями улицы. Чтобы укрепить создавшееся положение, офицеры всячески старались поддерживать у молодежи дух шовинизма и милитаризма.

Сам Бакр Сидки, который до того был организатором массовых убийств ассирийцев, женился на немкенацистке. Она и другие нацисты, прибывшие в Ирак с целью пропаганды, установили связь с военными и гражданскими вожаками; чаша ненависти наполнилась, а в дни Рашида Али перелилась через край.

* * *

В разгар Второй мировой войны власть захватил Рашид Али аль-Гайлани. Он аннулировал все соглашения с Британией, которая, казалось, все больше и больше терпела поражения на фронтах. Рашид заключил союз с Гитлером. Регент Абд аль-Иллах, Нури Саид и еще несколько сторонников Великобритании оставили страну. В небе Ирака появились немецкие самолеты — помощь Рашиду в его войне с Британией. На улицах бесчинствовали нацисты.

Судьба евреев была решена. Все средства пропаганды: пресса, радио, проповедники в мечетях, ораторы на собраниях — все натравливали толпу и трубили, что

день мести близок. Чернь только и ждала сигнала.

Евреи Басры первыми испили из чаши страданий. В середине мая, в считанные часы между оккупацией порта Басры британскими войсками и вступлением их в город, пала местная власть. Банды арестантов, внезапно получившие свободу, вместе с тысячами крестьян из соседних деревень, которые толпами устремились в город вместе с чернью Басры и окрестностей, бросились на лавки евреев и разгромили их. Они хотели уже приняться и за жилые дома, и только вступление британских войск в город спасло евреев Басры от участи, постигшей через две недели их братьев в Багдаде.

В столице сигнал к погрому был дан в праздник Шавуот 1941 года, когда Рашид Али и его сподвижники бежали в страхе перед британскими войсками, наступавшими на Багдад, и в городе воцарилось безвластие. Пока англичане стояли у ворот города, толпа бросилась истязать евреев и грабить их имущество.

Было две волны погрома. Первая — в воскресенье, в первый день Шавуот от полудня до двух часов ночи; вторая — с утра до середины следующего дня. Кроме черни, в погромах участвовали члены группы "Катаиб аш-шабаб", студенты, гимназисты, солдаты, полицейские и их офицеры, которые сняли свои номера и присоединились к грабителям.

Они хлынули в еврейский квартал, выгоняли пассажиров из автобусов и машин, врываются в дома и рубили всех подряд; ловили еврейских девушек, зверски насиловали, а потом разрубали их тела кинжалами и разбрасывали обрубки во все стороны, вырывали детей из рук матерей и бросали в колодцы. Озверелые бандиты кинжалами кололи беременных женщин, оскверняли и грабили синагоги, опустошали дома и магазины, разбивали стены и мебель, остальное предавали огню. Невидимая рука позаботилась своевремененно пометить красным мелом магазины, не принадлежащие евреям; эти магазины не были тронуты.

Погромщики были вооружены дубинами, ножами, винтовками и пустили в ход даже пулеметы. Улицы на-

полнились трупами и умирающими, а арабские шоферы давили их своими машинами. Раненых, отправленных в больницы, врачи травили ядом и оставляли без ухода, и они умирали. Это делалось по приказу доктора Саиба Шауката, известного юдофоба, стоявшего во главе арабского нацистского общества "аль-Мусанна".

В те дни было убито около ста восьмидесяти евреев, две тысячи — ранено, тысячи домов и магазинов — ограблены. Около двухсот пятидесяти сирот рыдали вместе со своей общиной у большой братской могилы на еврейском кладбище.

Еврейская община Багдада залечивала раны, но они не заживали. И глубже телесных ран были раны душевные.

В праздник Шавуот 1941 года евреи окончательно убедились, что незачем отдавать плоды своего труда чужой стране: Ирак уже не был их страной.

Но евреям Ирака был нанесен еще один тяжелый удар. Англичане, с которыми у евреев издавна установились дружеские отношения, ничего не сделали для предотвращения несчастья. Они предпочли переждать на западном берегу Тигра, пока народное волнение найдет себе выход в избиении и грабеже евреев. Когда толпа завершила свое дело, и бандиты один за другим тащили к себе ковры, перины, золото и серебро, красные от еврейской крови, — только тогда англичане двинули дивизию курдов вглубь восточного города. Своей жизни они берегли, и лишь через две недели набрались храбрости перейти мосты. Теперь уже нечего было опасаться: чернь получила подброшенную ей добычу и уползла в свои норы, слизывая кровь с когтей.

Время шло. Казалось, вновь настали хорошие дни. Война и присутствие союзных войск на иракской территории способствовали небывалому расцвету торговли, финансового дела и других областей и профессий, в которых евреи были большими специалистами. Военная машина нуждалась в надежной и квалифицированной рабочей силе в тылу. Источников заработка было

очень много. Община подняла голову, и казалось, что дни невзгод становятся далекой тенью.

Но это была лишь внешняя сторона событий. Под верхним покровом, внешне спокойным, бурлили течения и кипели страсти. После погромов молодежь начала задумываться над происходящим. Часть ушла в коммунистическое подполье, предполагая, что в рамках справедливого решения, которое принесет миру революция, произойдет и избавление евреев в Ираке. Другие помышляли об эмиграции, но ворота Эрец-Исраэль были закрыты.

После погромов евреи не переставали говорить о пережитом и разбирать подробности в поисках ответа на главный вопрос: предприняли ли они хоть что-нибудь, чтобы противостоять злу? Как допустили, чтобы бандиты убивали людей и грабили еврейское добро и ничего не сделали в целях самообороны?

И тогда вспоминали, как сооружали баррикады из мебели, как некоторые семьи спаслись в укрепленных домах, как кто-то удирал по крышам. Можно было услышать и другое: о том, как в одном доме погромщиков встретили градом камней; о том, как несколько смельчаков-евреев лили кипяток и горячее масло на головы нападающих; о том, как кто-то ударил бутылкой бандита, а кто-то стрелял в убийц из ружья или револьвера, а один парень пустил в ход... свисток. Это были рассказы, отчасти правдивые, отчасти — плод воображения.

Знакомый нам Салим во время погрома стоял на одной из крыш. Он поднял железный шест и бросил его на нападающих. Люди говорили о том, что в его руках была винтовка, и он стрелял.

Стрелял Салим или не стрелял, но из рассказов можно было понять, что в тех местах, где евреи оказали сопротивление, где бросили хотя бы один камень на озверелую чернь — погромщики отступали. Неудивительно поэтому, что сразу после погромов среди багдадских евреев, особенно молодежи, появились новые настроения. Многие из них вооружились револьверами и за-

паслись боеприпасами. Среди получивших оружие были и подростки, которые научились им пользоваться. Добытое оружие спрятали в надежных местах.

По еврейскому кварталу поползли слухи, и даже появились листовки группы молодежи, создавшей кружки самообороны по всем правилам конспирации. Люди шепотом произносили таинственные имена. Говорили об организациях, которые в действительности существовали, и об организациях, которых не было; ходили слухи о группе под названием "Сообщество свободных".

"Сообщество свободных" было основано Иоавом Катаном, юношей из Басры. У этой группы было три цели: изучение языка иврит, приобретение оружия для самообороны и алия в Эрец-Исраэль. Ребята нашли преподавателя иврита. Салим, так его звали, уже бывал в Эрец-Исраэль. Он был учителем и художником. К "Сообществу" примкнуло 150 человек. Собрали деньги и сняли комнату в большом административном здании на улице Рашид. На дверях повесили две вывески — "Купец" и "Художник", а на уроках держали на всякий случай в руках кисти. Члены группы по возможности доставали револьверы и учились стрелять, конечно, холостыми патронами; напечатали листовки, которые призывали к алии в Эрец-Исраэль; устраивали собрания и вечеринки в домах товарищей и пели песни Сиона, которым их учил Салим.

Были кружки, которые стремились вовлечь в свои ряды сотни товарищей, а были и такие, которые ограничивались десятками. Иногда два-три приятеля обзаводились револьверами, и тоже образовывали кружок.

Один такой кружок — быть может самый большой — высек искру, которая зажгла сердца многих и привлекла внимание к Эрец-Исраэль; она привела в итоге к созданию сионистского подполья в Ираке.

Кружок основали 4 подростка шестнадцати-семнадцати лет, ученики средней школы. Они решили, что настало время действовать. Ребята приобрели копировальную машину, и вскоре их воззвания переходили из

рук в руки среди учащейся молодежи и в других кругах. "Низок и труслив тот, кто уничтожит этот листок, не будучи в опасности! Прочел — передай дальше!" — так начиналось воззвание. Авторы обращались ко всем евреям Ирака, особенно к молодежи, с призывом создать еврейскую самооборону, а не подставлять свою голову под топор палача. Подписали "Шабаб аль-инказ аль-хаиди" ("Железная молодежь спасения").

* * *

Слова эти пали на благодатную почву. К "Шабаб" примкнули не только молодежь, но и взрослые: врачи и адвокаты, которые никак не предполагали, что во главе организации стоит юноша-гимназист по имени Назим.

Через несколько месяцев организация насчитывала уже несколько сот членов и сочувствующих, решено было усилить конспирацию. Назим (позже — Нисим Бен-Давид) командовал "верхушкой" из двенадцати человек. Каждый из этих двенадцати тоже руководил группой, член которой в свою очередь объединял вокруг себя других. Каждый знал лишь своего командира и своих подчиненных.

Ребята любыми средствами пытались приобрести оружие и по неопытности часто попадали впросак. Однажды они по дорогой цене закупили грудку заржавленных револьверов. Потом достали еще около тридцати револьверов, которые использовали для обучения стрельбе всех членов групп. После стрельбы холостыми патронами в подвалах они шли на загородные пустыри и пристреливались по бутылкам. В Басру и в Киркук тоже направили своих людей.

Спустя некоторое время были организованы сторожевые группы, которые патрулировали улицы еврейского квартала на машинах и мотоциклах, готовые в случае возникновения беспорядков немедленно прибыть в нужное место.

Хотя члены "Шабаб" занимались главным образом

организацией самообороны, однако Эрец-Исраэль занимала также значительное место в их программе. Они сумели даже переправить в страну нескольких ребят с помощью проводника-сирийца по имени Мухаммад Али.

Семь выпущенных листовок создали им большую популярность среди евреев. Один из членов организации привез в Эрец-Исраэль воззвание. Оно вызвало интерес, в результате чего в Ирак были направлены первые посланцы Шмарья и Эзра. Но выяснилось, что шум, поднятый членами "Шабаб" в еврейском квартале, намного превосходил их реальные возможности. Ведь они были всего-навсего неопытными школьниками, еврейская гордость которых привела к созданию организации. Продолжать деятельность было выше их сил. Назим растерялся: слишком уж велика была ответственность за такую огромную подпольную организацию, руководителем которой его считали. Он только и ждал случая, чтобы снять эту ношу со своих плеч. Когда Назиму сообщили, что приехали люди из Эрец-Исраэль, он был озадачен — вдруг это полиция хочет заманить его в ловушку. Только когда посланные разведчики выяснили, что никакого подвоха нет, он встретился с Наджи и Хадури, и на вторую встречу привел с собой еще нескольких товарищей. Шмарья и Эзра убедились, что организация слабая и на нее особенно полагаться нельзя.

Даже та маленькая группа ребят из "Шабаб", которую Эзра начал было обучать стрельбе, вскоре прекратила свою работу. Впоследствии все группы самообороны, как маленькие, так и более крупные, прекратили свою деятельность и распались. Но многие из участников этих групп стали членами настоящего подполья, которое создавалось в Ираке. На месте погасшей спички запылал костер.

ЭТО МЕССИЯ!

Шмарья и Эзра были приглашены в дом Сухейка к субботней трапезе. С ними пришел еще один гость: низкорослый, широкоплечий, небрежно одетый. Живые глаза блестели за стеклами очков.

— Найдите нам двенадцать парней, знающих иврит, по числу двенадцати еврейских колен, — сказал он Салману и его брату Шаулу.

То, что он сослался на символическое значение числа колен, свидетельствовало о личности говорящего. В разговоре его называли "доктор". Доктор Энцо Серени был третьим из присланных в Ирак шлихим*. Он приехал в Багдад вполне легально, и ему не надо было скрываться под вымышленным именем. Адрес Серени был отлично знаком тайной полиции Британии в Ираке, а имя его пользовалось известностью в широких кругах общества, как в среде аристократии, так и простонародья из еврейской общины.

Серени занимал в Багдаде официальный пост. Он возглавлял филиал компании Солел Боне, работники которой составляли специальное подразделение британской армии. Это подразделение занималось строительством аэродромов и других объектов на севере Ирака. Служащие Солел Боне занимали также ответственные посты и различные должности на нефтеочистительных заводах Персидского залива. Присланные в Ирак шлихим образовали ядро организации, а Серени, пользуясь своим положением официального должностного лица, осуществлял связь между ними и страной.

Серени был незаурядным человеком, и образ его надолго останется в памяти тех, кто знал его. Этот молодой итальянский еврей, эрудированный, владеющий многими языками, становился центром любого обще-

* Шлихим (ивр.; ед. ч. шалиах) — посланцы, эмиссары.

ства. Его всегда видели с большой связкой книг подмышкой, а короткие часы досуга он проводил в университетской библиотеке Багдада.

Шмарье было ясно, что Серени далеко не идеальный конспиратор. Подпольная работа была ему не по душе. Он был горд и прямолинеен, никогда не скрывал своих взглядов и был готов отстаивать их перед любым достойным оппонентом, даже рискуя личной безопасностью. Безо всяких опасений Серени встречался как сионист с различными политическими лидерами, вступал в беседы и дискуссии с завзятыми коммунистами и с крайними шовинистами — приверженцами иерусалимского муфтия.

Серени прибыл в Багдад почти одновременно с Эзрой и Шмарьей. При первой же встрече они разработали план совместной работы. Перед выездом они предполагали, что еврейская община Ирака угнетена событиями, сидит и ждет избавителя. Нашли же они здесь крепкую и цветущую общину. Евреи пострадали от прошлогодних погромов, но время делало свое дело. Пережитое понемножку забывалось.

Прежде всего надо было подготовить идеологическую почву среди иракской молодежи, положить начало истинно халуцианскому движению. И все это — под носом иракской и английской полиции. Обнаружение в Ираке такого подполья грозило бы смертельной опасностью не только подпольщикам, но и всей еврейской общине. Поэтому о создании подпольной организации никто не должен был знать, даже жители еврейского квартала. Основное — строжайшая конспирация.

Первая подпольная ячейка была создана в доме Сухейка. Зачинателями были братья Салман и Шаул, и теперь у них Серени требовал еще двенадцать парней, чтобы приступить к делу.

— Где это нам теперь найти двенадцать добровольцев? — охладил его пыл Шаул. Нашлись бы хоть пять-шесть.

— Что ж, и это хорошо, — решили шлихим.

Один из членов группы был директором предприя-

тия, второй — сотрудником управления железной дороги, третий — инженером в муниципалитете, четвертый — продавцом тканей, пятый — казначеем банка. Всем около тридцати лет, у каждого свои дела, заботы о семье. Все свободное время эти люди отдали подполью.

Когда-то в еврейских школах они изучали иврит. Теперь власти запретили это. Но кое-что осталось в памяти. В сердце тлела искра — теперь она разгорелась.

Язык был основой для организации Движения. Уроки иврита творили чудеса, будто свежий ветерок повеял из Эрец-Исраэль. Люди быстро овладевали языком. Страна Израиля, ее история, сионизм, рабочее движение, сельскохозяйственные поселения, ученые и писатели — составляли теперь основную тему бесед и дискуссий.

Каждый член кружка собрал группу из надежных ребят: приятелей, родственников, соседей. Уроки проводились в домах товарищей, каждый раз в другом доме, чтобы не вызвать подозрений. Даже родители ничего не знали. Бойцы еврейских подразделений в британской армии привозили учебники иврита, еврейские журналы, газеты; солдаты-евреи и работники Солел Боне были единственным связующим звеном: они помогали в изучении иврита и всячески содействовали всем начинаниям подполья. Через несколько месяцев уже можно было заметить изменения в сознании молодежи. Сотни учащихся собирались по несколько человек, причем члены одной группы не знали о существовании других; слушали лекции на арабском, французском или английском языках и постигали основы иврита с поразительной быстротой. Они научились разговаривать на иврите, и уже понимали несложные лекции. Были группы, в которых во время занятий разрешалось говорить только на иврите; провинившиеся платили штраф в пользу Керен-Каемер*. Эрец-Исраэль

* Фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль.

стал для них высшей духовной ценностью, а риск только усиливал это чувство. Шаг за шагом ребята стали интересоваться литературой.

Известия о катастрофе, постигшей евреев Европы, вызывали сильную тревогу. В один из дождливых январских вечеров 1943 года братья Сухейк впервые видели слезы на глазах Серени. "Нацисты истребляют евреев!" — говорил он, рассказывая им о зверствах фашистского дьявола. Члены Движения распространили среди евреев воззвание на арабском языке. Был объявлен пост. Евреи собрались в синагогах, читали воззвание, плакали.

У Эзры Кадури был хороший голос, и он обучал молодежь палестинским песням. Вечерами и по субботам с лодок, ушедших далеко по реке Тигр, разносились звуки песен. Были слышны голоса парней, которым вторили голоса девушек. Да, и голоса девушек!

* * *

Когда впервые было внесено предложение привлечь к работе девушек, чтобы со временем создать смешанные группы — идея сама по себе понравилась, но было немало скептиков: родители будут возражать. Где это слыхано в Багдаде, чтобы уважающая себя девушка водила дружбу с чужими парнями, которых ее родители даже не знают. И как это она сможет уйти одна из дому, не сообщив родителям куда и зачем она идет и надолго ли? И как она вернется домой ночью в сопровождении чужого парня?

Ясно было, что родителям будет трудно свыкнуться с новыми идеями эмансипации женщины, принятыми в современных государствах. Приезжие знали это очень хорошо. Они явились сюда не разрушать силой старые устои. Они приехали строить новое: завоевать доверие родителей и убедить их, что дорога, предлагаемая их дочерям, это благородная и почетная дорога.

Так они встретили Тикву Хатун.

Дом родителей Тиквы стоял по соседству с домом

Сухейков. Обе семьи поддерживали дружеские отношения. Тиква много настрадалась в детстве. Она перенесла детский паралич, после которого одна нога осталась поврежденной на всю жизнь. Насмешки детей, горе, одиночество и множество книг, которые она перечитала — все это способствовало раннему формированию ее чувств и характера. Тиква была известна как интеллигентная и серьезная девушка, которой можно было вполне доверять. Если ее увлечь идеей Движения, то за ней потянутся и другие девушки, конечно, с согласия родителей. Тиква была признана лучшей кандидаткой.

Когда Салман и Наджи постучались в двери ее дома, произошла некоторая заминка. Дверь открыл брат Тиквы, Гали, и взглянув на Наджи, удивленно воскликнул:

— Эзра, что ты здесь делаешь?

Эзра растерялся. Гали приезжал несколько лет тому назад в Эрец-Исраэль, и перед возвращением в Багдад жил некоторое время в киббуце Маоз-Хаим.

Что теперь делать? Открыть тайну? Эзра молчал.

— Как, — удивился Гали, — ты не Эзра из Маоза?

— Прости, о чем ты говоришь? Какой Маоз? Какой Эзра? Меня зовут Наджи, — и перевел взгляд на Салмана, как бы прося поддержки.

— Это Наджи, наш приятель, — подтвердил Салман.

И Гали, хотя это показалось ему весьма странным, не задавал больше вопросов, надеясь, что обо всем узнает в свое время.

Тиква с восторгом отнеслась к идее и взялась за дело со всей энергией и преданностью. Родители девушек, которых она собирала для учебы, толком не знали в чем дело, но целиком полагались на Тикву. Если она чем-то занимается, значит это дело надежное. Тиква не знала иврита. Ей приходилось утром самой осваивать урок, который вечером она проходила со своими ученицами.

— Что у тебя получится из всего этого? — спросила

ее однажды мать, женщина глубоко религиозная, самый близкий ей человек.

— Ты думаешь, что Мессия сойдет к нам с неба? — ответила Тиква. — Это и есть Мессия.

Вскоре в круг активистов вошла Симха Кохэн.

После погромов Симха не находила себе покоя. Ее преследовали картины ужасной ночи: паническое бегство по крышам в ночной рубашке, плач, огонь и дым, молитвы и крики в синагоге, где сотни евреев нашли себе убежище; ограбленный и разбитый дом, из которого бандиты унесли все — от пасхальной посуды до последней метелки: порванные книги и тетрадки — дело рук соседей, прежде хороших друзей... В ту минуту ее осенила мысль, что ее место вовсе не в Ираке.

Во время беготни по различным учреждениям для получения паспорта и разрешения на въезд в Эрец-Исраэль она попала в круг молодежного движения.

Через некоторое время Симха стала одной из ведущих активисток подполья. К ней присоединилась также и Ализа (теперь Ализа Катан). В детстве она три года прожила с семьей в Иерусалиме. Вернувшись, они продолжали говорить дома на иврите. Однажды Ализа случайно вошла в комнату, где Тиква вела урок иврита. Ализа проводила ее домой и по дороге деликатно обратила внимание на ошибки, сделанные на уроке. Тиква была приятно поражена неожиданным открытием специалиста по ивриту и привела ее к Серени. Тот был в восторге...

— Вот вам готовая учительница — сказал он.

Традиционная одежда абая и пуши (вуаль), которую со времени погромов носили для большей безопасности еврейские девушки, позволила им без большого риска переносить листовки и учебники, а впоследствии — оружие и боеприпасы. Широкие складки абая или скромная на вид корзинка, в которую были набросаны фрукты и овощи, служили отличным укрытием для запрещенных вещей. В таком платье, когда лицо скрыто под вуалью, было невозможно отличить еврейку от арабки.

Вначале парни и девушки занимались отдельно, в разных группах. Постепенно начали создавать и смешанные группы.

* * *

Возникновение движения в Багдаде не было чудом. Зерно сионизма было брошено уже давно и пустило на берегах Тигра глубокие корни.

После оккупации Ирака Великобританией, в период правления Фейсала I еврейская культура еще не была под запретом. Первые члены нынешнего подполья изучали иврит именно в тот период. Они помнили, как их обучали ивриту в школах и классах Талмуд-Торы. Это доброе дело организовал Моше Вентура, отставной офицер турецкой армии. Он преподавал современный иврит в еврейской семинарии, а потом в семинарии для учителей, а также читал лекции по еврейской истории, краеведению и географии Эрец-Исраэль.

Существовала библиотека "Ха-Море", насчитывавшая три тысячи томов. При библиотеке было создано общество "Ахиэвер" по распространению книг на иврите.

В Багдаде выходила сионистская литературная газета "Менора". Издавал ее известный адвокат и член парламента Салман Шина, когда был еще студентом юридического факультета. То были славные времена — пока не грянула беда.

Когда в Палестине начались события августа 1929 года, черные тучи нависли над сионистским движением Ирака. Со смертью Фейсала I и проникновением нацизма в Ирак пришел конец местному сионистскому движению. Еврейских учителей изгнали. Изучение всего связанного с еврейством было запрещено. Запрет коснулся также ввоза книг и газет из Эрец-Исраэль и их чтения.

Огромная библиотека "Ахиэвер" была спрятана, часть — в подвале дома одного из членов кружка, часть — на потайных полках школы "Шахмон". Многие годы

они пролежали там. Выросло новое поколение, не знавшее иврита, кроме отрывков из священного писания. Исчезли копилки Керен Каемет. Пишущая машинка была спрятана.

Но огонь не угас окончательно, и когда приехали первые шлихим, они нашли ветеранов "Ахизвера" и вернули их к деятельности. Это был авангард, за которым потянулись сотни других. Гимназисты, молодые парни, которые начали самостоятельно зарабатывать, и некоторые из них имели семьи, а позже рабочие, подмастерья, девушки-швей — молодежь из более бедных кругов. Иврит, который сохранился в памяти некоторых, был тем рычагом, который мог поставить на ноги все движение.

Богатейшая библиотека вышла из подполья. Когда носильщики переносили ее в новое убежище, чуть было не случилось несчастье. По дороге, в арабском квартале, упал и раскрылся один из шкафов. Книги выпали на тротуар.

— Что это у вас? — спросили подошедшие полицейские, перелистывая книги.

— Священные писания для синагоги.

Когда книги прибыли в новое убежище, с них сняли паутину, и руки учеников вновь стали листать их страницы.

* * *

Шмарья понимал, что переход от теперешнего образа жизни к обстановке киббуца был бы слишком резким и старался больше рассказывать им о мошавах. Но все полюбили киббуцы. Ребята знакомились с их структурой и жизнью, и уже видели себя будущими членами киббуцов. Если все шлихим-киббуцники, то и они будут такими же. Они полюбили и Масаду.

Штат шлихим получил подкрепление. Исраэль (Срулик) Копит из Наана пересек пустыню в качестве помощника шофера автобуса и занялся организацией семинаров для инструкторов. Голубоглазый блондин, в

прошлом член организации Хе-халуц в Польше, он не знал ни слова по-арабски. Однако это не мешало ему ловко устраиваться в обстановке неразберихи, созданной войсками и иностранцами, наводнившими Ирак. Главное — быть уверенным в себе и соблюдать правила конспирации. Подобно ему, свой вклад в Движение внесла "Рашель", она же Малка Рофе, присланная для установления радиосвязи между подпольем и Израилем. Позднее прибыл и Овадия Сухейк из Гинносара.

Родители сердились на детей, которые запускали учебу и не думали о карьере, но в душе сознавали, что правда на их стороне. Матери, как это всегда бывает, с первой минуты становились верными союзниками детей. Младшие братья помышляли об основании движения "Хе-Халуц ха-цаир". Сами участники сионистского движения смогли оценить его размах только тогда, когда начали устраивать совместные пикники и вылазки для двух-трех групп, где неожиданно встречались братья, соседи по парте, родственники, знакомые.

— Как, и ты?

— И ты тоже?

Сионистское движение в значительной степени сдерживало влечение и интерес еврейской молодежи к коммунистическому подполью. Евреи занимали руководящие посты и пополняли ряды коммунистической партии, полагая, что коммунизм приведет к разрешению и их проблем. Участников сионистского движения обучали, как вести спор и отстаивать свои убеждения перед сторонниками коммунизма. Коммунисты, говорили они, стремятся свергнуть существующий строй в Ираке, добиться справедливости и равенства в этой стране. Мы же не боремся за новый строй здесь. Наша революция означает: оставить Ирак и вернуться в ту единственную страну, где евреи смогут жить спокойно и безопасно.

Движение начало выходить за пределы Багдада. И в Басре, Мосуле, Киркуке начали пробиваться ростки движения. Помогали солдаты еврейских частей и сот-

рудники Солел Боне: они вели занятия иврита, читали лекции, привозили учебники и газеты.

Но наибольший подъем, самые прекрасные моменты можно было наблюдать на организационном съезде Хе-халуц в Ираке.

Съезд состоялся в огромном подвале нового дома. Этот подвал был арендован с помощью Сухейка и на его имя. Намеренно выбрали дом в стратегически удобном месте, в квартале Абу Саад. Задняя стена дома примыкала к женской школе "Альянс", а другая — к большой синагоге "Меир". В случае облавы или другой опасности можно было без особого труда скрыться, перебегая с крыши на крышу, а потом быстро исчезнуть в извилинах прилегающих переулков.

В дни Песаха 1943 года состоялся съезд, в котором участвовало около ста человек. Подвал был переполнен, на всякий случай его подготовили будто к свадьбе: угощение, проигрыватель, пластинки. На стенах висели плакаты на иврите, портреты Герцля, Трумпельдора и Вейцмана, бело-голубой флаг с Маген Давидом в центре. Возле окон стояли наблюдатели, чтобы предупредить собравшихся в случае опасности. Портреты и флаг поворачивали обратной стороной, и на стене появлялись портреты Гази, младенца Фейсала II и иракский флаг; патефон наигрывал веселые песенки, а все компрометирующие лица, эмиссары в том числе, скрывались в убежища или уходили по крышам.

Были утверждены основы организации "Хе-халуц". Приняли решение расширить движение, открыть филиалы. Это означало, что руководство сионистским движением перестало быть заданием шлихим из Эрец-Исраэль, а становилось делом и местных активистов.

ЧЕМОДАНЫ МОШЕ ДАЯНА

К дому в квартале Абу Саад подошел юноша-подросток и задержался на секунду, оглядывая дом. Найдя глазами условленный знак — круг с левой стороны и угол, он трижды постучал в тяжелую дверь. Через несколько минут ожидания, которые показались очень долгими, дверь открылась. Юноша переступил порог и внезапно из дневного света попал в абсолютную темноту.

— Стой! — раздалась справа команда по-арабски.

Остановился.

— Вперед!

Зашагал вперед, пока не дошел до входа в подвал.

— Спускайся вниз!

Спустился по ступенькам.

— Поверни налево!

Теперь голос слышался справа. От каждой команды мальчик вздрагивал. Когда он поднял глаза, то его взору предстала картина из детских сказок: два маленьких огонька от двух высоких свечей, поставленных в субботные подсвечники, слабо освещают стол, покрытый бело-голубым фрагом с Маген Давидом в центре. За столом — безмолвная фигура.

— Подойди!

Юноша подошел. На столе он заметил револьвер и свиток Торы.

— Стой!

Человек у стола был окутан тенью. Отблески пламени придавали суровость его взгляду. Мальчик заметил в углу еще одну фигуру — Назима, своего командира из "Шабаб аль-инказ".

— Имя? — спросил человек.

— Морис.

— Имя отца?

— Яков.

— Фамилия?

— Сурани.

— Для чего пришел сюда?

— Один товарищ сказал мне, что создают организацию обороны... Спросил, хочу ли я участвовать. Я пришел потому, что — хочу.

— Готов ли ты пожертвовать собою ради евреев Ирака?

В эту минуту в памяти юноши промелькнул эпизод с маленьким пистолетом. Когда погромщики врываются в дом, люди не знали, стрелять из него или не стрелять. Потом — беседы, тренировки в "Шабаб аль-инказ". И вот впервые в жизни ему задают вопрос — готов ли он пожертвовать собою — то есть умереть.

— Да, — ответил он, — тот, кто стреляет, должен быть готовым принять пулю.

— Умеешь ли ты хранить тайну?

— Умею.

— Тебе уже приходилось хранить тайны?

— Конечно.

— Можешь ли ты привести пример тайны, которую ты хранил?

— Конечно, вот, например...

Только после того, как он все рассказал, парень понял, что попался в ловушку.

— Как же ты хранишь тайны, если сам их рассказываешь?

Краска стыда залила его лицо.

— Не страшно, — сказал человек после некоторого молчания. — Сейчас ты открыл маленькую тайну. В будущем научишься хранить большие тайны. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Продолжительное молчание.

— Ты знаешь, что ты слишком молод?

— Да, но я готов на все. Я спортсмен, отличник по легкой атлетике. У меня даже есть медали...

Молчание.

— Хорошо, я принимаю тебя. Ты должен принять присягу.

Человек прочел текст присяги на иврите, и Морис повторял за ним слово в слово. Он давал клятву защищать евреев Ирака, отдать всего себя и все, что дорого ему, одной только цели, хранить тайну и не отступить перед необходимостью пожертвовать жизнью...

— Теперь, — сказал человек, — ты настоящий член Хаганы.

* * *

Голос приказывающего был голосом Салмана Су-хейка, а второй человек с пронзительным взглядом был Эзра Кадури. Так выглядела организация самообороны — Хагана — в самом начале своего пути. Еще два десятка молодых людей, некоторые совсем еще мальчишки, прошли через ту же процедуру — допрос и присягу. Одна рука на свитке Торы, другая — на маузере, том самом маузере, которым пользовались на тренировках в "Шабаб-аль-инказ". Теперь Назим принес его в подвал. Пока из Эрец-Исраэль не прибыло обещанное оружие, тренировались на том, что было. Они изучали оружие (разбирали и собирали при свете и в темноте), учились чистить, смазывать, целиться и стрелять; вырабатывали меткость в стрельбе. Попробовали стрелять в яму с водой и, когда убедились, что толстые стены не пропускают звуков выстрелов, устроили там настоящее стрельбище.

К идее самообороны руководители общины отнеслись положительно. Еще живы были воспоминания о зверствах Рашида Али. Но от сионистского движения и от идеи репатриации они были далеки. Когда Шмарья и Эзра посетили Юсуфа аль-Кабира в его комфортабельном, заваленном книгами кабинете, он выразил свое одобрение и солидарность с идеей самообороны. Но когда ему рассказали о плане Хаганы — сионистском движении и нелегальной иммиграции, — он с сомнением покачал головой:

— Все это дело с Эрец-Исраэль представляется мне очень сложным. Англичане вас продадут, арабы вас вы-

режут. Самооборона здесь на месте — великое дело, но алия — нет, — и после длительного раздумья добавил: — Вы знаете, что вам придется воевать с арабами?

— Да, мы знаем, — ответил Шмарья. — И потому мы здесь. Нам нужно как можно больше евреев в стране, чтобы защищать ее.

Аль-Кабир оценивающе взглянул на обоих, и после длительного раздумья произнес:

— Никогда я еще не слышал таких слов из уст еврея.

Много лет спустя, когда большинство евреев Ирака уже выехало в Эрец-Исраэль, Юсуф аль-Кабир встретил одного из активистов Движения в Лондоне и попросил его:

— Пожалуйста, передайте Кадури, что в той беседе он был прав.

Шмарья — сторонник работы широкого масштаба, стремился привлечь любого, кто бы мог принести пользу. Когда он попытался добраться до так называемой "золотой" молодежи, Эзре это не понравилось. Вступление в круг богачей, картежников, завсегдатаев кабаре, владельцев роскошных автомобилей казалось ему неразумным. Но Шмарья не уступал, и эта самая "золотая" молодежь вскоре убедилась, что Хагана — это дело более волнующее и притягательное, чем все их прежние затеи. Они нашли в подполье широкое поле деятельности, где можно было проявить личное мужество и отвагу; годами они выполняли самые ответственные задания. Их машинам тоже нашли соответствующее применение.

Членами организации стали и девушки. Они тренировались, учились оказывать первую помощь и брались за любые поручения. Когда начали прибывать первые посылки с оружием и боеприпасами — они прятали его в складках *абай* и переносили из одного тайника в другой, с одного места тренировок в другое.

После маленьких партий оружия — иногда револьвера, иногда — пары гранат или комплекта боеприпасов, присылаемых из Эрец-Исраэль, начали прибывать и большие посылки.

Двое англичан, командиры картографического подразделения, пронесли на машинах однажды вечером мимо нескольких домов в квартале Баттавин и остановились возле одного из них. Они сгрузили два ящика. В каждом по пятьдесят гранат, шумовых и дымовых; "сырье" для изготовления "бутылок Молотова", револьверы всех видов, семь "стэнов", образцы и чертежи; всякого рода инструктажи, чистые удостоверения солдат британской армии, готовые для подделки; большое количество всякого обмундирования. Среди привезенных вещей был небольшой, невинного вида чемоданчик — первый радиопередатчик подполья. Он поражал своей компактностью — это было настоящее сокровище.

Все это происходило зимой. На улицах Багдада шли облавы: британская военная полиция и охранка искали оружие, в огромном количестве украденное со складов. "Двуйка" — польская тайная военная полиция армии Андерса — разыскивала евреев-дезертиров; экономическая полиция вылавливала спекулянтов, продававших продукты по взвинченным ценам; иракские сыщики вместе с полицейскими вели лихорадочные поиски подпольщиков-коммунистов.

В это-то тревожное время, когда любой груз вызывал подозрение, прибыли долгожданные посылки.

Часть посылок спрятали в подвалах домов, где жили почтенные семьи, имевшие связи в верхах. Дома эти были вполне надежны, вне всякого подозрения. Но там бывало слишком много народу — евреев и арабов, — а это было рискованно. Через неделю часть "материала" была переправлена в более спокойное место.

В два часа ночи Давид и Симан-Тов переносили очередную партию. В руках у каждого был тяжелый чемодан. Вдруг они почувствовали, что за ними кто-то идет.

— Давай, разойдемся в разные стороны, — предложил Давид.

Он повернул в одну сторону, Симан-Тов — в другую. Человек пошел за Давидом. Давид ускорил шаг — тот тоже. Повернул туда, сюда — тот вслед за ним. При-

лип, как банный лист. Тяжелый чемодан режет руку Давида. Все тело покрылось потом, ноги вот-вот подкосятся... Симан-Тову удалось опередить его и сообщить Шмарье, что за Давидом следят. Они напряженно ожидали за закрытой дверью.

Еле дыша, Давид взобрался по ступенькам — человек за ним. Теперь он был ясно виден. Высокий араб, одетый в штатское. Если он пронюхал, что есть оружие — ничего не поделаешь, и Шмарья, сунув руку в карман, крепко сжал револьвер.

— Извините, — вдруг обратился араб к Шмарье, — здесь не публичный дом?

— Нет, — ответил Шмарья, — здесь живут порядочные люди.

— О, прошу прощения, — сказал незнакомец, повернулся и ушел.

Поди знай, что ищет человек в два часа ночи.

В последующие ночи оружие переносили из подвала в подвал и из укрытия в укрытие в плетенных корзинах, ученических ранцах, в детских колясках под матрацами. Оно попало даже в старый квартал.

В тот вечер лил проливной дождь. Симха Кохэн в неудобной одежде перескакивала через лужи с грузом. Она промокла до нитки, но глаза ее сияли: знала, что гранаты спрятаны в надежном месте. В то время еще не разработали архитектуру "сликов" — тайников для оружия.

* * *

Однажды в дом Сухейка зашел Серени и сообщил, что в магазине на западном берегу Тигра, около военного лагеря, приготовлены два аккумулятора, и за ними нужно кого-нибудь послать. На вид это обычные автомобильные аккумуляторы, но очень тяжелые, так как внутри спрятаны гранаты и взрыватели. Дело поручили Шаулу Шамашу, двоюродному брату Салмана.

Дом семьи Шамаш был разрушен во время погромов. С тех пор семьи Сухейк и Шамаш жили вместе.

Шаул вступил в ряды Хаганы и вот получил задание. Кто-то посоветовал ему нанять пролетку: если он поедет как знатный "эфенди" — меньше риска.

Шаул с мальчиком-помощником перешли мост и получили в магазине аккумуляторы. Из магазина они вышли с аккумуляторами подмышками — и тут же зеваки, стоявшие у магазина, стали с видом знатоков осматривать их товар и совать свои носы куда не надо. Им бы тут же нанять пролетку, но Шаул этого не сделал, чтобы не выдать своего страха и не вызвать тем самым подозрения.

На шум прибежал арабский полицейский, дежуривший на мосту, и задержал Шаула с мальчиком, чтобы проверить, не украли ли они чего-нибудь с военных складов.

— Где ты взял аккумуляторы? — спросил он.

— Купил, — ответил Шаул, — я радиолюбитель и мне нужны аккумуляторы.

Однако полицейского это не убедило.

Шаул пробовал возражать и хотел было сунуть полицейскому динар, но было уже поздно.

— Вон там — полицейские, — кивнул он в сторону четырех человек, одетых в штатское.

Они попросили Шаула с мальчиком следовать за ними.

В полицейском участке Шаул повторил свою версию о том, что купил эти аккумуляторы у незнакомого человека. Трое полицейских взяли аккумуляторы в руки (чудом они не почувствовали их тяжести), проверили номера и сравнили их с записанными у них в списке украденных аккумуляторов.

— Не наши, — решили они.

Один из них даже открыл пробки и заглянул внутрь.

Шаул, который до сих пор не имел дела с гранатами, каждую минуту ждал взрыва.

— Сели твои аккумуляторы, — сказал полицейский, — тебя надули.

И уже, казалось, что все закончится благополучно,

как вдруг первый полицейский заявил, что Шаул пытался его подкупить.

В доме Сухейка все сидели как на иголках. Время шло, но не было видно ни Шаула, ни аккумуляторов. Вдруг кто-то постучался в дверь. В окне был виден Шаул в сопровождении полицейского. Эзра, который был тогда дома, удрал по крышам.

— Я попался, — сказал Шаул, когда их впустили в дом, меня нужно взять на поруки.

Папаша Сухейк оделся и пошел с ним. Шаул был взят на поруки, а аккумуляторы остались в канцелярии полиции.

На следующий день Салман Сухейк позвонил своему приятелю арабу, влиятельному торговцу.

— Мой двоюродный брат-шалопай попался. Какая-то история с контрабандой, — сказал он.

— В каком участке? — спросил тот.

Сухейк сказал.

— Во втором? Если так, нечего беспокоиться. Комендант этого участка рос на моих глазах. Сколько ты можешь заплатить?

— Сколько нужно. Главное, вытащить его вместе с товаром.

Через некоторое время в канцелярии Салмана раздался телефонный звонок. Послышался голос его приятеля-араба, который говорил прямо из полиции.

— Ну, все обошлось шестью динарами. Скажи своему брату-шалопая, чтобы он пришел в полицию, принес пол-динара и по чашке чаю для каждого полицейского, и пусть забирает свой товар.

Шаул так и сделал. Донесение было изъято из полицейского журнала. Комендант участка лично заказал для него пролетку, и на нее с большим почетом погрузили аккумуляторы. На мосту дежурил тот же полицейский, который вчера вечером задержал их. Шаул смотрел на него, будто спрашивая: "Ну, так стоило тебе поднимать весь этот шум?"

* * *

В одну из суббот, когда Салман, Шмарья и Эзра сидели и беседовали, открылась дверь, и в комнату вошел Серени. С ним был какой-то парень в запыленной форме и с черной повязкой на левом глазу.

— Знакомьтесь, — представил он, — Моше Даян.

Обменялись рукопожатиями.

Серени рассказал о неудаче, которая постигла Даяна: колонна автобусов "Эгед", с которой он ехал, вдруг получила приказ изменить направление: вместо Багдада следовать в какой-то отдаленный пункт. Это было результатом договоренности между англичанами и арабами. И те и другие косо смотрели на евреев, с такой радостью встречавших шоферов из Палестины. Им было также известно, что эти автоколонны используются для нелегальной алии. Даян вез три чемодана, и ему ничего не оставалось, как спрятать их в военном лагере. Сам он пришел в Багдад пешком. Теперь Салману поручили отправиться в лагерь и доставить чемоданы. В них было немало ценного материала для подполья.

Больше часа Салман и Эдуард, брат Тиквы, разыскивали приятеля, у которого была машина, чтобы привлечь и его к выполнению задания.

— Ты и твоя машина нужны нам для одного дела, секретного и опасного, — сказал Салман приятелю, когда они наконец нашли его. — Нужно съездить в одно место, кое-что отвезти и кое-что забрать. Вот так. Больше я тебе пока сказать не могу.

В сумерки они выехали из города, захватив с собой то, что надо было отвезти. Это были два еврея-дезертира из армии Андерса в форме английских солдат. Им предстояло забраться в военную машину, направляющуюся в Эрец-Исраэль.

Проехали через мост и метров 250 ехали вдоль ограды лагеря, затем развернулись и с притушенными фонарями стали медленно возвращаться. Им показалось, что часовой у ворот повернул голову и наблюдает за ними. Если ему что-то покажется подозрительным, он имеет право задержать их и на месте произвести обыск.

Дальнейшее произошло молниеносно. По обеим сторонам дороги росли кусты. Как только машина к ним приблизилась, из темноты выскочил человек с черной повязкой. Дверца открылась на ходу, "солдаты" прыгнули, а чемоданы были брошены в машину. Часовой сделал было шаг в их сторону, но шофер до предела нажал на педаль, машина стремительно пролетела мимо ворот и исчезла. Уже можно было, казалось, вздохнуть с облегчением, как вдруг они увидели, что на мосту их ждет новая беда. По мосту проходила вереница автомашин, и двое полицейских, англичан и араб, проверяли каждую из них.

— Ваш пропуск! — обратился англичанин к шоферу, когда подошла их очередь.

— Забыл, — ответил тот спокойно.

— Помолчи, — подтолкнул его Салман, вынул свое удостоверение резервиста и предъявил его.

С арабами это всегда проходило удачно — любое удостоверение годилось для чего угодно, но англичанин заупрямился:

Это не то, где ваш пропуск?

— Извините нас, — попытался Салман отвлечь внимание, — мы просто выехали немного прогуляться.

Пока он говорил, шофер вдруг заметил, что арабский полицейский ему знаком.

— Вот и полицейский знает меня, — сказал он англичанину. Араб тут-же закивал головой: он знал по опыту, что такой кивок хорошо оплачивается.

— Завтра, — добавил Салман, — мы привезем вам пропуск куда угодно.

— О'кей, — сказал он, — уезжайте!

Никогда они не мчались с такой быстротой, и даже в городе не сбавили скорости. Арабский полицейский, тоже знакомый, задержал их и сделал "проказникам" выговор за безобразное поведение на улице. Чемоданы были благополучно доставлены, и содержимое их — оружие и литература — присоединены к "инвентарю" подпольщиков.

В один из летних дней, Тикве сообщили, что она

должна немедленно облачиться в абаю и пуши, взять большую корзинку и явиться в один из домов в квартале Абу Саад. Когда она туда пришла, ее провели в подвал, и Шаул Шамаш вложил в ее корзинку несколько гранат.

— Можно еще?

— Можно, — сказала Тиква, взвесив рукой корзинку.

Он положил еще несколько гранат и снова спросил:

— Еще можно?

— Да, можно, — такая девушка, как Тиква, не проявит в ответственную минуту женской слабости.

Замаскировав свой груз как следует, Тиква отправилась в путь. Ей поручили отнести корзинку в еврейский дом, расположенный далеко, на арабской улице. О содержимом корзинки она знала только, что лежат в ней какие-то бомбы. Бомбы, насколько ей было известно, если их бросить, взрываются и убивают.

Тяжелая корзинка больно давила на руку. Но не рука подвела — сплеховала корзинка. Когда Тиква проходила мимо арабского кафе, там было полно бездельников, которые курили наргиле, играли в шеш-беш или просто глазели по сторонам. Вдруг дно корзинки прорвалось от тяжести, одна граната выпала и покати-лась по мостовой.

— Еще минута, и она взорвется, — промелькнуло в голове Тиквы. — Что случится с ней, не имеет значения. Но что будет с ее семьей? Полно свидетелей, они подтвердят, что это из ее корзинки выпала граната. Отец ее — человек почтенный, с положением, пойдет под арест, будет брошен в подвал пыток. Он погибнет! И все из-за нее...

— Нельзя этого допустить, — мгновенно приняла она решение, — лучше пусть она сама умрет.

Тиква расстелила складки своей одежды над гранатой и села на нее. "Когда граната взорвется, — сказала она себе, — то и она взорвется вместе с ней, так что невозможно будет опознать по останкам, что это дочь почтенного Хатуна".

Прошла минута, две, три — ничего не случилось. Из кафе по-прежнему слышалось щелкание кубиков и бульканье наргиле. Она тихонько нащупала гранату, охватила ее ладонью, положила в корзинку, и продолжала свой путь как ни в чем не бывало.

Честь отца была спасена.

В то же лето информационная служба Хаганы "Шай" передала сообщение следующего содержания:

"Салим Сайлис, среднего роста, с маленькой лысиной, квадратные часы в золотом корпусе, выехал в Ирак как агент английского сыска с целью выследить сионистское подполье. Будьте осторожны."

Такое же сообщение было одновременно получено и в багдадском отделении С.I.D. английской контрразведки.

Салим Сайлис был евреем, выходцем из Ирака. Некоторое время состоял членом "Квудат ха-хугим" в Раанане и работал в пекарне вместе с Эзрой Кадури. Очевидно, уже тогда разобрались, что он за человек, и решили от него избавиться. Сайлис не смолчал, заявил Эзре, что он еще отомстит ему. Он нанялся на службу в британскую тайную полицию. "Шай" же напал на его след и знал о всех его шагах.

Когда Шаул Авигур выехал в Ирак для встречи с деятелями подполья, Сайлис последовал за ним, якобы к невесте. Но девушка, к которой он сватался, была никто иная, как Мадлен, дочь тетки... Салмана Сухейка.

В Багдаде Сайлиса ждал соответствующий прием. Все жители еврейского квартала были своевременно предупреждены, и где бы он ни проходил, на него показывали пальцем и кричали: "Доносчик! Предатель!" Тут уж было не до женитьбы... Несолоно хлебавши, через неделю вернулся Сайлис в Эрец-Исраэль, заявив своему начальству, что на сей раз обнаружить подполье ему не удалось, так как его раскрыли.

После этого он был послан на север отслеживать нелегальную алию через сирийскую и ливанскую границу. Говорили, что люди Хаганы вынесли решение пере-

ломать ему кости. Можно быть уверенными, что они это выполнили.

* * *

Хагана уже крепко стояла на ногах. Появились первоклассные инструкторы, сплотившие вокруг себя новые группы. Различными путями доставлялось оружие, в том числе несколько пулеметов "томиган". Старший сержант Вундерман (теперь — Шагаев), по прозвищу "старик", обучал стрельбе из них. По штату в ведении "старика" было картографическое подразделение британских войск в Ираке, скомплектованное из палестинских солдат. Используя свое положение, он всеми силами помогал подполью: переправлял шлихим, снабжал их документами своего подразделения и обмундированием; помогал нелегальной алии молодежи; заботился о доставке оружия и других материалов, тренировал ребят из Хаганы.

Первые два урока стрельбы из "томигана" "старик" дал в своей канцелярии, в военном лагере за рекой.

В дальнейшем устраивались стрельбища — ребята тренировались в стрельбе иногда в глухих уголках пустыни, а иногда и в тирах британских войск.

Овладев огнестрельным оружием, парни не пренебрегали и холодным, более простым и удобным в условиях подполья. Они занимались боксом, дзюдо и общей спортивной подготовкой, учились пускать в ход кинжалы, ножи и просто камни.

В конце 1943 года из Эрец-Исраэль приехал специальный инструктор, который обучал их рукопашному бою палками и правилам ведения боя на застроенной местности.

Арье Кутнер — мнимый солдат под вымышленным именем с личным номером 17297, прибыл в Багдад обычным путем, то есть транспортными средствами британской армии. Даже в его киббуце Беит ха-Шита мало кто знал его настоящее имя — Шлеар-Ишув Ури — и звали его просто "Шарик". Широкоплечий, красноще-

кий, голубоглазый, самоуверенный до безрассудства, он с трудом втиснул свое тело в шерстяной английский костюм и густо смазал непокорные кудри бриллиантовым, чтобы выглядеть более солидно и не вызвать подозрения.

Токарь-мусульманин на примитивном станке изготовил для них короткие палки из веток померанцевого дерева. На его вопрос, зачем нужны эти палки, парень, который заказывал их, ответил — для занятий в школьных отрядах скаутов.

Для тренировок требовалось просторное помещение, в котором можно было бы махать палками, нападать, защищаться, убегать. Для этой цели была избрана синагога "Рави" в квартале Тахт-Кая. Ребятам, членам двух групп, упражнявшихся в приемах "капап", были известны часы последней молитвы. Когда синагога пуста, они пробирались через люк на крыше и вместо молитв в синагоге были слышны удары палок.

Эти упражнения были только отдельным эпизодом. Сам "Шарик" тоже исчез месяца через полтора.

* * *

Великим мастером науки конспирации был Шмарья Гутман — Хадури. Сам он служил личным примером для всех, кто его знал. Даже спустя двадцать пять лет его останавливали на улице и спрашивали, как это ему удалось выйти целым и невредимым из такого дела. Гутман представлял собою сочетание самоуверенности и изворотливости, таланта импровизации и умения владеть собой, находчивости и сдержанности. "Величие подполья, — твердил он своим ученикам, — в том, что оно не существует. Конспиратор должен быть незаметным, уметь проглотить обиду, скрежетать зубами, но не показывать вида". Не раз чесались у ребят руки испробовать приемы дзюдо, когда арабы задевали их или приставали к их девушкам. Шмарья советовал им в таком случае воздержаться, а уж если придется драться — то без каких-либо специальных приемов. Дзюдо на-

до побережья для более тяжелых времен, если для этого будет настоящий повод. Если пользоваться дзюдо при каждой драке, то могут заподозрить, что кто-то обучает парней.

С оружием следует быть еще более осторожными. В ход его можно пускать лишь в самых крайних случаях. Только командир Хаганы имеет право приказывать открыть огонь. А до того надо стремиться избежать огня любыми средствами, даже ценой позорной клички "трус" или "пораженец". Возможно, каждому придется это выдержать.

Кто не видел как Шмарья рассказывает по рынкам, на голове — сидара, пальцы перебирают четки — тот никогда не видел типичного иракца. Шмарья умел из серого, незаметного человека мгновенно превратиться в почтенного господина, знающего себе цену. Он менял свой облик в зависимости от места и обстоятельств. Появляясь в каком-нибудь городе, он всегда говорил, что приехал из другого района, чтобы его акцент не вызвал подозрения. Он знал, насколько одежда может изменить внешность человека; и зачастую даже знакомые не узнавали его.

Наука Шмарьи не пропала даром.

Когда первая делегация "Лиги"* посетила Ирак и привезла машины скорой помощи — подарок Красной Армии от еврейского населения Эрец-Исраэль, — была организована встреча делегации с членами Движения в Ираке. Она прошла, разумеется, в условиях полной конспирации.

* Общество дружбы с Советским Союзом, в задачи которого входило оказание помощи Красной Армии.

РАДИОПЕРЕДАТЧИК ПО ИМЕНИ "МАЛКА"

Как-то вечером, в начале 1943 года, по дороге из Иерихона в Бет ха-Арава, киббуц, находившийся на берегу Мертвого моря, мчался английский военный грузовик. Во дворе киббуца машина остановилась, и из кабины вышли сержант Иешая Десятник и шофер. Затем раздвинулся брезент кузова и высунулась сердитая морда огромной собаки-волка, а потом с неожиданной легкостью выскочил тоненький, хрупкий солдатик с мальчишескими чертами лица в британской военной форме.

Пока сержант беседовал с местным комендантом Хаганы, солдатик скромно стоял в стороне, стараясь скрыться от любопытных глаз членов киббуца. Потом ему выделили комнату для ночлега, а сержант с шофером сели на грузовик и уехали.

Назавтра грузовик вернулся рано утром, забрал солдатика и присоединился к длинной веренице машин, которая двигалась на восток. Еще долго после этого в Бет ха-Арава шептались о том, как солдат перед отъездом пытался ворваться в женский душ...

В кармане солдатика лежала расчетная книжка на имя солдата из Эрец-Исраэль с еврейской восточной фамилией. Нахальный солдат был ни кто иной, как Малка Рофе, девушка лет 25 из киббуца Маоз-Хаим, которая направлялась в Багдад, чтобы наладить радиосвязь между подпольем и Эрец-Исраэль. В течение долгих дней поездки она могла видеть лишь бачки с бензином, подпрыгивавшие в кузове вокруг нее, да высунутый язык собаки. По правде говоря, собака пугала ее гораздо больше, чем опасности, ожидающие в Ираке.

Десятник правильно поступил, взяв с собой "волка". Когда по дороге они нарывались на проверочные пункты, и полицейский пытался сунуть свой нос в кузов — морда рычащей собаки отбивала у него всякое любо-

пытство. Сержант уже пользовался этим методом в своих прежних поездках в Ирак с ящиками и чемоданами, битком набитыми всяким добром, и обратно — с нелегальными "олим".

Доехав до военного лагеря, недалеко от ирако-иорданской границы, грузовик отделился от колонны и помчался на предельной скорости в сторону Багдада. В полночь, после нескольких часов езды, сержант постучался в комнату одного израильянина — служащего британской цензуры, проживающего в гостинице. "Мне нужен Наджи, — тряс он его за плечи, — я привез для него товар".

Заспанный связной не знал, где можно в такой час найти Эзру и Шмарью. Находчивый сержант поехал в ближайший военный лагерь и поставил свой грузовик между машинами какой-то индийской части. Они с шофером для надежности улеглись спать по обеим сторонам машины, а солдатик подремывал в кузове.

Когда рассвело, Десятник пошел улаживать дело своим особым способом. Он подошел к командиру части, будто желая что-то сказать, и вдруг разразился криком. Из его криков командир смог только разобрать, что разгневанный сержант требует бензина, которого ему еще не дали и, если не дадут — он найдет куда пожаловаться. Когда грузовик удалился с полным баком бензина, возможно, командир спросил себя, кто такой этот бойкий сержант, и что он вообще делает в его лагере, но было уже слишком поздно заниматься подобными выяснениями.

Спустя несколько часов из города выехала небольшая легковая автомашинa, за которой тащился военный грузовик. Когда выяснилось, что вокруг "чисто", обе машины затормозили, а шофер грузовика вышел и начал осматривать колесо. В ту же минуту из грузовика выскочил солдатик и юркнул в маленькую машинку, которая тут же отъехала.

Если бы не спешка, то встреча между "солдатиком" и пассажиром, сидевшим рядом с водителем, была бы более трогательной. Но дела торопили и Шмарью и Мал-

ку. К тому же, возле Малки сидела еще одна девушка с чадрой на лице, которая тут же достала абаю и чадру, заставив Малку переодеться прямо в машине.

В дальнейшем Малка и шагу не ступила без этой новой знакомой. Звали ее Симха Кохэн. Обе девушки с чадрой на лице, закутанные в абай, шагали по улицам и переулкам, потихоньку пробираясь на занятия девушек. Симха обучала Малку всем тонкостям поведения уважающей себя жительницы Багдада.

После теплой встречи с Эзрой Кадури, товарищем по киббуцу, Малка перешла в дом Сухейков, где вся семья встретила ее тепло и сердечно. Даже ее странная мужская прическа не вызвала никаких замечаний со стороны религиозного отца, который ради Эрец-Исраэль был готов пожертвовать всем и ко всему приспособиться. Мать же относилась к ней как к родной дочери.

* * *

Истинная цель приезда зеленоглазой девушки была известна немногим. Большинство знакомых думали, что ее основная задача — это обучать ивриту иракских девушек. Рашель окончила педагогический институт в Тель-Авиве, свободно владела арабским языком, и теперь она добилась больших успехов в преподавании иврита. Ее ученицы уже свободно владели языком, а она сама освоила багдадский диалект арабского, что придало ей больше уверенности в себе. Она настолько изучила город, все входы и выходы в нем, что уже не боялась выходить одна. Благодаря абае и пуши ее нельзя было отличить от любой арабки или еврейки, верной старым обычаям.

И, действительно, у нее не было причин для страха. Никакой полицейский на улицах Багдада не посмеет обратиться к даме в чадре и абае, а если же это случится, то никто из прохожих не будет удивлен, если рассерженная женщина снимет туфлю и хлопнет ею полицейского по голове.

Рашель стала неотделимой частью багдадского Движения. Она во всем добивалась успеха, кроме одного — главного задания, для которого она была сюда прислана. В этом деле ее с самого начала ждало горькое разочарование.

Передачик, привезенный Шмарьей, был спрятан в невинном с виду чемодане весом всего в несколько килограммов. На крыше дома Сухейка установили антенну, и Малка стала передавать позывные по всем направлениям. Ответа не было. Аппарат упорно молчал, и все попытки оживить его ни к чему не приводили. Малка изо всех сил билась над аппаратом, но тщетно. Однажды, когда она была занята своими опытами, раздался стук в калитку дома: полиция. Симха Кохэн, одна из немногих посвященных в тайну этого аппарата, быстро спрятала чемоданчик под накидкой и убежала по крышам. Малке ничего не осталось, как облачиться в абаю, опустить на лицо чадру и прошмыгнуть между полицейскими. Лишь после этого выяснилось, что полицейские искали продукты с черного рынка, а не аппараты.

Девять месяцев провела Рашель в Багдаде, девять месяцев не снимала абаю и чадру — и вдруг — о чудо! — передачик заговорил.

В тот же месяц был воздвигнут беспроводный мост между Ираком и Мосадом. Правда, свернутые записки продолжали путешествовать в тюбиках пасты или в обертках мыла с солдатами, уезжающими в Эрец-Исраэль или возвращающимися оттуда, но с помощью передачика легко было непосредственно согласовать выезд и прибытие нелегальных репатриантов, устанавливать места встречи, и докладывать обо всем, что делается в Хагане и в Движении.

* * *

Тем временем земля начала гореть под ногами Рашель. Необходимо было срочно удалить ее. До тайной полиции уже дошли слухи о странной "польке", кото-

рая обитает в Багдаде, и чем скорее она исчезнет, тем лучше.

Из Эрец-Исраэль прислали законный иммиграционный сертификат для одной девушки, которая от него отказалась. После некоторых "поправок" сертификат вполне можно было использовать. Эти "поправки" были сделаны с помощью Альбера Шамаша, который оказывал неоценимые услуги делу нелегальной алии благодаря своим связям в полиции. Каким-то образом Альбер имел доступ к печатям полиции и ко всем необходимым бумагам. Сам он даже "посватался" к Малке для большего успеха дела и собирался сопровождать ее до Лода, в самолете, который летел из Ирана через аэропорт Хаббания.

Малка усердно зубрила свое новое имя и имя своего "супруга", оба длинные — предлинные, так что до самой последней минуты ей не удалось их усвоить. Наконец она привела себя в порядок. Поверх своей одежды надела абая, чадру и отправилась на аэродром, где впервые и встретила своего "супруга".

Когда самолет сделал посадку, было слышно, как Шмарья Гутман бормотал: "Я хотел бы уже видеть ее в воздухе". Но их ожидала неожиданная встреча, которая при других обстоятельствах была бы приятным сюрпризом, а в данном случае была чревата опасностью: из самолета вышли члены третьей делегации "Лиги V", возвращавшиеся из Тегерана, где они передали машины скорой помощи представителям СССР. Когда Малка среди них разглядела шевелюру хорошо знакомого ей Аарона Цизлинга, она испугалась. Если он узнает ее и поздоровается, это может вызвать подозрение сыщиков, рыскающих по аэродрому. Салман Сухейк все уладил: он подошел к Цизлингу и приветствовал его на иврите: "Шалом Цизлинг, — а потом шепнул: — Шмарья". Цизлинг наострил уши. Тогда Салман прибавил: "В самолете нелегально летит Малка", а потом по-английски во весь голос сказал, обращаясь ко всей делегации: "Обратите внимание, с вами летит молодая пара, последите за ними, пожалуйста, в дороге!" Малка

отдала ему чадру и абаю и вместе с "мужем" поднялась в самолет.

— Вы знаете иврит? — спросил ее Цизлинг.

— Чуть-чуть, — ответила Малка, с трудом подавляя смех.

Когда самолет поднялся, все вздохнули свободнее.

Малка, первая "гидонит"* Ирака, покинула Багдад, но там осталась другая "Малка". Это имя присвоили первому передатчику, позывные которого состояли из первых букв слов "Ал нахарот Бавел" (на реках вавилонских). Впоследствии эти передатчики Хаганы были разбросаны по всей Европе и организацией связи занималась снова Малка.

Закончился иракский период в ее жизни. Но вскоре к ней прибыл первый "гидони" из Ирака, чтобы ознакомиться с секретами "Малки".

6

ПОЛЬСКИЙ ШПИОН

Серени — натура широкая и открытая — не мог примириться с тоненькой, действующей на нервы, струйкой нелегальных олим, которым Шмарья отдавал столько сил и внимания. Он мечтал средствами международной дипломатии добиться исхода всех евреев Ирака — свободного исхода с гордо поднятой головой. Сам Серени был твердо уверен, даже убежден в том, что если США окажут давление на Ирак и Великобританию, то они дадут свое согласие.

— Ты ведь живешь этим, — бывало, обращался он к Шмарье. — Сядь и напиши подробный доклад о поло-

* Название сотрудника отдела Хаганы, чьей задачей было осуществление беспроволочной связи с Израилем.

жении евреев в Ираке. Докажи, что если они останутся здесь, их ждет горький конец. Сохнут переправит твой доклад в Америку — и ты увидишь, мы еще добьемся исхода из Ирака.

Серени не знал, что предсказания его сбудутся, и довольно скоро.

— Я готов написать, — отвечал Шмарья, — но до тех пор, пока мечта осуществится, всякий раз, когда мне удастся переправить еврея в Эрец-Исраэль, я чувствую, что сделал нечто важное.

Серени мечтал о массовой алии, а Шмарья неутомимо продолжал свою кропотливую работу. Еще один иракский парень уехал под видом помощника шофера на военном автобусе; еще двое ребят — в большом резервуаре для рыбы; еще трое — в потайной камере багажника. У Шмарьи был план купить грузовик и соорудить в нем двойное дно; он подумывал о том, как бы использовать для перевозки людей верблюдов и искал иные, более надежные возможности.

Вначале приходилось искать желающих уехать. С тех пор как сионистская деятельность в Ираке была запрещена, выросло новое поколение, которое ничего не знало об Эрец-Исраэль. Это была для них неведомая страна за горами, пустынная и закрытая, а злобные статьи в арабской прессе о еврейских захватчиках усиливали страх и отчуждение. Лишь единицы — главным образом из неимущей среды — были готовы рискнуть и поехать; не раз даже не могли найти желающих использовать имеющуюся возможность. Эзра, будучи уроженцем Ирака, воспринимал это как личное оскорбление. Шмарья утешал его, что повсюду так; надо быть твердым и стойким и не поддаваться отчаянию.

Когда заработали воспитательные колеса Движения, положение изменилось к лучшему. Кандидатов было пока мало — но они были. Парни и девушки покидали Ирак, зачастую без согласия родителей, в составе автобусных колонн, военных частей и многими другими способами. Внезапность появления возможности уехать часто требовала немедленного принятия реше-

ния об отъезде, а ведь речь шла о немедленном и полном отрыве от дорогого сердцу мира — родителей, друзей, всего привычного....

Так случилось и с Шаулом Сухейком. За две недели до праздника Шавуот 1942 года, днем, когда он собрался идти на работу, к нему, запыхавшись, прибежал Шмарья:

— У тебя есть сейчас возможность в течение часа сесть в автобус и уехать!

Шаул успел только написать заявление об уходе с работы в муниципалитете Багдада, и через час сидел уже в автобусе, рядом с хайфским шофером Давидом Астраханом, в спецовке рабочего. В дороге он усердно протирал тряпкой окна.

Они ехали трое суток. Ни в одной машине автоколонны окна так не сверкали, как в автобусе шофера Астрахана. Когда колонна подошла к мосту через Иордан возле киббуца Гешер, Шаула перевели в группу польских солдат. Возле контрольно-пропускного пункта организовали совместную трапезу в такой тесноте, что никто не мог заметить постороннего, затесавшегося среди них.

По возможности люди старались выезжать в Палестину легально, или полулегально. Так поступила и Тиква Хатун (сейчас Тиква Шохат). После восьми месяцев активной деятельности, она завернулась в абаю и пуши и отправилась в паспортный отдел полиции.

— Я девушка взрослая и хромая, — сказала она офицеру, — никто меня не берет замуж. Говорят, что в Палестине можно сделать операцию и найти жениха. Она заплакала.

— Ну, а здесь, — спросил офицер, — разве ты не сможешь выйти замуж?

— Здесь меня все знают... даже прозвище дали — хромоножка.

От ее слез офицер размяк, и через два дня Тиква получила бумаги.

Вслед за ней, через два месяца приехала и Симха Кохэн, ее документы были наполовину поддельными. Она

прибыла в Тель-Авив на восьмой день Ханукки, когда были зажжены восемь свечей, и недаром ей казалось, что весь мир залит светом.

* * *

Шумным потоком выливались группы солдат из автобусов, остановившихся вблизи Багдада. Шоферы, изнуренные от четырехдневной поездки по пустыне, отравились "проветриться" в город, а то и купить кое-что по дешевым ценам местного рынка. Шоферы-арабы, жители Яффы и Рамле, искали ковры и драгоценности, чтобы провезти их контрабандой и неплохо заработать на этом. Евреи — члены кооперативов "Дром-Иегуда", "Хамекашер", "Эгед" и "Шахар" поспешили повидаться с братьями-евреями.

Ирмияху Смилянский и Иосеф Португали зашли в одну из синагог, вынули из корзинки бутылки израильского вина и преподнесли их присутствующим. Евреи целовали их запыленные спецовки и еврейские буквы на нашивках, будто это свитки Торы. Им не давали уйти, все спрашивали: "Когда?"

Через четыре дня колонна выехала с места стоянки, нагруженная польскими солдатами. Дверь кабины нового "Супервайта", за рулем которого сидели Смилянский и Португали, приоткрылась на минутку и четверо парней в спецовках мигом вскочили в кабину. Покуда проезжали населенные пункты, они сидели сжатые в комочек. Когда выехали в просторы пустыни, им стало значительно легче, а когда сошли возле киббуца Гешер, парни с трудом верили, что это не сон.

Через месяц колонна вернулась в Багдад. Их уже ждали, бежали им навстречу, хватали за руки, шептали: "Исразль... Исразль..." Штат присоединившихся "автомехаников" насчитывал уже восемь человек.

В третий раз едва не случилась беда. Шестнадцать "механиков", ехавших в этот раз, разместились в двух автобусах. Они сидели на задних сидениях, а впереди польские солдатки. Арабские шоферы, хоть и не отли-

чались особым умом, но слепыми не были.

— Там едут евреи, — перешептывались они во время последней остановки перед мостом Нахараим.

— Слышишь, Ирмияху? — спросил Иосеф.

— Пусть идут к черту! — ответил Иосеф очень громко. — У нас — евреи, у них — ковры.

Очевидно, намек был понят.

Для большей уверенности, Иосеф подошел к начальнику колонны, англичанину капитану Дивайну и задал ему прямой вопрос:

— Если бы ты встретил своих братьев, — сказал он на ломаном английском, — которые много страдали, и у тебя была бы возможность перевезти их на родину, что бы ты сделал?

— Хорошо, хорошо, — ответил капитан, — переведи их в грузовик с кухней.

Во время проверки в Гешер-Нахараим шоферы "джипа" и двух грузовиков с кухней, которые шли впереди, почему-то не поняли, что они должны остановиться для контроля. Они продолжали ехать в то время как Ирмияху, ехавший за ними, остановился, а за ним и вся колонна. Несколько полицейских заглянули в автобусы, но ничего не нашли. Даже если арабы донесли — бабочки были уже далеко от сетки.

* * *

Шмарья чувствовал себя как рыба в воде не только в самом Багдаде, он был своим человеком и в любом другом месте Ирака. Он начал разъезжать по всей стране, бывал в отдаленных местах на севере и юге, встречался с молодежью и организовывал ячейки активистов. Он информировал старейшин еврейских общин и раввинов о том, что сейчас происходит, убеждал состоятельных евреев покупать дома и землю в Эрец-Исраэль; завязывал знакомства, дружеские связи — и искал новые лазейки для побегов.

Прошли считанные недели после его приезда, а он уже побывал на севере — в Мосуле, пытаясь проложить

оттуда новый путь в Палестину — через Сирию. Там он приобрел хорошего друга в лице казначея местной железной дороги по имени Сассон.

Спустя несколько месяцев Шмарья снова приехал в Мосул. Теперь он уже знал, что ему нужно. Он искал возможности познакомиться со "служителями сатаны" — племенем езидов, живущим на границе с Сирией, чтобы заключить с ними сделку насчет нелегальной перевозки евреев. Не всякий человек может добиться свидания с шейхами, а без этого нельзя: в племени их слово — закон. Шмарья знал, что ему не обойтись без помощи Эдмунда.

Эдмунд был молодой еврей, работавший секретарем британской разведки Интеллидженс в Мосуле. От его родственников в Багдаде и от Сассона Шмарья узнал, что у Эдмунда есть связи с курдами и езидами. Шмарья решил привлечь его к своей работе. Но как подойти к нему? Думал-думал и решил использовать прием ошеломления. Шмарья зашел в канцелярию Интеллидженс и нашел Эдмунда — молодого краснощекого англичанина. Он спросил его тихо-тихо:

Кто-нибудь слышит наш разговор?

— Почему вы это спрашиваете? — удивился Эдмунд.

— Если нас подслушивают — это может повредить и мне и вам.

— Нас никто не слышит.

— Я из Палестины, — выпалил Шмарья. — Приехал сюда по делам самооборны и нелегальной алии, и мне нужна ваша помощь.

— Одну минуту, — секретарь гневно взглянул на него. — Вы представляете себе, где вы сейчас находитесь?

— Это я знаю, но я знаю также, кому вы помогли пробраться в Палестину, когда учились в Багдаде, — сказал Шмарья и добавил еще несколько известных ему фактов из жизни Эдмунда.

— Откуда это известно?

— Прежде чем встретиться с человеком, я собираю о нем сведения.

Эдмунд был поражен, и слова застряли у него в гор-

ле. Расчет Шмарьи оправдался. Через считанные минуты было достигнуто полное взаимопонимание, и Эдмунд вручил ему письмо к одному из шейхов-езидов.

Только спустя год первые ласточки-одиночки полетели в Палестину через Мосул.

* * *

В вагоне стоял тяжелый запах гашиша. Пассажиры дремали на своих сидениях, только араб, от которого несло гашишем, скручивал одну папиросу за другой, наполнял их ядовитыми крупинками и жадно всасывал дым. Быть может, под действием гашиша или из-за скуки ночной езды от Басры до Багдада, курильщик отправился на поиски собеседника. Почему-то ему понравились трое пассажиров, дремавших на задней скамейке. Он подсел к ним и стал приставать с расспросами: кто они, откуда, куда едут. Двое из них — светловолосые и белокожие — смотрели на него не отвечая. Будь он посообразительнее, сразу бы понял, что они его не понимают. Третий отвечал отрывисто, и в душе просил, чтобы черт побрал противного зануду. Его приставание могло привлечь внимание других.

Избавившись наконец от надоедливой араба, он вынул из корзинки питы и крутые яйца и предложил своим спутникам перекусить. При этом он выразительно намекнул, что по местному обычаю полагается вложить яйцо внутрь питы, но один из них решил почему-то есть питу и яйцо отдельно. Любой житель Ирака сразу понял бы, что перед ним европеец.

За неделю до этого в том же поезде ехали еще двое, тоже белокурые и голубоглазые. Чтобы скрыть свои светлые волосы, они с головой закутались в плащи, а их сопровождающие говорили всем любопытным, что это два глухонемых брата. Позднее таким же способом перевезли еще двоих.

И, действительно, все шестеро были глухонемыми, когда дело касалось арабского языка, но прекрасно говорили на русском, польском и иврите. Это были участ-

ники молодежного халуцианского движения в Польше, инструкторы "детей Тегерана"* , каждый из которых уже многое пережил: бегство из оккупированной гитлеровцами Польши в Россию, арест, Сибирь, изгнание из армии Андерса, мучительный тысячекилометровый путь до Каспийского моря. Теперь им предстояла еще длинная дорога до Эрец-Исраэль, но они были нелегально перевезены служащими Солель Боне из Абадана в Басру, где ими занялись сионисты-подпольщики.

Сионистское подполье в Басре делало тогда свои первые шаги. Первыми руководителями были сотрудники Солель Боне и наши солдаты. Приехавшие туда первые шлихим, встретились с местным активом и установили связь с центром движения в Багдаде. Их первым заданием было: принять нелегальных олим и переправить в столицу. Шестеро из них, одетые в польскую военную форму, переплыли в лодке контрабандиста реку Шатт-эль-Араб, затем переоделись в гражданскую одежду, и с помощью рабочих железной дороги прокрались в вагоны, минуя контроль.

Когда двое "глухонемых" сошли в Багдаде, возле них вдруг очутился крепко сложенный невысокий человек, немного небрежно одетый. "Носильщик", — подумали они. Он поднял их тяжелые чемоданы и дал знак следовать за ним. Только когда дошли до убежища, где им предстояло прятаться, выяснилось, что это Серени. В то время велись облавы на евреев-дезертиров из армии Андерса, и было рискованно пользоваться услугами носильщика-араба.

Спустя некоторое время Серени достал для них расчетные книжки и увольнительные, и все шестеро уехали в гражданском автобусе, как солдаты-отпускники.

Это были первые капли "польского" потока, который вскоре начал заливать иракское подполье.

* * *

* Дети, выходцы из Польши, оставшиеся в живых в гетто и лагерях и после длительных скитаний прибывшие в Тегеран, откуда они были доставлены в Эрец-Исраэль.

Виктор, мальчик лет девяти, открыл дверь подвала и протянул сидевшему там человеку газету на польском языке, издающуюся в Багдаде. Это было его ежедневной обязанностью. Высокий мужчина, бледный от долгого пребывания в подвале, развернул газету и кровь застучала у него в висках.

На первой странице был напечатан его портрет, а под ним сообщение крупным шрифтом, гласящее, что Эфраим Грубер, еврей, сержант армии Андерса, заочно приговаривается военным трибуналом к смертной казни за кражу оружия и дезертирство. С того дня он не выходил за пределы подвала ни на шаг.

Эфраим Грубер (в настоящее время — Дан Бен-Цви) — член организации "Хе-халуц ха-цаир" в Польше. Как и многие другие, после прихода немцев, бежал в Россию. Когда подписали соглашение о создании армии Андерса из польских беженцев, он мобилизовался одним из первых. Его воинское звание было восстановлено. Вначале еврейских солдат встретили хорошо. Но когда поляки увидели, что число евреев в армии превышает установленную норму, многих из них под разными предлогами начали демобилизовывать. Евреев строго наказывали за малейшую провинность.

Одним из способов "селекции" были также медицинские комиссии, которые браковали многих евреев "по состоянию здоровья". Только благодаря врачу-еврею капитану Перльмуттеру, который своевременно их предупредил, Эфраим и его друзья смогли избежать медкомиссии. Над еврейскими солдатами издевались и другими способами. Семьям поляков, живших в деревнях около военных лагерей, выдавалось денежное пособие, еврейские же семьи не получали ничего.

Три дивизии и в их составе тысячи евреев, были переброшены в Иран, а оттуда в Ирак.

Вскоре часть еврейских солдат армии Андерса перешла в район Киркука, где два еврейских переводчика рассказали, что в Ираке Движение сильное и даже есть "делегация" из Эрец-Исраэль.

Эфраим стал искать представителей Движения и

вскоре встретился со Сруликом Копитом. Наряду с работой в сионистском подполье Срулик также занимался делами Алии Вав*. Копит рассказал Эфраиму о своей работе и сообщил имя надежного человека в Киркуке, с которым можно держать связь. Когда Эфраим вернулся в лагерь, он уже знал, что Хагана нуждается в оружии, и помогающий ей в этом — делает доброе дело. Упражняясь со своей частью в метании гранат, он ухитрился "сэкономить" двенадцать штук и спрятать их под матрацем, чтобы переправить затем по назначению. Ему не повезло. В его отсутствии проверяли чистоту в казармах, и "клад" был открыт. Наконец-то нашлось на кого взвалить обвинение за кражи оружия и снаряжения со складов! Но прежде чем успели что-либо предпринять против него, Эфраим, одетый в штатское, уже сидел в поезде, шедшем в Багдад. Его сопровождали двое вооруженных подпольщиков, а сам он укутал лицо шарфом и мирно дремал на верхней полке.

После двухнедельного пребывания в подвале ему предстояло оставить Ирак в машине картографической части. Он добрался было до Хаббании, но в последнюю минуту поездка была отменена; Эфраим вернулся в Багдад, и Шаул Шамаш спрятал его в подвале у какой-то бедной вдовы. Виктор — мальчик, который его обслуживал, — принес ему туда газету со смертным приговором.

— О тебе заботятся, ты в надежных руках, — повторял Срулик Копит во время каждого визита.

Но избавление не приходило.

* * *

Когда дивизии Андерса были переброшены из Ирана в Ирак и заняли там около дюжины баз, в учреждении

* Репатриация 1940—1948 годов. Так называемая шестая (вав) и седьмая алия.

ях, занимающихся алией, зажегся красный свет. Среди евреев польской армии многие в свое время были членами халуцианских движений в Польше; и после всего, что им пришлось пережить, надо было сделать все возможное, чтобы их не отправили как пушечное мясо куда-то на край света. Ходили слухи, что их собираются послать на дальневосточный фронт. Необходимо было действовать незамедлительно и оперативно. Иракские сионисты-подпольщики и шлихим получили подробные именные списки надежных солдат, которых следовало "выудить" из польских частей и организовать их побег и отправку в Эрец-Исраэль.

Участившиеся случаи дезертирства не скрылись от глаз командиров и "Двуйки". Опасность еще более усилилась, когда побеги стали совершать и еврейские солдаты, которые в прошлом не были сионистами и их имена в списках не значились. Один-единственный ненадежный человек мог бы погубить все дело, и неудивительно, что старались выяснить все подробности о таком "самозванце", но не всегда это было возможно. Такая проблема возникла однажды перед Меиром Гельбардом.

В начале 1942 года Меир, член Хаганы, один из первых жителей Холона, мобилизовался в британскую армию. В чине капрала он попал, не без содействия Серени, в святая святых — генеральный штаб британских войск в Иране и Ираке, находившийся в Багдаде на западном берегу Тигра.

Меир намеренно пошел служить в это подразделение, чтобы содействовать алии и войти в контакт с евреями из Советского Союза. Когда началась операция "Ваиврах"*; он все свое время посвящал розыску кандидатов, перечисленных в списках, и организации побегов. Одетый в форму английского офицера, он имел доступ на базы польской армии, где встречался

* "Ва-иврах" (ивр.; букв. "и сбежит") — юмористическая интерпретация библейского выражения (напр., Бытие 31:21).

с нужными людьми под предлогом, что привез им привет от родных. После первого знакомства люди являлись на условленное место, а члены Движения укрывали их в тайниках.

Во время одной из "вылазок" Меир проник в польский лагерь в Хаббании, нашел нужных людей и договорился с ними о встрече. Когда он пришел в назначенное место, его ожидал неприятный сюрприз: к двум "запланированным" присоединился третий беглец — чернявый, низкорослый, по имени Артур Ландес. Он представился как сионист из Львова и умолял помочь ему добраться до Эрец-Исраэль. Не зная как быть, Меир посоветовался с Серени. Тот сам встретился с Ландесом, и убедившись в его благонадежности, дал указание включить Ландеса в число обитателей тайников и при первой возможности отправить в Палестину. Жалостливое еврейское сердце, как оказалось впоследствии, на сей раз подвело их.

Размеры дезертирства росли со дня на день. Солдаты-евреи из войск Андерса ходили по синагогам и умоляли местных евреев укрыть их и отправить в Эрец-Исраэль. Одновременно усилились и поиски беглецов. Полицейские и сыщики всех мастей рыскали вокруг еврейских домов, стучались в двери и заглядывали во все углы.

Когда польская "Двуйка" поймала несколько неорганизованных дезертиров, было решено любой ценой вывезти уцелевших. Строгий контроль, которому подвергались автобусы и грузовики, не позволял их использовать, и в голове у Шмарья родилась новая идея. Задумано — сделано. Серени, не без опасений и угрызений совести, изготовил расчетные книжки с фотографиями и коллективную увольнительную. Около дюжины дезертиров и несколько подпольщиков облачились в форму бойцов "специального подразделения" и, сев в заказанный для них автобус, уехали в "отпуск на родину". Во главе уезжавших был, конечно, сержант Шмарья Гутман.

Не успел автобус выехать за пределы шумной улицы

Рашида, как двое военных полицейских остановили его и потребовали у старшего документы.

— Йес, йес, — закивал Шмарья и предъявил коллективное отпускное удостоверение.

— А вы знаете, что провианта на дорогу мы вам не дадим?

— Йес, — рассмеялся Шмарья.

— Счастливыцы, — буркнул один из полицейских, — едут в отпуск...

Олим вели себя прекрасно, но особенно Шмарья был доволен Артуром Ландесом. Он казался ему настоящим евреем, интеллигентным и преданным. Ландес говорил на иврите, который, по его словам, он изучал в еврейском семинаре во Львове, и во время всей поездки был самым спокойным и дисциплинированным. Оказался он и самым прилежным учеником "генеральной репетиции", которую устроили для заучивания новых имен, адресов и других личных данных, вписанных в документы. Только Шаул Шамаш почему-то недолюбливал его. Глаза Ландеса казались ему хитроватыми.

— Не нравится мне этот парень, — сказал он Серени.

Шаул, который ежедневно общался с беглецами, иногда передавал записки от одного к другому. Позже он вспомнил, что Ландес не сжигал эти записки, как было приказано, а просто прятал их в карман.

Но Шмарья был доволен. Приехав в Наан, он оставил своего верного помощника ночевать у себя. На завтра олим уехали, а Шмарья отправился в санаторий "Моца" около Иерусалима.

К этому времени ему удалось переправить десятки беглецов из армии Андерса, и последний способ казался ему весьма перспективным. Да, он безусловно был доволен. Но очень скоро его покой был нарушен тревожным сообщением из Багдада.

* * *

Срулик мирно расхаживал по улице Рашида, как вдруг сзади его окликнули.

Из осторожности он даже не оглянулся, но через минуту чья-то рука опустилась на его плечо — Гельбард!

— Идем скорее. Давай быстро в лодку — и на тот берег.

— Что случилось?

— Я тебе расскажу в лодке. Скорее.

— Беги один, — шепнул ему Срулик, — зачем я тебе нужен?

— Тебя тоже ищут.

В лодке Гельбард рассказал следующее: он с несколькими приятелями сидел в польском ресторане. Вдруг дверь открылась и в ресторан зашли двое польских солдат в форме. Лицо одного из них показалось ему знакомым, но откуда — он не мог вспомнить. Поляки прошли мимо их столика; "знакомый" пристально взгляделся в Гельбарда и движением головы указал на него. Тут он вспомнил, кто это: Ландес! Гельбард моментально покинул ресторан и, внимательно осмотревшись, поспешил в квартиру доктора Розенфельда, где жил Серени. Серени не было дома, и Гельбард написал ему записку, что из Эрец-Исраэль вернулся один дезертир, и он — шпион.

— Он гонится за нами, — насилиу отдышался Гельбард.

— Я погорел, — сказал Срулик.

Сойдя на берег, Гельбард помчался к себе в лагерь уничтожить то немного, что осталось у него от Ландеса, и подготовиться к тому, что предстояло ему еще пережить.

Срулик подыскал себе укрытие.

В этот же день начались поиски шлихим и участников Движения. В первую очередь старались взять тех, кого Ландес знал лично и чьи имена выдал. В десять часов утра два "джипа" британской военной полиции подкатили к лагерю Гельбарда. Ему предложили ехать с ними; и когда он сел на заднее сиденье, то рядом с собой обнаружил ... Ландеса.

— Доброе утро, — обратился к нему провокатор.

Гельбард не ответил и с ледяным спокойствием

отвернулся от него; так и сидел во время всей поездки. При допросе он утверждал, что своего спутника совершенно не знает, видит его впервые. Сам Ландес чувствовал себя неловко, часто путался в показаниях и сам себе противоречил, так что следователи потеряли к нему доверие, но Гельбарда продолжали допрашивать. Его то пытались уговорить ласковым тоном, то подмешивали к питью дурманный препарат, рассчитывая, что под его влиянием он проболтается, то запирали его в тесную камеру, стены которой были покрыты большими фотографиями, изображающими самые разные виды пыток, — но сломить не смогли. Он продолжал настаивать на своей невинности, и утверждал, что Ландес клеветает.

В тот же день был задержан и Серени. Его допрашивали очень долго и приказали немедленно покинуть Ирак. Польская, иракская и английская тайные полиции наступали единым фронтом.

Шаул Шамаш работал в это время в британской цензуре. Он был назначен на эту должность с помощью Серени после того, как отказался от работы на железной дороге. Теперь Шаул знал из первоисточника имена всех разыскиваемых, причем первым в списке стояло имя... Шаул Шамаш. В Ираке, и в частности в Багдаде, имя Шаул Шамаш очень распространено, и никому в голову не приходило, что есть какая-то связь между учтивым работником цензуры и именем, названным Ландесом. На всякий случай Шаул перебрался из дома Сухейка на другую квартиру.

Шмарья вернулся в Багдад сразу после получения сообщения. Движение, которое уже начало давать ростки, было в большой опасности. Штат шлихим насчитывал, кроме него, еще пять человек: Эзра, Малка-радистка, Срулик, Шарик и Овадия, который только что приехал. Необходимо было тут же рассеяться. Чем быстрее они исчезнут, тем лучше. Срулику удалось вскоре выбраться на военной машине, которая должна была перевезти секретные карты в Каир.

Шарик надел форму и переехал в лагерь инженерных

войск в Басре. Позже его нелегально отправили в Дамаск на грузовике с аспидными досками, а потом — в Эрец-Исраэль. Малка улетела на самолете под видом супруги Альбера Шамаша.

А Ландес расхаживал в польской военной форме в сопровождении сыщиков и полицейских. Стоило ему ткнуть пальцем в любой из домов, как хозяина тут же волокли на допрос. Шмарья и его помощники успели подготовить людей, так что допрос их ни к чему не привел. Все сознавались, что поляки гостили в их доме — по субботам, праздникам, в Песах — как полагается. Ведь для этого они получали отпуск, не так ли? Куда потом уехали, кто за ними приезжал — об этом хозяева ничего не знали.

* * *

Ландес — провокатор, обнаруживший и выдавший организаторов бегства из армии солдат-евреев, гонялся тем временем в сопровождении сыщиков всех мастей за новыми жертвами. За ним неотрывно следили подпольщики. Часть из них считала, что его надо пристрелить или утопить в реке. Шмарья был против.

— Мы не можем позволить себе такую роскошь. Это может выдать нас.

Он решил заняться шпионом лично, своими силами.

Люди "Двуйки" ходили обычно парами. Однажды, когда напарник Ландеса задержался возле журнального киоска, а сам он остановился возле группы лоточников, один из них, торгующий разной мелочью, подошел к нему и спросил на иврите:

— Узнаешь меня?

— Нет, — поразился Ландес.

— Ты меня знаешь, — сказал Шмарья. Ты даже спал в моей комнате в Наане.

Ландес побледнел.

— Я предлагаю тебе, — продолжал Шмарья, — для твоего же блага, оставить Багдад немедленно. Иначе ты уже никогда не оставишь его!

Ландес стал шарить глазами вокруг.

— Сейчас ничего не предпринимай, — сказал Шмарья, — тридцать наших ребят стоят вокруг, если двинешься — тебе конец. А теперь купи-ка что-нибудь.

Ландес купил зажигалку, но с тех пор старался курить подальше от Багдада.

* * *

Эзра отказывался покинуть Ирак один. "Вместе приехали — вместе вернемся", — говорил он Шмарье.

Но земля горела под ногами. Они выехали из Багдада и направились в Мосул.

Это было их прощание с городом на севере Ирака.

Шмарья отрастил для маскировки грандиозные усы. Он был уверен, что его никто не сможет узнать, и эта уверенность его подвела. Шестое чувство, которое обычно подсказывало ему: стой, что-то не в порядке, — на этот раз изменило ему. Он не учел, что такие пышные усы вышли уже из моды у людей его возраста: теперь они отращивали только маленькие усики, как при турках.

Шмарья, Эзра и еще один член Движения сошли с поезда в Мосуле. Обычно, приезжая туда, Шмарья любил посидеть и потолковать с кассиром станции Сассоном. Только когда станция пустела, он направлялся в город. На этот раз они почему-то наняли пролетку и сразу влились в людской поток, направлявшийся со станции в центр города. Слишком большие усы худого человека обратили внимание сержанта полиции, стоявшего на контроле. Он приказал остановиться и обратился к Эзре:

— Удостоверение личности!

— Он оставил его в Багдаде, — поспешил ответить его спутник.

— Я не тебя спрашиваю, а его! А где твое удостоверение личности? — повернулся он к Шмарье.

— В Багдаде.

Он позвал кучера пролетки и сказал:

— Поезжай на вокзал и скажи там кассиру Сассону, что его родственник Хадури задержан. Пусть он немедленно придет.

— Не поедешь! — приказал сержант.

— Кто тебе платит — я или он? — прошипел Шмарья, и кучер поехал по назначению.

Действительно ли он поехал к Сассону? Приедет ли? А если приедет — как выйдет из положения?

Через полчаса подъехала пролетка. В ней сидел Сассон, бледный и рассерженный. Увидев Шмарью, Сассон раскрыл объятия, бросился ему на шею:

— Как твое здоровье, Хадури, мой родной? — спросил он, — что здесь хотят от тебя?

Он гневно посмотрел на сержанта.

— Я только просил у них документы, — извинялся сержант.

— А что вдруг документы? Почему человек должен всегда тащить с собой документы? Я их знаю. Отпусти их!

— Хорошо, — сказал сержант, — но я хочу знать, в какой гостинице они будут жить!

— В гостинице "Диджла", — ответили они, и для большей достоверности подъехали к этой гостинице, вошли на глазах сержанта через парадный ход, и тут же вышли через другую дверь.

Необходимо было скрыться как можно скорее.

В первую очередь пострадали великолепные усы Шмарьи, которые он сам безжалостно срезал. Потом Эдмунд, их знакомый из Интеллидженс, отвез их обоих на другой вокзал и посадил в поезд. Во время всей поездки возле их купе крутился кто-то, несомненно, — сыщик. В Багдаде они разошлись в разные стороны. На вокзале людей хватали, обыскивали. Шмарья отыскал приятеля-еврея, который работал на станции, и ходил с ним больше часа, делая вид, что помогает ему.

В полночь он был срочно вызван в дом этого приятеля.

— Когда ты ушел, — рассказал тот, — ко мне подошел станционный сыщик и стал расспрашивать, кто ты

и откуда. Я ответил, что знакомый из Мосула. Он все пытался выяснить еще подробности. Я спросил:

— В чем дело? Что сделал этот человек?

И он рассказал мне, что ищут людей из Палестины, в особенности одного, по имени Шмарья.

Значит, Ландес выдал полиции и его имя.

— Нужно решаться, — сказал Шмарья Эзре. Подполье в Ираке уже достаточно сильно и в состоянии обойтись без нас. Послезавтра ты едешь домой, а я — за тобой. Наджи вернулся домой и поехал в Ирак снова лишь через несколько месяцев. Хадури взял с собой Салмана-Шломо Сухейка, человека, которому подполье обязано своим рождением (остальные члены семьи Сухейк выехали незадолго до этого). С помощью доброго и преданного "старика" из картографического подразделения они оставили Ирак, чтобы больше туда не возвращаться.

Единственной жертвой всех этих происшествий оказался капрал Гельбард. Он был арестован и просидел десять долгих месяцев, подвергаясь многочасовым допросам и унижениям. Через некоторое время состоялся военный суд, который оправдал его. Судьи не поверили путаным показаниям Ландеса. Гельбарда освободили, но еще долго следили за ним, так что ему пришлось отказаться от какой-либо деятельности.

Однажды на одной из багдадских улиц он встретил Ландеса, но сделал вид, что не узнал его.

Спустя много лет стало известно, что провокатор живет где-то в Шотландии.

БЕГСТВО С СЕВЕРА

Шел 1943 год. Конференция объединения киббуцов "Ха-киббуц ха-меухад" в Гиват-Бреннере проходила под знаком мобилизации всех сил для спасения евреев диаспоры. В течение целого вечера делегаты слушали сообщения очевидцев об ужасах и бедствиях, поразивших Европу. Выступали двое только что прибывших беженцев из Венгрии. Затем Симха Кохэн, приехавшая из Багдада, рассказала на иврите о первых шагах движения "Хе-халуц", давшего уже первые ростки в Ираке, и о стремлении еврейской молодежи к алии. Ее слова дополнил Цизлинг*, рассказав о своем посещении активистов Движения.

За кулисами конференции встретились Энцо Серени и Лейбеле. Лейбеле (Арье) Абрамовский, член киббуца Мишмар ха-ям (впоследствии Афек) возле Акко, слыл человеком смекалистым и отчаянным. Если нужно было договориться с проводниками-контрабандистами и переправить через границу группу, лучшего специалиста, чем Лейбеле, не было. Он несколько лет работал на северной границе; работа его там была трудной и опасной, но благодаря ему сотни евреев из Сирии, Ливана и Ирака были переправлены в Эрец-Исраэль.

Семена сионизма, посеянные на берегах Тигра и Евфрата, уже дали ростки. Теперь им требовался соответствующий уход. Надо было не только укрепить корни, но и позаботиться о росте молодых побегов.

На конференции в Гиват-Бреннере нашли подходящего "садовника". Это был Иехошуа Гивони из киббуца Алоним. Узнав о том, что ему предстоит выехать в Багдад и взять на себя руководство Движением, Иехошуа недоуменно улыбнулся.

* Аарон Цизлинг — министр земледелия Израиля в 1948—1949 годах.

— Я? — спросил он. — С моим польским идишем... что я там буду делать?

— Арабский тебе не понадобится, — успокаивал его собеседник.

— Люди, с которыми ты будешь работать, знают иврит. Твоя внешность не вызовет подозрений, дорога в Ирак — не проблема. С остальными трудностями ты справишься сам на месте.

Лейбеле и Иехошуа взяли на себя выполнение задания и начали думать, как им добраться до Багдада. Как все активисты движения Алия Бет они лелеяли еще одну мечту — пробиться каким-либо образом в среднеазиатские районы Советского Союза и установить связь с евреями, бежавшими туда от нацистов. Быть может, там удастся обнаружить сионистски настроенную молодежь и побудить ее к алии. А вдруг, мечтал Лейбеле, ему повезет, и он найдет хоть кого-нибудь из уцелевших родственников. По слухам, там находились два его брата и две сестры.

Вскоре Лейбеле и Гивони вдвоем отправились в путь. Ирак в то время кишел солдатами союзных войск, и туда можно было пробраться без особых трудностей. Сотрудничество солдат еврейских частей и непрерывные передвижения войск из Эрец-Исраэль в Ирак и обратно давали возможность перебрасывать людей и материалы. Этими же каналами прибыли и наши посланцы в лагерь картографической части на западном берегу Тигра.

В тот день, в канун субботы, во всем Ираке было праздничное настроение: повсюду развевались флаги. На дороге из Фалуджи в Багдад были установлены триумфальные ворота, и народ толпился по обеим сторонам, чтобы приветствовать короля-младенца Фейсала II, который должен был прибыть из Лондона.

Двое почтенных эфенди прокладывали себе дорогу среди праздничной толпы. Их вел капрал по имени Ярдени. Незадолго до этого оба эфенди сменили военную форму на френчи и непривычные галстуки, на

головы одели сидары, а пальцы их перебирали четки. Итак, они здесь, первый шаг сделан.

После краткого периода акклиматизации каждый из них приступил к выполнению своего задания, но под другим именем. Полем деятельности "Салима" (Иехошуа) было воспитательное движение, а Моши (Лейбеле) занялся нелегальной алией.

В это же время в Багдад прибыл преемник Серени, Арье Шил (впоследствии Эшель)*. В Движении он был известен под именем Иехуда. Официально — уполномоченный Солел Боне, Арье Шил в силу своего легального статуса мог осуществлять связь между Эрец-Исраэль и подпольем и укреплять его, а также способствовать нелегальной алии, в особенности осуществляемой при помощи еврейских солдат.

Но этим путем могли воспользоваться лишь немногие.

До англичан дошло, что нарушители часто используют их ведомственные каналы, и они стали проявлять особую бдительность. На контрольных пунктах дороги Багдад-Хайфа все машины подвергались осмотру и тщательному обыску.

Нелегальная алия с севера началась еще в 1942 — 1943 года, когда в Ираке было основано движение "Хе-халуц". Когда первые шлихим посетили город Мосул, расположенный на расстоянии двух часов езды поездом от северной границы, там были установлены первые связи, и постепенно город превратился в один из важнейших пунктов на пути беженцев.

Красив Мосул, второй город Ирака по численности населения. Благодаря прекрасному климату его называют "городом двух весен". Его омывают воды реки Тигр, его целебные источники, горячие и холодные, известны во всем мире. Недаром в Движении дали ему кодовое название "Тверия". Днем на небосклоне Мосу-

* Впоследствии секретарь Моше Шарета, а затем первый консул Израиля в Австрии и посол в Канаде.

ла вырисовываются нефтяные вышки, а по ночам жители любят факелами яркого пламени на их верхушках.

Красивый город, но сложный. Близость границы и богатые источники нефти превратили его в арену оживленной деятельности шпионов, контрабандистов, спекулянтов и дельцов. И конечно, Мосул переполнен военными, таможенниками, полицейскими, сыщиками, которые ко всему присматриваются и прислушиваются.

Согласно преданию, евреи живут в Мосуле еще с тех времен, когда ассирийские и вавилонские цари изгнали их предков из Иудеи. Неподалеку от города находятся могилы двух еврейских пророков: Наби Юнус — могила пророка Ионы — в развалинах древней Ниневии и могила Нахума из Элкоша в христианской деревне аль-Куш. В праздник Суккот многие приходят помолиться у могилы Ионы; могилу Нахума принято посещать во время праздника Шавуот.

Теперь, когда алия потекла в Эрец-Исраэль и через северную границу, в Мосуле появились паломники иного типа. Поездом, машиной, на лошадях, а иногда и пешком они добирались до турецкой границы и проскальзывали между патрулями, ведомые проводниками-контрабандистами.

Первым пунктом на их пути было сирийское местечко Камышлы, расположенное возле турецкой границы. Там они переходили в надежные руки "Заки" — Ицхака Швейки. Часть их совершала переход через сирийскую пустыню Дейр-эз-Зор. Другие, используя самые различные и неожиданные маскировки, добирались до Алеппо, а оттуда в Дамаск. Затем им помогали пересечь границу Эрец-Исраэль.

Центральная комиссия по репатриации в Багдаде послала в Мосул своих активистов: Салмана (впоследствии Гидон Голани) и Иоава Катана, ставшего через много лет депутатом Кнесета под именем Мордехай Биби. При поддержке и содействии местной комиссии по репатриации они работали день и ночь, налаживали связи с проводниками, вели подготовительную работу,

пересекали по несколько раз сирийскую границу, сопровождая людей до Камышлы, а нередко и дальше. Деньги на это давали сами перебежчики, более состоятельные платили больше, чтобы помочь неимущим.

Салман, дядя братьев Хаюхамо, активистов алии, был причастен к делам контрабанды в Сирию, и как мог помогал беглецам. У него было два двора: в одном он держал лошадей и мулов, а во втором укрывал нелегальных олим, среди которых были и евреи, бежавшие из Ирана.

Отрастив бороды и усы, облачившись в одежды бедуинов, они в сопровождении проводников верхом добирались до границы. Иногда нарывались на пограничников, которые, получив свою долю, закрывали глаза. По ту сторону границы их встречал напарник Салмана.

Когда Лейбеле приехал в Ирак, он в первую очередь занялся расширением подпольного пути на севере. Контрабандисты, с которыми он обычно встречался в лодке на реке Тигр, были, конечно, заинтересованы в наживе. Среди них были и разыскиваемые преступники. Эти люди были способны ограбить беженцев, бросить их посреди дороги, выдать полиции, могли совершить и убийство. Необходимо было крепко держать их в руках, обеспечить полную их надежность даже на расстоянии.

Лейбеле долго терзался этой проблемой, пока не нашел путь к ее разрешению. Прежде всего, он не заключал никакой сделки с проводником, не убедившись заранее различными путями в его надежности и "связях" на границе. Кроме того вначале он посылал с ним небольшую группу из наиболее дерзких и смелых людей. Лишь получив сообщение о том, как прошла дорога и как вел себя контрабандист в наиболее критические и опасные моменты, Лейбеле поручал ему более крупные партии. Выезжающим было наказано не брать с собой денег или ценностей, чтобы не возбуждать соблазна у проводника.

Перед выходом проводник получал небольшую сумму в виде задатка. Доставив группу до цели, он полу-

чал от одного из ее членов, заранее никогда не зная от кого половинку монеты. Вторая половина была у Моши. После возвращения контрабандиста эти половинки монеты прикладывали одну к другой, и если они сходились, это означало, что проводник вел себя хорошо и привел всех к месту назначения. Только тогда ему выдавалась полностью вся сумма плюс "премия". Эта надбавка, на которую намекали еще во время переговоров, играла роль приманки для контрабандиста. Если он интересовался этой премией до выхода, Лейбеле ограничивался ответом: "Аля айюни в"аля раси" (на мои глаза и на мою голову), то есть — положишь на меня.

* * *

Несмотря на все меры предосторожности и тщательную проверку маршрута, отправка людей в такую дальнюю дорогу и с таким количеством посредников была опасной игрой. Те, кто шел на это, знали, какая опасность их ждет, но не отступали.

Одна группа из пяти человек была поймана в районе сирийской границы, в окрестностях Камышлы. Евреи из местной общины обратились к властям, и им удалось выкупить задержанных, которые впоследствии все же добрались до Эрец-Исраэль.

Другой группе, в которую входило одиннадцать юношей из Багдада, не повезло еще до того, как они дошли до границы. Когда их задержали пограничники, они прикинулись школьниками, ехавшими на прогулку. "Что, разве уже в этой стране запрещается ездить?" Но бороды на их щеках и груды бедуинской одежды, сваленные в углу машины, не показались полиции обязательными атрибутами для выпускных экзаменов. Они были препровождены в мосульскую тюрьму, где попали в руки следователя по имени Садик, что на иврите означает "праведник". Жестокими пытками он пытался вырвать признание: кто из них организатор, кто стоит за спинами беглецов.

Состоялся суд, и беглецов приговорили к трем месяцам тюрьмы. Только при помощи взяток удалось родителям освободить их после 42 дней заключения. Но на этом их мучения не закончились. Каждое утро они сами должны были явиться в багдадскую полицию для допроса "третьей степени". К несчастью, ими занимался Мухи ад-Дин, заместитель начальника следственного отдела. По жестокости и садистским замашкам он не уступал своему коллеге из Мосула — Садику. Юноши были буквально истерзаны, а конца допросам не было видно.

Но в это время отцу одного из них удалось добиться милости и участия высокопоставленных чиновников, и в результате Мухи ад-Дин получил указание о закрытии дела.

Попытка другой группы в составе четырех человек во главе с Узиэлем Леви также провалилась. Вместе с ними был задержан Заки.

Заки, знавший назубок почти всю границу, попадался уже не раз. Сейчас это был очередной провал. За несколько дней до этого он "заскочил" в Ирак, в городок Захо, и вместе со своими спутниками-активистами алии гостил в доме у членов маленькой местной еврейской общины. Городок Захо расположен на реке Хабур, притоке Тигра на сирийско-турецкой границе, и Заки заехал туда, чтобы выяснить, возможно ли пробить там новый путь бегства. При содействии проживающих там евреев путь этот был, правда, найден — но лишь через год, а визит едва не закончился арестом Заки.

В тот день стало известно, что где-то на севере приземлились два германских парашютиста. Евреи и без этого были в состоянии напряжения в связи с убийством лорда Мойна* в Каире. Существовало опасение, что

* Лорд Мойн, представитель британского правительства на Ближнем Востоке и член кабинета, был убит в Каире 6 ноября

и другие английские деятели взяты на прицел. Военные патрули расхаживали по дорогам и задерживали всех подозрительных.

Проливной дождь лил в ту ночь, когда машину, в которой ехали Заки и четверо беженцев, задержали недалеко от пограничного городка возле последней железнодорожной станции на территории Ирака.

В центральной тюрьме, куда их привели для продолжения допросов, царил страшный холод, было грязно и полно вшей, которые беспрепятственно ползали по телам арестантов. Заключенные как-то странно поглядывали на юношей и перешептывались. До них дошел слух, что какие-то евреи убили лорда Мойна, и они решили, что вот эти люди и совершили убийство. Не прошло и часа, как об этом узнали все в тюрьме, и неудавшиеся репатрианты стали героями тюрьмы.

После трех недель допросов их освободили благодаря связям и взяткам, но обязали ежедневно являться в багдадскую полицию. Отпустили всех, кроме Заки. На допросах Заки утверждал, что он безработный сирийский учитель и приехал в Ирак искать работу. Нашел четырех учеников, и вот... Товарищи из Движения, которые всегда заботились о заключенных, через "подмазанных" тюремщиков, вскоре взяли Заки на поруки через какого-то еврея, который понятия не имел, за кого ручается. Потом состоялся суд, заранее подготовленный, и Заки присудили к изгнанию в Сирию.

* * *

В начале Рамадана* шестеро юношей отправились по новому пути. Они доехали в автомашине до местечка Ана в верховьях Евфрата, вблизи сирийской границы, пересекли границу пешком в сопровождении провод-

1944 года двумя членами группы Лехи ("Борцы за свободу Израиля").

* Рамадан — девятый месяц мусульманского года.

ника, сели в грузовик и прибыли в Алеппо, где укрывались на чердаке, пока их не переправили в Бейрут.

С этой группой ехал молодой человек лет двадцати двух, в те дни никак не предполагавший, что ему предстоит сыграть решающую роль в исходе иракского еврейства, Мурад Каззаз, выросший в районе Муаззам новой части Багдада. Это был смешанный квартал, гнездо шовинистических настроений. Еврейская молодежь квартала научилась защищаться, применяя физическую силу; и не раз еврейских парней приводили в полицию, обвиняя в нанесении побоев арабам, если те их задевали.

Погромы Рашида Али были последним толчком, побудившим семью Каззаз и многие другие еврейские семьи оставить Ирак и переехать в Эрец-Исраэль.

Когда группа прибыла в Бейрут, к ней присоединили и других беженцев, в том числе женщин и детей. Днем и ночью шли они по направлению к границе, пока не перешли ее и не прибыли в Кфар-Гилади.

Мурад Каззаз известен теперь как Мордехай Бен-Порат, член Кнесета и крупный общественный деятель Израиля.

* * *

Алия по северной дороге текла тонкими струйками, преодолевая бесконечные препятствия. Аресты, борьба за освобождение — все это приводило к прекращению алии на длительное время.

Оживленный туризм между Ираком, Сирией и Ливаном привлек внимание деятелей алии, и было решено использовать его. Ранее этим путем уже пользовались одиночки, а иногда и целые семьи, которые официально выезжали или для "лечения" или для "отдыха" на курорты Ливана, а оттуда находили дорогу в Эрец-Исраэль. Теперь было решено открыть этот путь для сотен..

В то время было довольно просто получить заграничный паспорт, но заявления на получение паспорта,

поданные людьми небогатыми, могли вызвать подозрение и провалить все дело. Получить разрешение на въезд в Эрец-Исраэль было почти невозможно. Ворота в страну были плотно закрыты и стража следила за тем, чтобы никто не проскользнул незамеченным.

Необходимо было найти полулегальный способ переходить границу. Неоценимую услугу в этом оказал Альбер Шамаш, смелый и решительный человек, имевший связи в полиции. "Подмазав" кого надо, он подал своим "друзьям"-офицерам паспортного отдела списки с вымышленными именами, в большинстве звучавшими по-арабски, и те оформили сотни паспортов, снабдив их соответствующими подписями и печатями, и передали паспорта в руки Альбера, даже не видя "едущих на отдых" и не проверив их личных данных.

Спустя некоторое время система была усовершенствована настолько, что можно было освободить полицию от этой обязанности. Альбер приобрел значительное количество паспортов и виз. Каждый вечер он получал от одного из офицеров печати, кое-кто из своих специализировался в подделке подписей, и один из подвалов превращался на ночь в гигантский "инкубатор" поддельных паспортов.

Сотни евреев покинули Ирак такими полулегальными путями. С курортов Сирии и Ливана сотрудники Алии Бет переправляли их различными способами в страну, закрытую для них мандатными властями Палестины.

* * *

Живя в Багдаде, Моши постоянно менял квартиры. Ни один полицейский не смел задержать почтенного, хорошо одетого эфенди и интересоваться его делами. Даже контрабандисты, с которыми он встречался, толком не знали, кто этот человек, заключающий с ними такие крупные сделки. Они решили, что он — один из "королей", использующих нелегальную эмиграцию евреев для увеличения своего состояния.

В отсутствие Эзры Кадури Моши руководил Хаганой в Ираке. Продолжались тренировки в стрельбе в тайниках подвалов. Руководители составляли планы обороны еврейских кварталов.

Когда необходимость поднять уровень подготовки в Хагане и повысить боеспособность ее членов стала явной, Моши решил послать одного из местных активистов в Эрец-Исраэль, чтобы там, в палатках Палмаха, тот приобрел необходимые знания и опыт.

В один из весенних дней 1944 года, в канун субботы, в Тель-Авив приехал светловолосый парень, рослый и широкоплечий, в форме картографических частей британской армии. Он приехал в военной машине, прибывшей в колонне грузовиков под командой индийского офицера. В кармане у него был поддельный военный билет с длинным личным номером, который он вызубрил перед отъездом.

Двое солдат-евреев взяли его под свою опеку и следили, чтобы он не выходил из машины на остановках. Но и без того никто бы не заподозрил, что этот голубоглазый блондин — еврей из Ирака, пытающийся пробраться в Эрец-Исраэль.

В лагере Палмаха в киббуце Ягур появился новичок, удивленными глазами всматривающийся во все происходящее. Командир — Иосефеле Табенкин — подозвал Шмуэля Каца и, указывая на новичка, сказал: "Ты хотел учеников? Так вот, один у тебя уже есть!" Шмулик стал личным командиром-инструктором, а вскоре и другом "Исраэля Биньямини" — это имя было дано Иехезкелю. Никто из палмахников в Ягуре не знал, кто этот товарищ на самом деле.

За двадцать пять дней он прошел интенсивный курс военной подготовки Палмаха. По утрам он совершал пробежки, ежедневно увеличивая норму пробега на сто метров, изучал различные виды оружия, способы маскировки и преодоление препятствий.

С виду он был такой же палмахник, как и все; в действительности же — совершенно одинокий и чужой. Исраэль мало общался с теми, кто принадлежит этой

стране и будет воевать за нее. Глубоко в сердце хранил он свою тайну, а в канун Йом-Киппура облачился в спецовку и вернулся в Багдад под видом помощника шофера на грузовике британского военторга.

8

ПАЧКА ПИСЕМ В БАКЕ С ГОРЮЧИМ

Рано утром кто-то постучал в квартиру, где жила семья Сурани.

— Ты Морис? — спросил вошедший заспанного парня открывшего дверь.

— Я. В чем дело?

— Дауда-шофера взяли сегодня ночью в Рамади. Ты его, конечно, знаешь...

— Не знаю. Никогда этого имени не слышал, — возразил Морис, холодно вглядываясь в лицо человека... Еврей. Пожилой. Кто его сюда прислал?

— Послушай, сын мой, — сказал тот, видя настороженность Мориса, — я вчера был в Рамади и случайно услышал, что полиция арестовала Дауда. Я не мог сидеть сложа руки и вот пришел сообщить тебе. Может быть, у него нашли что-нибудь...

— Нет, нет, ничего подобного. Я не знаю никакого Дауда и ничего общего у меня с ним нет.

— Я думаю, — сказал еврей, собираясь уходить, — что свой долг выполнил.

В присутствии этого человека Морис ничем не проявил своего волнения. Но как только тот удалился, он вскочил на велосипед и поспешил к дому Бабаи.

— Дауда взяли, — сказал он Эзре Кадури.

"Дауда взяли" сообщил он через несколько минут Салиму и Моши. Арье Шила это известие застало в гостинице "Семирамида", где он жил.

Второй семинар инструкторов начался недавно. Ги-

вони все свое время отдавал работе этого семинара и постоянно недосыпал, о чем свидетельствовали мешки у него под глазами. Свет в его комнате горел круглые сутки, и воспитанники привыкли видеть его погруженным в море книг и бумаг за подготовкой к следующему рабочему дню.

Было приказано оставить дом без всякого шума. Немедленно. Одному за другим. Не привлекать внимания. Занятия были прекращены до нового указания. Не вертеться по улицам. Не собираться. Освободить карманы. Спрятать весь материал, а что невозможно — уничтожить. Исчезнуть. Затихнуть. И причиной тому была женщина...

Когда Дауду, шоферу-арабу, перевозившему в своем грузовике финики на линии Багдад-Хайфа, надоела жена и он прогнал ее и взял себе другую. Опозоренная женщина затаила злобу, пока не настал час расплаты. Когда Дауд появился в один прекрасный день у контрольно-таможенного пункта в Рамади, по дороге в Хайфу, к нему подскочили полицейские и стали тщательно проверять груз. Они заглядывали во все углы и тайники, пока не нашли то, что искали: контрабандные товары для продажи в Хайфе, которые Дауд захватил с собой. Точь в точь, как и говорила эта разгневанная женщина, которая и донесла на него.

Когда полицейские воткнули свои ножи в большой бак для горячего, они обнаружили между его двойными стенками "клад", который вовсе и не искали — завернутый и перевязанный пакет, из которого посыпались конверты с письмами и списками, брошюры на арабском языке.

Дауд отказывался дать показания, но когда у него стали рвать ногти и прижигать тело, он рассказал обо всем. "Пакет, — сказал он, — дала ему еврейская "джамбия", чтобы он передал его в Эрец-Исраэль тому-то и тому-то". Несколько крепких ударов помогли вырвать у него имена адресатов. Всех имен и фамилий Дауд не знал — остерегались и его — но помнил одного

по имени Наджи и еще другого, который дал ему пакет — Морис.

Слухи поползли по всему Рамади. На улицах, в кофейнях шептались, что поймали шофера, состоявшего на службе у сионистов. Еврей, который назавтра утром постучался в дом Мориса, был первым, давшим в Багдаде сигнал тревоги.

* * *

Морис знал, насколько велика беда. Он сам своими руками завязал пакет. Дорога казалась настолько безопасной, а курьер настолько надежным, что не побоялись вложить в пакет отчеты шлихим, написанные на иврите, но, к счастью, подписанные подпольными кличками несколько частных писем, а также брошюру на арабском языке.

Даже поверхностный просмотр брошюры мог открыть глаза полиции и властям и дать им представление о Движении, его системе и целях. Рашидские погромы и их последствия были центральной темой, которая проходила красной нитью через весь бюллетень. Там было сказано, что погромы могут возобновиться. Следовательно, для евреев на берегах Тигра и Евфрата нет будущего, но у них есть иной путь — путь репатриации в Эрец-Исраэль. Все это было написано совершенно ясно, на арабском языке.

В пакете были также личные письма деятелей Движения своим друзьям, подписанные полными именами. Отправка писем таким путем являлась нарушением правил, принятых в подполье с первых же его дней.

Над подпольем нависла опасность разгрома. Обыски, аресты, виселицы угрожали шлихим и местным активистам. Казалось, вот-вот разразится катастрофа.

Ввиду опасности положения был создан чрезвычайный комитет, во главе которого стал один из ведущих деятелей подполья по имени Чарльс. Всякая деятельность была прекращена. Все товарищи, к которым вели нити от Дауда и найденных у него писем, исчезли.

Оружие, боеприпасы и прочее снаряжение, а также документы и учебные пособия были перенесены в заброшенные подвалы — подальше от домов и мест, которые могли оказаться на подозрении. Пишущую машинку, на которой отпечатали брошюру, унесли из дома Бабаи и спрятали. Попав в руки полиции, она могла бы явиться неопровержимой уликой. Бумаги, списки, незаполненные паспорта и все, что свидетельствовало о существовании тайной "типографии" — были преданы огню. Чрезвычайный комитет возобновил связи в правительственных учреждениях и полиции и усилил бдительность.

Выследили первую жену Дауда. Та со слезами на глазах клялась, что ей было совершенно неизвестно о "важных торговых бумагах" в баках для горючего. Она хотела отомстить только Дауду, а не кому-либо другому. Если бы знала, не донесла. Бумаги находятся в полиции Рамади, где у нее есть один знакомый офицер. За тысячу динаров он сможет выкрасть эти бумаги.

Иосеф Ширази и Альбер Шамаш на такси помчались в Рамади, в двух часах от Багдада, чтобы попытаться спасти пакет. У одного там имелись влиятельные родственники, которые могли бы одолжить необходимую сумму, у второго — связи в "верхушке" полиции. Было условлено, что они могут оперировать суммой до двух тысяч динаров.

В час ночи явился посыльный и сказал, что офицер ждет их. Он просит сто динаров тут же на месте. У него есть важное сообщение. В темном углу офицер получил требуемую сумму из рук Альбера и сказал: слишком поздно, пакет уже отправили в Багдад, в штаб тайной полиции. Это он узнал. Из его слов можно было понять, что он хорошо знает, что представляют собой эти бумаги. "Вы должны отсюда немедленно исчезнуть, — добавил он, — вас ищут по всему городу".

Утром они прибыли в Багдад с пустыми руками.

В штабе полиции засучили рукава. "Клад" попался в руки и его начали расшифровывать. После получения первых результатов патрули и взводы полиции и сыска

были посланы по домам, чтобы арестовать всех тех, кто упоминался в письмах. Началась облава невиданного масштаба, но охотники вернулись без добычи. Все обыски оказались напрасными. Люди, которых искали, исчезли, будто земля их поглотила. Движение постоянно опережало полицию на один шаг.

Все тайны, мельчайшие подробности и выводы, сделанные в полиции при изучении бумаг, каждый назначенный обыск — становились известными небольшой группе руководителей Движения. Каждый вечер эта группа получала из первоисточника подробный отчет обо всем происходящем в главном центре сыскного отделения. Имя первоисточника было — Гурджи Далах.

Десять лет тому назад Далах был устроен на работу в штаб багдадского сыскного отделения Хаимом Шамашом, почтенным членом общины, занимавшим пост заместителя директора багдадского почтамта и тайного цензора корреспонденции королевского двора. Будучи принятым в правительственных кругах, Шамаш позаботился об устройстве надежного еврея в штаб, чтобы он служил "ушами" общины и принимал меры против замыслов врагов евреев. Эта его роль была известна лишь немногим, и большинство евреев относилось к нему с подозрением и неприязнью, как к прислужнику правящих властей.

Стиснув зубы, Гурджи, глотал обиды и молчал. Теперь он помогал предотвратить осуществление враждебных замыслов врагов сионистского движения.

В полиции Далах выполнял работу переводчика. Через его руки проходили все захваченные письма и документы, написанные на иврите. Он всячески старался замедлить ритм расшифровки, скрыть или исказить детали или имена, а происходящее довести до сведения чрезвычайного комитета. Каждый вечер от него узнавали, какие письма уже переведены на арабский язык, какие имена, места и темы в них упомянуты, и что будет расшифровано в ближайшие дни. На основании этих отчетов члены комитета точно знали, где завтра будут произведены обыски, какие дома надо очистить

и что предпринять, чтобы расстроить планы намеченной облавы.

* * *

Рано или поздно поиски могли коснуться также и дома Биби. Его личное имя Мурад часто упоминалось в одном из писем, и напасть на его след было только делом времени. Но прежде чем Мурад исчезнет с горизонта, нужно было позаботиться о переводе большого тайного склада, помещавшегося в одной из комнат его дома. Это была библиотека Движения, насчитывавшая к тому времени тысячи томов.

В комнате под самой крышей, где жил парень известный под именем Йоав, нашли убежище книги на иврите и переводы на другие языки. Мать его была немного удивлена, когда сын сказал, что с сегодняшнего дня она может не мыть пол в его комнате.

— Странные повадки у нынешней молодежи...

Родители, к которым приходили "чистить" дом, бывали поражены при виде оружия, которое выносилось из комнат детей. Когда Ализа, одна из "чистильщиц", сказала родителям Маргалит, что пришла спасти их, те не поняли, о чем она говорит. Ведь все бумаги дочери были сожжены прошлой ночью. Если придут полицейские — а они позднее явились — что они найдут? Только когда Ализа ушла, взяв с собой два револьвера и пачку патронов, спрятанные у них в доме, родители поняли, что действительно спасены от большой беды. Они не знали, что в те самые минуты Ализа бежала от сыщика, шедшего по ее следам.

* * *

Внешняя обстановка была ужасной, но кроме того, беда грозила изнутри.

Родители были на грани истерики. Дети исчезали, не оставляя следов. Полиция начала задерживать братьев, родителей, родственников. Их мучили допросами и

пытками. Никто не давал им ни малейшего намека на то, где находятся их дети и что можно для них сделать. Родители, правда, знали, что молодежь собиралась и знакомилась с сионизмом, но не представляли себе, что опасность настолько велика — вся багдадская полиция была на ногах.

Когда материалы о деле были опубликованы в газетах, появилась опасность паники среди членов и даже руководителей еврейской общины и страх, что эти запрещенные игры безответственных молодых людей могут привести евреев Ирака к краю пропасти.

Чрезвычайный комитет предвидел это и нашел путь к сердцам и разуму большинства членов совета общины. Секретарь общины был все время в курсе дела, а перепуганным родителям объяснили, что чем меньше они будут вмешиваться, тем больше пользы принесут своим детям.

Тем временем делалось все для переправки через границу всех замешанных в деле. Несколько человек, пойманных полицией, были освобождены при помощи взяток, другие скрывались по разным углам, часто меняя свои убежища. В доме Чарльса — в одной из уважаемых и почтенных семей общины, где часто гостили евреи и неевреи, — в течение двадцати одного дня прятались семеро юношей.

Членов чрезвычайного комитета мучили сомнения: оставить шлихим на месте или немедленно их отправить? Корабль на мели, а они капитаны. Вправе ли они покинуть корабль в такой ответственный момент? Они здесь — злоумышленники, прокравшиеся в чужую страну. Таким — петля на шею. Последний довод взял верх, и Гивони отправился в лагерь "Старика", старшего сержанта Вундермана, надел военную форму и вскоре был дома.

Моши пробрался в Иран, откуда намеревался найти пути в азиатские районы Советского Союза, но из-за болезни ему пришлось вернуться домой. Наджи выехал из Ирака лишь через два месяца. Арье Шил, пользуясь

своим официальным положением, помогал преодолеть кризис.

* * *

В три часа ночи под покровом темноты из Багдада выехала одинокая автомашина. Она шла в сторону аэродрома в Хаббании. Кроме двух сопровождающих в ней сидели две молодые пары. Губы дам были ярко накрашены, в ушах сверкали серьги, на руках — браслеты. Молодые женщины были одеты в красивые платья. Мужчины, втиснутые в нарядные костюмы, с аккуратно причесанными шевелюрами, походили на зажиточных дельцов, выехавших по делам. В кармане у каждого лежал клад дорожке золота: заграничный паспорт с правом въезда в Эрец-Исраэль для них и их жен, оформленный по всем правилам.

Они были готовы к выезду уже три дня тому назад. Нашлись два еврея, которые согласились уступить им свои визы. Виолетт и Морис, Элен и Шмуэль стали "молодоженами" и выучили свои новые имена. Паспорта и визы тоже были подготовлены по старой системе, хотя на сей раз сделать это было гораздо труднее, так как подпольная "типография" была ликвидирована, а все бланки сожжены. Пришлось найти двух отчаянных смельчаков, которые украли их в полиции.

Багдадский аэродром был слишком опасным. Решили вылететь с аэродрома в Хаббании, которым управляли англичане. Этим аэродромом пользовались военные и V. I. P. — "особо важные лица". Вылет с него был возможен только по особому разрешению. Оно также было получено.

Несмотря на опасность, товарищи устроили прощальную встречу. Собрались в доме Чарльса. Подали угощение, произнесли тосты в честь уезжающих, но вдруг с аэродрома сообщили, что в самолете, вылетающем завтра утром, свободных мест нет. И все-таки решили попробовать.

Внезапно возле них остановился патруль. "Морис,

как быть?" Медленно, спокойно перешли улицу Рашида. Пустой дом. Тревожная ночь. Ожидание. И вот — новые лица, новые имена. Документы. Пустой мост Фалуджи, и дремлющая стража. Окошко кассы.

— Есть места?

— Да, для одной пары.

— А для двух пар?

— Пока неясно. Когда самолет будет ближе, мы свяжемся и выясним.

Пять минут до посадки.

— Не знаю, увидим, когда самолет сядет.

Две минуты до посадки.

— Нельзя ли оставить багаж и полететь вчетвером?

— Все в порядке, есть места для четверых. Быстро взвесить багаж, закончить с документами.

Гидроплан, прилетевший из Индии, опустился на озеро только на несколько минут: снять груз, принять пассажиров и подняться. В самую последнюю минуту четверо беглецов прошли контроль и поднялись по трапу.

Иракские офицеры, сидевшие рядом, смотрели на них с удивлением. Станные какие-то. Молчат. Не разговаривают. Не улыбаются. Вдруг заподозрят неладное и потребуют вернуть самолет? Может быть, сообщат английским властям на Мертвом море, где гидроплан опускается?

Мертвое море, Калия. Самолет останавливается. Два парня и две девушки прибыли в Палестину.

* * *

Вслед за Морисом, Виолетт, Шмуэлем и Элен уехало еще около двенадцати активистов, к которым вели нити допросов. Когда их заочно приговорили к различным срокам заключения, они были уже за пределами Ирака. Все остальные усилили конспирацию в ожидании лучших времен.

Руководители подполья усилили нажим на Дауда Салмана, одного из старейшин еврейской общины, а

тот в свою очередь обработал своего приятеля мистера Грейса — британского советника в министерстве внутренних дел. Слово Грейса было в то время решающим, и полиция получила указание прекратить допросы и обыски и не возбуждать никакого дела в связи с происшествием. Наступило затишье.

9

“ТИННОСАР” И “КИНЕРЕТ”

Присвоение еврейского имени, что прежде делалось по желанию, стало обязательным после захвата пачки писем в баке для горючего. Впоследствии подпольные клички стали для членов Движения настоящими именами, а о прочих даже близкие друзья давно забыли.

Несколько месяцев длился период затишья. Но буря пронеслась, и подполье вновь подняло голову. Движение расширилось, проникло в новые общественные слои, охватило всю страну, у него появились филиалы, в значительной степени самостоятельные, но связанные с центром. Движение созвало свою вторую конференцию; выбрало совет и центральный комитет, и все больше людей стекалось в его ряды.

Произошла большая перемена и в отношении еврейского населения к подполью. Прежде родители стремились удержать своих детей от “игры с огнем” всеми силами, теперь, хотя они и не выражали вслух своих симпатий, перестали ставить палки в колеса. Стало ясно, что это не случайная и не ненужная погоня за приключениями и опасностями. Противоречивыми были мысли и чувства родителей. Они знали, что дети их стремятся к осуществлению мечты об избавлении, к идеалам, привитым воспитанием, но в то же время, терзались тревогой. Все же они признавали, что дети их стали

взрослыми и полны решимости побороть грозящие им опасности.

Движение проникло в каждый дом, в каждую семью. Достаточно было одному члену семьи войти в подполье, и весь дом проникался его духом. Еврейская община в целом превратилась в одно большое Движение.

* * *

Три семинара, в работе которых участвовали солдаты еврейских частей, выпустили инструкторов, хорошо информированных обо всем, что касалось Эрец-Исраэль: сионизм, география Палестины, социализм и все с этим связанное. Они были распределены по различным филиалам и отчасти заменили старую гвардию, представители которой уже уехали в Эрец-Исраэль или занялись другими ответственными делами. Образовался широкий круг инструкторов — около пятидесяти человек. Совещания, происходившие каждую субботу по вечерам, превратились в настоящий форум с обменом мнениями, дискуссиями и спорами. Но проблема безопасности не забывалась ни на минуту. Поэтому шли-хим стали встречаться только с руководителями, строго придерживаясь принципа, что остальные не должны знать ни о них самих, ни их адресов.

Каждый инструктор был ответственен за несколько групп. Каждая группа собиралась дважды в неделю. Из числа инструкторов выбирали людей в комиссии, ведавшие как текущей работой, так и особыми заданиями. Каждая комиссия была оперативным штабом в полном смысле этого слова. Стоит вспомнить хотя бы комиссию по репатриации. Члены этой комиссии доставляли деньги, договаривались с проводниками, подбирали кандидатов, забирали их из дома, нередко вопреки воле родителей и без их ведома; привозили в город на место сбора, размещали по домам, обеспечивали соответствующей одеждой, обучали правилам поведения. Потом выводили из тайников, передавали проводникам, часто для верности лично сопровождали ка-

кую-то часть пути. Если группу задерживали, они старались установить связь с арестованными, доставить им все необходимое, а если возможно, добраться через третье лицо и до судьи и за соответствующее вознаграждение сговориться о легком приговоре. Члены комиссии по репатриации несли ответственность за здоровье и жизнь десятков и сотен людей. Организовали свое "сыскное отделение", в задачи которого входило установить надежность каждого "проводника", прежде чем вступать с ним в переговоры.

Редакционная комиссия выпускала еженедельный информационный бюллетень о событиях в Эрец-Исраэль и Движении вначале на арабском языке, а потом на иврите. Выпускались пространные подпольные брошюры, воззвания и инструкции. Для этого была создана целая "типография" — пишущие машинки на арабском языке и на иврите, запасы бумаги, восковые "стенсели", копировальная машинка, а затем и настоящий печатный станок.

Каждая страница, каждая инструкция имели свой порядковый номер. Прочитав, читатели обязаны были вернуть весь материал в редакцию, где его сжигали, чтобы не оставить следа. Существовала также солидная библиотека на иврите. Некоторое время она находилась в комнате Мордехая Биби. И надо же было случиться, что в дом забрался вор, явились полицейские и стали ходить из комнаты в комнату. Они намеревались, конечно, осмотреть комнату с библиотекой. Если бы это случилось, пришел бы конец не только самой библиотеке, но и всей семье Биби, да и многим другим. Спасла находчивость сестры Мордехая и ее подруги. Обе они стали скромно перед входом в комнату, и полицейские из вежливости и уважения не зашли в "женскую половину".

Теперь необходимо было перевести библиотеку в другое место, что было очень сложной и рискованной операцией, которую только невежество полицейских спасло от провала.

* * *

Переворот, происшедший среди еврейской молодежи Ирака, в корне изменил весь их образ жизни. Свое пребывание в Ираке они стали рассматривать как временное явление. Они запустили или вовсе оставили учебу, избегали обосновываться — открывать какое либо дело. Они предпочитали выждать до алии (готовность эмигрировать в Эрец-Исраэль была первым условием при вступлении в подполье). Откроется новая страница жизни, и тогда можно будет думать о новых делах.

Изменились отношения между людьми. Теперь уже классовые различия не играли большой роли, ценить человека стали не за богатство или благородное происхождение, а за его дела. Встречи между парнями и девушками, их совместная работа устранили вековые перегородки и создали новые отношения, построенные на взаимном уважении. Со временем стали появляться первые стыдливые "парочки".

Дети торговцев, чиновников, людей свободных профессий видели в физическом труде основу основ своего будущего существования. Если труд прежде считался уделом бедноты, то теперь каждый член Движения знал, что в Эрец-Исраэль он будет добывать хлеб в поте лица своего. И еще будучи в Ираке, они начинали заниматься сельским хозяйством: обрабатывали маленькие участки земли возле дома.

Идея сплоченности вокруг какой-либо идеи в принципе была чужда иракскому обществу. Не было никаких молодежных движений или организаций — существовало лишь коммунистическое подполье, и были полувоенные кружки нацистского толка. Встречи происходили обычно в кругу семьи. Кого это не удовлетворяло, шел в кофейни или игорные дома. Теперь же, когда появилось новое течение, еврейская молодежь потянулась к нему. Участие в организации заполняло часы досуга, дни и ночи, стало жизненной необходимостью.

"Хе-халуц ха-цаир" приобрел две лодки. Одну называли "Гинносар", вторую — "Кинерет". Длинными летними вечерами по субботам и праздникам обе лодки

плыли по реке Тигр в сторону Джезире — островка посреди воды, который показывался из воды только в часы отлива. На этих лодках и на острове проводились занятия, слышались песни на иврите, рождались мечты. Члены комиссии по безопасности озабоченно морщили лбы всякий раз, когда лодки отправлялись в плавание: сумеет ли молодежь вести себя достаточно осторожно?

* * *

В гостинице "Семирамида", в номере, предназначенном для сотрудников Солел Боне, сменились жильцы. Арье Шил вернулся в Эрец-Исраэль, а спустя несколько месяцев прибыл Меир Шланек (Шилон), чтобы заменить его на этом официально-подпольном посту.

Меир не был новичком в Багдаде. Впервые он приезжал сюда в 1929 году и в течение двух лет преподавал иврит в школе "Шахмон". То были последние годы легального сионизма в Ираке, когда изучение иврита, деятельность в пользу Эрец-Исраэль и Керен-Каемер были еще возможны. К тому времени относится и деятельность общества "Ахизвер", члены которого — ученики Меира — были первыми, кто уехал в Эрец-Исраэль.

Меир приехал в Багдад в начале 1945 года. Ведал делами работников Солел Боне, которые постоянно ездили в Эрец-Исраэль и обратно к нефтяным вышкам в Абадане и Бахрейне. Правда, это делалось только для вида, но требовало много труда и времени. Тем не менее, Меир всегда находил возможность успешно выполнять свое основное задание: связь подполья с Эрец-Исраэль. Он поддерживал контакт с руководителями еврейской общины, которые помогали устранять всякие препятствия и трудности, мешавшие Движению.

Официальное положение и слежка не позволяли Меиру расширить знакомства в пределах подполья. Те немногие, которые знали его и его настоящее задание, дали ему прозвище "Шейх Исхак".

Воспитанников семинара, которыми он руководил,

Меир предпочитал обучать песням и танцам. Вечеринки и банкеты он тоже считал воспитательным фактором.

Благодаря своим дипломатическим способностям, а также щедро раздаваемым взяткам, Меир завязал связи с офицерами полиции и представителями властей — и при необходимости использовал их в интересах подполья. С его помощью было сделано несколько попыток установления деловых контактов между Солел Боне и местными торговцами и промышленниками.

В одной из этих попыток принял участие Амос Ландман, член правления Солел Боне, прибывший в Ирак. Меир и Амос должны были встретиться с двумя крупными купцами-компаньонами — евреем и арабом, чтобы обсудить возможности основания в Ираке арабо-еврейского филиала Солел Боне. Их приветливо приняли в роскошном особняке купца-еврея. Это был высокий широкоплечий красавец, и им показалось, что они говорят с еврейским принцем-великаном. Но вот в комнату вошел араб, и еврей изменился до неузнаваемости. Араб был низкого роста, рядом с евреем он казался просто кузнечиком, но вся гордость и стройность еврея исчезли, самоуверенность улетучилась, он весь как-то сник. Он с опаской прислушивался к каждому слову араба, боясь чем-то не угодить ему. Это было наглядным примером: еврей на чужбине, как бы он велик не был, всегда меньше любого гоя.

Когда араб вытащил папиросу, и у него не оказалось спичек, еврей начал быстро шарить по карманам и поспешил уголдливо поднести ему зажигалку, а когда та не сработала, подбежал к столу, нервно искал по ящикам, открывая и закрывая их, бегал по комнате, как неудачливый лакей, вызвал слуг, накричал на них и приказал немедленно принести огонь уважаемому патрону. Сердце болело у гостей при виде еврейского принца, пресмыкающегося перед арабом.

— Теперь, — сказал Амос, — когда они вышли, — я понял настоящий смысл слова "галут" (чужбина).

* * *

Четверо еврейских юношей объявили себя "гневной молодежью Киркука". Они распространяли рукописные воззвания в синагогах, еврейских кофейнях, призывали молодежь общины обзавестись оружием, никому не уступать, отвечать ударом на удар. Еще одно требование, и с ним они дошли до самого председателя общины, — заново открыть школу "Альянс". Когда началась война, эту школу закрыли, и еврейские дети вынуждены были продолжать учебу в правительственных школах, а там все еврейское забывалось, и нередко соученики-неевреи встречали их палками и камнями.

Были времена, когда евреи севера Ирака поддерживали добрососедские отношения с представителями других меньшинств, жившими по соседству. Турки, курды и другие народности тоже подвергались гонениям со стороны властей и арабского большинства и считали евреев товарищами по несчастью. Прежние мирные, а порою и дружеские отношения сохранились и теперь между старым поколением и евреями. Но среди нееврейской молодежи произошли резкие изменения: сказалось влияние иерусалимского муфтия и нацистской Германии. Теперь еврейские дети часто возвращались домой избитые.

Видя это, четверо парней объединились и решили: так дальше невозможно, необходимо сейчас же принять решительные меры для самозащиты, нужно возобновить занятия в еврейской школе "Альянс".

— А деньги для открытия есть? — спрашивали руководители еврейской общины. — Все источники доходов у нас закрыты.

И на это был у парней ответ: письменные угрозы под дверью каждого богача-еврея. Требуемое пожертвование — сто динаров с каждого для спасения еврейского воспитания.

Пройдет два года, прежде чем они смогут осуществить задуманное. Но тем временем им удастся привлечь еще группу учащихся.

После погромов Рашида Али, когда в Киркуке были созданы первые ячейки Движения, их не хотели

принимать: дети, мол, не годятся, у нас все взрослые. Спустя год, когда ячейки разрослись и окрепли, "гневная молодежь" стала динамичной и активной, а вскоре и самой многочисленной группой самообороны. Эта группа не отказалась от своего первоначального замысла открыть школу. В 1945 году эти усилия увенчались успехом. Были собраны деньги, школу открыли и еврейские дети вновь стали в ней учиться. Первые пять учителей тоже были из круга той молодежи. Они вызвались преподавать без всякой зарплаты, и вознаграждением им были успехи учеников, которые впитали сионизм в огромных дозах. Это были еще дети, но они уже научились хранить тайну и ловко скрывали нелегальные занятия от инспекторов министерства просвещения, взявших эту школу под подозрение.

Когда в Центре приняли решение "штурмовать" остальные города севера, то отправным пунктом стал Киркук. Местные активисты вместе с представителями Багдада посетили и Эрбиль, население которого славилось веселым нравом и общительностью. В подполье эрбильский филиал был назван "Алоним", а Киркуку дали название "Мекорот" (источники), намекая на источники нефти в его окрестностях.

Затем настал черед Сулеймании и Халабджи, расположенных у отрогов гор Курдистана. Еврейское население Сулеймании насчитывало тогда 2500 человек, а Халабджи — несколько сотен. Евреи края были очень религиозны, придерживались обычаев старины, строго следили за дочерьми, которые должны были скрывать лица под вуалью и не иметь никаких контактов с мужчинами. Их разговорным языком был "джабли" — смесь древнеарамейского с турецким, курдским и другими наречиями. Чтобы говорить с ними, требовался переводчик. К тому же они были объединены в роды, и часто один род от другого отделяла целая пропасть.

Такая же пропасть разделяла две еврейские общины Сулеймании. Одна жила здесь с давних времен, вторая — недавно: то были выходцы из Карадага (черной горы), пришедшие сюда после того, как сильное земле-

трясение разрушило их местечко. Отношения между обеими общинами были враждебными: каждая имела свою синагогу, своего раввина и своего резника. Именно от этой вражды отталкивался Шнеур, член группы "гневная молодежь" из Киркука, когда он приступил к организации местного филиала Движения.

Ему удалось убедить молодежь обеих общин в необходимости единого фронта, и он даже добился от них согласия делать то, на что их родители наверняка бы не согласились. Когда речь зашла о привлечении в организацию местных девушек — казалось, что перед ними непреодолимая гора. Как можно думать о совместных занятиях, когда парням вообще запрещено смотреть на девушек?

Но и это препятствие осилили. Пусть каждый уговорит свою сестру.

Почин сделал секретарь филиала Цви — он привел свою сестру, а та привела еще подружку и еще подружку. Шнеур опасался, что родители устроят ему расправу, но сионистская идея уже настолько захватила всю общину, что ему простили это дерзкое нарушение всех устоев.

Сулеймания получила условное название "Серени". Была завоевана и Халабджа ("Тель-Хай"), а за ней Туз-Хурматли ("Маоз"), Кифри ("Мисгав-ам"), Ханакин ("Ханита"). Люди, которые ведали северными филиалами — Шнеур из Киркука, Иоэль из Багдада, а затем и Гиора, тряслись по разъезженным дорогам с чемоданами, набитыми материалами: коробочками для пожертвований в пользу Керен-Каемета, брошюрами и листовками. Их появление в местечках было само по себе сенсацией, вся община знала о приезде.

Вслед за Мосулом ("Тверия"), через который лежал путь нелегальных олим, переправляемых из Сирии в Эрец-Исраэль, весь север становился оживленным центром алии.

* * *

Все претензии севера к Центру в Багдаде ("Тель-Авив") не могли сравниться с жалобами Басры ("Хайфа") на юге. Молодежь Басры росла и воспитывалась в городе нефти, деловых людей и военных. Они не допустят, чтобы Багдад командовал ими. В городе живет около десяти тысяч евреев — огромный потенциал для Движения и Хаганы, и нет никакого оправдания тому, что в Багдаде есть представитель из Эрец-Исраэль, а у них нет. Настаивали и не уступали до тех пор, пока к ним не послали человека, а когда тот прибыл, его держали за обе руки и не выпускали. Дело дошло до разрыва между ними и Центром.

Причиной этого разрыва были не жители Басры и не Центр в Багдаде. Причиной тому была безрассудная борьба между различными течениями и группировками в Эрец-Исраэль. Впервые до Ирака донеслись смутные отголоски этой борьбы. Впервые несколько потускнел романтический ореол над Эрец-Исраэль.

Сыр-бор загорелся в связи с прибытием одного молодого парня: деловитого, способного, общительного и красивого, по имени Исраэль (Курт) Герц. Курту, члену киббуца Эй-н-Шемер, было предложено ехать в Ирак, но при одном условии, что он будет выступать там от всего движения "Хе-халуц", а не как представитель своей группировки "Ха-шомер ха-цаир". Он, правда, и не думал вести пропаганду идей "Ха-шомер ха-цаир", но вовсе не собирался скрывать своей принадлежности и принадлежности своего киббуца к этому движению. Ведь точно также поступали и другие посланцы, члены движения "Ха-киббуц ха-меухад".

Действительно, большинство шлихим состояло членами "Ха-киббуц ха-меухад", что было не случайным явлением. В сущности, это движение явилось инициатором работы среди евреев Востока. Спасение и исход этого еврейства были одной из основных идеологических и практических мероприятий и целей "Ха-киббуц ха-меухад". Киббуцы этой группировки были почти единственными, кто открыл двери для евреев Востока в то время, как в "Ха-киббуц ха-арци" и "Хевер ха-

квучот” отличались некоторой избирательностью.

Никто из посланцев не занимался вербовкой или агитацией в пользу своей группировки. Их воспитанники не были осведомлены о разногласиях и внутренних раздорах в Эрец-Исраэль. Но естественно, чувствовали себя более близкими к киббуцам, из которых приехали их руководители. Первые адреса, по которым они обращались по прибытии в страну, были, конечно, эти киббуцы.

Поэтому, когда Курт настаивал, что работать в Ираке он будет от имени всего ”Хе-халуц”, но как представитель своего движения ”Ха-шомер ха-цаир”, у деятелей Мосада возникло опасение, что это может привести к расколу подполья. Решили Курта в Ирак не посылать.

Курт же решил иначе. Он поехал в Ирак сам и был направлен в Басру.

Там он встретил преданных людей, готовых помочь, нашел с ними общий язык. Работали дружно и успели сделать немало. На берегах Шатт-эль-Араба царила полнейшая идиллия, пока не грянул гром.

Курту из Центра был прислан приказ немедленно покинуть город для блага движения ”Хе-халуц” в Ираке. Евреи Басры были возмущены. Они не отпустят Курта! Да, единство Движения надо беречь, и всякий раскол губителен, но разве Курт призывал к расколу?! Несмотря на все усилия, их не удалось убедить. И Курт еще несколько месяцев оставался в Басре, но оторванность и отсутствие помощи сильно тяготили его. Он вернулся в Эрец-Исраэль, увозя с собой воспоминания о своей работе и любовь евреев Басры, искренне сожалевших о его отъезде.

Все происшедшее навело многих на грустные размышления и явилось для всех сильнейшим моральным ударом.

Басра еще долго таила обиду, но в конце концов примирилась с положением. Ее жители стали вновь помогать открывать филиалы в близлежащих местечках: Насирия (”Ур-Касхим”), Амара (”Амир”) и Калъат Салих (”Тират-Цви”). Всего в Ираке насчитывалось к

этому времени двадцать три отделения. В работе каждого из них участвовали десятки потенциальных олим, которые не переставали стучаться в дверь комиссии по репатриации.

10

ДЕСЯТЬ БЕГЛЕЦОВ ИЗ ЛАГЕРЯ АТЛИТ

Садик, офицер из следственного отделения Мосульской полиции, потирал руки: вновь к нему попал еврейский парень, уже однажды пытавшийся пробраться через сирийскую границу...

На теле Сассона Цемаха появились новые шрамы. Однако ни пинки, ни избиения бамбуковой палкой не могли вырвать у него, как и у десяти остальных, ни единого слова о тех, кто готовил их побег.

Тайно отправить письмо родителям? Нет, Сассон этого не сделает. Ведь они уже получили его письмо якобы из Эрец-Исраэль о том, что он и его брат Яков, пойманный вместе с ним, прибыли благополучно на место. Сассон сделал это ради матери. Когда его арестовали в первый раз, от переживаний мать заболела, и он не мог снова причинить ей такое горе.

В соответствии со статьей 178 законов "чрезвычайного времени" опасные бунтовщики были приговорены к году каторжных работ. Сассону, как революционеру со стажем, дали пять лет.

Юношей держали в мосульской тюрьме, где они с утра до вечера должны были чистить отхожие места, утопая по шею в навозе и выгребая его голыми руками. Казалось, этому кошмару не будет конца.

Прошли три недели, и вдруг однажды ворота тюрьмы раскрылись и впустили отца Сассона. Тюремщики стали вызывать заключенных по именам, и через счи-

танные минуты все они оказались за стенами тюрьмы на пути в Багдад.

Отцу Сассона пришлось дорого заплатить за освобождение сына: пять тысяч динаров — взятка по всем инстанциям, причем львиную долю получил окружной судья, который вел дело. Отец Сассона настиг его, когда тот уже ехал на своей машине в отпуск; там же на месте судья и подписал приказ об освобождении. Кроме того, в полиции ему пришлось дать за них поручительство на три года, что тоже обошлось в пять тысяч динаров.

Тем временем старшего брата Сассона взяли по дороге из Сирии в Эрец-Исраэль. Но его удалось освободить, и он находился уже в киббуце Наан. Когда брат благополучно прибыл на место, Сассон дал знать об этом родителям. И тогда больная мать решила, что в Ираке ей больше нечего делать, надо перебираться к детям. Она облачилась в абаю, закрыла лицо чадрой и в Дамаске села в поезд, отправлявшийся в Хайфу. Ее поймали и двадцать четыре часа допрашивали в полиции. Все это время она упорно отказывалась снять чадру: правоверной мусульманке это запрещается. Ее освободили и отправили обратно в Дамаск. Спустя два дня она снова села в поезд и на этот раз благополучно прибыла в Хайфу.

* * *

В начале 1945 года в Ираке появился новый специалист (новый в Ираке, но с большим стажем работы по специальности) по прокладыванию путей нелегальной алии. Настоящая фамилия его была Иехошуа Рабинович (Бахарав) из киббуца "Гинносар". В Мосаде его знали под именем Бен-Нун, в подполье же его звали Иехезкель, по-местному Хезкель. Он встречался и заключал сделки с десятками контрабандистов, и каждый знал его под другим именем.

Все больше людей требовало отправить их в Эрец-Исраэль. Сотни членов Движения и их родные ждали

очереди. Целые семьи торопили и спрашивали: "Когда? Сколько можно ждать? Ивритом овладели, столько учились, строили планы, готовились начать новую жизнь. И все задерживается. Что будет дальше? Кто может быть уверен, что мы вообще когда-нибудь попадем в Эрец-Исраэль?"

Каждая новая группа, которой удавалось добраться до Эрец-Исраэль, вселяла надежду, а каждая задержанная, арестованная или возвращенная группа вызывала отчаянье и чувство беспомощности.

Даже если находили новый путь, никто не знал, надолго ли. Каждый арест увеличивал подозрение властей и контроль на дорогах. Если бы обнаружили, что за всеми этими побегами стоит единая организация, охватывающая всю страну, работе подполья пришел бы конец.

Не следует забывать, что в то время полиция Ирака сотрудничала с тайной британской полицией: обе были заинтересованы в прекращении алии.

Изменилась и политическая ситуация. Мировая война закончилась, войска постепенно начали уходить. Сирия и Ливан получили независимость, и их границы стали закрыты — все это затрудняло нелегальную алию. Велись поиски новых путей и возможностей.

Иехезкель всячески старался расширить путь на севере. Этим делом занялся Мордехай Биби. Одна за другой выходили группы из Мосула, тайком перебирались через границу в районе Камышлы, шли через пустыню или поездом добирались до Дамаска или Бейрута. Вскоре нашли возможность миновать Камышлы и прямо направлялись в Алеппо или Дамаск. Еще один маршрут начинался в местечке Захо, у границы между Ираком, Сирией и Турцией.

Евреи, жители местечка, и контрабандисты по ту сторону границы помогали беглецам. Был еще один отправной пункт — городок Ана на реке Евфрат. Арабы и бедуины, проживающие поблизости, содействовали переходу через границу и неплохо на этом зарабатывали.

Для побегов использовали и военный транспорт.

Иногда беглецов перевозили в грузовиках между двумя рядами ящиков. Их буквально втискивали в узкую щель между этими ящиками. Только по ночам они могли дышать свежим воздухом. Поездка продолжалась трое суток. Люди задыхались от жары под брезентом, в кузове страшно трясло и они страдали, кроме того, от голода и жажды.

Небольшие группы нелегально переправлялись на машинах англо-иракской нефтяной компании при содействии шоферов-армян, иранцев и арабов. Один из высших офицеров американской армии, расквартированной в Иране, вдруг стал проявлять интерес к багдадским синагогам. Он пытался завязать беседу с евреями, но те держались в стороне, боясь неприятностей.

Исхезкель занялся расследованием. Оказалось, что этот офицер — американский еврей Вильям Бронфман. Поехали к нему в Ирак, в Хорремшехр и установили деловые отношения. Бронфман обещал использовать свои связи в британской, индийской и австралийской армиях для организации переправки людей в Эрец-Исраэль.

Через несколько дней "Брони" сообщил по телефону, что индийское подразделение переводится в Хайфу, а командир — его приятель. Двадцать пять парней затесались в это подразделение и вместе с ним приехали в Эрец-Исраэль.

* * *

— Андак! (Стой!).

Лязганье затворов со стороны, откуда раздался крик. В ответ — лязганье ружей трех проводников.

Три всадника соскользнули с коней и прижались к земле. Эфраим, лежавший сзади, у ног своего коня, сжал рукоятку своего револьвера в кармане. Будь что будет — конная полиция или разбойники пустыни — без борьбы не сдастся.

Но ни одного выстрела не последовало. Контрабан-

дист, ехавший первым, прокричал в темноту пароль, и в ответ послышались возгласы приветя. Союз контрабандистов: одни шли сюда с гашишем и прочими наркотиками, другие туда — с евреями.

В Камышлы их разделили на пары и спрятали в домах. Эфраим — из "гневной молодежи" Киркука и его приятель Ахрам были помещены вместе. Они очень подружились с маленькой дочкой хозяев, вели задушевные беседы с хозяевами о городке и его населении. В четверг, в канун Иом Киппура, когда они одни были дома, вдруг вбежала девочка с криком: "Бегите, полиция идет!"

Что делать? Камышлы — небольшой город, где можно смешаться с толпой и незаметно скрыться. Вспомнили, что хозяева рассказывали об армянах, живущих в местечке и об их одежде: штаны цвета хаки, синяя рубашка, сандалии. Нашли у хозяина брюки цвета хаки и сандалии, синие рубашки у них были. Переодевшись вышли из дому.

А на улице — шум и переполох. Полицейские ходят из дома в дом, а за ними хвост детей, подростков и разных бездельников. Приятели присоединившись к толпе, шумели вместе со всеми. Только двое из группы попались.

Утром Мордехай Биби попросил всех отдать кольца, часы, ценности и деньги — это нужно для выкупа задержанных. Все собрали, но подкупить полицию не удалось.

Задержанные остались в тюрьме в Камышлы. Их приговорили к году тюремного заключения и изгнанию в Ирак. А по возвращении их снова судили.

Остальные дождались исхода Иом-Киппур и отправились дальше. Прибыли в Алеппо, а оттуда автобусами и такси доехали до Бейрута.

Прошло шесть дней. В четыре часа дня в центре ливанской столицы, вблизи рынка, остановился желтый автобус. Один за другим в автобус садились люди, прибывшие из Сирии и Ливана, женщины и дети. Распрощавшись с Биби, они выехали в сторону заставы Ади-

са в сопровождении ливанского гида. Миновали заставу, продолжали путь пешком — пока еще по ливанской территории. Спустя час они уже карабкались по горам и видели под собой огни поселений Галилеи — Дана, Дафны, Кфар-Гилади.

Женщины спотыкались, дети плакали. Детей несли на плечах, острые камни резали ноги. Не раз приходилось ложиться на землю: невдалеке проходили вооруженные legionеры. И как хорошо было оказаться в столовой киббуца Кфар-Гилади, пить чай и — впервые в жизни — есть хлеб с маргарином.

Вечером снова пешком пошли в горы, чтобы обойти Рош-Пину*. На шоссе, ведущем в Цфат, их ждали два автобуса, где они смешались с другими пассажирами и спустя несколько часов езды прибыли в киббуц Ягур.

* * *

Сотрудничество с контрабандистами было тяжелым и опасным делом. Предварительный сбор информации о каждом из них; порядок оплаты, обеспечивающий выполнение задания; установление определенного пароля или знака, который они должны были передать при возвращении.

Случалось, что проводники выдавали доверившихся им людей полиции. Бывало, что издевались над людьми, бросали их посреди дороги, а иногда и требовали у них денег, угрожая расправой.

Каждый провал группы очень отражался на настроении остальных. Родители тоже не всегда были в состоянии выдержать напряжение. Иногда искали "организаторов, доведших детей до тюрьмы", чтобы излить на них всю свою ярость.

При каждом известии о провале в движение приходил целый "спасательный" механизм. Первым делом

* Во времена британского мандата Рош-Пина являлась пунктом для прибывающих с севера.

пытались взять задержанных на поруки; потом — найти протекцию, дать взятку полицейским офицерам, подкупить судей и адвокатов, главным образом, арабов, надеясь, что это повлияет на ход дела.

Если задерживали людей до перехода границы, настроение бывало еще хуже. Если кому-либо удавалось въехать в Сирию — считалось, что он уже одной ногой в Эрец-Исраэль. Но даже когда контрабандист был надежным, маршрут проверен и здоровье в порядке, когда большая часть трудного пути оставалась позади, не было уверенности в полном успехе, так как мандатные власти продолжали бороться с алией.

Вот что случилось с Гершоном и его группой...

Шестеро парней выехали из Мосула верхом — по двое на каждом коне — в сопровождении трех вооруженных проводников. Одеты они были как арабы — полосатые халаты, куфии, акалы, ножи за поясом. Без вещей, без денег, без еды — только кулек с миндальными конфетами, который мать успела сунуть в карман Гершона (теперь Ицхак Катав). Четыре ночи они ехали по дорогам пустыни среди лысых холмов и оврагов, днем отсиживались в арабских деревнях. По ночам их мучил голод, и они утоляли его миндальными конфетами, а днем — питамы с луком, которыми их угощали жители деревушек.

Они благополучно доехали до Камышлы, где к ним присоединились двенадцать беглецов, приехавших из Ирака на такси. Пара за парой они отправлялись в Алеппо, откуда переходили в Ливан и затем в местечко Набатия вблизи границы Эрец-Исраэль.

В Набатии их поместили в доме, в глубине живописного фруктового сада — двадцать четыре парня, среди них юноши из Сирии и Ливана.

— Ночью мы выходим в Эрец-Исраэль, — сказал вдруг один из парней, — в честь этого произнесем молитву.

Все они выросли в традиционных еврейских семьях, но увлекшись сионистской идеей, отделились от синагог и молитв. Но теперь, когда повеял ветер родины,

они почувствовали святость этого мгновения, которую можно было выразить только в молитве. В арабском доме, на окраине Набатии, двадцать четыре еврейских парня уединились со своим Богом и молились ему.

Когда стемнело, они в двух такси поехали в сторону границы. Затем — восемь часов напряженной ходьбы. Когда к ним приближался луч прожектора, беззвучно падали на землю.

Горы, овраги, скалы, вдаль — огни Кфар-Гилади, а они уже совсем без сил. У водопада в ущельи возле Метуллы они пересекли границу.

— Вы уже в Эрец-Исраэль, — сказали им провожатые.

В четыре часа утра они прибыли в Кфар-Гилади, а с восходом солнца их на двух автобусах повезли в Аелет ха-шахар. Двое суток они прятались на цитрусовой плантации, киббуцники приносили им еду.

Вечером второго дня им сообщили, что дальше придется идти целую ночь пешком.

— Почему, ведь мы уже в Эрец-Исраэль, не так ли?

— Надо обойти контрольный пункт в Рош-Пина.

Ночь была лунной. Парни взбирались по горам, прислушиваясь к шороху ветра в траве, поднялись по отвесному склону у Бирии рядом с Цфатом. Утром, непричесанные, неумытые, подозрительные с виду, они сели в автобус. Поехали в Хайфу. С одной стороны автобуса сидели обычные пассажиры, с другой — они. Первый автобус уехал и исчез где-то за горизонтом. Путь второму перегородили три британских броневика.

В автобус вошли вооруженные полицейские, среди них — арабы.

— Удостоверение личности, — обратились они к небритому парню, сидевшему впереди.

Он растерялся, что-то пробормотал. Подошли ко второму.

— У меня нет удостоверения, — сказал он на иврите.

— Где оно?

— Дома.

— Где ты живешь?

— В Тель-Авиве.

— Хорошо. В следующий раз не забудь.

Подошли к третьему.

— Нет.

— Где?

— Дома.

— Где ты живешь?

— В Иерусалиме.

Полицейские посоветовались.

— У кого нет удостоверения личности — выйти!

Одному повезло, он смог сбежать. Пассажиры возмущались, но ничего не могли поделать. Оба провожатых предъявили паспорта и остались.

— О нас позаботятся, — сказал Гершон, — главное — не говорить, откуда мы и не давать никаких показаний.

— Откуда вы?

Молчание.

— Кто вас привез?

Молчание.

При обыске нашли сорок сирийских лир в кармане у одного парня из Дамаска, и все. Однако о том, что в группе были и юноши из Ирака, они ничего не знали.

Через час все были в полиции города Назарета.

— Рассказывай, — обратился офицер-следователь к Гершону, — кто вас привез?

— Это моя страна, — ответил тот и распрямил плечи.

— Я ничего не скажу.

Следователь вытащил револьвер, положил на стол, схватил Гершона за волосы и заорал:

— Говори, а то плохо будет!

Следователь-араб пытался говорить по-хорошему:

— Сознайтесь, это для вашей же пользы. Мы вам не сделаем ничего плохого.

Через двадцать дней следствия всю группу отвезли на двух броневиках в лагерь Атлит. Лагерь этот был предназначен для приема нелегальных репатриантов, но в те дни там никого не было. Спустя некоторое время в их барак вселили новых "олим" из Сирии и Лива-

на, пытавшихся перейти границу по суше и по морю. Все они стали обитателями лагеря.

— Ребята, бояться нечего, — успокаивал Ганс Байт, работник "Алият ха-Ноар"*; приходивший навестить их. — Из страны вас не вышлют.

Тем временем работники лагеря старались достать все необходимое: заключенным купили одежду, их хорошо кормили, старались подбодрить и поддержать. Вскоре привезли еще партию беженцев. То были люди, пережившие концентрационные лагеря. Впервые молодежь стран Востока встретилась с надломленными людьми, спасшимися из гитлеровских лагерей и начали осознавать ужас Катастрофы во всей его глубине.

Нахум Сариг, командир первого полка Палмаха, получил задание, которое нужно было выполнить в течение сорока восьми часов.

7 октября 1945 года в лагерь Атлит прибыл "учитель иврита" по имени Шалом Хаблин. Он посвятил в тайну своего задания еврейских работников лагеря — полицейских, начальников охраны. От них он получил необходимые данные о расположении ограды, освещении, системе охраны и лагерном персонале.

9 октября в лагерь явились еще шесть человек, инструкторы по спорту в Палмахе. Их специальность могла оказаться очень полезной в данном случае. Ночью двое из них вышли за ворота и спрятались где-то неподалеку. "Своим людям" в бараке было сказано, что сигнал будет дан около двух часов ночи.

В условленный час проволоку незаметно перерезали. Один из охранников обратил внимание на то, что какой-то полицейский, очевидно, капрал, приближается к нему.

— Кто здесь?

— Друзья.

Голос почему-то не понравился часовому. Он поднял винтовку:

* Организация, занимавшаяся спасением детей и молодежи в Европе после Катастрофы и переселением их в страну.

— Стой! Стреляю!

Топот ног, шум холостого выстрела, потом стоны. Не так просто было осилить сильного часового, даже когда сели на него верхом, связали руки и заткнули рот.

Выстрел часового не случайно оказался холостым. Это было делом рук "учителя иврита" Шалома и еврейского капрала Ханоха. В тот день капрал зашел в оружейную, вынул из личных винтовок арабских полицейских затворы и принес их Шалому. Шалом повозился с ними, а затем капрал вернул их на прежнее место.

Взвод Палмаха, одолев арабских полицейских, связал их и открыл в ограде широкий ход, через который два отделения под командой Нахума Сарига проникли в лагерь. Бараки беженцев и полицейские бараки были окружены.

Одна группа бойцов отключила телефонную сеть и осталась на страже. Всех арестованных вывели из лагеря. Девушка-палмахница, держа винтовку в руках, приветствовала их улыбкой, приговаривая: "Шалом, все будет в порядке!" Бегом пробежали вспаханную полосу и скрылись в овраге.

По дороге в киббуц Бет-Орен на склонах Кармеля их нагнал полицейский автомобиль, которому удалось пробраться через оставленное ограждение. Был открыт огонь, в результате автомобиль сгорел дотла. Британский полицейский был убит, арабский ранен.

В Бет-Орен были направлены ударные силы полиции. Полицейские машины осветили дорогу со стороны Ахузы, но британская полиция, окружившая оба киббуца, была беспомощна. Тысячи евреев из Хайфы и окрестных поселений устремились в сторону Бет-Орена и Ягура, прорвали цепи полиции и смешались с остальными. Полиция требовала выдать ей беглецов, угрожая проверкой удостоверений личности. В ответ все удостоверения сложили в одну большую кучу, подожгли, а вокруг стали отплясывать хору, выкрикивая: "Мы все маапилим!"

РЕВОЛЬВЕРЫ ПОСЫЛКОЙ

На остановке в квартале Баттавин в автобус поднялся пассажир, взял билет и прошел в середину автобуса. Погруженный в свои мысли, он не заметил, как из его кармана выпал кошелек.

— Господин! — окликнул его араб, сидевший рядом с шофером, — у вас упал кошелек.

Араб говорил на типичном багдадском диалекте, так что только коренной житель мог бы уловить смысл сказанного.

— Господин! — повторил честный пассажир, — ваш кошелек!

Владелец кошелька, взглянув, куда показывал араб, наклонился, поднял кошелек и кивком головы поблагодарил.

Вся эта сцена, а в особенности то, что вошедший не сразу понял местный диалект, не ускользнули от внимания другого пассажира, внимательно следившего за происходящим, что входило, кстати, в его обязанности. Люди его типа — с короткими усиками, бамбуковой тростью, револьвером, торчащим из-под пиджака — занимались выслеживанием иностранцев, приезжающих в Багдад, и выяснением цели их приезда.

Он встал, подошел к рассеянному пассажиру и на местном наречии спросил, кто он и чем занимается. Тот поправил очки на носу, принял позу поудобнее и ответил по-английски: "Кто он? Чиновник англо-иракской нефтяной компании. Живет в гостинице "Семирамида". Арабский знает, но неважно. А вы не говорите по-английски?"

Сыщик уселся на свое место, исподлобья глядя на пассажира.

Пассажир был в затруднении: как быть? Первый порыв был — сойти на ближайшей остановке, подальше от опасности. Но ведь сыщик только этого и ждал.

Опыт и разум подсказали: оставаться на месте и ехать до последней остановки.

Самоуверенность пассажира, его внешнее спокойствие, а возможно и опасения задеть по ошибке почтенного господина и осрамиться, убедили представителя закона, что на сей раз он ошибся адресом.

Так начальник штаба Хаганы ускользнул из рук полиции. Дана Рама, возглавлявшего самооборону в Ираке, усиленно разыскивала британская тайная полиция Эрец-Исраэль. Ему удалось ускользнуть из кибуца Ханита, где он сидел под домашним арестом после того, как его задержали в Латруне. У него был большой опыт работы в Хагане и сирийском отделе Палмаха, а теперь его послали в Ирак для помощи в деле организации самообороны.

В Ираке товарищи по подполью знали его под именем "Наим", а Игал Алон, руководящий посланцами Палмаха за границей, называл его в своих письмах "Рамадан".

Дан Рам приехал в Багдад после того, как Хагана в течение долгого времени оставалась без израильского представителя, и местные руководители занимались всей деятельностью организации.

Наим был человеком целеустремленным, энергичным, приятным в общении и чутким. Он доверял ему. Его выступления привлекали и спланивали всех членов самообороны. Все дело он поставил на новые рельсы, ибо знал, что время сделает свое, а что не делает время — сделают члены Движения, примкнувшие к Хагане, и постепенная разъяснительная работа.

Еще задолго до этого командиры самообороны совместно с Арье Шилом создали план обороны Старого города, где была сконцентрирована основная часть еврейского населения Багдада. Настало время окончательно его оформить и заняться осуществлением.

Вся система обороны строилась на двух принципах: остерегаться любого шага, могущего быть провокацией, и обеспечить охрану всех входов в еврейский квартал Старого города. Квартал был разделен на десять

участков, каждый участок — на четыре-пять наблюдательных пунктов, которые находились в домах, возвышающихся над окрестностью. В периоды "готовности" каждый пункт будут охранять три человека. Было также найдено место для штаба.

Характер застройки (плотная, стена к стене) давал возможность пользоваться крышами. Первым комендантом квартала был назначен Иехуда (Нахшон), а после его отъезда в Эрец-Исраэль пост занял Иехошафат.

По тому же принципу была организована оборона еврейского квартала Баттавин, одного из красивейших кварталов города, построенного в более современном стиле. Комендантом Баттавина был назначен Чарльс. В свое время он, Чарльс, возглавлял чрезвычайный комитет по ликвидации последствий "инцидента с письмами" и успешно выполнил задание. После него роль коменданта выполнял Нисим.

Для роскошного квартала богачей, Каррады, где имелось немало арабских островков, была предложена передвижная оборона на машинах. Разработали план защиты и других районов города, в которых жили евреи.

Северное предместье города населял всякий сброд, полудикари, ютившиеся в грязных хижинах вместе со скотом. Эта чернь непрочь была в любую минуту напасть на богатый квартал. Организаторы еврейской самообороны готовили план, как задержать нападающих вне пределов квартала, запугать их выстрелами и бутылками Молотова. Предлагали даже поджечь бензоколонку у входа и создать тем самым непроходимую огневую преграду.

Комендантом этого района был назначен Салих, а после него Наим (в настоящее время Наим — Нахум), которому дали прозвище Наим Каррада. Впоследствии самооборона еврейских кварталов в Киркуке, Мосуле и Басре была организована по тому же принципу круговой обороны, что и в старом квартале Багдада.

Время от времени из Эрец-Исраэль прибывали посылки с оружием и снаряжением, чего не хватало — доставали на месте. Этим славился в особенности юг,

члены Хаганы в Басре были специалистами в этой области, и среди них выделялся Даниэль Барух.

В 1941 году, во время погромов Рашида Али, Даниэль служил в иракской армии. Когда он затем вернулся в Багдад, на улицу Гази, он нашел свой дом разрушенным и ограбленным. Вся семья была одета в черное: оплакивали убитую сестру, девочку десяти лет. Пуля из винтовки полицейского сразила ее насмерть.

Полицейские должны были защищать евреев от разбоя, но на деле они присоединились к черни и вместе с ней грабили и убивали. Даниэль не мог простить. Нашел убийцу, потребовал суда. Полицейского арестовали, но через месяц освободили без суда. Полный гнева и отчаянья, Даниэль решил оставить Ирак. По дороге в Эрец-Исраэль он застрял в Рутбе, и ему пришлось вернуться обратно. Он не мог жить в Багдаде и переехал с семьей в Басру, где через некоторое время открыл столярную мастерскую.

Будучи ловким и сметливым человеком, он вскоре наладил контакт с шейхами и связи его распространились до самого Кувейта. Став членом Хаганы, он использовал свои связи для покупки оружия и снаряжения. Приобретения его были самого крупного масштаба — "стэны", "томиганы" и револьверы в огромных количествах и по умеренной цене. Сами продавцы воровали этот товар со складов армии союзников или скупали прямо у оружейников.

Дело дошло до того, что Даниэль стал обладателем монопольного права на покупку оружия у крупнейших поставщиков, и всякий другой, желавший купить "железо", получал стандартный ответ: "Уже продано"...

Специалисты-оружейники занимались проверкой оружия и его починкой в специальной лаборатории, в подвале Наима Каррады из пустых бутылок из-под газированной воды и из сырья, присланного из Эрец-Исраэль, изготавливали бутылки Молотова.

Второго ноября, в годовщину подписания декларации Бальфура, члены Хаганы находились в состоянии готовности. В этот день арабы объявили всеобщую за-

бастовку. В мечетях произносились проповеди, полные ненависти.

В этот день были мобилизованы все силы самообороны. Врачи и медицинские сестры готовы были явиться по первому вызову. Девушки приготовили инструменты и медикаменты для оказания первой помощи. Оружие в состоянии готовности находилось в домах, служивших наблюдательными пунктами.

Приготовления не укрылись от глаз родителей, дети которых целые ночи проводили вне дома. Некоторые из них были посвящены в тайну, другие не задавали вопросов. Во всех домах встречали тепло, даже если никто из членов семьи не был подпольщиком.

Несмотря на неоднократные перемещения оружия и снаряжения, инвентарь Хаганы полностью сохранялся, вплоть до самого последнего времени. Объяснялось это осторожностью и ловкостью молодежи в сочетании с их уверенностью в себе, способностью к импровизации, а иногда, быть может, просто чудом.

Однажды у одного из подпольщиков выпала из пакета посреди улицы деталь разобранного "стэна". Вежливый полицейский поднял ее и бросился вдогонку, чтобы отдать пропажу, а парень уже думал, что ему конец. Полицейскому и в голову не пришло, что представляет собой этот "кусок железа".

А у Цивьи однажды выпала из корзинки учебная граната. Если обнаружат учебное оружие, то это очень опасно, так как оно указывает, что уронивший занимается тренировками, да еще при содействии извне. Цивья расстелила свою абаю, села на нее и собрала все обратно в корзинку.

Как-то утром Нога шла по рынку с корзинкой овощей, а под овощами — семь револьверов. Из полицейского участка вышел офицер, задержал ее и собирался проверить содержимое корзинки. "Конец!" — подумала Нога и решила сделать рискованный ход.

— Если бы ты знал, что у меня в корзине, — закатила она глаза. — Мне просто неудобно сказать... Ну, не понимаешь, трусики, бюстгалтеры, и кроме того... —

вдруг она выпалила первое, что пришло ей в голову, — ты знаешь, кто я?! Я дочь министра внутренних дел...

— О, прошу прощения! Извините меня! — пробормотал офицер и поклонился. — Прошу вас, не рассказывайте отцу.

А что было делать Эйхуду (впоследствии Давид Иври), когда однажды, торопясь в штаб, он наткнулся на плачущую еврейскую девочку: она заблудилась и не могла найти дорогу домой. Дело было ночью, в руках у Эйхуда пакет с "материалом", но как бросить еврейского ребенка на улице?

Эйхуд взял девочку за руку, сунул пакет под мышку и зашел в отделение полиции. Не успел он рассказать полицейским, где можно будет найти девочку, если придут родители, как девочка начала всхлипывать: "пи-пи! пи-пи!"

— Подержи-ка минутку, — попросил он полицейского, а сам вышел с девочкой. Затем вернулся, поблагодарил, забрал пакет и ушел. Где было знать полицейскому, что он держал в руках бело-голубой флаг сионистов?

За все годы своего существования Хагана всегда была готова дать достойный отпор врагу. Но после Рашида Али чернь вроде бы притихла. Никто не подавал ей сигнала, а кроме того, погромщики догадывались, что им окажут соответствующий прием. Сам факт существования Хаганы был своего рода предостережением.

* * *

За время деятельности Дана Рима и его преемника Мотке Хагана превратилась в сплоченную организацию с глубокой военной подготовкой, крепкой дисциплиной и профессиональными командирами. Одной из основных проблем было приобретение оружия, в чем члены Хаганы стали большими специалистами. Они осмелели до того, что порою оружие прибывало в почтовых посылках. Это стало возможным только благода-

ря содействию Хаима Шамаша, сделавшего много добрых дел для подполья.

Свою служебную карьеру Хаим начал простым чиновником на почте, но быстро пошел в гору и дошел до поста заместителя директора багдадского почтамта. Он пользовался доверием начальства, вскоре был назначен тайным цензором при дворе Фейсала I и просматривал всю корреспонденцию министров, высокопоставленных чиновников и прочей знати. В свое время с его помощью был раскрыт заговор против короля, что еще более укрепило его положение.

Все свои связи и возможности Хаим Шамаш использовал для блага и в интересах еврейской общины. Даже когда евреев начали изгонять из государственных учреждений, он остался на своем посту и продолжал выполнять свои прежние обязанности, явные и тайные. Только в 1951 году, в период алии, он вышел на пенсию и уехал в Эрец-Исраэль. Друзья и работники почты провожали его со слезами на глазах.

Как только в Ираке появились первые посланцы из Эрец-Исраэль, он открыл перед ними двери своего дома для работы и для жилья и оказывал им всевозможную помощь. Он первым из уважаемых членов общины стал активным деятелем подполья и многих привлек к этому делу. Только он мог заранее указать место, которому грозил провал, и вовремя принять меры.

На багдадский почтамт прибывали посылки с еврейскими книгами, учебниками и брошюрами. Шамаш сам выкупал эти посылки, чтобы чужая рука их не коснулась. Потом посылки потяжелели, они прибывали на имя Салима Халифы, владельца оружейного магазина (Халифа был одним из командиров Хаганы). Как торговец оружием, он совершенно законно выписал из Англии сто револьверов и просил прислать их авиапочтой.

Когда они прибыли — двадцать посылок, в каждой по пять револьверов — Шамаш позаботился, чтобы они были выданы получателю под видом замков и была бы взыскана соответствующая пошлина. Таким образом,

разрешение на ввоз оружия осталось нетронутым, на основании чего можно было заказать еще одну партию револьверов, затем еще и еще.

Тренировки по стрельбе устраивались в подвалах домов, главным образом — в ранние часы, или когда отцов не было дома. Но матери хорошо знали часы тренировок, а также где спрятано оружие. Не раз они потихоньку снимали пыль с револьвера или помогали переносить оружие, пряча его в складках платья. Когда в подвале шли тренировки, матери сидели у входа, чтобы предупредить об опасности.

* * *

Для занятий дзюдо и метания гранат требовалось большое помещение. Для этой цели на имя Чарльса сняли большую виллу в центре арабского квартала Каррада. Дом стоял в большом саду, окруженном высокой стеной. Там можно было спокойно тренироваться, пока не всполошились соседи.

Они заметили, что в доме происходят таинственные встречи, а при виде двух парней, взбирающихся по стене, подозрения их усилились. Однажды они обнаружили здоровенных парней, почти голых, в купальных костюмах, сидящих рядом и о чем-то беседующих. У соседей не осталось сомнения: в доме напротив открыли притон гомосексуалистов!

Выяснив, на чье имя снят дом, они вызвали к себе Чарльса, чтобы серьезно поговорить. Чарльс явился в роскошную виллу почтенной и богатой мусульманской семьи. Его попросили объяснить, что, в сущности, происходит в вилле напротив, снятой на его имя. Чарльс объяснился с ними, как мужчина с мужчинами, и озорно подмигнув, сказал, что компания молодых преуспевающих холостяков развлекается там со своими девушками.

Чтобы сделать версию правдоподобной, девушки из Хаганы тоже стали появляться на вилле. Но вскоре Чарльс был снова вызван к соседям, которые заявили

ему, что не к чести их семье иметь по соседству такое увеселительное заведение. К тому же, у них молодые дочери, и это может повредить их репутации. Занятия пришлось перенести в другое место.

Этим другим местом стал Джезире — остров посередине Тигра, который выступал из воды только в часы отлива. К нему добирались на лодках или вплавь, зажигали костры, пели, устраивали пикники и тренировались.

Не раз ребятам указывали на риск, которому они себя подвергали, но Мотке был спокоен и уверен в себе. Он даже пренебрегал тем фактом, что островок посещали и посторонние группы, что могло оказаться весьма опасным. В один прекрасный день одна такая компания — дети министров и иракской знати, развлекавшиеся неподалеку, — стала бросать в их сторону многозначительные взгляды.

Особенно их интересовали девушки. Не каждый день приходится видеть девушек из приличных семей, которые в одних купальниках плещутся в воде с чужими парнями. Вытаращив глаза, они видели и другое — размахивание палками, прыжки, единоборство. К счастью, некоторые из арабов дружили с евреями.

— Джамил, — спросил как-то брата Чарльса один из арабов, — что они там делают, тренируются?

Если бы даже намек о происходящем дошел до ушей одного из почтенных отцов, безусловно, дело бы так не оставили. Юсуф Далах, член Хаганы, развлекавшийся с компанией арабов, предостерег своих единомышленников, и они стали более сдержанными и осторожными.

* * *

Абдалла — так прозвали в иракском подполье Мотке — решительным образом отличался от того типа шалиаха — тихого и скромного киббуцника — к которому здесь привыкли. Мотке же был прирожденным горожанином и бойцом. Своих привычек и склонностей

он не изменил, даже будучи на опасной нелегальной работе.

Мотке, обожавший приключения и авантюры, сблизился с парнями из высших кругов: ходил с ними на тренировки и проводил досуг. Он настолько был уверен в себе, что без всяких опасений посещал кабаре и прочие увеселительные заведения, где полиция бывала частым гостем из-за постоянных попоек и драк. В Хагане тревожились за него и считали, что человек, приехавший в Багдад с секретным заданием, не должен лезть на рожон.

С этой же компанией Абдалла отправился в далекий путь на север, чтобы попытаться привлечь живущие там племена к сотрудничеству. Их дорожные приключения — охота на оленей в пустыне, обыски, полицейская слежка и все пережитое в походе — обо всем этом люди долго еще будут рассказывать своим детям и внукам.

В период деятельности Абдаллы расцвел и филиал Хаганы в Басре, Мосуле и Киркуке, а потом и в Эрбиле. В Басре Хагана могла приобретать оружие и снаряжение неподалеку, но для Киркука местных источников было недостаточно, и оттуда приходилось обращаться в центр в Багдаде, а потом везти его в тяжелых чемоданах в поездах, находящихся под постоянным контролем. Это было делом нелегким и опасным.

Первую партию оружия для Киркука упаковали в чемоданы Шнеура и Авнера. Это происходило в доме Иехошафата, коменданта старого квартала. Придя домой, Шнеур и Авнер были удивлены, увидев, что в их чемоданах вместо пижам и прочих личных вещей, лежат "томиганы" и гранаты. Мотке радостно сообщил, что им уже приготовили билеты до Киркука первым классом. Шнеур даже в лице изменился. Обычно он покупал билеты в вагон третьего класса, потом давал взятку проводнику, и тот переводил его в первый класс на самое удобное место. Кто знает, каких соседей пошлет ему бог теперь ... Да еще с таким багажом.

Заказали пролетку, погрузили чемоданы и поехали

в сторону вокзала. И вдруг — у чахоточной лошадки не хватило сил, она споткнулась и свалилась с ног прямо на центральной площади. Подоспевшие полицейские стали бросать косые взгляды на странных пассажиров: великолепно одеты, а пижамы держат в руках. Стоит, пожалуй, проверить их чемоданы.

— Такси! — заорал Шнеур в сторону проезжавшей машины.

Кучер пролетки сразу встрепнулся, боясь потерять заработок, и поспешил поднять на ноги упавшую лошадь, а Шнеур вынул пачку дорогих сигарет и стал угощать ими полицейских, как подобает богачу.

На вокзале перед ними стояла задача — пройти в вагон, не вызвав подозрения у шпика в штатском, разгуливающего по перрону. Авнер остался в зале для пассажиров, а Шнеур вышел на перрон. Сыщик, как обычно, шагал от одного конца до другого. Выждав, пока он повернется спиной, они взяли чемоданы и поспешили к выходу. Проводник был весьма удивлен, увидев Шнеура с приятелем в купе первого класса.

Когда он поднял чемоданы, один из них чуть не раскрылся, и Шнеур быстро обхватил его руками. Проводник заметил это и решил, что в чемодане, наверняка, контрабандный товар. В купе их ждал неприятный сюрприз: соседями оказались два иракских офицера.

— Мне кажется, — сказал Шнеур, сунув проводнику монету, — ты ошибся и посадил нас не в то купе.

Тот мигом сообразил и перевел их в пустое купе.

Надо ли удивляться, что всю эту ночь они не сомкнули глаз.

В полночь кто-то постучался в квартиру доктора Салмана аль-Ватани, жившего в доме напротив школы полицейских. Служанка-еврейка, увидев полицейских, попросила их подождать, испуганная вбежала в комнату доктора и стала его будить.

— Доктор, — лепетала она — там полиция.

Доктор, мужчина невысокого роста, но крепкого сложения, встал и начал одеваться. В комнате стояла еще одна кровать. Спавший там человек быстро поднялся, набросил кое-какую одежду и поспешил удалиться через вторую дверь. Врач вышел к полицейским, лицо его выражало недоумение.

— Скорее, доктор, — ухватились за него полицейские, указав жестом в сторону увеселительного квартала, откуда доносился тревожный шум. — Там была драка и один ранен. Срочно нужен врач для оказания первой помощи.

— Очень сожалею, — ответил доктор, прикрывая рукой зевок, но ничем помочь не могу; я ветеринар и лечу животных, а не людей...

Полицейские извинились за беспокойство и отправились на поиски другого врача. С минуту он глядел им вслед, затем вернулся в квартиру. Служанка была очень напугана, она уже не надеялась увидеть его живым и здоровым. И хотя у доктора не было никакого повода не доверять ей, это показалось ему подозрительным. Стало быть, она догадывается, что у него есть причины недолюбливать полицию? До сих пор он был уверен, что прибитая к двери табличка убедила и ее.

Через пару дней врач и его приятель перебрались в другой район.

Конечно, в своем киббуце Сдот-Ям Салман-Ионас очень хорошо относился к животным, но до профессиональных достижений это не доходило. Зато он был

”профессионалом” высшего класса, там где касалось отношений с людьми, и как раз с теми, кого никак нельзя было причислить к блюстителям законов и нравов. Контрабандисты, с которыми он вел переговоры и заключал сделки за столиками кафе, были крепкими орешками. Они запрашивали неслыханные цены, а получив деньги — не всегда выполняли договор. Среди них были и знатные шейхи, производившие впечатление честных людей, но большие любители присвоить задаток и исчезнуть. Не было никаких гарантий, что они благополучно переведут нелегальных олим через границу.

В то время связь с Эрец-Исраэль осуществлялась почти целиком через шофера-христианина из секты халдеев. Юсуф, так звали шофера, был человеком честным и надежным. На специально купленном грузовике он перевозил товары по маршруту Багдад — Хайфа. Дружба между ним и Ионасом была настолько сильна, что, когда Ионас собрался вернуться домой, Юсуф попросил захватить и его с семьей.

Отправляясь в дорогу, Юсуф никогда не забывал взять с собой набор умывальных принадлежностей, служивший ”почтовым ящиком”. Из тюбиков зубной пасты или пасты для бритья выдавливали часть содержимого и прятали в них иные сокровища. По прибытии в Хайфу шофер передавал тюбики людям из Солел Боне. Не раз он передавал им и парней из Ирака, приехавших с ним под видом помощников шофера или каким-либо иным образом.

Несмотря на свои способности, Ионас хлебнул немало горя за полтора года работы в Ираке. Если Иехошуа, его брат, переправил в свое время через границу большое количество нелегальных эмигрантов, то теперь это удавалось сделать лишь для считанных десятков. Для нелегальной алии настала пора застоя, отчаяния и беспомощности. То и дело поступали сообщения о провалах. Но в то же время это была пора наиболее смелых и дерзких попыток прорваться, и каждая из них — легенда.

Ионас — деятель Хаганы, уехал из Эрец-Исраэль в 1946 году. Уехал тайком, ибо его разыскивала британская тайная полиция. Его настоящее имя — Ионатан Бахарав — было мало кому известно. В Багдаде он встретился с Даном Рамом, и они сняли квартиру на двоих напротив полицейского училища. В то время в Багдаде находился и Меир Шланек — последний из легальных посланцев, но после ликвидации бюро Солел Боне уехал домой и Меир.

Эвакуация войск союзников из Ирака сильно отразилась на подполье. Само присутствие наших еврейских частей в Ираке порою значило больше, чем фактическая помощь, которую они оказывали. Солдаты Еврейской бригады были учителями, инструкторами, лекторами; с их помощью в Ирак шли книги, газеты, инструкции и живые рассказы о событиях в Эрец-Исраэль; они же переправляли туда и обратно письма, отчеты и людей; доставляли оружие, боеприпасы и учили обращению с ними; активно содействовали эмигрантам, а в случае провала активистов помогали вывезти их из Ирака.

Теперь же пробраться в Ирак и вырваться из него стало почти невозможно: для алии настал период "засухи". Тропа бегства с севера закрылась. Сирия, получившая независимость, с одной стороны, и багдадские власти — с другой закрыли все лазы. Правда, кое-кому удавалось иногда благополучно перейти границу, но это были единицы.

* * *

В начале 1946 года в Ирак прибыла англо-американская комиссия, которая должна была принять решение о будущем Эрец-Исраэль. Многим тогда казалось, что вот-вот тучи рассеются и репатриация евреев, которая представляла собой до того проблему местного характера, некий поединок между мандатными властями и ишувом, решится с помощью Америки.

В Багдаде члены комиссии встретились с представи-

телями иракских властей и заслушали доклад о положении евреев в Ираке. После этого комиссии предстояла встреча с членами еврейской общины и ее председателем — раввином Сассоном Кадури. Забушевали страсти — раввин Кадури издавна был противником сионизма. Он упрямо утверждал, что сионистское движение — это опасное наваждение, которое навлечет страшные бедствия на весь еврейский народ. Хотя среди представителей общины было немало сторонников сионизма и нейтралистов, сломить упрямство раввина не удалось. Он настаивал, что желающие блага еврейскому народу не должны уезжать из Ирака. Ясно было, что он заявит это и на заседании комиссии.

На совместном совещании шлихим и активистов было решено во что бы то ни стало лишить раввина возможности обрисовывать жизнь иракских евреев в розовых красках. Ни в коем случае! Более того, Движение просило комиссию выслушать его представителей. Правдивые показания членов Движения откроют глаза комиссии на неопровержимый факт: единственный выход для еврейства Ирака — репатриация в страну отцов. Петиции аналогичного содержания будут направлены во все иностранные посольства в Багдаде.

Вечер праздника Пурим. Синагоги полны людей. Еще до окончания молитвы вся улица узнала, что в синагоге "Хахам Хезкель", где молился раввин Кадури, что-то произошло. В перерывах между молитвами со стороны женского отделения раздавались гневные возгласы. Нога и Иехудит, вскакивая с мест, во весь голос заявляли о своем протесте против действий раввина. Звонкие девичьи голоса напоминали ему о погромах Рашида Али и требовали рассказать комиссии всю правду, набраться мужества и представить ей истинное положение евреев. Если нет — угрожали они — горестным будет его конец!

Неслыханное нахальство! Никогда еще в синагоге не бывало такой гнетущей тишины, как в те минуты. Разгневанный раввин прекратил молитву и вышел, но у выхода его поджидало еще несколько членов Движе-

ния, и от них он услышал те же угрозы, только посильнее.

В ту же ночь "типография" была переведена в дом Иехошафата. Работа кипела до утра. Составили и отпечатали воззвания на иврите и арабском, а ранним утром разнесли по всем синагогам. Приготовили подробный отчет на английском языке для передачи в руки комиссии.

Эта задача была возложена на Иоаву Катана из Басры. Иоав всегда считал, что именно подполье и только подполье является представителем всей общины, выразителем ее интересов.

Гостиница "Семирамида", в которой остановились члены комиссии, была полна сыщиков. Иоав в одном из холлов, увидев знакомого ему по фотографии в газете английского секретаря комиссии, подошел к нему и попросил назначить время для встречи.

— По какому делу?

— По вопросу о положении евреев.

Встреча была назначена на тот же вечер от 7 до 8 часов. К назначенному часу доклад был окончательно оформлен. Его авторы от имени всего еврейства Ирака требовали свободы репатриации и создания еврейского государства в Эрец-Исраэль.

В назначенный час возле гостиницы остановилось такси, за рулем сидел Гурджи, а из машины вышли Иоав и Гад. Иоав поднялся на второй этаж, а Гад остался внизу для наблюдения. Беседа с секретарем длилась десять минут, затем Иоав вручил ему меморандум и, спускаясь по лестнице, заметил, что за ним следят. Он быстро вскочил в машину, и та помчалась на предельной скорости. Им видны были фары машины, гнавшей за ними. После поворота, в центре рынка, Гурджи на мгновение затормозил, и Иоав шмыгнул в путаницу переулков, тогда как такси продолжало ехать, а за ним и преследователи.

Так же несколько позже поступил и Дан Рам. Узнав, что секретарь, принявший отчет, находится на антиссионистских позициях и может не передать отчета в ко-

миссию, Дан Рам вручил второй экземпляр другому члену комиссии.

В этот же самый день были переданы петиции в посольства Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

Передать "материалы" в советское посольство было далеко не простым делом. Группа членов редакции подъехала на мотоциклах к самому зданию посольства. Они привезли петицию, призывавшую Советский Союз не позволять империалистическим державам играть судьбой еврейского народа — поднять свой голос на международной арене и содействовать созданию еврейского государства, куда могли бы репатриироваться евреи Ирака.

Советское посольство находилось под постоянным наблюдением иракских и прочих сыщиков, зорко следивших за входящими и выходящими.

В темном переулке перед зданием посольства тоже сновали сыщики — некоторые на велосипедах, некоторые пешком с собаками. Один из них обратил внимание на подозрительное движение, сунул в рот папиросу и подошел.

— Нет ли у тебя огня? — обратился он к Ювалю.

Прием был известным: при свете спички сыщик хотел присмотреться к его лицу. Юваль зажег спичку и прикрыл пламя ладонями, чтобы лицо его оставалось в темноте. Сыщикам ничего не оставалось, как сесть на велосипеды и уехать.

Когда комиссия встретилась с представителями общины, она услышала отчет, который сильно отличался от того, что хотел сказать раввин. Деятели подполья заранее согласовали это с выступавшими, и более того, сумели вызвать сочувствие у сенатора-еврея Эзры Менахема. Он составил свое выступление таким образом, что между строк нетрудно было понять, каково истинное положение. Выразаться публично приходилось с большой осторожностью: не было никакой гарантии, что все сказанное на заседаниях комиссии не дойдет до

ведома иракских властей. Раввин Кадури вообще не просил слова.

Это было первое "международное" выступление подполья. Хотя деятельность англо-американской комиссии никаких результатов не дала, но сам факт выступления подполья свидетельствовал о том, что Движение начинает задавать тон на "еврейской улице", и что оно способно поставить перед всем миром вопрос о будущем иракского еврейства в духе своих надежд и стремлений.

Шломо Хиллелю, худощавому юноше с миндалевидными глазами, было тогда 23 года. Он окончил гимназию "Герцлия" в Тель-Авиве, состоял в первой ячейке скаутов и был членом киббуца Мааган-Михаэль. Когда встал вопрос о поездке в Ирак, Шломо вспомнил, что ведь он уроженец Багдада и никогда от своего подданства не отказывался. Так почему бы не зайти к иракскому консулу в Иерусалиме и не попросить законный иракский паспорт? Задумано — сделано. После долгих утомительных пререканий паспорт был у него в руках.

Перед вылетом в Ирак он прошел специальный курс. Ионас в это время был в стране и на скорую руку обучил его правилам поведения и конспирации. Ионаса недаром считали королем конспираторов. Он сочетал в себе осторожность с уверенностью, нахальство и дерзость с хладнокровием. Нужно было видеть его манеры, когда он нанимал пролетку или сидел в кофейне в компании контрабандистов, чтобы сразу убедиться: нет во всем Ираке более типичного иракца, чем "доктор Салман".

Ночью 17 июня собирались отправить в Эрец-Исраэль два грузовика с людьми. В пять часов вечера начали собирать уезжающих. Те даже не знали, что их отправят сегодня. Закон подполья гласил: каждый кандидат должен быть готов к отъезду через полчаса после получения уведомления. Парней и девушек собрали в двух домах, но вдруг из Эрец-Исраэль был получен приказ: задержать выезд. Все были в напряжении, нервничали, переглядывались. Но желанного сигнала

не было, а в полночь объявили — выезд отменяется! Лишь утром, когда открыли газету "Багдад Пост", узнали причину: в ту ночь части Палмаха совершили налет на 11 мостов, связывающих страну с соседями, и взорвали десять из них. В результате этой операции сухопутное движение через границу было на время прервано.

Разочарованные, усталые и разбитые после бессонной ночи, люди вернулись по домам.

В этой группе находились Нога с Иехудит. Опять их надежда не сбылась, опять приходилось ждать.

Успехи Движения в Багдаде явились для Шломо Хиллеля приятной неожиданностью. Оно насчитывало тогда около двух тысяч товарищей — членов "Хе-халуц" и "Хе-халуц ха-цаир" — в центре и филиалах.

Знание арабского языка помогало Шломо свободно ориентироваться и ездить по стране. Но не раз он бывал в смущении, когда евреям, с которыми он встречался, его лицо казалось знакомым.

— Я готов поклясться, — говорил ему то один, то другой, — что ты сын Ахарона Хиллеля.

Иерахмиэль Аса из киббуца Хулата надел испачканную жиром и смазочным маслом спецовку, и под видом второго шофера сел в машину багдадского шофера Юсуфа. Для большей надежности в кузове устроили тайник между мешками с поташем, чтобы он мог спрятаться при проезде мимо контрольных и таможенных пунктов. На дорогу ему дали новое имя: Абд аль-Масих — слуга Мессии.

По мере приближения к контрольному пункту в Мафраке шофер начал проявлять беспокойство. Он даже предложил Иерахмиэлю сойти с машины и обойти пункт пешком. Но потом раздумал, и таким образом, преподал Иерахмиэлю наглядный урок обычаев того мира, куда он держал путь.

В шесть часов утра шофер постучался в дверь таможенной станции. Появился заспанный парень высокого роста, в полосатой пижаме — один из сообщников шофера. Юсуф, указав на своего "помощника", заявил без лишних церемоний: "Этот человек — сионист из

Фаластин, он едет в Багдад за евреями, присмотри-ка за ним, пока я вернусь!” Иерахмиэль был поражен. “Все кончено, — подумал он, — шофер выдал меня”.

К его удивлению таможенник приветливо взглянул на него и заговорил совершенно открыто. Рассказал, что у него отличные отношения с евреями, и он не раз помогал им в разных делах. Восторгался операцией по взрыву мостов. Намекнул, что готов содействовать нелегальной переправе евреев из Ирака — за соответствующую плату, конечно.

— У нас, — пояснил он, — все от мала до велика берут взятки. Зарплата мала, если рассчитывать только на нее — семья будет голодать.

Когда доехали до Фалуджи (древняя Пумбедита), шофер повел Иерахмиэля к цирюльнику, превратившему его в бывшего иракца. По его же совету цирюльник приладил роскошные усы с загнутыми кверху концами. В Багдаде нарядный костюм довершил его внешний облик: полкило бриллиантина в волосы, четки в руки — и Иерахмиэль превратился в настоящего эфенди, получив новое имя от товарищей по Движению — “Дядя Альбер”.

В Мосуле были проведены семинары. Даже этот город, считавшийся трудным, как бы смягчился и стал более приветливым.

Не обошли и Эрбиль. Жители его были известны как люди с отзывчивой душой и горячим еврейским сердцем. Пребывание в Эрбиле явилось для Иерахмиэля одним из наиболее глубоких переживаний. Трогательная встреча со старейшинами, которые вышли к нему в традиционной одежде, теплая беседа с главой общины, который еще помнил Ицхака Бен-Цви — все это свидетельствовало о симпатии к Эрец-Исраэль. И удивление того пятнадцатилетнего мальчика, который, видя почет, с которым все относятся к гостю, спросил:

— Если это хахам из Иерусалима, то где же его борода?

* * *

Нелегкой задачей было упрятать типографию. Члены редакции решили, что копировальный станок (вначале ручной, а потом — электрический), пишущую машинку, бумагу и прочие принадлежности надо поместить в место более надежное, чем частный дом. Решили, что пожалуй, самым подходящим местом будет синагога "Хахам Хезкель". Беньямин, член редакции, был сыном шамаша (синагогального служки), и с его помощью, но без ведома отца, в синагоге устроили тайник. В подвале, под бимой* выкопали два больших тайника, забетонировали дно и стены и уложили там весь типографский инвентарь. Переезд происходил днем; кроме членов редакции присутствовал Иерахмиэль, а также Ювал и Элимелех. Ювал строго следил за происходящим.

— Что он делает здесь? — шепнул он Беньямину, намекая на Иерахмиэля, — я ведь сказал тебе, чтобы не было ни одного постороннего.

— Слушай, но ведь это шалиах.

— Шалиах — не шалиах, — заявил Ювал, — а здесь будут только те, кому я разрешу!

Работали по ночам. Вечером в синагогу приходили три товарища и вставали в угол, якобы для молитвы. Последний из молящихся уходил, шамаш делал последний обход, громко спрашивая, не остался ли кто-нибудь. Услышав в дверях скрип ключа и звук удаляющихся шагов, они затемняли окна и зажигали свет. Потом открывали тайники... и работа кипела до поздней ночи. Потом поднимались в женское отделение подремать. В ранние утренние часы, когда еще не совсем рассвело, снизу доносилась молитва стариков. Тогда они потихоньку выскальзывали и расходились по переулкам, унося напечатанные инструкции, воззвания, статьи, листовки.

Быть может, сила мысли и красота языка этих статей и обращений станут более понятными и близкими,

* Возвышение в синагоге, на котором стоит стол (или особого рода пюпитр).

если познакомиться с отрывком из заметки Иова Катана, в которой он рассказывает о своем посещении развалин Ниневии, вблизи Мосула (напечатана в "Дерех Хе-халуц" в 1956 году).

"Я взошел на холм, обозревая окрестности.
Холмы, холмы. Поднялся на все холмы. Мои
ноги ступали по могучим ассирийским
царям. Кости Санхериба, Саргона, Ашшурба-
нипала

похоронены в этой земле, а
мощь их предана забвению.
Но еврейский народ жив и поныне!
Свидетельство тому —
маленькая община жителей Мосула,
всего пять тысяч евреев,
и тысячи общин во всех концах света.
Могущественная Ниневия мертва — а
еврейский народ жив и поныне. И я,
сын странствующего народа, разгуливаю по ее
развалинам
и восклицаю: "Жив народ Еврейский!"

* * *

Интерес к ивриту и тяга к Эрец-Исраэль проникли и в кварталы бедноты. Подмастерья парикмахеров, сапожников, портных, переплетчиков, ювелиров, работавшие от восхода и до захода в тяжелых условиях, подвергаясь эксплуатации и унижениям, собирались в убогой комнатухе и при свете лампочки изучали иврит. Движение выделило им лучших учителей, терпеливо и умело знакомивших их с основами грамоты и сионизма. Были созданы также центры профессионального обучения.

С улицы доносились запахи сточных вод. Ученики приходили на уроки усталыми. Учитель Зевулун Харэли видя, что глаза учеников смыкаются, а головы клонятся, придумывал различные ухищрения, чтобы их рассмешить и оживить, когда же усталость брала

свое — просил рассказать на иврите, что было на работе, какой случай им запомнился. Сам факт, что их внимательно слушали, ободрял и поощрял ребят.

Элимелех (Аврахам Саад) руководил группой, которая получила название "Шватим" (колена). Каждый из двенадцати членов этой группы получил имя по названию одного из колен. Все ребята были хорошо сложены, плечисты, носили усы. Карандаш в их широких ладонях казался соломинкой. На южной окраине старого квартала, в одном из заброшенных домов, за которыми виднелись кладбище, бойни и — дальше — пустыня, они сидели и старательно выписывали буквы своими мозолистыми дрожащими пальцами.

Некоторые из них пили, и новые учителя старались отучить их от этой привычки.

Когда лучших из них ввели в Хагану, когда стали вывозить их на прогулки и экскурсии, когда им стали давать поручения и готовить к репатриации — юноши обрели вкус к жизни и понемногу отвыкли от пьянства.

Труднее было ввести в круг Движения девушек. Их родители, вечные бедняки, по своей природе были более консервативными во всем, что касалось ограничений и запретов, наложенных на поведение дочерей. Руководителям пришлось приложить много усилий, чтобы убедить их. В этом деле им помогли братья.

Влияние Движения в еврейском квартале привело к прорыву еще одного круга: круга родителей. Те из них, которые сочувственно, но со стороны присматривались к занятиям детей, стали все больше и больше вникать в суть дела. В хорошо охраняемых помещениях собирались целыми семьями, чтобы ближе познакомиться с целями Движения и его деятельностью. Иногда встречались с самим представителем Эрец-Исраэль, ведя откровенные беседы и любуясь видами страны, которые демонстрировались через проектор.

Шаг за шагом Движением был завоеван и мир взрослых — расхождения между отцами и детьми становились

лись все меньше и меньше — пока вся община в целом не стала одним большим Движением.

13

ПЕШКОМ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

Западная граница стояла непроходимой стеной, охраняемой властями. За нею дремал надежный страж — огромная безводная пустыня, грозившая всем входящим тысячами смертей.

Покорить этого исполина вышли двенадцать еврейских парней, вооруженные лишь упорством, отвагой и тем, что называют "идеалами".

Первая попытка пересечь пустыню окончилась неудачей. Узизель с тремя товарищами, пытавшиеся проложить дорогу своими собственными ногами, были пойманы недалеко от иорданской границы и возвращены в Багдад. Это обошлось им в четыре месяца тюрьмы в Рамади.

Однажды стало известно, что в окрестностях Мусай-иба, неподалеку от Ефрата живет контрабандист по имени Ид, согласившийся перевезти группу на ослах через пустыню до берега Мертвого моря. В группу вошли двенадцать юношей, среди них четыре инструктора — все члены Хаганы. Перед выходом ребята прошли специальную одномесячную подготовку: их научили отражать нападение, имея на вооружении одни лишь ножи, вязать веревки особым узлом, и в первую очередь — умению вести себя в пустыне. Рони Мишаль прошел курс оказания первой помощи. Этой подготовкой руководил сам Абдалла, он же Мотке.

Для встречи с проводником и совместной разработки плана перехода Рони и Узизель отправились в Кербелу.

Кербела — священный город мусульман-шиитов. В

этом городе похоронен Хусейн-сын Али, зятя Мухаммада. Рони и Узиэль прибыли туда в самый разгар сезона паломничества. Базары гудели от тысяч людей, одетых в красочные восточные одежды, торговцы зазывали покупателей, во весь голос расхваливая товары и стуча по медным тазам; муэдзины с высоты минаретов призывали народ к молитве. Облаченные в нарядные костюмы, с манерами почтенных купцов, бродили среди этого шума двое "неверных" — Узиэль и Рони. Вместе с контрабандистом они заходили в стойла и ощупывали мышцы ослов, выбирая самых крепких и выносливых. После двухдневных поисков были найдены двенадцать подходящих ослов, 12 комплектов бедуинской одежды и запас еды для путешествия по пустыне: полмешка риса, бурдюки с маслом и солеными маслинами. Ослов перевели в дом проводника в деревне на западном берегу Евфрата, вблизи Мусайба. Остальное снаряжение доставили на машине.

В субботу вечером вся группа собралась на квартире Гада (Эшеда), одного из инструкторов и участников похода. К радости примешивались волнение и тревога перед страшной и неизвестной дорогой. К тому же приходилось соблюдать строжайшую тайну. Никто из родных не имел представления, какой путь предстоит их детям, а некоторые и не знали, что их сыновья уходят, чтобы не вернуться. Им сказали, что ребята едут на экскурсию в другой город.

До места встречи с проводником, в трех часах езды от Багдада, они доехали в автобусе под видом школьной экскурсии. Иоав играл роль учителя физкультуры, ответственного за экскурсию, а остальные громко распевали веселые арабские песенки.

В те ночи прожектор Бет ха-Арава начал прочесывать противоположный берег Иордана. Стража вела наблюдение с башен, лодки стояли наготове. На берегу Евфрата ребята вышли из автобуса и укрылись в одиночном, запущенном хане. Там уселись на разостланные на полу циновки и стали ждать, пока Иоав закончит беседу с контрабандистом, которая явно затягивалась. Что-

то, очевидно, не ладилось. После двухчасового "заседания" контрабандист гневно встал и ушел, а Рони и Узиэль сказали, что выход откладывается до утра. Голод, вой ветра и волнение отгоняли сон. Внутри хана зажгли костер. На стенах и потолке заплясали тени. Казалось время остановилось.

На рассвете Узиэль неожиданно вышел и зашагал в сторону шоссе. Иоаву ничего не оставалось, как открыть ребятам правду: проводник потребовал все деньги сразу, что противоречит железным законам подполья. Ведь до тех пор, пока проводник знает, что основную часть вознаграждения он получит при благополучном завершении перехода, на него еще можно полагаться. Но если он получил все деньги — кто может поручиться, что он не бросит людей по дороге в случае опасности или намеренно? Полагаться на слово контрабандиста было бы невозможно.

Ничего более не оставалось, как вернуться в Багдад. Понурые и разочарованные, ребята сели в автобус, а когда доехали до Багдада — некоторые не смогли сдерживать слез. Украдкой, по-одному, расходились по домам. Никто не должен был узнать о провале — это могло бы подорвать моральный дух у остальных.

Тщетно прожектор Бет ха-Арава искал людей. Через месяц он потух. Лодки тоже вернулись на свои места.

Рони продолжал готовиться к выпускным экзаменам. Свое отсутствие он объяснял болезнью и высокой температурой. На душе у него было тяжело. В Кербеле продать ослов не удалось. Какой-то араб привел их в Багдад, где продал за бесценок. Остальное снаряжение спрятали до лучших дней.

* * *

Прошел месяц, и Рони снова вызвали в комиссию по репатриации. Там выяснилось, что сдать экзамены ему так и не удастся, ибо вновь предстоит дальняя дорога, на сей раз с новой группой из пяти человек: Иехезкель из Багдада, Арон Кохэн и Сассон Арон из Басры, Иеша-

яху и Иехошафат из Киркука. Иехошафат добрался до столицы весьма оригинально — он приехал поездом, всю дорогу дремал на верхней полке, обмотав голову полотенцем. С ним ехал Шнеур, который все время следил, чтобы его "больного брата" никто не разбудил, даже контролер.

Контрабандист по имени Саббах был бедуином из племени аль-Бу-Иса, одного из кочевых племен Дамасской пустыни. Десятки раз он пересекал ее — от берегов Евфрата до Иордана. Не было, по его словам, в этой пустыне тропы, которой он бы не знал. За 300 динаров Саббах взял на себя все дорожные расходы, включая покупку трех ослов для переноски багажа. Группа же должна будет пройти весь путь пешком. Шестеро подростков, почти детей, собрались пройти сотни километров до Эрец-Исраэль по пескам необъятной жестокой пустыни, по зимнему бездорожью.

Быть может, именно в расчете на зиму или из соображений экономии проводник "забыл" взять с собой воду, в пустыне — предмет первой необходимости для питья и умывания.

В воскресенье 16 февраля 1947 года Рони поднялся очень рано, когда в доме все еще спали. Проснулась только мать, наверное, материнский инстинкт разбудил ее. Рони подошел к ее постели, нагнулся и шепнул, что едет на неделю к друзьям в Басру.

— А как же твои экзамены на следующей неделе? — спросила мать, и голос ее задрожал.

— Вернусь во время, мама, — ответил сын,

Но чуткое материнское сердце открыло ей истину.

— Ты, наверно, идешь в Эрец-Исраэль. Счастливо! Иди с миром!

Перед отъездом Рони написал три письма, якобы из Басры, в которых объяснил, что должен задержаться еще на некоторое время. Товарищи по Движению позаботятся, чтобы письма были посланы по почте через определенные промежутки времени.

Вокруг костра в большом шатре племени аль-Бу-Иса сидели трое мужчин, родственников Саббаха, и ше-

стеро гостей: мальчики в бедуинских абаях и длинных халатах. На головах у них куфии и укали, борода и усы только начинают пробиваться. Они сняли городские ботинки и обулись в специально сделанную обувь: подметки вырезаны из автомобильных шин, а верх — из вязаного льна, в этой обуви им предстояло пересечь пустыню. Ребята твердили свои новые бедуинские имена. Прихлебывая горький кофе — считанные капли на дне чашки, — слушали они рассказы о пустыне, о ее законах и нравах и о том, как вести себя там. Потом, закутавшись в овечьи меха, безуспешно пытались справиться с бессонницей.

Уже в первый день они познакомились с безводной равниной. Бескрайнее небо над головою, бесконечные пески до самого горизонта, ни растения, ни воды, ни живой души. Заметив на песке следы от автомобильных шин, поспешили отойти от них подальше. Чем выше поднималось солнце, тем сильнее накалялись пески. Мучила жажда, но воды не было, тело под мехом обливалось потом. На ногах появились волдыри. После короткого отдыха и перевязки ног самочувствие не улучшалось. Им казалось, что они идут по раскаленным углям. Лишь к вечеру дошли до источника и немного освежились.

Темнота спустилась на землю, когда путников пригласили в шатер одного из бедуинских племен. Таков обычай у кочевников: приветливо принять каждого гостя, накормить его, напоить, дать ночлег — даже если он не родственник и не знакомый. Гостя называют "дахиль" (входящий), и если он в беде — дают ему приют. Мальчики это только мальчики, и им полагается молчать в присутствии взрослых. Только проводник как старший вел беседу, объясняя, что они идут к племени, проживающему на западе, чтобы найти невест для шести юнцов. Перекусили питами, кислым молоком, напились крепкого чаю, и их глаза сомкнулись прежде, чем хозяева вышли из "помещения для гостей". Назавтра снова мучила жажда и голод. Погонщики каравана верблюдов, встреченные через много часов

ходьбы, не могли им помочь: у них тоже иссякли запасы воды. Только в шатрах кочевников, расположившихся неподалеку, им предложили воду и убежище, полагая, что опасаются от преследований закона.

Едва успели утолить жажду, как в горле снова начало першить. Небо потемнело, заходящее солнце окрасило горизонт в кроваво-красные тона. Вдалеке виднелись одинокие кустики, пробудившие у усталых, шагающих гуськом ребят надежду на воду. Когда, спотыкаясь, добрались до кустов, наткнулись на высохшую яму, но их опытный проводник поворошил пальцами дно ямы и добыл немного драгоценной влаги. Напились, сварили рису и поели. Потом улеглись под звездным небом, выставили охрану и закутавшись в меха погрузились в тяжелый сон. Если бы не нарушавший тишину вой шакалов, холод, боль в ногах и беспокойные мысли, можно сказать, что это была хорошая, спокойная ночь.

Утром оказалось, что спустился густой туман, одежда отсырела, а тела казались чугунными. Пробовали разжечь хворост, но он не горел. Лепешки имели вкус теста. Когда же туман рассеялся, начало нещадно палить солнце. В раскаленном воздухе пустыни их преследовали миражи: широкое голубое озеро, которое отдалялось по мере их приближения. Когда "фата моргана" растаяла, уши наполнились звоном. Жажда доводила до безумия. Вдруг откуда-то издалека донеслись звуки рожка, а на равнине перед ними, куда ни бросишь взгляд — ни шатра, ни стада, ни живой души. Пошли на звук и через два часа убедились, что в пустыне ухо надежнее глаза. Оказалось, что рожок существовал: звуки доносились из шатров пастушеского племени. Выпавшие в этих местах дожди вырастили траву на пастбищах, наполнили все ямы водой.

За сердечное гостеприимство, лепешки, финики и кофе, за ночь отдыха, путники были от души благодарны. Тепло распрощавшись с хозяевами, утром снова отправились в путь. Страх, который так угнетал их вначале, уже не было: они купили у бедуинов большой

бурдюк воды емкостью в три бидона, и сам вид его внушал им бодрость; из рабов пустыни они превратились в ее хозяев. Шли с поднятыми головами, не мечтая более о глотке воды. Мучивший их кошмар исчез. Солнце ласкало, и дорога сама скользила под ногами. Даже наболевшие раны на ногах не могли омрачить их счастья. Днем шагали, ночью отдыхали. Так прошло несколько дней и настал канун субботы.

— Вы в пустыне и должны вести себя, как жители пустыни. Одеваться как они, есть как они, а если потребуется, то и возносить молитвы Мухаммаду, посланнику Бога! — заявил проводник.

Руки, зажигавшие огонь в субботу, дрожали.

Ночь была полна страхов. Откуда-то издалека темноту прорезали два столба света, и рокот мотора распилит тишину. Всем телом прижались к земле, в ушах стучало. Щупальцы света все ближе и ближе. Разбойники на машинах? Полицейская погоня? За кем? Может быть, за ними?

Машина давно уже отъехала, а они не могли унять дрожь в теле. Сильная стужа была в ту ночь.

Только на завтра они узнали о всей серьезности своего положения. Повстречавшийся пастух рассказал, что полицейские патрули организовали засаду на убийцу-бедуина, который, по их сведениям, прячется где-то здесь в окрестностях. Обыскивают каждый шатер. Проверяют каждого человека! На бесконечной равнине, где негде спрятаться, где каждый виден издалека — нет, казалось, им спасения. Евреи в одежде бедуинов, находящиеся в запрещенном для них районе, — это находка для полиции. Сократили минуты отдыха. Торопились изо всех сил. А вечером увидели свет в шатрах. Решив, что выбрались из опасной зоны, чуть не попали из огня да в полымя. Хозяин шатра принял их приветливо, но в ответ на объяснения проводника недоверчиво покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это евреи, они идут в Фаластин. Только тебе нечего бояться, — успокоил он Саббаха, который пытался возразить, — я не выдам их поли-

ции. Многие, многие идут туда. Вот сын нашего племени, по имени Ид, должен был перевести двенадцать из них. И только потому, что они не уплатили, дело расстроилось.

На следующий день, в полдень, когда гостили у другого племени, все были сильно напуганы шумом приближающейся машины. Быстро упали на землю, закутали лица, притворились спящими. Потом оказалось, что это были торговцы маслом. Ребята опомнились от страха и зашагали дальше.

Так шли день за днем. Путники слились с пустыней, стали ее частью, изучили ее нравы и обычаи, ее признаки и приметы, ее тайные тропы и звезды над ней. Ливни заливали их, а утреннее солнце видело, как они, совершенно голые, выжимали воду из одежды.

* * *

Пустынных участков становилось все меньше, чаще появлялись зеленеющие пастбища. Однажды, увидев внезапно стоянку бедуинов, Саббах ускорил шаги и вскоре попал в объятия стариков, вышедших ему навстречу. Оказалось, что это его свекор и другие родственники. В честь гостей устроили пиршество. Ребята пригоршнями брали рис и мясо, обмакивали в соус и подносили ко рту. Еда была невкусной, издавала дурной запах. Казалось, что кишки у них переворачиваются, но они не смели нарушать застольные обычаи: пока из-за стола не встали хозяева — нельзя гостю уйти или прекратить еду. Ждали долго — наконец-то желанный знак был подан. Рони тошнило. Он потихоньку выскользнул из шатра, и его вырвало. В эту ночь спали в поле возле овец, следующую тоже провели под открытым небом, в широкой ложине, окруженной холмами. Сняли поклажу со спин ослов, разожгли костер и уснули вокруг него, укутавшись в овечьи меха. Дежурный подбрасывал хворост в костер.

Утром вскочили на ноги, разбуженные громкими проклятиями Саббаха. Новая беда — ослы исчезли.

Саббах клокотал от злости и впервые показал свои когти. Он грубо ругался и в злобе бросил изо всех сил камень в спину Рони. Рони, закусив губы, молчал. В этой ситуации не стоило реагировать. Поднялись на холмы искать ослов — вдруг звук выстрела прорезал воздух. Сбежав вниз, притаились в маленькой котловине. Прошел час — ничего не произошло. Саббах с одним из парней отправился на поиски животных, а остальные укрылись между скал, чтобы не стать добычей двуногих охотников. Пролежали четыре часа, пока не показалась какая-то фигура, шагающая прямо к ним. Решили, что это Саббах, и один из товарищей пошел ему навстречу. Не успев еще убедиться в ошибке, он увидел направленное на него дуло ружья и услышал окрик: "Ирфа айдак!" руки вверх! В эту же минуту появился Саббах, обменялся с незнакомцем парой слов, и тот тут же ушел. Он оказался просто прохожий, который... испугался бедуина, вылезающего из котловины не меньше, чем "бедуин" испугался его. Вскоре нашлись и ослы. Нагрузив на них поклажу, двинулись в путь.

Тем временем вода в бурдюке иссякла, толстый осадок грязи образовался на дне и в нем кишели черви. Шли по 12 часов в день по сухой каменистой земле, где не было и намека на воду. Вновь жажда стала одолевать их. Установили норму — два стакана в день. А дороге, казалось, никогда не будет конца.

В одиноком бедном шатре хозяин гостеприимно угостил их тухлой водой и червивыми финиками — всем, что было у него. Спать улеглись под открытым небом.

Они приближались к границе Иордании. Башмаки превратились в рванье и только благодаря веревке не распались окончательно. Ноги оставляли кровавые следы на острых камнях. Шли по четырнадцать часов в день. Норму воды пришлось сократить. Однажды им повезло: в вырытой контрабандистом яме у подножия холма появилось немного жидкости. От нее несло верблюжьей мочой, но выбора не было. Напились и напол-

нили ссохшийся бурдюк. Вскоре у всех началась рвота.

Назавтра вода кончилась, иссяк даже запас "первой помощи". Последними бинтами перевязали раны на ногах. Через каждые пять километров присаживались отдохнуть на дне вади, Вади Хауран, которому не видно было конца.

Увидев, что его "товар" теряет силы, Саббах набрался смелости, прихватил одного из парней и вышел с ним на шоссе. Это было шоссе Багдад-Хайфа, параллельно которому они все время шли. Вернулись со свежей водой, полученной у шофера одной из проезжавших машин.

Рано утром они перешли границу. После двадцати двух дней пути, пройдя около шестисот километров, измученные ребята впервые видели перед собой дома поселка. Это были пограничная полиция, таможня и водокачка Н-4 на линии нефтепровода Киркук-Хайфа. Теперь было ясно, что они — на территории Иордании.

* * *

Первые сутки в новой стране показали, что путь не окончен, и еще предстоят тяжелые дни. Они нашли себе убежище в поле, заросшим терновником, в нескольких километрах от контрольного пункта. Контрабандист, забрав ослов, пошел по каким-то делам. Неподалеку от них разъезжали всадники на верблюдах, разыскивая контрабандистов и прочих нарушителей. У ребят осталась лишь горсть фиников и немного воды.

Назначенное контрабандистом время встречи — после полудня — прошло, а его все не было. Финики съедены, вода подходит к концу. Прошла ночь, затем утро. Солнце поднялось высоко, палящие лучи его жгли тело. Последние капли воды ребята хранили на случай обморока. Их охватило отчаяние. После полудня вернулся проводник и принес с собой еду и воду. Подкрепившись, они воспрянули духом.

Идти дальше пешком было невозможно. Ноги покрылись нарывами и гноились. Люди настолько ослабли,

что не могли вынести более ни малейшего напряжения. Группа разделилась на два звена, каждое из которых отдельно вышло на шоссе Багдад-Хайфа, чтобы остановить проходящую машину.

Невероятно, но все они как-то добрались до окрестностей Мафрака и встретились у входа в город. Рони и его звено проделали часть дороги с legionерами в кузове грузовика. Только потом они узнали, что шофер был багдадцем и работал в транспортном обществе, принадлежащем еврею. Он сразу понял, кто эти "бедуины", которые попросились к нему в машину, и он даже шепнул им, к кому обратиться по прибытии в Мафрак, чтобы добраться до киббуца. До самой последней минуты ребята делали вид, что не понимают его слов, но именно он спас их от опасной встречи с другим шофером, тоже из Багдада, хорошо знавшим одного из них и таившим злобу из-за какой-то старой ссоры.

Второе звено прибыло более "гладкой" и быстрой дорогой. Все его члены сидели теперь в укрытии усталые и голодные. К счастью, Рони с товарищами привезли в карманах немного фиников и этим поддержали друзей.

Пришлось еще ждать контрабандиста. Он отправился в город за едой и папиросами. Видно было, что все это дело ему не по душе, и он ищет случая избавиться от ребят, но получить при этом деньги. После еды он вытащил бумагу и чернила и потребовал написать расписку в том, что они благополучно прибыли в Эрец-Исраэль.

Не было смысла тратить время на пререкания. Они написали расписку по-арабски, но ухитрились пропустить условленный пароль. Кроме того, в конце письма возле каждого имени вместо фамилии, написали арабскими буквами слово "шекер" (ложь). Когда в Багдаде получат это письмо, то поймут, как отплатить ему за труды.

Саббах велел им спрятаться между холмами поближе к городу. Завтра придет местный контрабандист,

который поведет их через Ирбид в киббуц Маоз-Хаим в Иорданской долине.

Он появился с восходом солнца и сообщил, что маршрут меняется. Им придется добираться попутными машинами до города Зарки, оттуда — в столицу Амман, а затем ехать в Шунат Нимрин, что возле моста Алленби. Некоторое время он сопровождал их, а потом предоставил самим себе.

До Зарки доехали без всяких приключений, но при выезде из города их подвел собственный язык. У контрольного пункта машину остановили и полицейский скучающим тоном спрашивал каждого пассажира, откуда он едет. Один из ребят, утратив всякий контроль над собой, в ответ на его вопрос вдруг выпалил:

— Из Ирака.

— Всем, едущим из Ирака, — выйти, — приказал полицейский.

Их привели на допрос в полицию Зарки. На душе было тяжело — все муки и тяготы дороги оказались напрасными.

Первым допрашивали Рони — и это оказалось счастьем для всех. Он решил продолжать начатую игру: прикинулся бедуином, неотесанным и наивным. Рони уселся на полу в кабинете следователя, скрестив ноги как бедуин, незнакомый со стулом. Он делал вид, что плохо понимает, о чем его спрашивают, медлил с ответом, чтобы выиграть время.

— Откуда ты? — спросил следователь.

— Из Дулаим.

— Где это — Дулаим?

— Возле нефтяной станции Н-4.

— Кто вы?

— Из аль-Бу-Исы.

— Что это — аль-Бу-Иса?

— Племя, так его зовут.

— Что вы здесь делаете?

— Пастухи, пасем стадо.

— Какое стадо?

— У купца.

— У какого купца?
— У Мухаммада.
— Кто этот Мухаммад?

— Мухаммад...

— Откуда он?

— Из Мафрака.

— Куда вы идете?

— В Амман, оттуда — обратно в Дулаим.

— Есть у вас паспорта?

— Что такое пас-пор-та?

Тут терпение следователя лопнуло.

— Они ни черта не смыслят, — сказал он сержанту, —
выставь их отсюда.

* * *

В местечке Шунат Нимрин был разыгран последний акт этой необыкновенной истории.

Вот они стоят на главной улице городка, едят питу с помидорами и ломают себе голову, что делать дальше. Вдруг к ним подошел полицейский и буквально засыпал их вопросами. Избавителем оказался высокий усатый араб, который заявил полицейскому, что он их знает, и что они говорят правду. В знак благодарности пригласили его на чашку кофе. Выяснилось, что он, как и следовало ожидать, надеется на заработок и готов за десять лир показать им испытанную и надежную дорогу "для тайного перегона скота в Фалястин" и даже проводить их до конца пути. Ребята согласились, хотя в кармане у них было не больше двух иракских динаров. Но — Бог даст день, Бог даст и пищу.

В течение трех часов спускались по извилистым склонам. Красота окружающего пейзажа поражала и захватывала дух. На горизонте высились холмы Палестины, а у ног лежала долина Иордана. Когда ребята оказались на берегу реки и увидели противоположный берег — землю, к которой в мечтах они постоянно стремились, — для восторга уже не было сил.

— Юсуф, Юсуф, — кричал араб в сторону монастыря

”Каср-аль-яхуд” на другом берегу. Но Юсуф, служка, который должен был перевезти их на лодке через реку, не отзывался. Как из-под земли вырос вдруг возле них бедуин лет пятидесяти, предложивший свои услуги — за плату, конечно. Араб велел ему переплыть реку и вызвать Юсуфа.

Переговоры со служкой велись во весь голос с обеих сторон реки, но не дали никаких результатов. Юсуф требовал за свои труды одну палестинскую лиру, и ни за что не соглашался на иракский динар. Он вернулся в монастырь, а группа осталась на восточном берегу. Араб предложил им обождать до завтра. Утром он найдет брод. Но ребята заупрямились: нельзя больше испытывать судьбу. Желанная цель близка. Надо переправиться, пока не поздно. Можно, конечно, попытаться переплыть реку, но двое не умеют плавать. Бедуин предложил показать им мелкое место, где можно перейти реку вброд. Это обойдется им в шесть лир. Предложение приняли. Но как избавиться от первого араба, и где взять обещанные ему десять лир?

— Ты обещал привести нас в Фалястин и не привел! — гневно заявил Рони арабу, — поэтому ничего не получишь.

После длительных пререканий они все же дали ему два динара и один мех. Теперь их провожатым стал бедуин. После двухчасового хождения в зарослях дошли до переправы.

Двадцать пять дней прошло с того момента, как на берегу Евфрата они облачились в бедуинскую одежду — и теперь они сбросили ее на берегу Иордана. Связав брюки и пиджаки, привязали их к голове. Вошли в реку гуськом, держась за руки; вода доходила до шеи. Тряпки, впитавшие их пот и кровь, остались на том берегу. Вдалеке мерцали огни Бет ха-Арава, где их тщетно ждали два месяца тому назад. Оставляя мокрые следы и дрожа от холода, приблизились к водонапорной башне на берегу Иордана. Сверху слышались голоса. Стоявшие на страже мужчина и женщина вели между

собой беседу на иврите — самом прекрасном языке на свете.

С минуту было тихо. Потом в темноте раздался новый голос — голос Рони.

— Хавер, хавер! — кричал он, — мы — олим, мы только сейчас перешли Иордан!

Прожектор залил их ярким светом. Охранники с ружьями в руках подошли к ним. Рассказы юношей о проделанном пути, сбивчивые и непоследовательные, звучали как легенда. И действительно, они совершили невозможное.

В Багдаде все были охвачены тревогой и унынием. Прибыло сообщение о катастрофе в пустыне: перевернулась машина с беженцами, есть раненые и убитые. Другие подробности не известны. Тревога за судьбу группы Рони усугубляла угнетенное настроение. Проводник не возвращался. Он, по-видимому, чувствовал, что лучше отказаться от оставшейся части вознаграждения. С нетерпением ждали сообщения из Эрец-Исраэль.

Из-за различных задержек это сообщение получили по телефону из Хайфы лишь неделю спустя после перехода через Иордан. Камень с души упал. Стук в дверь, которого так боялись, принес известие о благополучном исходе. Их товарищи — в Эрец-Исраэль. Все здоровы и в полном порядке.

Но радость сменилась общим трауром и скорбью, когда вернулись уцелевшие после катастрофы, оставив погибших и неся на руках раненых товарищей.

ДВЕ МОГИЛЫ В ПУСТЫНЕ

1947 год, несколько дней после праздника Пурим. По шоссе, ведущем из Багдада в Кербелу, двигался старый расшатанный грузовик, кузов которого был обернут брезентом. Под брезентом — ценный груз: сорок еврейских юношей — члены Движения из Багдада и других мест. Так они совершают свой "Исход из Ирака".

За грузовиком, на небольшом расстоянии от него, едет легковая машина. В ней важно восседает почтенный чернокожий араб — Абдалла ас-Саид.

Ас-Саид — человек с положением, живет неподалеку от Рутбы. Когда-то он служил в полицейском отряде по охране пустыни в чине капрала, и по сей день чувствует себя хозяином всей территории — от Багдада до сирийско-иорданской границы. До деятелей алии дошли слухи, что он согласен "сотрудничать" и имеет хороших помощников.

Сделку удалось заключить в эту же встречу: ас-Саид провезет евреев в своем грузовике через контрольные пункты до Кербелы, оттуда поведет грузовик через пустыню по дорогам, известным лишь ему да шакалам. В условленном месте его будет ждать сообщник с другой машиной, на которой он перевезет олим к берегу Иордана, а оттуда до Бет ха-Арава.

Только грузовик уехал, как из Эрец-Исраэль пришло сообщение: деятелям алии удалось установить связь с эмиром Шааланом. Эмир Шаалан был известен как могущественный шейх, которому подчиняются племена Дамасской пустыни. Он тесно связан с иорданским королевским двором и военачальниками. Вскоре шейх со своей свитой прибудет в Багдад, а уезжая, захватит с собою 120 евреев. До границы олим будут ехать в легковых машинах, а там пересеядут в военные грузовики, которые под защитой иорданской короны и доставят их в Эрец-Исраэль.

Иоав и Юнус встретились с шейхом, сговорились насчет маршрута и условий, затем вместе отправились поохотиться на оленей, а заодно и разведать дороги. Вскоре Ионас по фальшивому паспорту вылетел из Хаббании в Эрец-Исраэль.

Местными делами стал заправлять Шломо Хиллель. Правой рукой его был Сами, обычно сопровождавший беженцев; большую помощь оказывали члены комиссии по репатриации в центре и филиалах. В Багдад стали прибывать десятки желающих репатрироваться, среди них девушки, покинувшие дом вопреки воле родителей, женщины, дети, старики. Их селили по домам товарищей.

Самолет доставил Юнуса в Калию, откуда он добрался до Тель-Авива. Юнус, одетый как зажиточный иракский торговец — полосатая рубашка, нарядный костюм, в руке "мисбаха", волосы блестят от бриллиантов, — решил прогуляться по улице Алленби, и сразу же английский броневик задержал его. Не успел Юнас опомниться, как оказался под арестом в яффской полиции. Сердясь на деятелей Мосада, не потрудившихся встретить его в Калии, он через переводчика стал осыпать угрозами сержанта, громко восклицая: "Безобразия! Ловить посреди улицы почтенного арабского гражданина, приехавшего в Фалястин лечиться, будто он разбойник с большой дороги!" Он требует немедленно связать его с иракским консулом! Угрозы и крики — а кричать Юнас умел хорошо — сделали свое дело. У него попросили извинения, отвезли обратно в Тель-Авив и с невероятной вежливостью поселили в гостинице.

То, что в гостиницу поместили его именно англичане, беспокоило Юнуса. Как бы подпольщики-евреи не схватили его теперь как иракского агента, сообщника мандатных властей. Добираясь до здания Гистадрута, он успел напугать Ицхака Садэ, начальника штаба Хаганы, которого он увидел — впервые с бородой — посреди улицы.

Сорок человек решилось пересечь пустыню на грузовике. Общая цель объединяла этих людей. Среди них были подпольщики со стажем, как возглавлявший группу Иоэль Шохат, Менаше Кацир и другие. Но были и юноши, почти мальчики, из Хе-халуц ха-цаир, ребята из Багдада и из отдаленных городков. Таким был, например, Иоав из курдского местечка Халабджа — молчаливый подросток, он постоянно находился в подавленном состоянии. Деньги для него собрали из пожертвований добросердечных соседей-евреев и деятелей Движения, что еще больше угнетало. Перед отъездом Иоав сказал отправлявшему его Шнеуру: "Мне до Эрец-Исраэль не доехать, я умру по дороге." Перед выездом Иоав задержался, а когда прибыл на место — грузовик уже уехал.

"Шнеур, — кричал он с отчаянием в голосе, — я должен догнать их. Я знаю, что не доеду живым, но попробовать обязан." Шнеур и Сами посадили его в свою машину, помчались за грузовиком и догнали его уже за городом. Иоав вскарабкался в грузовик и грустно с ними распрощался.

Потом в глубине пустыни в машине вдруг что-то испортилось. Старый радиатор шипел и хрипел; ржавая вода через какую-то дыру вытекала наружу. Шофер поехал в Кербелу, чтобы запаять радиатор. Долго ждали, пока он чинил машину и вернулся. Потом двинулись дальше. Не успели прийти в себя от этого происшествия, как их настигла новая беда — песчаная буря невероятной силы. Куда ни глянь — жестокий ветер вздымал тучи песка и пыли. Дороги не было видно.

Вдруг шоферу показалось, что он нашел дорогу. Он резким движением повернул руль, и расшатанная машина не выдержала — наклонилась набок и трижды перевернулась, как спичечный коробок. Лишь несколько человек, сидевшие с краю, успели выскочить. Двое были задавлены насмерть: один из них — Иоав, паренек из Халабджи, а второй — Анвар Давид из Багдада.

Кто-то громко стонал. У троих были переломы. Остальные были ранены, оцарапаны, придавлены, но могли стоять на ногах.

Ошеломленные люди еще не успели осознать размеров несчастья, как оба шофера вскочили в сопровождающую машину и в мгновение ока исчезли в пыли пустыни, бросив всех на произвол судьбы. Носилок не было, запас пищи — ничтожен, воды — на один день. Из одежды и досок они соорудили подобие носилок и уложили на них раненых. Все были охвачены страхом: совершенно беспомощные, посреди безводной пустыни. В отчаянии они покинули место, где произошла беда, блуждали, неся изнемогающих от боли раненых, оставив под перевернутой машиной трупы двух товарищей.

Через день кончился мизерный запас еды и фруктов. Пытались сократить норму воды и сохранить немного драгоценной жидкости, которая кипела в фляжках, но там оставались лишь считанные капли — только для раненых. Черный щебень, покрывавший бесконечные просторы, скрипел под ногами; глаз искал следы воды среди песков — но тщетно. Солнце, как раскаленная печь, обжигало их и высасывало последние капли влаги из тела. Жажда сводила с ума: люди сосали камни, тряпки, а когда становилось совсем невтерпеж — пытались пить мочу и жевать траву.

Два с половиной дня они, как слепые, блуждали по пустыне; брели, спотыкаясь, задерживаясь у каждой ямки в поисках воды. На третий день после полудня случайно встретили бедуина, который пас верблюдов. Он подоил верблюдиц и напоил несчастных молоком. На минуту ожили и спросили его о воде. Бедуин показал, в какую сторону идти, и сказал, что это близко, но ноги уже не слушались их.

Иозль послал несколько парней с бидоном за водой. Остальные остались на месте. Ночь спустилась на землю, третья ночь их скитаний. Проходили часы, а посланные не возвращались. Тревога начала терзать сердца. Зажгли костры — погреться и подать знак своим. Уже

отчаялись, когда посланцы вернулись со спасительной водой.

Наутро все двинулись в сторону источника. Пришли к маленькому водоему среди холмов, заполнившемуся водой от последних дождей. Напились и ощутили голод. Под вечер группа бедуинов разбила шатры возле водоема. Завязали с ними беседу и купили финики, чтоб хоть чем-то утолить голод. Два дня провели в обществе бедуинов, вымогавших деньги, как выкуп за недонесение полиции. На третий день бедуины предложили довести их до Рутбы, выпрашивая в награду чаши. Иоэль понял, что бедуины собираются передать их на месте в руки полиции, чтобы заработать на этом. Ребята не знали, что делать. Если согласятся — попадут в руки охранки, их бросят в тюрьму, подвергнут допросам. И кто может поручиться, что они смогут устоять под пытками? А если откажут бедуинам — верная смерть. Как быть?

* * *

Напрасно в Багдаде ждали сообщения из Эрец-Исраэль. Было ясно, что группа не прибыла. Сами метался по комнате, как тигр в клетке. Не выдержав, отправился в город — узнать, что слышно. Неожиданно встретил Абдаллу ас-Саида.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Сами. Кровь застучала у него в висках.

— Все в порядке, — шепнул ас-Саид, напуганный не меньше Сами. Сейчас я тебе все расскажу. Только тут не место. Пойдем посидим в кафе.

С запинками, с заминками ас-Саид рассказал о случившемся несчастье. Потом они бросились на поиски грузовика, и ас-Саид отправился в пустыню.

Когда потрясенный Сами вернулся домой, Мотке ужаснулся его виду.

— ... Ночью надо всех собрать, — бормотал Сами, и сбивчиво, запинаясь, рассказал Мотке о случившемся.

Срочно вызвали доктора Фуада Нисима, а также чле-

нов самообороны, у которых были собственные машины. Все они переехали через мост и стали ожидать возвращающихся на другом берегу Тигра. Наступило утро, но никто не появлялся. Только к обеду показалась машина. Ас-Саид нашел группу во время их спора с бедуинами. Погрузил всех на свою машину и поехал к перевернутому грузовику. Поставили грузовик на колеса и из-под него вытащили два трупа. Вырыли посреди пустыни две могилы и похоронили останки.

Сразу же наняли пролетки и повезли здоровых и раненых в дом Шимшона (Эли Шарон). Никого не отправили домой, чтобы не вызвать паники. Шломо Хиллель, находившийся в то время в Басре, был вызван в Багдад. Чарльс занялся ранеными. Он пригласил доктора Зусмана, еврея-хирурга из Германии, работавшего в больнице общины "Меир Элиас", и еще нескольких врачей. Оказалось, что серьезнее всех ранен попавший под колеса машины Аврахам Хабба — у него обнаружили перелом позвоночника и тазобедренного сустава.

По закону, пострадавших от аварии нельзя было госпитализировать без санкции полиции. А для этого требовалось представить туда подробное описание всех обстоятельств и причин аварии. Чтобы это уладить, Чарльс обратился к коменданту полиции арабского квартала, и тот написал невинный отчет, основанный на свидетельских показаниях. Один из раненых, показал Чарльс, работал у него дома и упал с лестницы. Об остальных написали, что какая-то машина наехала на них и тут же скрылась. Конечно, сам офицер не имел представления об истинных причинах ранений. В крайнем случае, могла быть и стычка, которую участники пытаются скрыть. Кроме того, у офицера была веская причина не особенно допытываться: ему обещали, что его беременную жену примут бесплатно в первоклассную больницу общины, и что дантист-еврей не возьмет деньги за сделанные протезы. Раненые были помещены в больницу и выздоравливали под наблюдением врачей Нисима и Зусмана.

Но сохранить тайну в пределах общины оказалось делом невозможным. Слухи поползли из дома в дом, и еврейский квартал погрузился в траур. Это было первое несчастье, больно ранившее подполье и нелегальную эмиграцию в целом. Тяжелая тень омрачила горизонты нелегальной алии.

Тяжелый удар потряс все подполье. Два черных, опаленных зноем камня остались в сердце пустыни как памятники, как олицетворение последнего крика жертв пустыни.

* * *

Юнус вернулся из Эрец-Исраэль с большими надеждами. Сделка с эмиром Шаалан, как выяснилось, налаживается. И действительно, через несколько дней почтенный шейх прибыл в Багдад во главе большой свиты, насчитывающей десятки людей. Для себя и приближенных он снял несколько комнат в роскошном отеле "Семирамида". Его люди приехали, вооруженные винтовками и кинжалами, обвешанные патронташами. Они привезли с собой переносные угольные печки и кофейники. Одну печку поставили на пол комнаты, развели огонь и стали варить и жарить — как в пустыне.

Эмир получил несколько тысяч динаров задатка, и срок был установлен. Дело казалось вполне надежным, в особенности потому, что в нем участвует высокопоставленный иракский чиновник. Дважды отъезд откладывали. В назначенный вечер уезжающие собрались, но автомобили не прибыли. С напряженными нервами люди разошлись по домам. Наутро комнаты эмира оказались совершенно пустыми. В отеле сказали, что почтенный шейх забрал своих людей со всем имуществом и покинул Ирак. Вместе с исчезновением больших надежд канули в вечность и данные эмиру деньги. Разочарованию не было предела. Кто мог себе представить, что могущественный эмир сбежит, как самый заурядный воришка?

Десятки людей, среди них старики, женщины и дети, застряли в Багдаде; не было возможности отправить их ни в Эрец-Исраэль, ни обратно домой. Все они сожгли за собою мосты: ликвидировали дела, продали дома и порвали все связи. Возвращение их могло бы привести к губительным последствиям и для них лично и для общины.

Капля за каплей начали отправлять людей "обычными" путями. Некоторые пробирались через Иран. Шофер-армянин, выезжая в Хайфу, брал с собой помощника, некоторые ехали по поддельным паспортам. Иоаву Катану, предшественнику Сами, удалось однажды переправить одного смельчака по морю, на военном британском корабле, который перевозил солдат с юга.

Когда Иоав узнал, что его имя включено в черный список сысского отделения — он сам заполнил себе паспорт, сам подписал его, и, получив в ливанском консульстве визу, отправился в Бейрут. Через неделю он пешком прибыл в Кфар-Гилади.

Иозль и Менаше Кашир, уцелевшие в той злосчастной поездке, вторично отправились в путь, прихватив с собой еще двоих. В одежде бедуинов они пытались пересечь пустыню пешком той же дорогой. В пустыне они встретили бедуинов, с которыми прошлый раз спорили у водоема, и те их начисто ограбили. Пришлось вернуться восвояси. Несколько позже Иозль прибыл в Эрец-Исраэль вместе с Юнусом на грузовике Юсуфа.

* * *

В один из первых месяцев 1947 года Юнус вернулся в Эрец-Исраэль после многих приключений разгневанным. Он встретился с Бен-Гурионом и требовал загладить вину перед иракским Движением и алией. Юнус жаловался, и не без оснований, что нелегальная эмиграция из Ирака не получает достаточной помощи из Эрец-Исраэль. Нужен большой размах и опытные люди.

— Если не расширить масштаб работы, евреи Ирака

обречены на гибель, — доказывал Юнус. Еврейское агентство накануне провозглашения государства было озабочено тысячами проблем. Отклик на призывы Юнуса последовал лишь через много месяцев. Тем временем Иерахмиэль взял в свои руки дела эмиграции. Его ближайшим помощником был Сами. Небольшой просвет на горизонте алии показался в апреле того же года, когда были найдены новые пути.

Один из членов Хе-халуц ха-цаир рассказал своему руководителю, что в доме его бабушки — по роду занятий сводницы — гостит и развлекается иорданский араб по имени Ахмад аль-Бахри, который не прочь подработать. Сами встретился с бабушкой и узнал от нее, что аль-Бахри родом из Яффы, работает шофером на британской радиостанции "Ближний Восток" в Аммане. Работники радиостанции приехали в Багдад, чтобы записать на пленку известную певицу Афифу Скандар. Шофер воспользовался случаем и зашел в публичный дом еврейки, чтобы развлечься, а быть может, и подработать немного. Араб произвел на Сами приличное впечатление. Заключили сделку.

Ночью 28 апреля 16 парней и девушек двинулись в путь в закрытой машине. Большинство из них были инструкторами и деятелями алии, под ногами которых "земля горела". Среди них были и пойманные при прежних побегах или освобожденные до суда. В машине сидел Авнер Шаашуа, который лишь две недели назад вышел из тюрьмы и находился под следствием. Часть уезжающих вооружилась револьверами с твердым решением: если попадутся — пустят в ход оружие. Все равно, возвратиться в Ирак было для них равносильно гибели.

В дороге то и дело случалась какая-нибудь неприятность. Возле Аммана лопнула шина. Пока аль-Бахри менял колесо, все вышли из машины прямо в открытое поле и укрылись одеялами. Издали их можно было принять за придорожные камни... Потом лопнула еще одна шина. Второго запасного колеса не было, и шофер поехал на попутной машине в Амман, откуда вернулся

лишь через несколько часов. Пассажиры снова завернулись в одеяла и притаились в пустом хане. Только один из них, владевший палестинским диалектом арабского языка, остался стеречь машину. Услышав звон колокольчиков каравана верблюдов, сгрудились в углу под одеялами. Погонщики каравана не остановились, но заглянули в хан и увидели людей. Их угостили папиросами, и они двинулись дальше. После их ухода еще долго тревога терзала сердца: вдруг донесут? К тому же стали возникать подозрения, что шофер их бросил. В девять вечера аль-Бахри вернулся, и все с облегчением вздохнули. Ночь провели в хане. Назавтра спустились с гор к Иордану и на моторной лодке переплыли реку группами в несколько человек.

Ахмад аль-Бахри вскоре вернулся в Багдад и благополучно переправил еще одну группу. Сами и Иерахмизль были очень благодарны своднице, которая познакомила их с шофером. Они пришли к ней домой, чтобы вручить ей денежную награду в знак благодарности. Но та отказалась ее принять. Закрыв лицо руками, она заплакала. Не в погоне за наживой она все это сделала, а из любви к Израилю, из любви к Сиону. Одна просьба есть у нее: чтобы ее внука, того самого, что сообщил об аль-Бахри, отправили в Эрец-Исраэль. Она хочет, чтобы он рос в новой стране как порядочный человек, подальше от греховного притона своей бабушки. Ее просьбу исполнили. Спустя некоторое время мальчика отправили с контрабандистом, и после месяца езды верхом на осле он благополучно прибыл в Эрец-Исраэль.

ОПЕРАЦИЯ "МАЙКЕЛЬБЕРГ"

19 августа 1947 года во двор кибуца Мааган-Михаэль*, неподалеку от Реховота, на полном ходу въехала машина, и из нее выскочил Моше Червинский (Кармил), работник Мосада ле-алия бет. Он срочно разыскивал Шломо Хиллеля. У Моше был к нему срочный разговор. Поговорив о политике, о друзьях, о погоде, перешли к делу. Поначалу дело это казалось не более чем фантазией. Червинский рассказал Шломо о двух американских летчиках, храбрых парнях, которые явились в Мосад и предложили свои услуги. Оба они прошли войну, производят неплохое впечатление. Говорят, что их самолет — "С-46" — довольно большой, может вместить пятьдесят человек. Они нуждаются в деньгах, и, чтобы заработать, готовы на любую авантюру.

Как ты считаешь, — спросил Моше, — можно ли с их помощью сделать что-нибудь для иракских беженцев?

Шломо терзался из-за приостановки эмиграции из Ирака и казнил себя за собственную беспомощность — а тут предлагают самолет — так неужели он откажется? Не выясняя никаких подробностей — сразу дал согласие.

Назавтра Шломо прибыл в Тель-Авив для встречи с летчиками, но оказалось, что они уехали в Хайфу. Помчался за ними в Хайфу. Там его ждал оперативный офицер Мосада Давидка Намери. Увидев Шломо, он, не медля ни минуты, посадил его в машину, и оба поехали в гостиницу "Кармелия Корт". В неприбранной комнате с развороченными постелями их встретили двое военных, каждый ростом выше двух метров. Обменявшись приветствиями, растелили на полу карту Ирака, и

* Кибуц Мааган-Михаэль позднее был перемещен и находится в 4-х км к юго-западу от Зихрон-Якова.

один из летчиков вычертил циркулем круг вокруг Багдада радиусом в пятьдесят километров.

— Вы сможете найти место посадки в этом районе? — спросил летчик.

— Да! — ответил Шломо, хотя понятия не имел, где найдет это место.

Самолет, который предлагали летчики, был старым, еще времен мировой войны, с большим стажем. Его использовали для различных перевозок.

Наметили следующий план: Шломо, под видом третьего члена экипажа, полетит с летчиками в Ирак, где-нибудь в пустынной местности погрузит в самолет пятьдесят олим и вместе с ними вернется в Эрец-Исраэль. Все очень просто! Равнины возле Явнеэля в Нижней Галилее будут подходящей посадочной площадкой. Подразделение Палмаха подготовит посадочную полосу, окружит ее и зажжет факелы. Посадка будет на заре, при первых лучах солнца, чтобы можно было "сбросить людей и удрать". Оплата — валютой. Деньги будут переданы летчикам сразу после посадки.

— О'кей, — сказали летчики. — Едем!

Все же было решено подождать до получения согласия Мосада. Шломо приобрел одежду цвета хаки, похожую на форму летчиков. Вскоре все трое уже находились в самолете возле Хайфы, и просили разрешения на вылет.

Подошла британская инспекция. Чтобы избежать проверки документов, Шломо полез вниз, под корпус самолета, и стал искать стартер. До последней минуты боялся, что нажмет не ту кнопку — и кто знает, что тогда будет! Повезло. Он нажал нужную. Мотор проснулся и заработал с большим шумом именно в ту минуту, когда инспекторы сунули свои носы внутрь. Оказавшись в воздухе, летчики отдались радости полета, но вскоре посерьезнели и склонились над картами. Шломо ткнул пальцем на запущенное летное поле Баакубы, в 50 километрах к северу от Багдада. Маленький городок. Летное поле заброшено. Кто увидит и кто услышит, если там сядет самолет и возьмет на борт несколь-

ко десятков людей? Только когда опустились, поняли, что это была крупная ошибка. Появление в небе самолета и его посадка были просто сенсацией. Казалось, все жители покинули дома и помчались к летному полю поглазеть на диковинную птицу. Стало ясно, что посадка нелегальных пассажиров здесь просто немыслима. Любопытство жителей приведет сюда полицию и солдат. Во вторник, в полдень, сели в Багдаде. Аэродром встретил их равнодушным зевком. Никто не потрудились даже одарить взглядом случайную пташку, залетевшую сюда в "мертвый час". Эта пустота, царящая в определенные часы на багдадском аэродроме, навела Шломо на мысль: зачем ему искать место взлета где-то в пустыне, если он может найти пустынный уголок прямо на аэродроме?

* * *

Летчики остановились в гостинице, а Шломо отправился на поиски кого-нибудь из своих. В доме Менаше Шаша, в квартале Алавия, дверь открыла ему арабка. Его приняли очень приветливо и всячески старались помочь.

Шаша, — сказали новые жильцы, — уже не живут здесь. Переехали, а куда — не знаем. Может, пошлем выяснить, а ты пока посиди, выпей что-нибудь. Нет? Жаль. Тогда подожди, сын поведет тебя в место, где наверное знают...

Только около полуночи, в доме Нахмана Шина "дяде Иосифу" удалось встретиться с "дядей Альбером" (он же Иерахмиэль) и группой подпольщиков, которым он открыл все подробности предстоящей операции. В тот же вечер Шломо вместе с Сами, назначенным ответственным за операцию, пошел обследовать окрестности аэродрома.

План начал принимать конкретную форму: ночью, в установленное время, все 50 человек пролезут через дыру в заборе и тихо лягут возле самой взлетной полосы. В это же время самолет подойдет к этому мес-

ту и пять минут простоит там, пока будет греться мотор. За эти несколько мгновений все должны успеть сесть в самолет. Потом они поднимутся в воздух. Задуманная операция была исключительно опасной, обнаружение могло привести к допросам, пыткам и виселицам. Поэтому было решено не посвящать в тайну никого из посторонних.

Летчики открыто выразили свои сомнения по поводу этого плана. Они предлагали поискать подходящее место где-нибудь за городом, но Шломо настаивал: только аэродром. В полдень они вместе отправились на аэродром, чтобы ознакомиться с местностью и присмотреться к охране.

Огляделись — ни души. Пусто. Только в конце взлетной полосы, где Шломо намечал произвести посадку, увидели будку и рядом трех человек, погруженных в глубокий сон.

Шломо толкнул одного ногой.

— Что это вы спите на дежурстве, — накричал он на них.

— Мы не охрана, — огрызнулся пострадавший, — мы только рабочие, ремонтируем дорогу.

— Где охрана?

— Нет здесь никакой охраны.

— А когда приходят ночные сторожа?

— Не приходят. Ночью тоже нет охраны.

— А что это за будка?

Просто так, осталась еще с войны...

Итак — ночь с пятницы на субботу, 2 часа 10 минут.

Назавтра все пятьдесят, в том числе 20 женщин, были уже на сборном пункте в Багдаде. Большинство — члены Движения, остальные — родственники.

Десять человек (среди них — три девушки) привез Шнеур из Киркука ночным поездом и поместил пока в доме Иланы. Он ничего не знал о самолете и собирался вернуться к себе, но Моше из комиссии по репатриации задержал его.

— Идем, — сказал он, — дядя Иосеф ждет тебя.

— Это приказ, — сказал Моше, и Шнеур остался.

Действительно, дядя Иосеф!

Как с неба свалился. Странный костюм, и эта таинственность, которой он окружен. Шнеуру показалось, что наконец-то решились взять в руки оружие и прорываться через пустыню силой. Вот Шломо и Сами усадили его в машину и куда-то везут. По дороге захватили двух высоких людей, говорящих по-английски. Наверно, замаскированные палмахники! Что это они задумали? Едут на запад, переезжают по мосту через Тигр. Темнота. За рулем — Сами. Останавливаются. Пересекают шоссе. Проходят через поле. Забор. Лаз в заборе. Проходят внутрь. Великаны вдруг падают на землю: вдали какие-то тени.

— Ничего опасного, джентльмены, — говорит Шнеур, — это ветер качает деревья.

Летчики встают. Один из них обнимает его.

— Где мы? — осмеливается спросить Шнеур.

— На государственном аэродроме Багдада, — отвечает Шломо.

Вот оно! Самолет! Самый настоящий самолет! Кто бы мог себе представить, что мы доживем до этого! Недалеко от них — та самая будка. Шломо опасался, вдруг там все же поставят часового.

— Ты, — сказал он Шнеуру, — с револьвером. Бери на себя часового, если явится. Стреляй в него, бей тащи в самолет — живым или мертвым. Найдем где его бросить. А может, возьмем с собой — как пятьдесят первого оле...

Сбор — в доме у Нахмана. Заседание военного штаба. У всех серьезные лица. Члены секретариата, они и есть звено обеспечения, — Узиэль, Ювал, Нахман, Элимелех, Шнеур. Вооружаются и будут ожидать прибывающих. Шоферами назначены командиры Хаганы. Они возьмут такси из агентства "Майами". В условленное время, с точностью до секунды, они привезут людей, которых будет принимать группа обеспечения и сопровождать к взлетной полосе. Все остальное — в руках летчиков и судьбы. Если же судьба изменит — появятся часовые или солдаты и нападут, — их встретят огнем и

будут сопротивляться до последней пули. Звено обеспечения прикроет посадку людей в машины и отъезд.

Все детали операции были продуманы с такой тщательностью и точностью, что, казалось, только злой рок может что-либо испортить. И тут вдруг беда пришла, откуда ее не ждали.

Шломо сидел с летчиками в кабаре и излагал им подробный план действий. Все уже было оговорено, и тут-то один из них спросил:

— А деньги?

— Что?

— Деньги! Пять тысяч стерлингов золотом, если память мне не изменяет...

— Но ведь договорились, что вы получите деньги в Эрец-Исраэль!

— Мне очень жаль, — ответил великан, — очевидно нас не так поняли. Или мы получаем деньги здесь, или сделка отменяется!

— Слушайте, — сказал Шломо, — ведь речь идет не об отправке товара. Это дело национальное...

На сухих американцев не действуют такие доводы.

— Нет денег — не летим!

— Но вы ведь знаете, здесь у меня золота нет.

— Ничего. Возьмем динарами. Потом поменяем.

В Эрец-Исраэль послали срочную телеграмму.

Ответ был однозначным — не платить ни копейки!

Четверг прошел. Снова встретились в кабаре. Вылет завтра ночью. Шломо решил не выполнять телеграфного приказа. Он попросил Сами собрать деньги на месте. Тому удалось сколотить только половину суммы, а завтра пятница, и все банки закрыты. Летчики заупрямились.

— Или все — или ничего!

С одной стороны, Шломо понимал их. Если по прибытии в Эрец-Исраэль будут затруднения, они "скинут" пассажиров и должны будут скрыться. С кого же они потом смогут потребовать деньги? Ясно, что они пойдут только на верное дело и не захотят рисковать. Но, с другой стороны, у него не было денег.

— Я дам вам чек на остальную сумму с моего счета, — предложил он вдруг.

Это произвело впечатление.

— В каком банке ты держишь деньги? — спросили они.

Тут-то и была зарыта собака. Шломо назвал банк в Нью-Йорке. Он просто вспомнил название банка на чековой книжке летчиков, которую видел пару дней тому назад. Они подскочили от радости. Это и наш банк! Очень удачно!

Дальше все было очень просто: они одолжили Шломо чек из своей книжки. Он зачеркнул номер счета и написал "свой", расписался и дал указание перевести подателю сего чека с его счета десять тысяч долларов (из расчета: 1 фунт стерлингов = 4 долларам).

Канун субботы. Свечи в окнах давно погасли. Темнота окутала Багдад. Участники операции то и дело поглядывали на часы. Пятьдесят человек, разбитые на группы, впервые услышали, что им предстоит стать пионерами воздушной алии. Если все пройдет благополучно, завтра на рассвете они будут дышать воздухом Эрец-Исраэль. Последние наставления. Главное, выполнять все указания быстро и точно.

Чарльс встретился с тремя членами совета общины и попросил их не ложиться спать и быть готовыми на случай, если они понадобятся. Для какой цели, он им не сказал. Будет надеяться, что они не потребуются.

Оба летчика приехали на аэродром в машине, вышли и направились к самолету. Еще одна машина: звено обеспечения. "Ребята, крепитесь!" — бурчал Иерахмиэль. Он был бледным, голос дрожал. Они ехали с выключенными фарами. Вблизи аэродрома на перекрестке люди вышли и заняли свои места. Потом, с точностью часов начали прибывать машины с людьми. Каждая машина останавливается, выгружает людей, едет дальше, разворачивается и ждет. Человек из "обеспечения" выходит из темноты, ведет группу в канаву в ста метрах от шоссе. Оттуда — к лазу в заборе, где стоит фигура, вооруженная стэнгом. Оттуда, согнувшись, не-

слышными шагами — еще двести метров до взлетной полосы. Лежать! А за ними еще группа, и еще... Лишь лай собак вдалеке нарушал ночную тишину.

Тем временем послышался со стороны самолета ритмичный грохот, разрушивший темноту и нарушивший стройность далекого собачьего хора. Стальная птица двинулась на своих колесах и приблизилась к краю полосы. Там она остановилась, чтобы разогреть моторы, причем ее мощные фонари направлены прямо на караульную башню. Дверь самолета раскрылась, и он начал поглощать людей. Сами они даже не чувствовали, как сильные руки поднимали их до самых дверей, одного за другим. Каждый нащупывал в темноте место и садился.

Тихо дремал военный лагерь, и весь аэродром, кроме грохочущего самолета, был погружен в глубокий сон.

Не доставало последней машины, которая должна была прибыть точно за пять минут до взлета. За рулем сидел Сами, а среди олим — Шула, жительница Басры, впоследствии ставшая женой Сами. Большой караван верблюдов загородил им дорогу. Сами гудит, маневрирует, натывается на бревна, Пот течет по усам: неужели опоздает? В самую последнюю минуту машина затормозила у аэродрома. Людей хватают, бегут с ними к забору, бросают вверх, как охапки сена. Шломо Хиллель бежит к Шнеуру. Обнимаются, целуются. Будь здоров, дядя Иосеф, приезжай в гости.

В самолете долгое время была тишина. Потом зажгли свет. Пятьдесят пар глаз зажмурились. Когда к свету немного привыкли, самолет закачался от объяснений и радостных восклицаний.

— Как, ты тоже здесь? И ты?

Друзья, соседи, знакомые, родственники. Землячество иракских евреев, которые стали одной большой семьей. Кто смеется, кто плачет. И лицо Шломо Хиллеля, выглянувшее вдруг из кабины летчика, его усталое лицо и красные глаза после четырех бессонных суток.

Среди пассажиров сидела активистка из Мосула Шосана Арбели, в будущем член Кнессета. Последнее время за ней была установлена слежка.

В предрассветных сумерках самолет пролетел над озером Кинерет. Два факела указывали место посадки, возле посадочной полосы были видны палмахники.

По мере спуска самолета, Шломо мог видеть все больше знакомых лиц. Самолет скользит по земле, подпрыгивает несколько раз и останавливается. Дверь распаивается, и палмахники на руках выносят людей и усаживают в грузовики, которые тут же срываются с места, чтобы скорее развезти новоприбывших по окрестным киббуцам.

Кто-то уже тащит к самолету большой позвякивающий мешок. Особенно этот звон был приятен для ушей летчиков, желающих получить плату.

— Одну минутку, попрошу вернуть чек!

Шломо спрятал в карман исторический чек. Бросил взгляд на удаляющиеся грузовики; про себя отметил: чек получил достойное покрытие.

Первый самолет в истории Алии Бет из Ирака расправил крылья и исчез за горизонтом. Все новоприбывшие были в дороге к надежным местам. Шломо возвратился в свой киббуц.

* * *

Месяц спустя Сами случайно встретился с одним из летчиков. Оказалось, что они приехали по собственной инициативе с предложением продолжить полеты. Эту возможность нельзя было упустить. Первая операция осталась в тайне, власти о ней даже не слышали. Почему же не повторить ее? Только времени было мало: летчики поставили условия — улететь в ту же ночь.

Сами на своей маленькой машине стал объезжать товарищей, чтобы успеть оповестить и организаторов и кандидатов на отъезд. Так как невозможно было мобилизовать достаточное количество машин, Иерахмиэль предложил: на сей раз везти людей к самолету на

грузовике Юсуфа. Ехать будут, лежа на полу.

Организовать вылет в ту ночь не удалось. Летчики смилостивились и согласились подождать. Иерахмиэль послал телеграмму в Мосад, о высылке пятидесяти "мешков" воздушной почтой. Ответ был неожиданный: "Не высылай!" Он заупрямился: есть возможность спасти евреев. Будь что будет — он рискнет.

Летчики и на сей раз интересовались, как будет с деньгами. Иерахмиэль выписал им чек... на американский банк и сообщил, что сам он тоже поедет, чтобы гарантировать уплату. Шофер Юсуф тем временем выехал в Хайфу, чтобы потом привезти Иерахмиэля обратно в Багдад. Через несколько дней "дядя Альбер" телеграфировал в Хайфу, что несмотря на все, он высылает весь товар, то есть поставил всех перед фактом. Разрешение на вылет поступило только в 11 часов ночи, а перед самой посадкой прибыло дополнительное сообщение, что Иерахмиэль может не вылетать. Но как сказать об этом недоверчивым летчикам, как побороть желание хоть ненадолго вернуться в страну, повидаться с семьей, которую не видел больше года.

Операция прошла, как и прежняя, с точностью совершенного механизма, без осложнений и осечек.

Это был второй и последний полет этой "серии". Летчики попробовали попытать счастья и в другой стране, на сей раз в Италии, но ничего не вышло. В истории нелегальной алии из Ирака это была одна из самых опасных и блестящих операций.

В архиве Мосада ей дано название "Операция Майкельберг".

ШЕЙХ ХАКИМ УГРОЖАЕТ УБИЙСТВОМ

С тех пор, как в арабских странах усилилась шумиха вокруг "палестинской проблемы", отношение властей Ирака к евреям становилось все хуже и хуже. Их ограничивали в торговле, увольняли со службы, не принимали в высшие учебные заведения. Многие семьи стали подумывать о том, чтобы уехать из Ирака и в первую очередь решили отправить своих сыновей и дочерей в Эрец-Исраэль. Более зажиточные считали, что им нет нужды обращаться к общественным организациям: куда проще и вернее связаться частным образом с опытными проводниками. Видя большой спрос на их услуги, контрабандисты удвоили и утроили цены.

Эта "частная инициатива" грозила большой опасностью. Она давала возможность всяким аферистам, а иногда и сыщикам, затесаться в сферу деятельности подполья.

Однако и среди "неорганизованных" олим было немало удачных побегов. Так родители устроили побег Ривке, одной из участниц Движения. Весь путь от Багдада до Эрец-Исраэль она проделала за 14 часов: выехала в пятницу после обеда, а в субботу утром переехала мост Алленби. За рулем сидел высокий мужчина лет сорока, в нарядном костюме с дорогим галстуком — родственник Абдаллы, короля Трансиордании, и все ворота были перед ним открыты.

Однажды какой-то посредник-еврей устроил Иерахмиэлю и Сами встречу с шейхом Хакимом, одним из "королей" частной контрабанды. Шейх, облаченный в шелковую абаю цвета апельсина с двумя тяжелыми револьверами за поясом, ожидал их в центре рынка в мануфактурной лавке. Судя по его известности и по машине "Додж", он казался подходящей кандидатурой. Но цену он запросил невероятную — двести динаров за каждого пассажира. Так как такого предложения принять не могли, то мирно разошлись. Однако

шейху почему-то казалось, что люди Сами преследуют его, следят за ним. Дело дошло до того, что шейх предупредил Сами: если слежка не прекратится, то шейх разделяется с ним в два счета. Об этой угрозе сообщили в Эрец-Исраэль. Последовал приказ: прекратить с шейхом всякий контакт. Однако дело обернулось иначе.

В сентябре, когда Иерахмиэль находился в Эрец-Исраэль, прибыв туда вторым самолетом операции "Майкельберг", Сами случайно наткнулся на шейха. Тот затормозил машину и вышел, кипя от гнева.

— Ты получил мое предупреждение? — спросил шейх.

— Получил, — ответил сдержанно Сами, — но если бы бросали камень в каждую лающую собаку — камни были бы на вес золота.

Шейх проглотил обиду и пригласил Сами сесть к нему в машину.

— Если не вернусь в течение часа, — сказал Сами товарищам, — передайте... (и он назвал имя офицера полиции, сотрудничавшего с подпольем и знавшего шейха. Если Сами исчезнет, будут знать, где его искать).

Машина отъехала на бешеной скорости.

— Ты не боишься ехать со мной? — спросил шейх.

— Нет.

— Хорошо, давай договоримся!

— Цена моя?

— Цена твоя!

Когда Сами сообщил в Эрец-Исраэль, что он посылает сорок нелегальных олим с шейхом Хакимом, прибыла срочная телеграмма от Иерахмиэля: "Тот ли это шейх, который грозился убить Сами? Ведь был приказ прекратить с ним всякий контакт!!" Но Сами забыл прошлое и отправил с ним группу во главе с Ури Чечиком. Все прошло благополучно. Потом шейх перевез в двух такси еще 16 человек, а в третий раз — 77, в их числе и Сами.

Это была последняя группа. С октября алия замерла. Иерахмиэль вернулся к своей пастве, и с ним приехал новый шалиах — Иехуда (Юдка) Рабинович из Кфар-Гилади, известный под кличкой "Виктор". Он приехал, чтобы заняться алией, но алии не было. Ожидались большие события. 29 ноября 1947 года ООН вынесла решение о разделе Палестины и о создании Еврейского государства.

17

КОПИЛКИ КЕРЕН-КАЕМЕТ

Сотни тысяч ушей прикинули к радиоприемникам в ту ночь, ночь на 29 ноября 1947 года. Когда зачитали резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины и создании Государства Израиль, во всех еврейских домах Ирака поднимали бокалы и молились. За закрытыми ставнями праздновали до утра, делились слухами, ожиданиями, надеждами и опасениями: что будет дальше?

Люди знали, что тяжелые дни предстоит пережить им и новому государству. Еще до принятия решения о разделе арабские газеты были переполнены угрозами в адрес евреев. Проповедники в мечетях исходили ядом и ненавистью, призывая к борьбе за спасение Палестины и подстрекая толпу против "пятой колонны" — евреев, засевших в стране. В воздухе пахло погромами, и Хагана, укрепленная членами Движения, была наготове.

Наутро, после опубликования резолюции ООН, были закрыты все арабские школы — от начальных до гимназий. Школьники вышли на демонстрации вместе с возбужденной толпой. Чернь и фанатики призывали к

*джихад** — священной войне мусульман. Во всех мечетях были открыты мобилизационные пункты. Подпольщики следили за ходом мобилизации и настроением толпы с весьма близкого расстояния. Иерахмиэль Асса затесался в беспорядочный поток демонстрантов, Юдка Рабинович из окна банка фотографировал происходящее внизу, Эйхуд (Давид Иври) стоял между столпившимися в мечети "Баб аш-Шейх" и слушал слова ненависти, падавшие на благодатную почву. Ювал проник в один из регистрационных центров "муджахиды" и видел разъяренную толпу отозвавшихся на призыв. Ведущие мобилизацией обещали им жирные оклады, легкие и блестящие победы и, главное, женщин — белых женщин—сионисток в Палестине, что распалило воображение.

Правительство оружия не выдавало, но ассигновало баснословные суммы для его приобретения и уполномочило богачей заняться этим. Среди назначенных были также миллионер Абдалла Зикр и член иракского парламента Хассан Абд ар-Рахман. Они направились в Басру закупать оружие у поставщиков-контрабандистов, которыми кишели ее окрестности; были открыты военные лагеря для подготовки к священной войне, откуда после непродолжительной тренировки весь этот сброд переправляли поближе к Палестине. Узиэлю и его друзьям, отбывавшим тогда заключение в тюрьме Рамади, рядом с шоссе, хорошо были слышны воинственные крики, доносившиеся со всех концов города, когда вояк перегоняли на запад. Люди подполья расположились в удобных для наблюдения пунктах и фиксировали все данные о проходивших "добровольцах". Собранная информация пересылалась в центр "шлихим".

* Джихад (араб.) — священная война, война за веру; одно из предписаний ислама, опирающееся на Коран, согласно которому все боеспособные мусульмане должны вести "священную войну" против "неверных".

Тем временем военная машина, в том числе организация добровольцев, требовала больших средств. Школьники ходили по домам, собирали деньги. Был введен дополнительный налог на развлечения; выпустили новую марку "За спасение Палестины", которую наклеивали на каждый купленный билет. Начался сбор денег в специальные общественные фонды, и евреи были вынуждены вносить в эти фонды десятки тысяч динаров, чтобы не показать себя врагами государства.

Все подполье находилось в состоянии готовности, в первую очередь Хагана. Еврейский квартал готовился отразить погромщиков в случае нападения. Все, у кого было оружие, держали его наготове. Кучи камней лежали на крышах, а рядом — полные котлы воды и масла. "Глаза" и "уши" подполья имелись в каждом руководящем центре, они ловили любое движение, шорох, изменение, подготовку к действиям.

С начала боев в Эрец-Исраэль все члены подполья мысленно были их участниками. Пристально следили за ходом событий, не отходили от карты. Каждая обстрелянная группа бойцов, каждая жертва — а первые вести были невеселы — вызывали острую боль. Каждое отражение нападения, каждое сражение, закончившееся победой евреев, наполняли сердца радостью и гордостью.

Члены Движения считали себя посланцами Эрец-Исраэль, его представителями. Они разъезжали по городам и местечкам, добирались до отдаленных деревень, чтобы порадовать евреев известием о рождении нового государства. Тайная типография работала круглые сутки. В синагогах и частных домах тысячи уст произносили тогда сокровенные слова: "Бе-шана ха-баа би-Иерушалаим" (В будущем году — в Иерусалиме).

Одновременно по всему Ираку начали сбор пожертвований в пользу Израиля.

Весть о возрождении еврейского государства, привезенная Иерахмиэлем в Эрбиль, пронеслась там как удар молнии. Представители общины собрались в сина-

гоге; окна и двери были усеяны людьми, с замиранием сердца прислушивавшимися к словам израильтянина. Иерахмиэлю предоставили в синагоге самое почетное место. Он говорил на иврите, а Ювал переводил. Речь шла о резолюции ООН, о свершившемся чуде, о войнах пережитых и предстоящих, об алии, которая неизбежна. Иерахмиэль говорил и о пожертвованиях — молодому государству нужны деньги, и размер суммы не меняет положения: "мал золотник, да дорог".

Иерахмиэль уехал в Мосул и, вернувшись, получил собранную сумму. Каждая семья внесла пятьдесят динаров — очень большая сумма, если вспомнить, что в те времена динар был равен фунту стерлингов. Бедняки, именно бедняки, вносили выше своих возможностей.

Езда по дорогам, да еще с крамольным багажом, была делом опасным. В такой заброшенной деревеньке, как Батас, где еврейское население насчитывало около 400 человек, гости были редким явлением. Каждый приезжий нарушал тихий сон блюстителей закона. Гиора и Менахем, прибывшие однажды в Батас, чуть не попались. В карманах пальто были у них синие копилки Керен-Каемет, а в карманах брюк — квитанции на иврите. Для маскировки Менахем захватил с собой список некоторых жителей деревни, которые якобы должны деньги его дяде и отцу.

Во время их разговора с Моше, одним из старейшин общины, появился вдруг полицейский и попросил следовать за ним. Гиора и Менахем сняли пальто, намекнув Моше на содержимое карманов, и пошли за полицейским. После их ухода Моше вытащил из карманов коробочки и бегом бросился в синагогу, чтобы спрятать их.

В полицейском участке Гиора утверждал, что приехал погостить у Менахема в Эрбиле по случаю бракосочетания его сестры, и вместе с ним направился в Батас, просто на прогулку. Офицер испытующе взглянул на него: "Теперь?! В декабре?! В такой страшный холод вы ездите на прогулки?"

Когда Менахем рассказал о долгах, которые надеял-

ся получить, офицер позвонил в полицию Эрбиля, чтобы выяснить личность Менахема и его приятеля. "Этот багдадец мне не очень-то нравится", — сказал он. У телефона в Эрбиле сидел офицер — приятель Менахема, и, естественно, отозвался о нем прекрасно. Обоих освободили, но при условии, что до отъезда они не выйдут из дому. И, действительно, они не выходили. В ту ночь у них собралась группа жителей деревни поговорить об Эрец-Исраэль. Когда на завтра оба уехали — Моше завершил начатое дело, и копилки Керен-Каемерт служили подтверждением, что и он внес свою лепту в великое дело возрождения Еврейского государства.

Блюстители законов в Ираке не всегда преследовали сионистов. Власти, конечно, знали о существовании подполья, но у них было недостаточно фактов. Только после провозглашения Государства Израиль сионисты сделались объектом преследований. До этого почти все обыски и аресты были направлены против коммунистов, которых преследовали до окончательного уничтожения, и против борцов за свободу курдов. Но подозрительность ко всему чужому, к людям и их вещам, была опасна и для деятелей Движения, много разъезжавших по стране.

Многие курды с уважением и сочувствием относились к борьбе евреев за репатриацию и независимость. В один из холодных зимних дней Шнеур случайно встретился в Сулеймании с восемью курдами, которые выразили большую симпатию молодому государству и собирались даже собрать среди своих некоторую сумму в знак солидарности. "Дай Бог, чтобы и мы добились того, чего добились вы!" — сказали они.

С октября дороги алии опустели. Лишь одиночкам удавалось пробраться самолетом в Эрец-Исраэль по поддельным документам. Но это были "особые случаи", то есть люди, которых необходимо было убрать подальше от цепких лап иракской полиции. Ситуации бывали разные, порою невероятно рискованные, порою комичные — если бы они не были чреватые трагическим исходом.

Терпение Моше (Моше Алиа — как его называли) было уже на пределе, когда он поручил Элимелеху организовать отправку одного портного и его "супруги". Оба не только никогда не летали самолетом, но в жизни не видели аэродрома. Портной взял на поруки людей, которые находились уже далеко от Ирака, и теперь необходимо было срочно отправить и его — под видом почтенного эфенди с супругой.

— Завтра они вылетают, — сказал Моше, — паспорта уже есть, остальное тоже улажено. Только мне никак не удастся научить их как вести себя.

В течение долгих часов пытался Элимелех вдолбить портному его новое имя и что он армянин, а потому должен говорить на соответствующем языке и когда на аэродроме его спросят о цели поездки, он должен ответить, что едет лечиться и т.п., — но портной заикался, мямлил, даже своего нового имени не мог вспомнить.

— Когда приедешь в Лод, — терпеливо поучал его Элимелех, — зайди в ресторан, сядь и жди, пока к тебе не подойдет официант и спросит: "где Дейвид?" Д-е-й-в-и-д! Понятно?

— Понятно!

Пока портной с грехом пополам начал усваивать свою роль, нервы Элимелеха развинтились окончательно.

Наступил день отъезда. Элимелех взвалил на спину тяжелый чемодан и выскочил из дома. Доехали до ворот аэродрома. Портной, одетый как вельможа, поднял свой чемодан, и рука его задрожала.

— Что теперь, — спросил он, — куда идти?

Странная парочка продвигалась робкими шагами. Забыли даже поблагодарить и сказать шалом. Элимелех не двигался с места, пока не удостоверился, что самолет поднялся. Он обвел взглядом аэродром. Слава Богу, парочки уже не видно.

* * *

Со времени опубликования резолюции ООН о разделе Палестины, по вечерам тишина окутывала еврейские кварталы намного раньше обычного. В часы сумерек люди спешили вернуться домой, чтобы с наступлением темноты быть вместе со всей семьей. Щелкали замки плотно закрывались засовы, люди тихо сидели по домам, прислушиваясь к биению собственных сердец. Внимательно слушали передачи радиостанции "Хагана", чтобы отвлечься от злобных слухов, распространяемых арабскими станциями.

С возвращением уцелевших вояк "муджахиды", воевавших в Палестине и потерпевших там поражение, по Ираку поползли рассказы из серии "Тысячи и одной ночи" о военной мощи сионистов в Эрец-Исраэль. Чтобы оправдать свое отступление, рассказчики превращали еврейских бойцов в сказочных героев. Из всех этих небылиц можно было выделить зерно истины: евреи в Палестине умеют хорошо постоять за себя. Гордость наполняла сердца еврейской молодежи. Было даже некоторое ощущение вины, что в этот час им не довелось быть там, где они действительно нужны.

Решение ООН о разделе вызвало большое смутение в рядах коммунистов Ирака, среди которых было немало евреев. Издавна существовало некоторое соревнование между обеими подпольными организациями — коммунистической и сионистской. Каждая из них видела решение еврейского вопроса в абсолютно другом свете. Часть еврейской молодежи, которая по своему душевному складу могла бы стать сменой стареющему поколению коммунистов, нашла в сионизме более достойную цель и примкнула к Движению. Там им помогли разобраться в разнице мировоззрений и готовили к ведению дискуссий с людьми, которые, по мнению Движения, напрасно разбазаривают силы ради установления коммунизма в чужой стране, вместо участия в поисках достойного разрешения национальной проблемы своего родного народа.

Наиболее видными деятелями коммунистического подполья были евреи; многие из них были упрятаны в

тюрьмы, расстреляны или повешены в периоды жестоких преследований коммунистов иракскими властями. Они же были главными инициаторами создания "Лиги по борьбе с сионизмом" и "Антисионистского кружка иракского еврейства", и не раз публично выступали против сионистов.

Теперь, когда даже Россия проголосовала за эту резолюцию, и им пришлось выразить свое согласие — вплоть до столкновения с властями. В одном из номеров своего партийного органа "аль-Каида" они подтверждали свое полное согласие с "разделом", чем вызвали ярость шовинистических кругов, которые не замедлили вскоре рассчитаться с ними.

* * *

Из-за политических сотрясений в Ираке в 1948 году на время забыли о палестинской проблеме и ненависти к евреям. Евреям даже начинало казаться, что настало новое время в отношениях Израиля и Исмaила в Ираке. Решающую роль сыграло "Портсмутское соглашение", подписанное 15 января главой иракского правительства Салихом Джабром и британским министром Бевином в городе Портсмуте. С окончанием Мировой войны в Ираке повеяли антибританские ветры и возникло движение, требовавшее внесения поправок в англо-иракский договор 1930 года, предоставлявший Великобритании полную власть в Ираке. В этом движении участвовали представители и правых и левых течений. Теперь заключение Портсмутского договора вызвало резкий протест против договора и против правительства, его подписавшего. Правда, в новом договоре права Британии в Ираке были заметно урезаны, Ирак получил большую самостоятельность, но и те привилегии, которые сохранялись за представителями старой империи, вызывали резкое недовольство.

Когда из Британии поступили сведения о подписании договора и о его содержании — вода прорвала плотину. Десятки тысяч людей загрохотали улицы. Клокочу-

щей лавиной толпа хлынула к посольству Великобритании, к багдадскому отделению газеты "Таймс", к иракско-британскому газетному агентству и зданию американского информационного бюро. Первой волной были убиты четыре полицейских и четыре жителя Багдада, среди них носильщик-араб, которого застрелил полицейский, когда он мирно шагал по улице с поклажей. Похороны его превратились в гневную демонстрацию многотысячной толпы, а убитого причислили к лику святых. Весь Багдад кипел, как котел. Полиция подавила восстание. Многие были скошены пулеметным огнем. Сотни были ранены. Жизнь человека потеряла всякую цену. Среди потерпевших было много коммунистов, организаторов демонстраций.

Только когда объявили об аннулировании договора, после отставки и бегства Салаха Джабра — страна понемногу начала успокаиваться, новое правительство во главе с Мухаммадом ас-Садром сделало несколько шагов в сторону либерализации, предоставления свободы политическим организациям, ослабления цензуры, но на деле и оно стремилось к захвату полной власти, как и его предшественники.

В эти тревожные дни члены самообороны стояли наготове на своих постах. Многие шагали с демонстрантами, выкликая лозунги против прогнившего правительства и империализма, зорко следя за настроениями толпы, чтобы вовремя предупредить своих, если какой-либо подстрекатель попытается обратить разъяренные страсти против еврейского населения.

За исключением единичных случаев, шовинистам не удалось направить гнев толпы в еврейские кварталы. Коммунисты, руководившие демонстрациями, хорошо усвоили, что отвод народного гнева в антиеврейское русло только отдаляет от цели. Наоборот, евреи, как элемент прогрессивный по натуре, были им желательны. Они называли евреев "братьями", "дорогими соседями". Их главный враг — так они утверждали — это существующий режим.

Глава еврейской общины объявил общий траур по

погибшим. Сотни людей приходили его утешать, среди них и арабы... И на деятелей сионистского подполья эти лозунги произвели впечатление. Были предложения попытаться прийти к взаимному пониманию и сотрудничеству с прогрессивными кругами. Но отрезвление наступило довольно быстро. Вскоре стало ясно, что разговоры о братстве и терпимости — лишь тонкая скорлупа, под которой бурлит давно известная с давних лет ненависть к евреям.

В истории Ирака эта эпоха запомнится как "аль-Васба": то есть пробуждение, порыв, возрождение. В истории евреев Ирака — это была последняя иллюзия мирной жизни.

* * *

Ювал проводил Иерахмиэля около полуночи, а сам сел в автобус, идущий в старый квартал. Автобус был совершенно пустым. Шофер принял Ювала за араба и решил поболтать. По мере приближения к кварталу мусульман-фанатиков "Баб аш-Шейх", все громче слышны были крики и завывания, доносившиеся оттуда. Море людей теснилось у мечетей, оплакивая погибших. Женщины с растрепанными волосами били себя кулаками в грудь. "Я-бу! я-бу!" редела толпа. Вопли, плач, темнота, огонь и дым — все это сливалось и смешивалось, и втягивало всех присутствующих в состояние животного экстаза. Зажегся и шофер. Глаза его широко раскрылись, а ладони, оставившие руль, сжались в кулаки. Автобус был плотно окружен воющей толпой.

— Где бы, — обратился шофер к Ювалу, — где бы найти сейчас какого-нибудь еврея, чтобы свернуть ему шею?!

Назавтра Ювалу, на этот раз с Элимелехом, снова пришлось приехать в этот район. Оба выдавали себя за арабов. Опять толпа окружила их машину, от истерических воплей раскалывалась голова. Были слышны выстрелы: кто-то стрелял в воздух. Араб, последний

пассажир, оставшийся с ними в такси, вытащил револьвер и хотел выстрелить, но револьвер дал осечку.

— Дай-ка сюда, — сказал сидевший рядом с ним Ювал.

Взял револьвер, что-то поправил и вернул хозяину. Тот приложил палец к курку и осмотрелся:

— Как жаль, что нет поблизости еврея.

— Где найдешь еврея в такую ночь? — ответил Ювал.

* * *

Март был тяжелым месяцем для охваченного войной населения Эрец-Исраэль: 16 бойцов Хаганы пало в боях в северной части Иерусалима; 13 человек убито и 13 ранено при взрыве адской машины во дворе одного из учреждений. Арабы напали на большой отряд, возвращавшийся из Гуш-Эциона. Бой длился 30 часов и принес большие потери — восемь убитых, тридцать четыре — раненых. 47 бойцов погибло при арабской атаке на отряд, направлявшийся в осажденный Иехиам, 17 — возле Хулды, на дороге в Иерусалим.

В самый разгар кровавого марта 1948 года, когда происходили сражения в Эрец-Исраэль, когда британцы готовились оставить страну, и всюду царили разруха и беспорядок, на аэродром в Лоде сел самолет египетской авиационной компании, и из него вместе с другими пассажирами вышли две молодых пары: Гиора — Цивья Бет и Узиэль с приятельницей. Они выехали из Ирака по фальшивым паспортам под видом арабов-христиан, направляющихся на лечение. Узиэль только за несколько недель до того вышел из тюрьмы, где отбывал наказание после неудачного побега. Выйдя на свободу, нигде не показывался, чтобы избежать повторных допросов и арестов, и вот теперь, в добрый час, он прибыл в страну своей мечты.

Не успели новоприбывшие пройти паспортный и таможенный контроль, как на них налетели таксисты, тянули за рукава, крича: "Куда? Куда?" Чуть подальше они заметили худощавого спокойного парня, который в углу изучал содержание арабской газеты.

— Дядя Иосеф!

Но как подойти к нему, если арабские шоферы облепили тебя, как мухи?!

— В Тель-Авив, — бросил он шоферам.

— Вы что? В своем ли уме? — шофера никак не могли уразуметь, чего четверо иракцев ищут в Тель-Авиве, когда самодельный "Давидка" уже выпалил парочку другую страшных бомб в сторону Яффы, и ходят слухи, что у "яхуд" (евреев) есть даже "кунбула заррия" (атомная бомба).

— Не стоит вам ехать в Тель-Авив, — умоляли их, — там убивают всех арабов. Идемте, повезем вас лучше в Иерусалим или Яффу.

Но пассажиры продолжали упрямыться. Только в Тель-Авив. Полицейские и офицеры, арабы и англичане всеми силами старались их убедить.

Упрямство могло вызвать подозрение.

Узиэль сделал вид, что согласен ехать в Иерусалим. Шломо Хиллель, наблюдавший поверх газеты за происходящим, начал покрываться потом, но через несколько минут Узиэль "передумал" и попросил у британского чиновника адрес приличного отеля в Тель-Авиве. Шофера не сдавались: принесли ему арабскую газету и показали на заголовки: "В Тель-Авиве убивают арабов!"

— Но, — настаивали пассажиры, — мы же христиане!

— Христиан тоже убивают.

— Идите в ресторан, — шепнул им шофер-блондин.

По его тону трудно было угадать, каковы его намерения.

Поднялись в ресторан. Сидели и наблюдали. Белокурый официант — он же и шофер — подал им несколько пирожных. В пирожном, доставшемся Гиоре, лежала записка. Узиэль прочел ее в уборной. "Попросите номер в гостинице при аэродроме. Автомобиль запаздывает. Ждите извещения". Все еще опасаясь, что британский сыск подстраивает им ловушку, они смотрели на официанта с полным равнодушием.

— Я из Хаганы, — шепнул он по-арабски.

Ушел, и через пару минут вернулся с добавочной порцией пирожных. В приложенной записке были только два слова: "Гиоре — от Иосефа". Этого было достаточно.

Сняли комнату и стали ждать. Вскоре дверь открылась, и в комнату вошел "Иосеф" — Шломо Хиллель. Росинки пота поблескивали на его лбу.

— Я боялся, — сказал он им, — что вы поддадитесь уговорам и уедете в Яффу или Иерусалим. Оттуда сам Бог вас бы не вызволил.

В бронированном автомобиле, везшем еврейских работников аэродрома, они выехали в Тель-Авив. Масивные стальные двери крепко закрыты. Маленькие окошечки-бойницы. Оружие извлечено из тайников. Стрельба, взрывы.

В стране — война.

* * *

В марте месяце, после пятимесячного пребывания в Эрец-Исраэль, Сами вернулся в Ирак с заданием от Мосада и вновь привел в движение машину "паспортов". Пары, отправляемые самолетами, как это было с Узиэлем и его свитой, вылетали с аэродромов Багдада или Басры. Полицейские офицеры из паспортного отдела оказывали Сами кое-какие услуги (конечно, не безвозмездно). Все больше и больше людей вылетало из Басры, где легче было договориться и не было так опасно. Когда воздушная связь между Ираком и Палестиной прекратилась, выезжающих стали переправлять через Европу.

Одним из последних самолетов линии Багдад — Эрец-Исраэль улетел Мотке — посланец Хаганы, а в другом самолете — Ювал, который захватил с собой еще троих.

“СЕГОДНЯ НОЧЬЮ АРАБСКИЕ ВОЙСКА ВОЙДУТ В ПАЛЕСТИНУ”

По мере приближения 14 мая — дня провозглашения государства Израиль — в Ираке все громче бряцали оружием.

Евреи попрятались в своих домах, как улитки. Опасность подстерегала их на каждом шагу. Иллюзий уже не осталось. Кроме незначительного круга людей во главе с председателем общины, всем было ясно, что только подполье — в особенности самооборона — в состоянии отбить нападение и руководить защитой евреев.

Накануне провозглашения государства Израиль совет общины постановил войти в связь с подпольем, чтобы совместно обсудить шаги, которые следовало бы предпринять перед лицом грозящей опасности. У Дауда Салмана с давних пор была негласная связь с подпольем, и он взял на себя это дело. Чарльс устроил ему встречу с Юдкой и Иерахмизлем. Впервые совет общины был инициатором переговоров с подпольем — неопровержимый признак того, что подполье стало для общины единственной опорой и надеждой. И вскоре оно доказало, что достойно такого отношения.

Когда в воздухе запахло порохом, Хагана была приведена в состояние боевой готовности в Багдаде и в других городах. По вечерам члены самообороны занимали свои места на боевых постах и в штабах. Из тайников достали оружие и боеприпасы. Врачи, студенты-медики, медсестры и санитары — все находились в полной готовности.

Евреи, не участвовавшие в подпольном движении, тоже не сидели сложа руки. Каждый старался приобрести оружие. Члены Хаганы обходили дома и обучали жильцов основным приемам самообороны. На крышах приготовили бочки с водой и маслом, груды битого кирпича и бутылок. Кто не смог достать оружия, точил

кухонные ножи. По мере приближения 14 мая в еврейские кварталы стали перебираться и евреи из пограничных районов и мест со смешанным населением.

* * *

Еще накануне арабские кварталы бурлили и кипели. Среди жителей кварталов стали распространяться странные и необычные слухи — с глазу на глаз люди перешептывались, что Хагана высадила на территории Ирака парашютный десант для защиты евреев. Да и сами они собрались в своих кварталах — это для того, чтобы взорвать арабские дома. В еврейских кварталах было тихо. Чувство радости сменялось тревогой, тревога — радостью. Радость — за рождение Еврейского государства; тревога — за его судьбу. А что будет с ними, евреями Ирака? Сигнал к нападению — это они знали — будет дан в восемь часов, одновременно с передачей новостей по багдадскому радио.

Во второй половине дня собравшиеся командиры участков получили последние наставления: вести себя сдержанно, не бросаться в бой из-за первого подозрительного шороха, чтобы не давать повода для взрыва. Только в самых крайних случаях, когда иного выхода не будет, — применять оружие. Иерахмиэль взял на себя командование в старом квартале вместе с Иехошафатом; Юдка — в Баттавине и Алавии вместе с Нисимом; Наим — в Карраде.

С наступлением вечера все члены подполья были на своих постах, вооруженные револьверами, стэнами, томиганами, гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Наим был правой рукой гостивших в его доме шлихим. Дом его находился в старом районе Нассара. В подвале над радиоприемником склонились Иерахмиэль и члены штаба. Подобно им, в этот час к приемникам приникли еще десятки тысяч. Издалека доносилась к ним по радио скромная церемония провозглашения государства и речь Бен-Гуриона.

Но чувство радости сменилось тревогой, когда они включили багдадскую станцию.

— Сегодня ночью, — сообщал диктор — арабские войска войдут в Палестину. Для обеспечения порядка и дисциплины в тылу по всей территории Ирака объявляется военное положение. Запрещается носить оружие и собираться в группы!..

Смысл этого объявления сводился к тому, что правительство не окажет поддержки зачинщикам беспорядков и, более того, подавит эти беспорядки силой. И действительно: танки, броневики, военные и полицейские патрули были поставлены в наиболее чувствительных местах.

После передачи последних известий командиры самообороны проверили все посты и нашли защитников в полной готовности.

Иерахмиэль инкогнито шел по старому городу, от одного боевого поста к другому, и поскольку он был похож на армянина, появление его не вызвало перешептывания и слухов.

Не раздалось ни одного выстрела. Сброд остановили до того, как он выполз из нор. Ничего не произошло в ту ночь, как и в последующие, ни в Багдаде, ни в других городах и местечках. Очевидно, чернь примирилась с положением, догадываясь, какой прием ей уготован.

19

ВЕСЕЛЬЕ У ВИСЕЛИЦЫ

Спустя неделю стало ясно, что брожение толпы понемногу утихает, и оружие снова прятали.

Казалось, жизнь входит в свою колею. Сионистское подполье, ставшее связующим звеном между евреями

Ирака и государством Израиль, понемногу возобновило свою деятельность.

В трудные дни Войны за Независимость иракские евреи с волнением следили за ходом сражений. Но только из подпольных источников можно было узнать правду о боях в Израиле.

Передачи из Израйля были слышны очень плохо, а арабские радиостанции не переставали трубить о том, что их войска разбивают сионистов в пух и прах. Они сообщали, что Газа, Хеврон и Иерихон уже в руках арабов. Иракские евреи на основании библейских текстов считали, что эти города еврейские, и Иерахмиэлю трудно было объяснить им, что они теперь отошли к арабам и "завоевание" их — просто арабская пропаганда.

Иерахмиэль, склонившись над картой, излагал инструкторам ход военных действий, а они передавали услышанное своим воспитанникам и остальным евреям. Одним из самых тяжких для Иерахмиэля был день, когда прибыло известие об оккупировании еврейского квартала Старого города в Иерусалиме.

— Иерусалим пал, — печально шептали евреи со слезами на глазах.

— Стена Плача...

Бедая появилась внезапно из девяти мешков с почтой. Перед уходом из Палестины британские власти передали все почтовые отправления, адресованные в Ирак, в руки иракских властей. Среди этой корреспонденции были и сотни писем к иракским евреям, ставшие ценной находкой для ревнителей военного режима, они дали возможность властям обвинить евреев в измене и сотрудничестве с врагами Ирака.

Письма конфисковали и отправили в цензуру на расшифровку. Хаим Шамаш нарушил приказ — вытащил мешок с заказными письмами, среди которых были самые "опасные", и велел немедленно передать их адресатам, минуя цензуру.

Из сотен писем, попавших в руки цензоров, среди которых было немало палестинских беженцев, боль-

шинство было написано на арабском языке, часть — еврейскими буквами по-арабски, и небольшая часть — на иврите. Гурджи Далах — свой человек в цензуре — делал все возможное, чтобы изъять из переводов некоторые имена и подробности.

”Добыча”, попавшая в руки властей, была мизерной, но им и не нужны были иные доказательства. Если поддерживается переписка с Палестиной — этого было достаточно, чтобы объявить еврея изменником.

Страх охватил евреев во всех городах и местечках Ирака. Люди сидели за закрытыми ставнями и, заслышав шаги, молили Бога, чтобы беда их миновала. Но не всегда молитвы эти были услышаны. Сыщики врывались в дома, придирались к каждой еврейской букве, к каждому обрывку письма, к каждому изображению Маген-Давида, чтобы доказать вину евреев. В домах, до которых еще не дошла очередь, спешно занялись ликвидацией всего, грозившего стать уликой. Письма сыновей и дочерей, еврейские книги, молитвенники, даже Библия, были преданы огню. Те, у кого рука не поднималась уничтожить священные книги — несли их в синагогу, а там служки сжигали их.

Несмотря на тщательные обыски в домах евреев, полиции и сыску не удалось обнаружить каких-либо вещественных доказательств деятельности подполья.

Облавы на сионистов, а сионистом считался каждый еврей, усиливались. Арабские доносчики пользовались моментом, чтобы расправиться с евреями или освободиться от долгов, которые они не хотели возвращать. Тюремны ломились от арестованных евреев, среди них — женщины и старики, из которых выбивали показания о связях с Палестиной и побегах родственников, выпытывали подробности об именах и кличках, упоминаемых в письмах. Тюремщики не отличались привередливостью: если в письме, например, упоминалось имя Давид без фамилии — арестовывали дюжину Давидов и бросали на допросы.

Среди задержанных и осужденных были также члены подполья, получившие письма, или упоминаемые в

них. Несмотря на допросы и побои, от них не удалось получить ни малейшей информации о Движении и самообороне. Об этом свидетельствует факт, что правительством не было предпринято никаких особых мер в результате этих допросов. Гонения и репрессии были направлены против еврейского населения в целом.

С 14 мая усилился процесс изгнания евреев из правительственных учреждений: портов, железных дорог, таможни и почты. Десятки лет служили там евреи верой и правдой. Теперь изгоняли всех, начиная с высоких чинов, которых вынуждали выходить на преждевременную пенсию, и кончая самыми мелкими служащими, которых просто увольняли. Сотни семей лишились заработка.

По неписанной инструкции евреям было запрещено покупать землю. Теперь власти всячески затрудняли и еврейскую торговлю. С момента провозглашения государства Израиль евреям запретили выезжать из Ирака.

На улице тон задавали крайние националисты — партия мусульманского духовенства "аль-Истиклаль". Пресса, радио, проповедники в мечетях изливали ядовитую пропаганду против "сионистов", проживающих в Ираке. Арабов призывали бойкотировать евреев. Ничего не покупать у них и ничего им не продавать. Члены "аль-Истиклаль", заполняя по пятницам базар, заставляли евреев закрывать лавки, призывали арабов делать покупки только по субботам, когда еврейские магазины закрыты. Бойкот охватил и местечки. Многие семьи, лишившись заработка, укладывали весь свой скarb и устремлялись в большие города, надеясь там как-нибудь прокормиться.

* * *

Вражда и страхи достигли апогея в дни суда и казни еврейского миллионера, жителя Басры, Шафика Адаса. Шафик и его брат Аврахам были известны как преуспевающие дельцы. Они были акционерами компании "Форд" и возглавляли разветвленную экономическую

империю. Состояние братьев оценивалось в несколько миллионов. Роскошный дворец Шафика в Басре всегда был гостеприимно открыт для иракской знати, министров и высших военных чинов, которые никогда не отказывались от услуг богача-еврея и от возможности использовать его богатства. Он тщательно избегал даже упоминания об Эрец-Исраэль и обо всем, с ней связанном. Зато, когда начался сбор средств в пользу "Армии спасения", он внес 300 тысяч динаров.

Однако, это не спасло Шафика Адаса, когда правительство решило конфисковать все его состояние. Надо было нагнать на людей побольше страху. Все произошло из-за его торговли ломом.

Вместе с группой капиталистов — иракских и британских — он создал в свое время компанию по закупке и сбыту остатков военного снаряжения британской армии. Его арестовали по обвинению в том, что вполне пригодное к употреблению военное снаряжение, он продавал под видом брака Хагане, переправляя его в Эрец-Исраэль через Италию. Все прежние связи и высокопоставленные друзья ничем не помогли ему, хотя всем было известно, что обвинение не более чем злостная клевета, которую не трудно было бы опровергнуть. Адам предстал перед военным судом. Председательствовал генерал-майор ан-Наасани. Суд был грубой инсценировкой от начала до конца. Адаму не дали даже возможности пригласить свидетелей для защиты. В числе других обвинений были: его активное участие в коммунистическом и сионистском движении, в создании и строительстве еврейского государства и участие в работе Еврейского Агентства... Адвокаты-арабы, которым не дали рта раскрыть, не посмели даже зачитать доводы защиты. Адам был вынужден лично огласить их перед судом. В августе 1948 года суд вынес приговор — казнь через повешение, с конфискацией всего состояния.

Виселица стояла напротив входа в его дом в Басре и чернь приходила пировать вокруг трепещущего тела. Крупные снимки, сделанные на месте казни, заполнили

местные газеты и были перепечатаны в египетских. В продажу вышли цветные открытки, где казнь изображалась во всех ее подробностях. Чернь ликовала: так-ва будет участь всех евреев!

Иракская община была охвачена страхом. Газеты Израиля возмущались преступлением, а еврейство всего мира проявляло большую тревогу: решалась судьба евреев Ирака. В день поминания умерших, в канун Рош-ха-Шана подполье решило поднять общее настроение и вселить в сердца надежду на избавление. Листовки, призывающие евреев не унывать, заняться самообороной и подготовкой к эмиграции, были отпечатаны и прочитаны при всем народе во время траурных собраний. Места собраний зорко охранялись.

В разгар этих страшных дней у Движения нашлось достаточно сил, чтобы понемногу заняться восстановлением разрушенного. Аресты и преследования парализовали деятельность в городах; библиотеки, инструкции, копилки Керен Каемет и все, связанное с движением, было уничтожено. Никто не собирался, никто не разрешал проводить занятия в своем доме. Многие из руководителей были заключены в тюрьмы или находились под надзором полиции. Шнеур направился на север, Элизер — на юг. Им пришлось вести упорную борьбу, но усилия дали результаты: открыли новые семинары. Движение встрепенулось и встало на ноги с удвоенным упорством.

* * *

В начале этого периода в июле месяце с аэродрома Басры вылетел господин Гурджи Наджиб в сопровождении супруги. Почтенная пара арабов-христиан держала путь в Швейцарию с целью поправки здоровья после двух лет сильного напряжения. "Дядя Альбер" (Иерахмиэль Аса) прощался со своими друзьями и воспитанниками перед возвращением в Израиль. Словами не выразишь чувств, которые испытывали его соратники по Движению, нашедшие в нем наставника и товарища.

В его дни Движение переживало самые возвышенные и красивые моменты.

С Иерахмиэлем в качестве "верной супруги" летела Тирца. Они прибыли на аэродром за несколько секунд до взлета и тут же поднялись по трапу, желая избежать некоторых нежелательных формальностей. Провожавший их Сами облегченно вздохнул, когда самолет поднялся.

Две недели Иерахмиэль пробыл в Европе. В Париже он встретился со Шломо Хиллелем, направлявшимся сейчас на ирако-иранскую границу. Иерахмиэль с Тирцей вместе с двумя тысячами олим из Западной Европы отплыли пароходом в Хайфу, куда прибыли в период второго перемирия.

Иерахмиэль вернулся в Израиль, но сердце его осталось в Багдаде. Даже когда смолкли пушки Войны за Независимость, он не ушел на отдых в свой киббуц Хулата, а продолжал заниматься "иракским вопросом", работая в ближневосточном отделе Сохнута, и принимал участие во всех начинаниях, принесших избавление евреям Ирака.

В 1950 году, когда начался Исход, "дядя Альбер" вновь вернулся на иракскую землю.

20

ПРОРЫВ НА ВОСТОК

Аббат Гласберг поднял бокал. "Лехаим!" — сказал он на иврите.

— A vitre Sante! — ответил Шломо Хиллель.

Ресторан, в котором они сидели, был одним из лучших в Париже. Рыба и вино — высшего качества. Несмотря на торжественную обстановку, лицо Хиллеля было мрачным.

Сделали по глотку.

— Что тебя тяготит? — спросил аббат, — и собственно говоря, почему ты здесь? Что, ты уже не нужен в Сирии или Ираке?

— Напротив, — ответил Шломо, — я как раз направляюсь в Ирак.

— Так в чем дело?

Шломо знал, что в Париже католический священник Гласберг был тем человеком, с которым он мог поделиться сомнениями и тревогами, а быть может, и получить дельный совет.

Они познакомились весной в Тель-Авиве. Гласберг был одним из сторонников и верных друзей Мосада и использовал для помощи ему свои связи с руководящими кругами во Франции. Он был сыном крещеных евреев из Польши. Во время войны он играл значительную роль в деле спасения евреев. Теперь, когда Шломо в Париже ожидал документы для поездки в Багдад, он встретился с Гласбергом, и тот пригласил его на обед.

Шломо рассказал обо всем, что мучило его: о телеграммах из Багдада, об обысках, допросах, тюрьмах, об отчаянии, которое начинает охватывать деятелей Движения, да и остальных евреев, о закрытой клетке, в которой они сейчас находятся без малейшей возможности выйти на свободу. Через несколько дней он будет там — но с пустыми руками.

— Если невозможно им помочь, для чего ты едешь? — спросил священник.

У Шломо появилось желание поделиться со священником подробностями фантастической идеи, не дававшей ему покоя.

Идея эта, тогда еще несколько туманная, зародилась у Шломо при его первом посещении Ирака около двух лет тому назад. Шломо несколько раз переправлялся на лодке через широкую реку Шатт-эль-Араб, образующуюся от слияния Тигра и Евфрата при их впадении в Персидский залив, и сотни лодок, снующих с берега на берег, некоторые — с контрабандным товаром, врезались в его память. Он ясно помнит также детали своего посещения отделения Хе-халуц в Абадане. В Тегера-

не находятся представители Еврейского Агентства и Керен-Каемерт. Солдат-еврей, по имени Дов Адив, женился в Иране, остался там и открыл бюро путешествий. Да, там было с кем иметь дело!

Сейчас, сидя за столом, Шломо припоминал некоторые подробности длинной иракско-иранской границы. У него мелькнула мысль, что не так трудно будет иракским евреям перейти границу по петляющим горным тропам на севере или через Шатт-эль-Араб на юге и добраться до Ирана. Нужна была лишь уверенность, что Иран примет их, а оттуда уж и в Израиль легче попасть... Если бы!

— Что ты будешь делать с тысячами беженцев в Иране? Это тоже мусульманская страна, и ее правительство никогда не согласится принять столько евреев, — возражали парижские друзья Шломо.

Не возражал лишь священник Гласберг. Он слушал Шломо серьезно и внимательно. Выслушав, отпил большой глоток вина и сказал:

— Есть у меня в Иране много добрых друзей.

— И они согласятся прятать у себя евреев, пока мы не вывезем их?

— Я думаю, что да! — ответил аббат и допил шампанское.

* * *

Через несколько дней в Тегеран прилетел элегантный молодой человек с документами на имя Мориса Фарраза. Господин Морис Фарраз, представитель французской компании по нефтяной разведке и торговле с Ближним Востоком, приехал в Тегеран по делам своей компании. Ему была выдана виза сроком на один месяц.

Прежде чем перевоплотиться в Мориса Фарраза, самого настоящего еврея, проживающего в Северной Африке, Шломо Хиллель посоветовался с друзьями аббата. Тем временем Гласберг занялся "глубокой вспашкой" среди своих знакомых и перед выездом известил Шло-

мо, что каждый еврей, которому удастся совершить побег в Иран, получит там французскую визу! Властям в Тегеране можно будет обещать — если дело дойдет до каких-либо переговоров с ними — что беженцы останутся у них на самое короткое время. Тут же на месте Шломо вместе с Гласбергом составили импровизированный список нескольких сотен евреев, чтобы своевременно отправить его. К прибытию беженцев визы должны быть уже готовы.

В течение первой же недели своего пребывания в Тегеране Шломо завязал крепкие связи с богатыми влиятельными евреями, Он приехал туда с пустым карманом и, подписывая векселя как представитель "Временного правительства Израиля", получал необходимые суммы.

Через неделю в Тегеран прибыл Гласберг с секретаршей и они отправились навестить друзей аббата — христианских священников и монахов. Друзья эти проживали в деревнях, местечках и монастырях вдоль границы с Ираком. Все они были членами древней христианской секты, которая откололась от ортодоксальной церкви и в средние века примкнула к католической. Долгие годы они существовали в условиях изоляции и гонений. Гласберг верил, что люди, сами перенесшие столько репрессий, смогут и захотят помочь другому угнетаемому народу.

Но этот визит не дал никаких практических результатов. Оказалось, что люди эти бедны и несчастны и сами нуждаются в помощи и поддержке. Во время Второй Мировой войны их подозревали в сотрудничестве с русскими, подвергли жестоким гонениям. Они не могли служить опорой. Единственным успехом этого визита были дружеские отношения, завязавшиеся между обеими сторонами. Обследовали и границу, и, посоветовавшись со "знатоками", пришли к выводу, что она "проходима".

Вскоре Гласберга вызвали во Францию, а Шломо продолжал поддерживать связи с влиятельными местными евреями. Он все больше убеждался, что его план

осуществим. Если даже удастся вызволить из Ирака несколько десятков активистов — это тоже достижение!

— Если их поймают на границе — их вернут, скорее всего, туда, откуда они прибыли, — так объясняли Хиллелю, — но если дойдут до Тегерана и отдадут себя в руки полиции как политические беженцы, им дадут возможность переехать в другую страну.

* * *

Первыми, кто прошел этот путь, стали семеро храбрых, бежавшие по собственной инициативе из Ирака, где их преследовали как коммунистов. Только после продолжительных уговоров, они согласились рискнуть и пошли в полицию. К ним отнеслись вполне корректно, предложили в письменном виде изложить причины побега — и предали суду, который приговорил их к минимальному сроку и высылке в любую страну, которая согласится принять их. Получив французские визы, все семеро поднялись в самолет и вскоре очутились в лагере беженцев в Марселе, откуда поехали в Израиль. Все расходы оплачивал Хиллель из кассы Керен-Каамет, которая в данном случае выкупала не землю, а живых людей.

Настало время двинуть в ход всю машину. В трескучий декабрьский мороз, при двадцати градусах ниже нуля, когда Тегеран и окружающие горы покрыты слоем снега вышиной в два метра, Шломо и Беник отправились в Касре-Ширин, местечко на иракской границе, недалеко от иракского пограничного города Ханакин. Беник, еврей, выходец из России, бежал оттуда во время революции 1917 года и обосновался в Тегеране. Это был человек сметливый, прекрасно владел языком и знал местные обычаи.

В Касре-Ширин, местечке, которому суждено было стать исторической вехой на путях нелегальной алии, они встретились со Шнеуром, прибывшим из Ирака, и согласовали дальнейшие действия. Решили, что мужчины, физически более выносливые, будут переброше-

ны через горы, а женщин, стариков и детей перевезут на лодках через Шатт-эль-Араб.

На обратном пути они задержались в Керманшахе. Беник зашел в парикмахерскую, а Шломо угодил в руки полиции. Виза на его паспорте была давно просрочена, и расследование могло бы привести к нежелательным результатам. Положение спасла находчивость Беника. Услышав об аресте Шломо, он бросился к коменданту полиции и поднял скандал. Он требовал, чтобы его немедленно связали по телефону с одной из виднейших личностей Ирана — и нахальство помогло. Названной личности не оказалось на месте, и Беник просил передать ему, когда вернется, только два слова: "Беник звонил". Впечатление было невероятное. К тому же священник, с которым Шломо познакомился в один из прежних визитов, сказал, что Морис Фарраз — его гость. Шломо оказался на свободе и отправился в Тегеран.

Вскоре в Иран прибыли две первые группы беглецов, всего 11 человек.

Людей поселили в тегеранской гостинице, принадлежавшей старику-еврею из России. Но когда начали прибывать новые группы, проблема жилья осложнилась. Плата за гостиницу была высокой и всех гостей регистрировали, что было нежелательно. После того, как обсудили и отвергли всевозможные варианты, Шломо сделал предложение, от которого вздрогнули все присутствующие: а почему бы не поселить людей на ... старом еврейском кладбище Тегерана Бехештия (что значит "райский сад"). Эта идея Шломо Хиллеля, как и прочие, не менее фантастические, была в конечном итоге претворена в жизнь. Число прибывающих росло, и их устроивали в комнате для обмывания покойников. Через полтора месяца население лагеря составляло уже около ста двадцати душ. Человек, взявший на себя обслуживание этих людей, был богатый еврей — выходец из Ирака, по имени Яков. Он оставил личные дела, чтобы стать преданным и добрым отцом для обитателей лагеря. С помощью общины он заботился об их

питании, одежде, медицинской помощи и прочих нуждах. Деятели Движения следили за порядком в лагере.

Пока новые группы пересекали границу и лагерь увеличивался и рос — готовилась отправка первых ста двадцати. Добрый Гласберг позаботился, чтобы визы прибыли своевременно.

Надо было решить основную проблему: какой дорогой люди доберутся из Ирана в Израиль. Полет во Францию, а оттуда в Израиль был слишком дорогим и длительным, точно так же, как морской путь вокруг мыса Доброй Надежды. Шломо стремился найти более короткую и быструю дорогу, которая сэкономила бы деньги и силы. Начал намечаться план не менее фантастический, чем операция "Майкельберг".

* * *

В конце 1948 года Сами переехал в Иран для осуществления связи между бежавшими через юг и Тегераном и вербовки иранских проводников. Суровая зима стояла в том году, наводнения и бури нарушали регулярное движение поездов, а тем самым и перевозку беглецов по железной дороге. Их расселение на юге, даже на самый короткий срок, на территории подвластного Ираку Хузистана, было сопряжено с колоссальными трудностями. Из активистов на иранской стороне границы находились: Мордехай Биби, Иоське Козн и другие, прибывшие из Израиля. В ту же пору проехал через Иран по дороге в Ирак и Давид Бен-Меир, он же "Ювал", который затем вернулся уже как шалиах. Шнеур, житель Киркука, тоже "эмигрировал" в Иран. В Ираке к нему вело слишком много нитей, и полиция разыскивала его. 15 мая, после провозглашения государства Израиль, его чуть было не схватили в поезде. Спасся Шнеур лишь благодаря тому, что под видом офицера-отпускника сел в купе, битком набитое офицерами в военной форме. Он перебрался в Багдад, где его меньше знали, но полиция обнаружила его имя в письмах арестованных. Он был заочно приговорен к

семи годам тюрьмы. Группу, задержанную по дороге в Ханакин, долго допрашивали, надеясь получить сведения о нем. Его имя и подпольная кличка были хорошо известны следователям. Когда спустя некоторое время его приговорили к смерти, Шнеур решил, что медлить нельзя. Он перебрался в Басру, а оттуда на лодке — в Иран, где продолжал свое священное дело — борьбу за алию. Но вскоре его поймали вместе с группой из 30 человек.

В то время в Тегеран с официальным визитом прибыл важный гость — регент Ирака Абд аль-Иллах. Он пытался смягчить разногласия между Ираком и Ираном. Одним из вопросов, стоявших на повестке дня переговоров, было усиливающееся бегство евреев из Ирака.

Регент просил иранское правительство выслать обратно в Ирак пойманную группу и все последующие. Пойманная группа (включая женщин и детей) находилась под арестом, и слух об этом разнесся по всей стране. Было очевидно, что правительство Ирана не сможет уклониться от выполнения этой просьбы.

Да и почему оно должно отказываться?

За согласие Иран мог бы добиться некоторых уступок у своего соседа. Отношения Ирана с Израилем были еще слабыми, а когда речь идет о собственных политических интересах, с требованиями гуманности не считаются, тем более, если речь идет всего лишь о евреях. Регент утверждал, что беглецы — сбежавшие коммунисты, пытавшиеся свергнуть иракское правительство и вообще почему бы не сделать что-нибудь для блага соседей?

Шломо твердо знал, что в результате этого изгнания беглецов ожидает петля, аресты их родных и друзей. Кроме того, это будет тяжелый удар по всему Движению. Шломо отправил срочную телеграмму в Израиль.

Там сразу предприняли необходимые меры, но пока нужно выиграть время и оттянуть высылку, которая назначена на завтра.

В кабинете офицера иранской полиции, на которого

возложили осуществление изгнания, зазвонил телефон. Вскоре туда явился Шломо Хиллель в сопровождении почтенного местного еврея, хорошего знакомого офицера. Еврей представил своего приятеля, месье Мориса Фарраза из Парижа и попросил выслушать его.

— Милостивый государь, — начал месье Фарраз, — правительство Ирака требует возвращения тридцати еврейских беженцев, и вы — тот, на кого возложено выслать их за пределы Ирана. Знаете ли вы, какова будет их судьба после возвращения в Ирак?

— Это меня не касается, — ответил офицер, — но я думаю, что их будут судить.

— Разве вы считаете, что в Ираке есть справедливый суд?

— Я считаю, что нет...

Шломо рассказал, что беженцев ждут страшные пытки и смертный приговор, хотя вся их вина лишь в том, что они бежали из страны, где их жизнь была сплошным адом.

— Но если я не вышлю их завтра, мне придется сделать это послезавтра, — заметил офицер.

— Мы надеемся, милостивый государь, — сказал Шломо, — что общественное мнение во всем мире не допустит, чтобы их послали на верную смерть... Если удастся оттянуть высылку на неделю-другую, мы сумеем найти пути для их спасения.

— В таком случае, — заверил офицер, — можете быть спокойны!

Он честно выполнил обещанное и умно придумал, как это сделать. Прежде всего, он несколько задержал выезд к границе и велел своему заместителю отложить высылку до его приезда. Приехав, начал бомбардировать главный штаб полиции в Тегеране всевозможными вопросами. Это продолжалось десять дней, а потом он получил срочную телеграмму из Тегерана, что высылка отменяется. Оставалось только назначить суд, который приговорил беглецов к 40 дням ареста — точное число дней, которые они уже отсидели, а затем всех немедленно освободили.

В один из весенних дней 1949 года с тегеранского аэродрома поднялся двухмоторный самолет "Дакота". Когда он пролетал над Ливаном, в Тегеран прибыло сообщение с борта самолета: "Один из моторов испортился". Волнение работников аэропорта усилилось, когда самолет, пролетавший тогда над Средиземным морем, сообщил по радио: "Второй мотор перегревается, теряем высоту".

Аэродромы Ливана и Сирии, также принявшие это сообщение, немедленно обратились в Тегеран с вопросом: кому принадлежит самолет, и сколько в нем пассажиров?

— Самолет принадлежит иностранной авиакомпании. Экипаж состоит из четырех человек, пассажиров нет. Самолет утром вылетел в Египет за грузом.

Через десять минут получили последнее сообщение:

— Пытаемся сделать вынужденную посадку в Хайфе.

Аэродром возле Хайфы — как кипящий котел. Машины скорой помощи и пожарные машины ожидали на поле. В больницах персонал находился в полной готовности, но все эти меры оказались, к счастью, излишними. Самолет опустился на дорожку и покатил по ней, словно это была самая обыкновенная посадка. Четыре члена экипажа были абсолютно спокойны и хладнокровны. Зато лица двадцати четырех пассажиров, которые вдруг выглянули из "пустого" самолета, были полны удивления и волнения. Они осторожно ступали дрожащими ногами на землю. Узнав, что они находятся не во Франции, а в Израиле, старики, разрыдавшись, целовали землю; у молодых на глазах тоже были слезы. В Тегеран сообщили, что вынужденная посадка в Хайфе прошла благополучно.

Спустя шесть месяцев после прибытия Хиллеля в Тегеран и девять месяцев после выезда из Израиля, его мечта, которую все считали невыполнимой, стала действительностью.

Идея эта родилась у Шломо и у Лова Адива, изра-

ильтянина, владельца бюро путешествий в Тегеране, в чьем доме Шломо остановился. Взяли напрокат самолет "Дакота". Небольшой запас бензина, которым можно было загрузить самолет, заставил летчиков лететь в Израиль самой короткой дорогой через Ирак, Сирию и Ливан. Так как нельзя было предположить, что эти страны разрешат самолету, направляющемуся в Израиль, пролететь через их воздушное пространство, Шломо и Дов придумали "вынужденную посадку". Официально самолет летел в Каир.

Олим провели к самолету. На руках у них были французские визы, они не сомневались, что летят в Париж. Только Шломо, Дов, два работника Мосада и директор авиакомпании знали правду.

Накануне отъезда экипаж самолета пригласили на ужин в гостиницу "Парк". Их было четверо — два француза и два грека. Когда месье Фарраз объяснил задание и причины бегства евреев из Ирака, они были глубоко тронуты и тут же поклялись, во что бы то ни стало, не садиться на арабский аэродром. Обещание они выполнили. После "ремонта" в Хайфе самолет полетел в Каир, на сей раз — пустой. Через два дня спектакль повторили, и еще две дюжины олим вскоре проливали слезы радости на аэродроме Хайфы. В третий раз к репатриантам присоединился еще один пассажир — Шломо Хиллель. Он решил "заехать" в Израиль поговорить насчет новых, более надежных способов переправки живых обитателей кладбища и попросить освобождения от этого дела. Дело уже вошло в свою колею, пришел и его черед отдохнуть. В этот раз "пустой" самолет летел в Бейрут. Надо было выиграть время по дороге: высадить людей в Хайфе и прибыть в Бейрут с опозданием. После пяти часов полета, пока еще в небе Ирака, после приятной беседы с олим Шломо зашел в кабину летчика и вдруг почувствовал, что самолет кренится влево и делает крутой поворот на 180°.

— Что случилось? — спросил он пилота.

Вместо ответа тот подал ему лист бумаги, а на нем —

указание, полученное только что с тегеранского аэродрома:

— Лететь над Сирией запрещается! Есть опасность, что вас собьют! Возвращайтесь в Тегеран!

Шломо побледнел. Бумага в его руках задрожала.

— И что ты сделаешь? — спросил он пилота.

— Вернусь... Только у меня не хватит до Тегерана горючего.

— И...

— Попробую долететь до Керманшаха.

— А если не хватит?

Пилот пожал плечами:

— Будем надеяться...

Итак, их обнаружили, сирийцы теперь знают, что это за самолет и какова его конечная цель. Если они со всем "содержимым" самолета теперь вернутся в Иран — дело будет плохо. Прощай новая персидская дорога!

— А не думаешь ли ты, — обратился он к пилоту, который продолжал направлять самолет к востоку, — что все же стоит продолжать полет в Хайфу?

Пилот взглянул на него, не произнося ни слова.

Приказ есть приказ.

Шломо шел ва-банк:

— Наши летчики не пугались сирийцев, — сказал он задорно.

— Ты не умеешь читать?! Сирийцы нас собьют, — нервничал пилот.

— Наши, очевидно, были лучшими летчиками, чем ты!

— Как ты можешь сравнивать меня с вашими летчиками, — побагровел пилот от гнева, — ведь они еще дети!

— И все-таки они не боялись сирийцев, а ты пугаешься!

— Как ты смеешь говорить со мной так! Ты знаешь, сколько воздушных боев я провел? Видел мои медали?

— А почему же ты боишься лететь в Хайфу? Если обойдем стороной Дамаск, они не сумеют подстрелить

нас с земли. А если сирийцы погонятся за нами в воздухе, ты сможешь перелететь через израильскую границу.

— Твое нахальство переходит все границы! А кто будет отвечать за жизнь твоих пассажиров?

— Вся ответственность за жизнь пассажиров, — ответил Шломо драматическим тоном, — лежит на мне!

— Так чего ж ты сразу не сказал?

Самолет снова развернулся на 180°. Когда пролетали в небе Сирии недалеко от Дамаска, инстинктивно понизили голоса и говорили шепотом. Только после благополучной посадки в Хайфе выяснилось, что в тот день в Сирии произошел переворот, и оттуда сообщили, что каждый иностранный самолет в сирийском небе будет сбит.

Полицейские хайфского аэродрома уже свыклись со странными израильскими визами у репатриантов, прилетающих самолетами; на полях было подписано "Шамай, от имени государства Израиль". Шамай — подпольная кличка Шломо Хиллеля в Мосаде — был единственным, прилетевшим без документов. Ему и в голову не пришло, что нужно приготовить визу для себя.

— Виза?

— Нет у меня визы, — ответил он полицейскому.

— Если так, мы не сможем разрешить вам въезд.

Шломо не знал, смеяться ему или плакать. Что-то изменилось в стране с тех пор, как он покинул ее девять месяцев тому назад. Есть порядок!

— Знаешь что, — сказал он полицейскому, — я тот, кто выписывал визы всем этим людям. Дай мне пишущую машинку — напечатаю и для себя.

Только через два часа удалось вызволить его из рук блюстителей израильских законов.

* * *

Диспетчер бейрутского аэропорта подозрительно морщил лоб.

— Ведь только час тому назад ты вылетел отсюда, — передавал он по радио пилоту "Дакоты", — как же опять ты так близко?

Пилот показал радиogramму стоявшему возле него Шломо. Вопрос, конечно, был вполне уместным. После вылета из Бейрута самолет сел в Хайфе, чтобы захватить с собой месье Фарраза. Теперь, пролетая в небе Ливана, он сообщил о своем местонахождении диспетчеру и тем самым вызвал его изумление. Но объяснение было заготовлено заранее.

— Сразу после взлета я обнаружил неисправность в моторе и решил вернуться. Долетев до Бейрута, убедился, что все в порядке. Лечу дальше по установленному маршруту.

Продолжительная тишина и ответ:

— О'кей! Счастливого пути!

Это был пятый и последний самолет операции. Игру в прятки с судьбой нельзя было продолжать до бесконечности. Шломо осталось только поблагодарить экипаж за верность и самому включиться в следующий акт драмы, с главными героями которой он уже встретился во время своего кратковременного пребывания в стране: Джимми Ваттоном и Рони Барнетом.

Когда майора Ваттона демобилизовали из американской армии, и он представил себе свое будущее в роли серого, вытуженного чиновника где-нибудь в родной стране, ему стало не по себе. Мировая война закончилась, и энергичному, смелому юноше такое прозябание не к лицу.

"Джимми, — сказал он себе, — ты достоин большего".

Иными словами, его влекли действия, приключения и деньги! И Джимми начал расправлять крылья. Он арендовал несколько больших четырехмоторных самолетов и основал частное летное общество, которое бралось за любое выгодное дело — от контрабанды до перевозок пассажиров в Мекку и в любое другое место, куда люди хотят добраться быстро и дешево. Он не особенно придерживался уставов международного воздухоплавания, но безукоризненно выполнял все взя-

тые на себя обязательства. Самолеты Ваттона послужили основой компании "Транс-Оушн", которая совершила операцию по перевозке евреев из Йемена — "Ковер-самолет".

Рони, директор компании Ваттона, был английским евреем, прибывшим в страну с добровольцами Махала; странный человек, представляющий собой смесь идеалиста и бывалого гуляки, он служил Израилю верой и правдой.

Самолеты компании "Транс-Оушн", за штурвалами которых сидели Ваттон и Рони, перевезли многих олим из Ирана в землю обетованную. Впоследствии авиакомпания "Транс-Оушн" сменила имя на "Нир-Ист", и сыграла огромную роль в выезде евреев Ирака.

В августе того же года Морис Фарраз закончил свою деятельность в Ираке. Его мечта, в которую поверил лишь один католический священник, стала былью, и хорошо послужила делу алии. В Тегеран поехал Цион Кохэн из кибуца Гешер-Хазив, а Шломо Хиллель вернулся в страну. Он надеялся, что теперь сможет, наконец, включиться в жизнь своего кибуца.

21

ТРОЕ УБИТЫХ

Евреи не хотели больше ждать. Они заключали сделки с проводниками, не всегда надежными. Цены поднялись. "Штатные" проводники стали бунтовать и требовать увеличения платы. Подпольщики работали днем и ночью, не покладая рук. Однако, надо сказать, что в будущем и "частная" переправа окажется полезной: непрерывный поток к восточной границе превратится со временем в мощную реку.

Направить этот поток в нужное русло пытался Давид Бен-Меир ("Ювал"). Теперь он вернулся в Ирак

под новым именем — "Азиз". В Басре, куда его направили, ему приходилось иметь дело с людьми разного рода — от отщепенцев до офицеров армии и полиции, которые не прочь были подработать. Мусульманское духовенство тоже порою промышляло контрабандой.

— Ты думаешь, я не знаю, — сказал как-то злобно один контрабандист Азизу, — что все эти евреи, едущие в Палестину, станут там солдатами и будут воевать против нас. Я перевожу их только ради денег. Если бы не это — перерезал бы всех!

В Басре на подозрении был каждый человек, а в особенности посланец из Израиля, — даже если его зовут Азиз, и внешне он похож на настоящего иракца. Однажды Бен-Меир вместе с Даном Карголой сажился в поезд. В руках у него был маленький чемоданчик с двойным дном. Чемодан старенький, каждую минуту может развалиться. Полицейский придирался, разламывал найденные бублики, рылся в чемодане. Чудом чемодан не расплылся у него в руках. Тем не менее капрал велел сойти с поезда и повел его к старшему офицеру. (К счастью, чемодан остался у Дана).

— Я подозреваю этого человека, — заявил он офицеру.

— Ты у него нашел что-нибудь?

— Нет.

— Кто ты? — обратился офицер к Азизу.

— Что значит кто? Гражданин Ирака! Приехал в Басру навестить родственников.

— Твой паспорт?!

— Забыл.

— Задержи его! — кивнул офицер капралу и ушел. Капрал уже вынул наручники.

— Одну минутку, — закричал Азиз на чисто иракском наречии, — почему ты меня задерживаешь? Это нахальство!

Капрал замер на минуту и испытующим взглядом посмотрел на Азиза:

— Ты не из Ирака.

— С чего ты взял?

— Я чувствую, — но в его голосе уже нет такой уверенности. — Скажи, ты действительно иракец?

Азиз отпустил такое соленое словечко, что только сын иракской матери был способен на это. Поезд гудит, колеса двигаются с места.

— Поклянись Богом, что ты житель Ирака.

— Клянусь Богом.

Без слов, одним движением руки капрал сделал знак: "иди"!

Поезд мчится на север. Ювал стоит у окна, подставляя ветру разгоряченное тело и голову. Да простит ему Бог, что он поклялся его именем. Он-то наверняка знает, что другого выхода не было.

* * *

В середине 1949 года на иракский берег реки Шатт-эль-Араб вышел Рафаэль Сурани — не кто иной, как Морис, покинувший Ирак пять лет тому назад после обнаружения писем в баке для горючего. Теперь он — член киббуца Беери. В Ирак его прислали для руководства Хаганой. Абдаллу сменил на этом посту Юдка Рабинович, основным заданием которого была нелегальная иммиграция. Но так как на этом фронте было тогда полное затишье, он занялся делами самообороны. В самые драматические минуты он был с подпольщиками: в напряженное время принятия решения ООН о разделе, в период "Васба" и при провозглашении Государства.

Теперь Юдка улетел на родину.

Соседи уже стали перешептываться, глядя на дом Наима, в котором останавливались израильтяне. Джамил (так звали теперь Сурани) и Азиз сняли дом в месте, бывшем вне всяких подозрений: напротив виллы иракского церемониймейстера. В этом месте всегда шумно от частых визитов высокопоставленных лиц — дипломатов, послов, советников. Дом принадлежал офицеру железнодорожной полиции, что тоже могло пригодиться.

Сурани нашел самооборону — особенно в столице — организованной, хорошо оснащенной и обученной, но немногочисленной — ряды ее насчитывали около трехсот пятидесяти человек. Сурани решил удвоить это число. Каждому члену предложили найти подходящего кандидата для пополнения рядов.

Приемную комиссию возглавили Наим и Нисим Шаул.

В подвале Наима Каррады устроили мастерскую для починки оружия, где ремонтировали запчасти, а также производили регулярную проверку всех видов оружия. Наметили места для импровизированных больниц и возле них построили тайники для хранения инструментов и медикаментов. Усовершенствовали планы обороны еврейских кварталов в Багдаде и других городах. Иехошафат, комендант старого квартала, передал свой пост Гидеону Ятому, и отправился "наводить порядок" в Басре. Чарльс время от времени бросал свои торговые дела и разъезжал между Басрой и Киркуком для организации курсов профессионального обучения.

Положение Сурани было крайне опасным. В качестве активиста подполья во вражеской стране, на которого уже давно заведено "дело" в тайной полиции, ему приходилось вести себя очень осторожно. Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь узнал о нем, поэтому он решил скрываться от всех знакомых, даже от родного брата. Однажды он проехал мимо него в такси и заметил, что брат делает шоферу знак остановиться. Он тут же приказал шоферу мчаться во всю...

С другой стороны, долго продолжать эту игру было невозможно, так как он нередко встречался со знакомыми людьми и упорное нежелание признать их вызывало лишь снисходительные улыбки. Люди подполья молчали, но как было поступить с одним старым знакомым, невероятным болтуном, который сунул голову в окно машины, где сидел Сурани и бодро воскликнул: "Морис, приветик!" Сурани пришлось отправить к нему Наима с угрозой: "Если выболтаешь хоть слово —

в один прекрасный день на кровати найдут твой труп!”

Подобные, а то и более опасные неприятности случались и у Азиза. У него был друг детства, капитан иракской армии. До побега Бен-Меира они нередко встречались в компании Иосефа, кузена Бен-Меира. Отсутствие приятеля очень удивляло капитана и он забрасывал Иосефа вопросами. Наконец сообразил, что ”Дауд” уехал в Палестину. И вдруг столкнулся с ним в автобусе.

Капитан бросился к нему — а тот не реагирует, стоит как столб. Араб ошеломлен, а Дауд просит шофера остановиться и быстро выходит.

— Что за люди вы, евреи, — сказал капитан, встретив Иосефа. — Дауд приехал и избегает меня. Уже не узнает друзей. Не знаю, что и думать о вас. Ты, наверно, тоже такой...

Так Иосеф узнал, что Бен-Меир вернулся.

* * *

В августе был открыт новый путь бегства в Иран — с севера. Путь этот начинался в горном местечке Халабджа, пересекал реку Ширван и заканчивался в иранской деревне Паве. Нафтали, руководитель отделения в Халабдже, знал надежного контрабандиста, по имени Кака-Бара, который слыл специалистом по этому маршруту. На пробу он даже проделал весь этот путь с двумя активистами. Менахем, член комиссии по репатриации, считал, что можно отправлять людей. Центр утвердил отправку с Кака-Бара трех ребят.

Трое: Иосеф Хай и Цион Абу Кассаб, участники Движения из Эрбиля, и Даниэль-бен-Нуриэль Дисчи, дантист из Киркука, в начале октября выехали из Халабджи верхом на мулах. Контрабандист получил на руки половину условленной суммы. Вторую половину, как договорились, он получит, когда вернется и предъявит пароль, свидетельствующий, что беглецы благополучно переправлены.

По всем расчетам они должны были прибыть в Паве через день или два: то есть контрабандиста можно бы-

ло ожидать через четыре дня. Но срок прошел, а Кака-Бары все нет и нет. Через неделю после их выезда в Хлабдже получили записку, написанную одним из трех, очевидно Дисче, — он один знал арабский язык.

Что было написано?

Об этом существует две версии. Записку видели два активиста. По словам одного из них, там было написано следующее: "Контрабандист требует денег, не довольствуясь обещанным. Пришлите хорошие папиросы". По утверждению второго, автор записки возмущался тем, что "Движение взыскало с него восемьдесят динаров, а контрабандисту уплатило меньше". Так или иначе, это ничего не дало для разгадки тайны. Судьба троих вызывала сильную тревогу. В Иране за дело взялся Шнеур, который обратился к шейху района, и тот обещал немедленно сообщить, как только что-нибудь выяснится. Арабы одного из племен рассказывали, что все трое убиты. Из Хлабджи вышел другой контрабандист, Кадир, из того же племени, что и Кака-Бара. Он вернулся и рассказал обо всем, что узнал.

Когда трое дошли до границы, они встретили контрабандиста по имени Амин, который должен был перевести их через иранскую границу. Между обоими контрабандистами завязался спор из-за денег. Один из парней, Дисче, имел с собой вопреки инструкции золотые монеты, спрятанные в зажигалке. Он, очевидно, пытался помирить проводников и дал золотую монету Амину. Но из-за зажигалки с золотом страсти разгорелись. Амин заколол насмерть всех трех парней, ограбил их и тела бросил в реку Ширван. Кадир рассказывал, что нашел тела, но опознать их было уже невозможно. Так и похоронил.

В последующие месяцы, когда побегам занимался шалиах Заки, некоторых контрабандистов просили узнать, что говорят об этом случае. Один слышал рассказ, похожий на версию Кадира: по дороге контрабандист завел парней к одному из шейхов, и там кто-то заметил золотую зажигалку. Когда парни вышли, на них напали, убили и ограбили.

На основании этих слухов нельзя было сделать никаких выводов, нельзя было даже быть уверенным, что людей уже нет в живых. Через четыре месяца выяснились новые подробности, которые, по-видимому, были более близки к правде, чем все предыдущие: все трое были убиты самим Кака-Барой, вместе с еще двумя грабителями, в иранской деревне Масан.

Послали контрабандистов разыскать тела. Если найдут — пусть привезут в Касре-Ширин. Останки привезли, но опознать было невозможно. Похоронили их в Касре-Ширин.

Кака-Бара не избежал наказания. Он был единственным, кого подполье убило — за все время своего существования.

22

ПО ДОНОСУ

Гром грянул в начале октября.

В Багдаде арестовали молодого еврея по имени Саид Халасчи, который раньше был членом Хе-халуц ха-цаир, но потом примкнул к коммунистическому подполью. Его и задержали как коммуниста. Однако вместо того, чтобы пожертвовать собою во имя мировой революции, он предпочел принести в жертву сионистов. Его следователи потирали в тот день руки от удовольствия — Халасчи всячески отрицал свою связь с коммунистами, но зато подробно рассказал все, что знал о Движении, и выдал много имен и адресов. В ту же ночь наряды полицейских и сыщиков приступили к обыскам и допросам при активном участии Халасчи, в мгновение ока превратившегося в официального доносчика на зарплате.

В два часа ночи постучали в двери дома Хадасы (впоследствии Хадаса Катав). Через окно она увиде-

ла полицейских и мальчика, своего воспитанника по Хе-халуц ха-цаир. Было ясно: его поймали и силой или угрозами вынудили указать дом руководительницы.

— Меня пришли арестовать, убегаю, — успела она бросить отцу, и как была в ночной рубашке, поднялась на крышу и перепрыгнула на крышу соседнего дома, у которого был выход в параллельный переулок. Ее шаги разбудили жильцов дома — евреев, сыновья которых тоже были членами Движения. Хадасу оставили в этом доме до утра.

Отец Хадасы открыл дверь, и полицейские ворвались в квартиру. Где дочь? — Он не знает. Ушла вечером, вроде бы к подруге, но до сих пор не вернулась. Знаете, девушки в наше время... Они обыскиали весь дом, перебили посуду и мебель; ничего не найдя, избили отца и увели с собой для допроса.

Назавтра, под прикрытием абаи и пуши, Хадасе удалось выскользнуть из дома, хотя на улицах было полно патрулей. В течение двух недель она пряталась в отдаленных кварталах, переходила из одного дома в другой, выжидая, когда можно будет выбраться из ада.

Первыми были задержаны товарищи по группе и близкие Халасчи. Среди них были и юноши, почти мальчики, которые не смогли устоять против пыток и издевательств и дали показания. Некоторые пытались запутать следователей, но после применения обычных средств — и они тоже называли несколько имен. Через пару дней в подвалах полиции сидело уже семь активистов Движения, которые прошли там через все муки ада: от подвешивания на цепях и избияния кнутом, прижигания горящими папиросами и раскаленными утюгами до страшных душевных мук.

* * *

Известия об арестах и предчувствие надвигающейся катастрофы ощутимо ударили по подполью. В начале еще тешили себя надеждой, что, может быть, удастся предотвратить несчастье подкупам и связями. Ицхак

(Эйди) Софер, известный купец и тайный член подполья, имевший связи в "высших сферах", пытался предпринять что-либо через своих знакомых в охранке, но получил резкий и ясный ответ: лучше не вмешивайся в это дело, если не хочешь сам туда же попасть. Юсуф аль-Кабир, человек очень влиятельный, также не смог ничем помочь.

В Израиль полетели срочные телеграммы: доклады о событиях и просьбы о совете и помощи. В ответ получали лишь слова ободрения. Да и чем могли оттуда помочь?

Немедленно созвали экстренное собрание Объединенного комитета, стоявшего во главе Движения и самообороны. Чтобы как-то смягчить кризис и выстоять, было решено, что всем инструкторам следует немедленно оставить работу и исчезнуть, занятия — прекратить, все группы — распустить. "Материал" спрятали и уничтожили, тайники замаскировали так, что даже строители не нашли бы их. Библиотеку перенесли в надежное убежище. Был создан "чрезвычайный комитет", возглавляемый двумя израильтянами. Членам подполья было запрещено встречаться. Руководители и члены Хаганы обязаны были изменить даже внешность: сбрить усы, надеть очки, изменить стиль одежды. И время от времени менять место жительства. Каждому заранее сообщалось время и место встречи с представителями комитета, который давал указания и собирал информацию. Элимелех, на которого была возложена эта обязанность, по несколько раз на машине объезжал место встречи, и убедившись, что слежки нет, задерживался возле каждого ожидающего. Потом он стал собирать людей в закрытой машине, где и просходили беседы. Членов подполья предупреждали: увидев на улице товарища, — не подходить и даже не здороваться.

Потом в комитет начала поступать достоверная информация из "первоисточника" — полиции и охранки: копии списков арестованных и разыскиваемых и адреса, где намечены обыски. Оказалось, что кроме имен и адресов, следователи не располагают более никакими

данными и сведениями. Теперь уже стало возможным прятать людей и своевременно освобождать тайники, заранее зная о планах полиции.

Облавы зачастую бывали безрезультатны, и большинство домов при обысках оказывались "чистыми". Разыскиваемые исчезли, никаких улик не находили. Начали арестовывать родственников. Вместо исчезнувшего брали его отца или кого-нибудь из близких. При обысках портили мебель, били посуду, а при допросах изматывали тела и души заключенных. Багдад превратился в опасную западню. Деятелям подполья, попавшим в руки властей, грозила виселица.

* * *

Положение все ухудшалось. Обыски ширились. Каждую ночь можно было слышать крики в домах, где срывали двери, портили имущество, а хозяев волокли в охранку.

Провокатор Саид Халасчи работал теперь в полиции.

Облавы носили явный антиеврейский характер, и вся община была охвачена страхом. Аресты распространились даже на школьников и учителей. Члены Хаганы и Движения начали терять терпение.

Однажды, когда Сурани лежал с высокой температурой, а Бен-Меир спрашивал себя, почему это сразу навалилось на них столько напастей — вдруг обоих срочно вызвали на заседание совета самообороны и Движения. Оба совета собрались по собственной инициативе вопреки строгому запрещению, и наставники-шлихим всполошились. Они требовали немедленно разойтись, но ответом был категорический отказ и требование: пусть посланники Эрец-Исраэль выступят перед людьми.

Когда же Бен-Меир и Сурани пришли и увидели количество собравшихся — мороз пробежал у них по коже. И им стало совсем нехорошо, когда они услышали, о чем идет речь. Шломо Шина говорил о восстании в Варшавском гетто. Там евреи умели бороться за свою

жизнь и умереть героями. Шломо считал, что и здесь нужно показать себя, не дожидаясь, пока всех их бросят в тюрьмы. Другой требовал применить силу против полиции. Слышались предложения взорвать штаб тайной полиции со всеми документами и списками (Сурани знал, что во всех сликах, вместе взятых, не набрать достаточно взрывчатки для такой операции). Израильтяне убеждали, что эта затея обречена на провал и чревата губительными последствиями не только для подполья, но и для всей общины. Раскрытие вооруженной организации вызовет акты мести против евреев и особенно против заключенных. Они решительно требовали от собравшихся разойтись и не собираться более. Обещали приложить все усилия для организации акта протеста в крупном масштабе, который охватит не только Ирак, но и зарубежные страны.

Израильтяне очутились между молотом и наковальней. Как руководители подпольного движения, они были обязаны искать и найти выход из положения. Если же при этом они попадутся — то дадут новый козырь в руки обвинения: во главе еврейского подполья стоят агенты враждебной страны. Нужно было спасать людей, чьи имена стали известны преследователям. Активисты начали выбираться из Багдада в Киркук, откуда им предстояла еще длинная и мучительная дорога в Иран. Разыскиваемых женщин, в том числе Хадасу, перевезли в Басру, оттуда им должны были тайком переправить на противоположный берег Шатт эль-Араба.

Община была на пороге отчаянья. Однако председатель общины оставался жестким и непреклонным. С давних пор отношения между ним и сионистами были, мягко говоря, прохладными. Он повторял, что все беды от сионистов, и если бы не их дела, то евреи могли и дальше спокойно жить под защитой иракских властей. И теперь, когда общину захлестнула волна арестов, пыток и преследований, глава ее с небольшой группкой помощников и единомышленников продолжал держаться в стороне от событий. Они считали, что все события — лишь результат конфликта между

иракскими властями и взбунтовавшимися сионистами, и общине нечего вмешиваться.

Тем временем наметилась следующая линия поведения: борьбу с репрессиями вести в международном масштабе, воззвать к общественному мнению всего мира, добиться воздействия иностранных держав на иракские власти с целью прекращения преследований и арестов евреев и решения всей проблемы в целом. В первую очередь следовало добиться, чтобы правление общины объявило день всеобщего поста, а быть может, и всеобщей забастовки, которая вызовет волну протестов и солидарности за границей.

Беседы с руководством общины принесли свои плоды. Трое командиров самообороны встретились с Иехезкелем Шемтовым, одним из членов совета.

— Как?! Это что же, в каждом доме у вас есть люди?
— спросил Шемтов. И вдруг повернулся к сыну:

— Иосеф, ты тоже?

— Да, папа, и я тоже.

На лбу Шемтова выступил холодный пот.

— Оказывается, с вами вся община, в таком случае — и я с вами. Другого выхода нет, объявим пост.

* * *

Багдад кипел. Повсюду — слезы и горе. Тюрьмы переполнены. Стоны и крики узников взывали к совести мира. И пока с юга добирался еще один посланец Израиля — Мордехай Бен-Порат — на севере разыгралась трагедия, герои которой вписали незабываемые страницы в историю нелегальной алии.

Десятки активистов, разыскиваемых полицейскими патрулями по всей стране, собрались в Киркуке, откуда начали пробиваться окольными извилистыми тропами в Иран. Переход каждой группы — особая повесть, каждый нес свой груз страданий.

Когда командир Хаганы Давид (Шимони), сошел с поезда в Киркуке, к нему тут же подошли два жандарма и стали придирчиво проверять документы. Еще в

поездке к Давиду подсел арабский сыщик, всю ночь тянувший из бутылки арак, но ему хватило трезвости, чтобы дать знак жандармам, и Давида задержали. Элимелех, Амос и Гидеон, прибывшие тем же поездом, успели благополучно скрыться, задержан был только Давид. Ювал из Киркука, встречавший товарищей, стоял неподалеку и в душе уже оплакивал Давида.

Пачка американских сигарет, преподнесенная Давидом жандармам, не смягчила их сердец. Внезапно Давид заметил своего давнего приятеля-еврея, кассира багдадского банка "Рафидан", приехавшего в Киркук по делам службы. Его сопровождал сержант полиции. Давид бросился к кассиру (а заодно и к полицейскому) и стал во весь голос выражать свою радость.

— Чего хотят от тебя эти сукины дети? — спросил сержант.

— А я знаю... спроси их.

— Вы что, рехнулись? — обратился тот к жандармам. — Кого вы арестовали?! Ведь из его рук вы получаете жалование! Он управляющий банком "Рафидан" в Киркуке!

По дороге к дому Ювала никто слова не вымолвил. Только когда закрыли за собой дверь — Ювал дал волю своим чувствам.

Через десять дней Давид отправился в путь. До него уже вышли две группы в сопровождении проводников-курдов, которые прошли сто двадцать километров извилистой дороги от Киркука до иранской границы за пять дней и шесть ночей. Границу перешли благополучно. Серьезной поддержкой было искреннее желание персов проявить гуманное отношение к беглецам. Шнеур страховал группы на этом отрезке пути. Первую группу, задержанную в Керманшахе, он освободил, взяв ее на поруки, и отправил в Тегеран. Вторая группа была остановлена в предместьях Касре-Ширина таможенной полицией. Благодаря усилиям Шнеура беглецы все же уехали в Тегеран.

Во главе проводников стоял шейх-курд. Он передал третью группу, в которой был и Давид, в руки четырех

контрабандистов из своего племени, вооруженных винтовками. Группа состояла из десяти человек.

Контрабандисты (потом выяснилось, что все они были разыскиваемыми преступниками, а их предводитель Хосров — кандидатом на виселицу) шли впереди и вели разговор на курдском языке. Никто из них не предполагал, что еврей, шагающий за ними, понимает по-курдски, иначе говорили бы более осторожно. Темой их разговора были десять юношей, которых они ведут к границе. Судя по одежде — из зажиточных семей. Может быть, у них с собой деньги? Золото? Драгоценные камни? Страсть к наживе была огромна, удерживал только страх перед шейхом, давшим им это задание. Но шейх был далеко, а добыча, казалось, так близка! На вторую ночь лица контрабандистов были хмуры, в третью — между ними вспыхнул спор. Кто-то предложил убить людей и забрать все их серебро и золото, но Хосров, предводитель, был против. Он хотел уговорить парней добровольно отдать все имеющиеся у них ценности. Во время отдыха заварили чай, молча напились и потушили огонь. Между обеими сторонами ощущалась напряженность. Контрабандисты начали рассказывать на ломаном арабском о благородстве курдов и попросили уважаемых эфенди рассказать, какое преступление они совершили, раз им приходится бежать этой дорогой. Но самое главное, они хотели знать, кто понимает курдский язык. Хосров потребовал, чтобы все поклялись говорить только правду, положив руку на священное писание.

Поклялись один за другим. Последний вместо слов клятвы неожиданно произнес несколько фраз на горном курдском наречии. Курды, услышав звуки родной речи, сразу сменили гнев на милость и бросились обнимать и целовать его.

В ответ на свои вопросы они слышали, что преступление, заставляющее бежать людей этой дорогой, заключается в том, что они евреи, и жители Ирака жаждут их смерти. Услышав это, курды осыпали громки-

ми проклятиями жителей Ирака и всех их родственников.

Шли ночью, а днем прятались в пещерах и расселинах. Двое сторожат, остальные спят, а контрабандисты отдыхают в близлежащих деревнях. Проходили дни, обувь у беглецов разодралась в клочья, ноги покрылись ранами. Миновали одну гору, другую, а конца пути не было видно. Воду пили из горных источников, хлеб приносили контрабандисты.

Проводники искали новые дороги. Вся группа была крайне истощена. Если не находили пещеры, пеклись целый день на солнце в расселинах и оврагах. Ашер поскользнулся и вывихнул ногу. У Амоса начались спазмы. Страшно мучил голод. Найдя в поле ростки фасоли, поедали их целиком, с листьями и стеблями.

Тем временем шейх прибыл в Касре-Ширин. Охваченный беспокойством, он отправил гонца верхом на поиски пропавших. И вскоре контрабандисты встретили его.

Наконец стало известно, что ночью они перейдут границу.

Горец-курд, по возрасту — старик, по легкости ног — юноша, появился вдруг откуда-то и повел их к границе.

— Через два часа мы будем в Касре-Ширин, — сказал он. — Я пойду впереди.

Полная луна стояла в небе. Волки бродили на противоположной стороне оврага. Когда дошли до склона горы, услышали рокот мотора: иракский патруль. Возвращаться в овраг было поздно. Бежать! Побежали как одержимые. Лучи потухли. Мотор всхлипывал от натуги. Пулеметные очереди. Вспышки света. Перебежали, бросились наземь.

Послышался тихий свист, и с иранской стороны к ним подошли трое. Шейх целовал каждого в обе щеки, спрашивал, хорошо ли к ним относились, ругал контрабандистов: "Растяпы! Так заблудиться!" Контрабандисты выслушали все в полном молчании. Потом забрали ослов и исчезли. А потом — звучный голос на

иврите, голос израильтянина, называет их по именам: Гидеон! Давид! Амос! Им казалось, что это сон, но живой Авраам был уже рядом с ними.

Из Киркука, который казался им теперь невероятно далеким, в путь вышла следующая группа.

* * *

На другом полюсе, в Басре, дорога была более короткой и легкой. Волны широкой реки, почти пролива, Шатт-эль-Араба перенесли Хадасу и других женщин на иранский берег. Хадаса и еще одна девушка затесались в компанию арабов и после беспокойной переправы — посреди реки внезапно испортился мотор — были встречены на другом берегу приветливой улыбкой Мордехая Биби.

В Тегеране Хадасу сразу же усадили в самолет, и на следующий день она уже была в Израиле. Девушка привезла горькую мольбу и призыв иракского еврейства о помощи, обращалась к съездам, комиссиям и дошла до Кнессета. В кабинете Бен-Гуриона, в присутствии министров она на отличном иврите от имени Движения и всего иракского еврейства требовала принятия немедленных мер для спасения иракской общины, ибо чаша страданий переполнена.

Позднее, когда она беседовала с Арье Бахиром, мимо прошла женщина с волевым лицом и благородной походкой.

— Познакомься, — сказал Арье Бахир.

— Очень приятно, — дружески сказала женщина.

— Очень приятно, — ответила и Хадаса, взглянув на нее, — простите... с кем имею честь?

— Голда Меир.

— Вы — Голда Меир, — Хадаса не могла отвести глаз. — Все годы я не переставала говорить о Вас. Я всегда рассказывала о женщине-министре в Израиле. Мы все восторгались вами — но лица я не знала! В Ираке нет портретов Голды Меир...

Голда крепко обняла худенькую девушку, и на глазах обеих были слезы.

* * *

Надежды иракских властей захватить верхушку подполья и организаторов побегов обернулись провалом. И хотя репрессии усилились, сотни заключенных подвергались пыткам и унижениям, а обыски и облавы не прекращались, результаты были мизерны. Не было даже намека на серьезный обличительный материал, не говоря уже об оружии. Большинство задержанных были детьми или родственниками бежавших.

Газеты были полны антисемитских выпадов, разжигавших ненависть черни; реакция зарубежной прессы только подливала масла в огонь.

* * *

Тюрьмы, пытки и мучения разрушили здоровье многих заключенных. Больницы были переполнены больными арестантами. В правительственной больнице аль-Карх лежал семнадцатилетний еврейский мальчик, по имени Юсуф Акрам Абид. Руки были прикованы к кровати, на стене висел плакат: "Политический преступник". Тело его вспухло, покрылось гнойными язвами, у него было заражение крови. По мнению врача (араба), раны на теле появились после того, как его посадили на железный стул, а под стул поставили горящий примус. Медсестре-еврейке, работавшей в больнице, было запрещено подходить к нему и ухаживать за ним.

Позиция, занятая председателем еврейской общины раввином Сассоном Кадури, резко осуждалась иракскими евреями. Кто-то предложил сместить его. Кадури внял предостережениям Дауда Салмана и передал пост своему заместителю Иехезкелю Шемтову.

С детства Шемтов был соседом и приятелем главы правительства Тауфика ас-Сувейди. Было известно, что

Сувейди считался с мнением Шемтова, и у них было много общего. Все надеялись, что Шемтову удастся повлиять на своего приятеля, склонить его на сторону общины.

После назначения Шемтова полицейский разгул несколько поутих. Полиция начала освобождать заключенных, не представлявших интереса. Наконец, в руках полиции осталось около шестидесяти человек, среди них ожидающие суда активисты Движения.

Движение сильно пострадало. Оно лишилось руководителей, группы были разбросаны и разрознены, связь между ними нарушена. Освобожденные из тюрем люди не могли оправиться от перенесенных страданий. Из пятидесяти руководителей осталось всего восемь, и они принялись понемногу восстанавливать разрушенное.

Душой этого дела были Элизер (Яков Элазар) и Шломо Шина. Организовали новый курс инструкторов, выпускники которого — в большинстве новички — создали новое ядро. Хагана прошла тот же путь. Последнюю группу судили 17 декабря 1949 года, когда ан-Наасани торопился закончить все дела до отмены чрезвычайного положения. На основании ложных показаний, не давая подсудимым защищать себя, судья щедро выносил приговоры — от двух до шести лет, вне всякой связи между серьезностью проступка и тяжестью наказания. Ан-Наасани выстроил обвиняемых в ряд и делил на группы: первой группе — два года, второй — три... Их присоединили к осужденным, арестованным из-за писем; вместе они отбывали наказание в тюрьмах Багдада, Кута, в Нукрат-Салман — возле границы с Саудовской Аравией; в зловонных камерах, страдая от грязи и унижений, болезней и голода; вместе с уголовниками или коммунистами, многие из которых были тоже евреями.

В рамках Движения была создана особая комиссия, которая занималась этими мучениками. Организовали сбор пожертвований в "фонд узников".

Подкупали всех тюремщиков, чтобы не слишком

притесняли узников и разрешали им свидания и передачи продуктов, лекарств, одежды, одеял — всего, что могло хоть как-то облегчить их положение. Помощь оказывали и семьям, оставшимся без кормильца.

18 декабря 1949 года в Ираке было отменено чрезвычайное положение.

23

ПОТОК

Пять лет прошло с того дня, как Мордехай Бен-Порат выехал из Ирака через западную границу. Теперь он возвращался через Басру. Уже в то время, когда его еще звали Мурад Каззас, он был крепким юношей, закаленным в схватках с арабскими сорванцами и в первых ячейках Движения. Теперь за спиной у него была служба в Хагане и армии Израиля во время Войны за Независимость, в результате чего сформировался его характер — характер человека энергичного, целеустремленного, смелого и находчивого.

До последнего дня он никому не говорил об отъезде, а когда сообщил матери и своей невесте Ривке, куда он держит путь, мать испугалась:

— Но, Мордехай, это же опасно?!

— Мама, — ответил он, — у тебя 11 детей, трое из них служили в армии и вернулись невредимыми. Если со мной что-нибудь случится — считай, что я не вернулся с войны...

Он полетел в Тегеран, где его встретил "Хаджи" — Цион Кохэн. Три недели пришлось ожидать иранского паспорта. Когда стало ясно, что дело затягивается, Мордехай отправился в Абадан и, одетый арабом, переплыл в лодке Шатт-эль-Араб.

Через три дня в Израиле получили телеграмму:

"Прибыл благополучно в столицу".

Он прибыл в Багдад в период кризиса, когда тюрьмы были забиты евреями, и большинство подпольщиков бежало из страны.

В письме, отправленном в Мосад, Бен-Порат делился планами создания более глубоких контактов с властями и охранкой для получения своевременной информации. Он намеревался создать некое "учреждение" — платить жалование "сотрудникам", и "покупать" людей в верхах, даже если они окажутся полезными только в будущем. Мордехай просил помощи для организации перевода еврейских капиталов и имущества за пределы Ирака. Требовал людей. Что же касается подполья, переживающего в настоящее время кризис, Мордехай намеревался вмешаться в его дела властной рукой, внедрить там дух дисциплины и исполнительности, как это было в израильской армии, где он служил командиром.

Говоря откровенно, все это было не слишком по вкусу ветеранам Движения. Они привыкли к израильтянам иного типа — член киббуца, проникнутый халуцианскими идеалами, общительный по натуре, для которого высшим законом была демократия, совместное принятие решений не только по кардинальным, но и по любым повседневным вопросам. Бен-Порат был человеком совершенно иного склада — властный, предприимчивый прагматик.

Идея Бен-Пората об отправке нелегальных иммигрантов в Израиль без какого-либо отбора казалась людям Движения весьма странной. В течение всех лет они строго придерживались правила: считаться с потребностями страны и посылать туда "отборный материал": мужчин и женщин, парней и девушек, впитавших идеи сионизма и обученных труду — людей, нужных Израилю. А теперь двери открыты всем, кому только захочется, даже если они станут балластом для молодого государства.

Легко понять душевный кризис участников Движения на пороге великих событий. Годами они пестовали идею в тайниках подвалов, сроднились с нею всем сво-

им существом, несмотря на минуты отчаяния и безнадежности, несмотря на гонения, тюрьмы и пытки. Прилежно изучали азбуку сионизма и наконец внедрили эту идею в умы иракского еврейства. И именно теперь, когда сотни евреев начали прорываться через границу, когда близки великие перемены, — их, людей Движения, добившихся этого, оставляют где-то позади, будто они сделали свое и более не нужны.

Шалиах был на данном этапе не только духовным наставником молодежи. Он — посланник Израиля во враждебной стране — стоял во главе действий огромного масштаба, которые велись почти открыто и грозили потрясти основы страны, весь ее строй, общество и экономику. Он держал в своих руках судьбу и будущее всего иракского еврейства и был обязан передать дело в руки достойных представителей.

Движение было и оставалось главной закваской этого теста, но теперь оно становилось "средством, а не целью". Нет сомнения, велика заслуга сионистского Движения в исходе иракского еврейства. Оно было спичкой, возжегшей костер и сгоревшей в нем. И вспышки этого пламени — пламени бегства через Ирак — становились все сильнее и ярче, и Мордехай Бен-Порат не давал им угаснуть.

* * *

"Самые лучшие, прекраснейшие годы моей жизни", — так оценивал впоследствии Менахем из "Алоним" (Эрбиль) годы своего участия в подполье. И не он один. Менахем имел в виду те годы, когда он участвовал в организации нелегальной алии на севере, а потом как член всеиракской комиссии по эмиграции вдоль всей иракской границы. Прекраснейшие годы — когда на каждом шагу ему угрожала виселица или, в лучшем случае, пуля контрабандиста, а то и просто бандита.

Однажды в районе Киркука, когда он сопровождал группу беглецов, на них напал бандит. То был просто грабитель, вооруженный револьвером. В поясе Мена-

хема тоже был спрятан револьвер, но когда стреляешь — остается труп. Приходит полиция, начинается расследование, и все нити ведут к тебе. Кто ты, да что ты, и что делаешь в Киркуке? Одним словом, могли начаться ненужные осложнения. Поэтому револьвер остался на месте — вместо него Менахем пустил в ход ногу. Сильным ударом выбил из руки бандита револьвер, тот при падении выстрелил, а Менахем и его люди сбежали. Можно было не волноваться, бандит не пойдет жаловаться в полицию.

Проводник — курд лет сорока, по имени Ахмад — был ловким и сообразительным, но хитроватым. Он был озлоблен против Менахема, так как слышал, что тот пользуется не только его услугами, а связан еще и с другими контрабандистами.

В то опасное время надо было спешно перебросить через границу людей, прибывающих в город. Обилие чужих в городе могло вызвать подозрение. Ахмад, взявшийся было повести группу к границе, исчез, очевидно, из-за конкурента. Менахем отправился в арабский квартал, зашел в его дом и сказал жене:

— Передай Ахмаду, пусть немедленно придет, есть важное дело.

Ахмед явился, негодуя и ворча. Назначили совместную встречу со вторым контрабандистом (оказалось, что он приятель Ахмада) среди развалин неподалеку от Киркука. Когда стемнело, Менахем с Авнером явились на установленное место.

— Что-то место это кажется мне опасным, ты останься снаружи, а если все будет в порядке, я тебя позову, — сказал Менахем и постучал в дверь.

Дверь открыл Ахмад и повел его в огромный двор, переполненный муллами. Закопченный фонарь освещал с десятков людей, расположившихся полукругом.

Убийцы? Грабители? Ловушка?

Дорога к отступлению была закрыта. Менахем позвал Авнера. Тот зашел. Будь что будет! Вошли в круг. Чтобы побороть чувство страха, говорили подчеркнуто самоуверенно, весело, будто пришли к друзьям.

— Салям алейкум!

Все сорок сразу вскочили на ноги — высокие, худощавые, крепкие. Страх не оставлял Менахема и Авнера, но легкой походкой, с рукой, протянутой для приветствия, они подходили к каждому, обмениваясь рукопожатием и бормоча слова приветствия. Ахмад подвел их к шейху, одетому в костюм курда. Пожали друг другу руки, промямлили: "Приятно познакомиться, уже давно пора, ведь в одном районе работаем". Шейх пригласил их сесть. Подали кофе и приступили к делу. Подозрение сменялось доверием. Из развалин вышли после долгого разговора, заключив устное соглашение с шейхом: он и его люди будут переправлять беженцев через Черные горы в Касре-Ширин за "сдельную оплату".

Был еще один Ахмад — араб, шофер такси. Шофер был новичком в Багдаде, и Менахем не знал его раньше. Однако товарищи считали, что ему можно доверять. Однажды вечером они поручили ему шесть человек, которых необходимо было переправить через границу в районе Ханакина. Он сразу же завел машину и пустился в путь, а они отправились на ночное дежурство.

У вокзала шофер Салим остановил машину и вышел купить билет на следующий день для одного из активистов, Менахем остался в машине один. Не прошло и несколько секунд, как к машине подошли четверо здоровенных людей, открыли дверь и набросились на него с кулаками. Когда вернулся Салим — и его костей не пожалели. Избитых притащили в полицейский участок возле кинотеатра "Гази" — центр пыток охраны. Ввели в комнату офицера-следователя, где уже сидели все шестеро.

— Куда ты собирался их отправить? — спросили Менахема.

— Я вообще их не знаю. Я с севера. Приехал в Багдад учиться на шофера. И когда я сидел в машине своего учителя, пришли люди и избили.

— Удостоверение личности?

— Забыл.

— Кто тебя здесь знает?

— Никто. Я только сегодня приехал. Еще не нашел ночлега...

С него сняли обувь, стянули ногу ремнем и стали стегать кнутом по голой ступне. Потом всего жестоко избили. Когда он очнулся через несколько часов — на нем не было живого места. Нога распухла и стала вдвое шире башмака. Лицо — сплошная рана. Менахем весь посинел от побоев и от холода на бетонном полу карцера. Стояла суровая зима. С тех пор, как его задержали, он ничего не ел. В полночь он был переведен в общую камеру, где и узнал, что Ахмад оказался доносчиком: повез группу прямо в полицию и сразу выдал Менахема. Один из парней не выдержал допроса и под пытками признался, что Менахем был тем, кто взимал плату за переправку в Палестину. В час ночи в камере появился офицер в чине полковника.

— Меня послала "джамбия", — шепнул он на ухо Менахему.

Менахем притворился непонимающим: вдруг снова ловушка?

Офицер шепнул ему пароль, имена товарищей — очевидно, человек надежный. Он повез Менахема в своей машине к судье, чтобы тот на месте выпустил его на поруки. Но судьи не оказалось дома, и Менахема вернули в тюрьму. До утра были приняты все меры: олим приведены в суд и выпущены на поруки, остался один Менахем. Судья попросил всех выйти. Заметив, что Менахем дрожит от холода, он предложил ему подойти к камину.

— Смотри, сын мой, — сказал ему мягко, — я предлагаю тебе оставить это дело, что тебе надо в Палестине? Ведь там полно вшей! А здесь все в изобилии, жизнь хорошая, никто вас не притесняет. Мой совет: брось это...

Говорил он таким отеческим и всезнающим тоном, что хотелось ответить:

— Да я и не связан с этими делами!

Но Менахем только покачал головой и промолчал.

В сопровождении полицейского он вышел на улицу искать себе поручителя. Он ведь в этом городе совсем чужой. Какой-то старик, у которого вся семья была уже в Израиле, случайно попался ему по дороге и поручился за него. Назавтра старика отправили к границе.

Спустя неделю Менахема снова поймали, когда он ехал в такси в Амару. С ним было пять девушек и портной-еврей, житель Амары, севший в такси совершенно случайно. Всех их вернули в Багдад для допроса, подозревали в намерении перейти границу через болота или степи. Положение Менахема было опасным. Попасться дважды в течение одной недели! Это могло подтвердить подозрения полиции, что он далеко не мелкая рыбешка. Ему необходимо было известить товарищей. Когда подъехали к стоянке такси "Майами", владельцами которой были евреи, он сунул монету в руку полицейскому и попросил разрешения поговорить по телефону. Машина остановилась. Он вошел, поднял телефонную трубку и сделал вид, что набирает номер. Потом говорил в трубку всякую ерунду. Недалеко от него стояли старик, владелец станции, и его сын. Когда сын покачал головой в знак того, что понял в чем дело, Менахем положил трубку и зашагал к выходу с полицейским впереди. В последнюю минуту он сорвал со старика очки и надел их на свой нос — может быть, в таком виде его не узнают. Старик не понял в чем дело и вскочил с места, чтобы отобрать очки. Потом он долго еще не мог придти в себя и сердился, что сын так усиленно его успокаивает и защищает нахала, присвоившего очки. В очках были толстые стекла: они мешали видеть и вызывали головокружение. В отделении полиции — к счастью, в другом — Менахем почти падал со стула. Утверждал, что он житель Амары и работает в мастерской портного. Портной подтвердил его слова. Это была семейная поездка. Девушки — его сестры, кузина и невеста. Он вообще не понимает, почему к нему пристали. Судья не верил, но ничего не мог доказать и послал их под конвоем в Амару с пись-

мом к коменданту полиции, прося подтвердить или опровергнуть данные показания.

— Что будем делать? — шепнул по дороге Менахем портному.

— Бог велик, — ответил портной.

Бог велик, да и портной — не простак.

Комендант полиции в Амаре подтвердил все их показания, хотя никогда в жизни не видел ни Менахема, ни девушек. Причиной тому был новый костюм из великолепноного сукна, сшитый для него портным.

* * *

Менахем познакомился с иракским майором, который, как и все, постоянно нуждаясь в деньгах, взялся помогать в переправке людей за границу. Он предложил новый маршрут в окрестностях Ханакина, от которого до границы было лишь несколько минут ходьбы, но при условии, что у всех при себе будут паспорт и пропуск. Если нет — придется идти длинной, извилистой тропой, обходя пограничные заставы и наблюдательные пункты. Вокруг Ханакина было проложено много тайных троп. Офицер предлагал усадить шесть человек в свою машину и через зону нефтедобычи довести их до места, откуда его сообщник поведет их через иранскую границу.

Ханакин — небольшой город, где все друг друга знают. Появление перебежчиков усилило бдительность полиции, и за всяким чужим устанавливалась слежка. Когда шестеро в сопровождении Менахема сошли на вокзале, они тут же разбились на пары и укрылись в маленьком кафе. С наступлением темноты отправились в путь. Возле нефтеочистительных заводов офицер заметил полицейский автомобиль. Затормозил, поднял капот и сделал вид, будто занят починкой. Сам он сидел у руля, а Менахем лежал под машиной и оттуда давал ему указания. Пассажиры спрятались в ближайшем цитрусовом саду. Полицейские предложили помощь.

— Нет, спасибо, мы уже все исправили, — ответили им.

Поехали дальше. Возле полуразвалившейся глиняной избушки, набитой прогнившей зловонной соломой, офицер затормозил. Он ввел их внутрь, бросил несколько буханок хлеба и приказал не двигаться с места, пока за ними не придут. Всю эту ночь и весь следующий день провели люди в душной зловонной избе, боясь выйти наружу. Только в десять часов ночи появился проводник.

— Ну, в путь. Будьте осторожны. Не кашлять. Не шуметь.

Скоро слышали ржанье: их ждали лошади. Контрабандист шел позади, подгоняя лошадей. Менахем шагал возле него.

Под утро, когда мрак еще окутывал землю, они дошли до извилины реки Диялы. Проводник указал рукой на деревушку на противоположном иранском берегу и на дымящуюся трубу иракского сторожевого пункта слева от них, совсем близко. Надо было еще переплыть реку, ширина которой доходила в этом месте до 15 метров, а никто из шести и плавать не умел. Проводник подал знак, и с того берега в воду внезапно бросился молодой деревенский парень. Переплыв реку, он взвалил себе на спину одного из беглецов и переплыл с ним через реку, вернулся за следующим — и так до тех пор, пока не переправил всех. Менахем переплыл реку сам. Вода была холодной, как лед.

* * *

Маршрут бегства проходил и через Басру, древний город, построенный халифом Омаром Ибн аль-Хаттабом в начале седьмого века на берегу Шатт-эль-Араба. Шумный торговый город, сотни лодок и пароходов проносятся по реке. Недалеко от него расположен глубоководный порт, куда заходят океанские корабли. С давних пор Басра была одним из центров контрабандной торговли между странами Персидского залива. Те-

перь многие из контрабандистов поменяли товар и стали перевозить по реке — в лодках, на парусных и моторных судах — живой груз: евреев.

Десять тысяч евреев — жителей города, составлявших раньше дружную общину, — пребывали теперь в страхе и унынии. Ужасы военного режима отразились на их жизни. Увольнения подрывали экономическое положение многих семей, а гонения, аресты, издевательства в тюрьмах отравили существование.

Несмотря на окружающую их атмосферу подозрительности и слежку, члены общины приняли, спрятали и переправили в Иран за два года около десяти тысяч иракских евреев.

В декабре 1949 года Шломо Шина прибыл в Басру, чтобы заняться переходом евреев через границу. Шесть человек занимались тогда этим делом, и только один из них, Менахем Свири, был ветераном. Остальные: Хеля, Цивья, Шимшон, Аврахам и Фуад — подростки, только что со школьной скамьи. В распоряжении комиссии было два автомобиля и шофер-еврей, отец большого семейства, вызвавшийся помогать добровольно. В тихом уголке богатого квартала аль-Ашшар комиссия сняла дом якобы под торговое агентство. Два арабских чиновника, ответственные за междугородние разговоры на центральном почтамте Басры, подружились с "купцами", ежедневно звонившими в Багдад для заказов мужских пальто, дамских чулок и детских костюмов, хотя и удивлялись, что такие почтенные люди с солидным делом не имеют своей конторы и частного телефона. Для большего спокойствия оба чиновника время от времени получали подарки, высылаемые им "прямо из Багдада".

Первое время людей отправляли маленькими группами даже в дневное время: они выезжали на берег реки, брали прогулочную лодку и, когда их никто не мог видеть, или когда у блюстителей закона были всякие причины их не видеть, лодки уходили в сторону иранского берега. Если ехали на юг, то прибывали прямо к берегу избавления. Тех, что шли к востоку, высажива-

ли еще на территории Ирака, а оттуда они пробирались через границу.

* * *

Проводники-контрабандисты, привлекаемые к работе по рекомендациям купцов, были публикой весьма пестрой и разнообразной. Сколько иронии заключено в самом факте, что именно эти люди способствовали избавлению тысяч евреев!

В числе контрабандистов был седовласый красавец-мужчина, член одного из почтенных семейств города. Он жил в красивом просторном доме на берегу реки, перевозил олим в собственной моторной лодке, и был специалистом по перевозке женщин. В его доме они закутывались в абай, закрывали лица чадрой и усаживались в лодку вместе с несколькими девушками из его семьи, будто ехали на какое-то семейное торжество неподалеку. Переехав границу, проходящую по середине реки, он высаживал пассажиров вблизи Абадана. Никто ни разу не посмел задержать лодку и попросить дам поднять чадру для проверки личности.

Другого контрабандиста звали Аббуд — шейх гигантского роста с милой улыбкой. Но за этой, не сходившей с его губ улыбкой, скрывался жестокий преступник, погубивший много людей. За все свои дела он давно был приговорен к смертной казни, но чудом спасся от петли и добился помилования. Аббуд однако, вел себя по-рыцарски, согласно исконным традициям своего племени.

Хитроватые, пронизательные глаза глядели с рябого, обезображенного оспинами лица проводника-бедуина, известного под кличкой "вор", которую он получил за тихую, бесшумную походку. Он работал в одиночку, полагаясь лишь на себя и свою находчивость. Пешком или в лодке переправлял он своих подопечных по ему одному известным путям до иранского города Хорремшехр.

Парусные лодки нагружали сеном, оставляя в нем

пустоты, куда и помещали людей. Два матроса переправляли лодки к Абадану. Трудная, тревожная дорога (сутки, если не было ветра). В распоряжение беглецов в их душных тайниках был только бидон с питьевой водой и еще бидон — для остальных надобностей. До того момента, как они ступали на иранский берег, не раз душа расставалась с телом.

Военные тоже пополнили ряды проводников. Жалование ли в иракской армии, страсть ли к наживе были причиной, но многие офицеры армии оказали незабываемые услуги евреям. Менахем отправлял олим с майором. Иехезкель Иона послал десять групп с оставным офицером. Этот офицер выполнял свое дело как нельзя лучше, но у него была "слабость": перед переходом границы он имел привычку отбирать у беглецов все деньги и ценности, утверждая, что так безопаснее. Потом забывал возвращать... Людей, выходивших с ним, просили не брать с собой ничего ценного.

Самым предприимчивым среди контрабандистов Басры был бывший служащий нефтяной компании. Нарядно одетый мужчина, большой любитель земных радостей и наслаждений — вечеринок, танцев, женщин, вина — он и нелегальную перевозку людей проделывал элегантно и с "блеском": одалживал машину у одного из почтенных жителей города, своего собутыльника; сажал в нее еврейских женщин, закутанных в абаи, с чадрами на лице, и среди бела дня отвозил в Хорремшехр через мост Хауль под видом родственников, женили сестер какого-нибудь бека или паши.

За все время военного режима в Басре поймали только одну группу из трех человек.

После отмены чрезвычайного положения число беглецов в Иран росло изо дня в день. По всей стране евреи сворачивали дела и распродавали имущество. Базары были завалены подушками, перинами, домашней утварью. Все — почти даром. Дома, земельные участки и сады продавались за бесценок. Экономика Ирака, торговля, валюта, твердые цены — все утратило устой-

чивость. В отраслях, где раньше работали евреи — производство было нарушено.

Если раньше побегι являлись тайной — то теперь это стало общеизвестным фактом. Одна семья за другой, со всеми чадами и домочадцами, оставляли насиженные места и устремлялись к границе.

Нелегальное бегство евреев стало бичом для всего государства и источником заработка для тысяч. Весь государственный аппарат был подкуплен. Высшие чиновники, офицеры полиции и охраны и мелкие служащие были подкуплены.

Пойманных на границе выпускали на поруки и тут же переправляли в Ирак вместе с поручителями. В судебных учреждениях воцарилась неразбериха: дела пропадали, обвиняемые исчезали. Приговоры выносились по предварительному соглашению с судьей. Иракские законы стали посмешищем, суд — карикатурой. Поднялся большой шум — вмешалась пресса, подняла голову оппозиция. Все порицали беспомощность правительства, которое время от времени что-то предпринимало, кого-то арестовывало, блокировало пограничные районы, но поток уже нельзя было остановить.

И всей этой деятельностью командует немногочисленная армия активистов. Среди них много молодых, почти детей. Мальчики эти командуют сотнями проводников и заботятся о длинном и сложном пути — от дома беглецов до Тегерана. Они взимают деньги, устанавливают очередность, собирают людей, переодевают в маскировочные костюмы, если в этом есть необходимость. Устанавливают пароль. Нервничают в ожидании возвращения проводников. Ворочают огромными суммами денег для уплаты контрабандистам, подкупа полицейских офицеров, судей, тюремщиков и найма адвокатов.

У некоторых беженцев порою не хватает терпения дожδаться своей очереди. Они сами находят проводников, платят им огромные деньги для переправки их через границу.

Полиция и охранка прекрасно знали, что за спиной

беглецов стоит подпольная организация с определенными средствами и руководством из-за границы. Все свои усилия они сосредоточили на раскрытии этой организации — и ничего не добились. Никто из задержанных не приблизил их к цели. Слежка, обыски, застенки, пытки — все было напрасно. Тайна продолжала оставаться тайной. Все пойманные утверждали, что их бегство — это частная сделка между ними и проводником. Даже не выдержав допроса, не могли бы ничего рассказать. Имена и адреса были известны лишь очень немногим. Даже члены подполья знали мало, и не стремились больше знать. Не будешь знать — нечего будет рассказать под пытками.

Саид Халасчи, коммунист, ставший доносчиком, чтобы спасти свою шкуру, и принеший много бед подполью, остался цел и невредим. Он превратился в платного агента иракской охраны, продолжал расхаживать по улицам, указывая на товарищей, и дважды наезжал с сыщиками в Басру. Доносчиками стали и два парня, из попавшихся при первой волне арестов. Подействовали не то пытки, не то уговоры. Кое-кто требовал прикончить их. Бен-Порат посоветовался с Мосадом и просил разрешения выполнить смертный приговор изменникам, но ответ был: "Воздержаться". Вместо этого всеми силами старались провалить всякое задание, возложенное на Халасчи; вскоре его хозяева убедились, что он уже не приносит никакой пользы.

* * *

"Вы видите эти два белых строения там вдали? Это уже Иран. Строения гостиницы. Когда дойдем до них, мы на месте".

Они стояли возле расщелины недалеко от Амары, и босоногий проводник указывал на две полосы, белевшие на горизонте, будто мраморные. Он обещал, что если будут идти быстро, то доберутся к сумеркам. В группе было сорок пять человек, среди них старики,

женщины и дети. Идти надо было пустынной степью через сухие овраги и ущелья. Казалось, нога человека здесь не ступала. Глава группы Иосеф, лишь недавно освобожденный после продолжительного заключения из тюрьмы Абу Гурайиб, получил от отправившего их активиста пароль: "Финики созрели". Все были уверены, что они созреют в ту же ночь.

Приближается вечер, а мраморные столбы были еще далеко.

— Шли медленно, — сказал проводник, — завтра придется поднажать.

Женщины начали спотыкаться. С каждым днем белые полосы становились более отчетливыми, но конца пути не было видно.

В одну из ночей возле них оказался мальчик-подпасок и о чем-то пошептался с проводником. Продолжили путь. Вдали внезапно вспыхнул огонек.

— Что это? — спросил Иосеф у проводника.

Тот только плечами передернул.

Огонек все приближался. Из темноты вышли шесть человек, вооруженные дубинками, и напав на беглецов, начали яростно их избивать. Женщин отделили от мужчин и велели бросить свои узлы и плащи на землю. Мужчины были беспомощны. Бандиты забрали добычу и исчезли в темноте. Этот грабёж был, безусловно, согласован с контрабандистом; мальчишка-подпасок же был связным.

Еще дважды нападали на них грабители: отбирали все, что еще оставалось от предыдущих. Белеющие вдали "гостиницы" были видны теперь совершенно ясно: это были просто огромные горы, с вершинами, покрытыми вечным снегом — горы Ирана.

— Мы на границе, — сказал контрабандист, после пяти дней и шести ночей ходьбы.

— На том холме впереди — два коричневых домика — это пограничные полицейские пункты, иракский и иранский. Который из них иранский — не знаю...

Над домиками развевались национальные флаги. Один из юношей дополз до домиков и, увидев иранс-

кий флаг, подбросил вверх свой тюрбан, как договорились.

На этом странствия не кончились.

Стояла суровая зима, дороги были засыпаны снегом, и двигаться дальше было невозможно. 45 дней пришлось провести в одной из деревушек западного Ирана, пользуясь гостеприимством местных жителей. Только когда снег начал таять, дороги открылись и людей автобусом перевезли в город Хамадан.

* * *

Басра, основной промежуточный пункт на путях бегства, напоминала котел. Все преграды и барьеры были уничтожены. Евреи со всего Ирака целыми семьями стекались в Басру. Город был наводнен приезжими. Сотни лодок пересекали Шатт-эль-Араб среди бела дня. Казалось, вся Басра кормится контрабандой.

Евреи валили валом, и уже трудно было отличить своих, "организованных", от всех прочих. К организованным группам стали прикреплять специальных людей, сопровождавших их до Басры.

Порядок и планомерность работы были нарушены. Контрабандисты купались в деньгах и беззастенчиво взвинчивали цены: за одного человека уже брали двести динаров. Евреям запретили выходить на вокзале в Басре, но они все равно пробирались. Некоторым удавалось спрыгнуть с поезда на ходу, не доезжая до станции. Тогда поезда стали ходить в сопровождении полицейских броневиков. Задержанных тут же отправляли обратно к месту жительства. По всем железнодорожным станциям был разослан приказ немедленно сообщать полиции об обнаруженных пассажирах евреев.

Результаты не замедлили сказаться. Число беглецов уменьшилось, новые перестали прибывать. Проводникам грозила "безработица". Тогда начали ускоренными темпами вывозить жителей Басры. Они брали на поруки задержанных беглецов, а затем все вместе переправлялись на другой берег реки. Активисты Движе-

ния обратили внимание и на евреев ближайших городов — Амары, Насирии, Эль-Азайра и Кальят Салиха, но полиция запретила евреям выезжать за пределы своего района. Шоферы-арабы отказывались перевозить их. Несмотря на это, удалось переправить через Басру большинство еврейского населения Эль-Азайра. Недостаток олим заставлял активистов работать денно и нощно, не вникая в детали: отправлять людей во что бы то ни стало и без разбора: стариков, младенцев, женщин, целые семьи. Каждую ночь около ста человек переправлялись через Шатт-эль-Араб.

Власти приняли крутые меры для пресечения бегства через Басру. Наряды армии и полиции патрулировали улицы города круглые сутки. На всех углах были расставлены дозоры. Операцией руководил сам начальник округа. Он даже ездил в Багдад и требовал в парламенте издать чрезвычайный закон о более суровых наказаниях для контрабандистов и перебежчиков. Ночные сторожа получили приказ открывать огонь по всякому подозрительному автомобилю. Каждого еврея с чемоданом или узлом задерживали для допроса. Банды хулиганов, пользуясь атмосферой террора, отслеживали активистов, занимались шантажом и вымогательством. Не раз доходило до драки.

Дело, однако, шло на убыль: все меньше становилось желающих рисковать, контрабандисты тоже уходили, а те, кто еще остался, занимались интригами и ссорами. У активистов-организаторов руки опускались от беспомощности, нервы были истрепаны непрерывной борьбой и волнением. Положение, действительно, было отчаянным — целые группы были задержаны по дороге в Басру и отправлены обратно в Багдад. Некоторых арестовали в Басре и там же посадили в тюрьму. А уцелевшие бесконечно ожидали своей очереди.

И тогда был открыт новый маршрут бегства — через Кут.

Из Багдада выехал грузовик с пятьюдесятью беженцами. За грузовиком на некотором отдалении ехала легковая машина, где сидели проводники и Иехезкель

Иона. Грузовик был накрыт брезентом, из-под которого не раздавалось ни звука. На мосту Диялы жандарм проводил их равнодушным взглядом. Проехали Кут и, через десять километров свернув налево, стали прокладывать путь по пустынному бездорожью. Вскоре, высадив пассажиров, грузовик вернулся пустым в Багдад. С наступлением темноты группа вышла к границе.

Вскоре Иехезкель сопровождал вторую машину по той же дороге. Он опять сидел в легковом автомобиле с тремя контрабандистами. Один из них был одет по-европейски, двое — простыми феллахами. Грузовик ехал впереди, а они — на безопасном расстоянии. Когда проезжали через мост Диялы, из будки выскочил жандарм, пристегнул револьвер и, вскочив на подножку полицейской машины, бросился догонять грузовик.

Полицейская машина легка, грузовик тяжел и стар, а машина с контрабандистами — посередине. Один из контрабандистов вынул охотничье ружье... "Сейчас выстрелю и убью его", — сказал он. Иехезкель уговорил не делать этого. Убивать придется двоих: жандарма и шофера. А что дальше? Два трупа и продырявленная пулями машина — не пустяк. Неподалеку поселок, там услышат выстрелы. Жандарм нагнал грузовик и приказал шоферу остановиться, Машина контрабандистов тоже остановилась вблизи. Из кузова не доносилось ни звука.

— Что у тебя здесь? — спросил он шофера.

— Товар.

Не поверил. Приподнял края брезента.

— Что это? — спросил он шофера.

Шииты возвращаются из Кербелы.

— Не рассказывай мне сказки, это евреи!

— Верно, — вмешался Иехезкель, — это евреи. Ты же знаешь, правительство их преследует, и они хотят уехать. А мы на этом не плохо зарабатываем.

Помолчал, дав жандарму осмыслить услышанное, потом добавил:

— Ты тоже можешь...

— Нет, запрещено. Я обязан доложить об этом своему командиру.

Иехезкель покосился на него, будто говоря: "Как не понять такого простого дела?" — и вслух добавил: "Почему тебя это не волнует? Ведь таким образом мы, иракцы, избавляемся от евреев..."

Против такого довода жандарм не мог устоять. Он получил сто пятьдесят динаров (по меньшей мере, — двухгодичное жалование), а затем в дружеской беседе было достигнуто соглашение, что и в дальнейшем во время его дежурства они смогут переезжать мост.

Через несколько часов езды грузовик застрял в огромной луже. Ничего не поделаешь, пришлось всем сойти и сообща толкать машину. Был пятый час вечера. Пассажиры не успели еще забраться в кузов, как вдруг перед ними остановился дряхлый тендер, и в нем 15 вооруженных мужчин.

— Думаете, что вам удастся проехать сейчас так же, как в прошлый раз? — спросил у них главарь.

Оказывается кто-то оповестил жителей окрестных деревень.

— Мы проехали в прошлый раз — проедем и сейчас, — ответил Иехезкель.

— Мы выдадим вас полиции.

Обычное вымогательство. Ничего не поделаешь.

— Зачем вам полиция? — сказал Иехезкель тоном бывалого контрабандиста, — мы хотим жить, вы — тоже. Ну, сколько?

Выложили им сто пятьдесят динаров, и тендер исчез. Немного задержались в пограничной деревне и пешком отправились на восток. На следующий день, после долгих часов ожидания, вернувшийся контрабандист передал пароль. И вот вся группа уже в верных руках на иранской территории.

* * *

Дороги Ирана кишели беженцами, направлявшимися в поездах и автобусах в Тегеран. Активисты и рядо-

вые члены Движения находились во всех пунктах, куда направляли беженцев из Ирака. Правительство Ирана относилось к беженцам вполне гуманно.

Старое кладбище Тегерана принимало все новых обитателей. Выросло несколько строений, но их тоже не хватало; расширили территорию, отрезав участок от нового кладбища. Нелегкое это было бремя, и несли его на своих плечах в разное время: Сами, Шнеур, Элимелех, Иоав Горал, Ювал Пинхас и другие. Деятели подполья тоже помогали. Они несли ответственность за жизнь и здоровье людей, прибывших сюда после изнурительной дороги, истощения и волнений.

Новоприбывших направляли прежде всего в изолятор для медицинского осмотра и дезинфекции. Больных помещали в отдельную комнату, на попечение врача Виктора и медсестер Ории и Ариэли. Медсестре Ории пришлось быть и акушеркой при рождении девочки, впервые увидевшей свет среди могил еврейского кладбища. Новорожденной дали имя Ория.

Вначале самолеты не успевали перевозить всех прибывающих. В лагере становилось тесно, приходилось особенно строго следить за чистотой и дисциплиной; не хватало продуктов. Некоторые из обитателей лагеря, всю свою жизнь бывшие независимыми хозяевами, никак не могли свыкнуться с лагерным режимом. К примеру, выход в город разрешался лишь в порядке очереди: нельзя было допустить слишком большого количества беженцев на улицах, что привлекло бы внимание местных жителей (в том числе и хулиганов); каждое утро вставали по звонку, выполняли различную работу. Длинные очереди за едой действовали на нервы. Кто, в конце концов, эти юноши, которые нам приказывают?

Местная община снабжала выходцев из Ирака пищей, одеждой, одеялами и предметами первой необходимости. Устроили кухню, и два профессиональных повара из беженцев варили еду в огромных котлах, поставленных на примусы. Построили душевые, вырыли уборные.

В феврале 1950 года в Тегеран прибыл Иоав Горал. Самолеты компании "Нир Ист" летали редко, а лагерь был переполнен. По инициативе Элимелеха и Ювала решили требовать помощи от соответствующих инстанций в Израиле. Написали решительное письмо с копиями в Комиссию по репатриации, Сохнут, Джойнт и Бен-Гуриону. Настоятельно требовали помочь беженцам и ускорить их перевозку в Израиль. Письмо подействовало. Вскоре в Тегеран приехал Кармил. Жители лагеря встретили его радостными возгласами: "Алия! Алия!" Он на месте ознакомился с обстановкой, и вскоре при его содействии был создан воздушный мост по транспортировке иракских беженцев. Один за другим из Ирана вылетали самолеты с олим, и через несколько часов люди уже находились в Израиле.

* * *

В январе 1950 года полицейские по доносу задержали грузовик с группой из 31 человека. Когда началась перестрелка, офицер-хозяин машины, бросился бежать, но его поймали. Всех задержанных допрашивали в Басре, но добиться ничего не смогли.

Офицера приговорили к нескольким годам тюрьмы. Впоследствии, встретившись в тюрьме с Заки (он же Мордехай Бен-Порат), офицер с большой похвалой отзывался о преданности "джамьи" своим соучастникам.

— Евреи никогда не оставят тебя на произвол судьбы, — говорил он.

Задержанные получили по три месяца тюрьмы, а после обжалования приговор был несколько смягчен.

В начале февраля в том же районе забрали еще 16 человек — первая неудача контрабандиста по прозвищу "пустынник", благополучно переправившего до тех пор 350 человек. Их приговорили к шести месяцам тюрьмы.

В середине февраля два офицера из охраны во главе с комендантом, выехали из Багдада в Басру, чтобы ознакомиться на месте с происходящим. Спустя нес-

колько дней в засаду попала машина — одна из трех — с 25 беглецами. Семеро были освобождены до суда, остальные получили от одного до трех лет тюрьмы.

В начале марта полицейский патруль заметил на реке лодку, полную людей. Когда им велели остановиться, контрабандист Тахир — "Отважный" открыл огонь и был убит в короткой перестрелке. Его напарника Абд аль-Карима и шестьдесят евреев задержали. Когда об этом узнали деятели алии, Менахем Свири вспомнил, что "Отважный" не раз говорил ему:

— Если доживу и проработаю у тебя до конца, заберу меня с собой. Если будет стычка с полицией — живым не сдамся.

В этот же период в Басру прибыл еще один израильский, старый подпольщик, хорошо известный деятелям нелегальной эмиграции в Ираке, Узиэль Леви, теперь уже член киббуца Сдот-Ям. За месяц до его приезда на другой берег Шатт-эль-Араба переправился ветеран Давид Бен-Меир, он же "Ювал", он же "Азиз". Выполнив задание, он уехал в Израиль — теперь уже навсегда.

Спустя некоторое время арестовали Ицхака Бен-Хая из Басры. Какой-то контрабандист попался, и выгораживая себя, показал дом, из которого выходили беженцы — дом дяди Ицхака. Когда полицейские вломались в запертую комнату, то нашли большую пачку паспортов и военных билетов, а также револьвер. Желая избавить дядю от неприятностей, Ицхак заявил, что все принадлежит ему, и был задержан. После проверки оказалось, что владельцы паспортов уже покинули Ирак, а военные билеты — подделаны. За 200 динаров судья согласился поверить обвиняемому, что он нашел эти документы в Эль-Азайре при посещении могилы Эзры и взял с собой для передачи в полицию. Ицхака выпустили, но о деле пронюхали газетчики. "Истик-лаль" вышел с жирным заголовком: "Поймали банду сионистов, контрабандистов и подделывателей документов!".

Подняли вопрос: "Почему оправдали сиониста?"

Прокурор обжаловал приговор, но Ицхак скрылся, а через два дня был уже в Иране.

Поток бегства бурлил и пенился, огибая рифы и мели, попадавшие по дороге, в том числе и козни полиции. Если до сих пор Ирак покинуло три тысячи нелегальных репатриантов, то за последние полтора года число бежавших через восточную границу достигло двенадцати тысяч. Власти были не в силах остановить нелегальную алию, и все их попытки раскрыть подпольную сеть кончались неудачей.

24

МЫ ВПРАВЕ РАСПЛАКАТЬСЯ ОТ СЧАСТЬЯ

Настало время добиваться разрешения проблемы в целом и заставить власти позволить всем желающим покинуть страну.

Массовые побеги евреев, ликвидация и вывоз имущества, общая неразбериха задевали "патриотические" чувства арабского населения и создали в стране крайне напряженную атмосферу, которой воспользовались Бен-Порат и другие подпольщики. Надо сказать, что много усилий им и не требовалось. Страна клочкотала, а газеты только разжигали страсти. Беспомощность правительства стала предметом открытой критики и насмешек. Националистические газеты подняли вой: "Если евреи хотят уехать — пусть убираются! Что у нас с ними общего? Скатертью дорога!"

Глава еврейской общины Иехезкель Шемтов, предварительно переговорив с Бен-Поратом, Чарльсом и Эйди Софером, возобновил приятельские отношения с другом детства, нынешним главой правительства Тауфиком ас-Сувейди. Шемтов убеждал его, что ради спокойствия в стране необходимо изменить позицию правительства и дать разрешение на выезд всем евреям,

которые этого захотят. Так или иначе, — объяснял он (так же предполагали вначале и сами подпольщики), — уедут в основном бедняки, низы общества. Так пусть едут, куда хотят. Более состоятельные наверняка предпочтут остаться. Если евреям разрешат выехать, Ирак избавится от бунтарских элементов — и снова тишина и спокойствие воцарятся на берегах Тигра и Евфрата. Кроме того, евреи освободят много рабочих мест, о которых давно мечтают арабы, выпускники высших учебных заведений. Найдутся и богачи, которые решат выехать и все свое добро продадут арабам за бесценок, и оно останется в Ираке. Стало быть, в интересах страны разрешить свободную эмиграцию евреев.

Всему делу особый вес придало обращение президента США Гарри Трумэна.

Капля камень точит. Глава правительства, министр внутренних дел, все население страны потихоньку привыкли к мысли, что выезд евреев принесет стране только выгоду.

В конце января Бен-Порат сообщил в Мосад: "По нашему совету Шемтов встретится с премьер-министром по вопросу об узниках-евреях. Он обещал, что постарается уладить дело о выдаче паспортов евреям и добьется пересмотра вынесенных приговоров".

10 февраля Бен-Порат сообщает о делегации правления общины к правительству: "Есть надежда, что паспорта будут выданы".

Спустя пять дней стало известно, что в правительстве обсуждается предложение о выдаче евреям выездных документов (*Laissez passer*). Это означало, что евреи смогут выезжать из Ирака совершенно законно! Каждому еврею будет позволено вывезти двести динаров. Конечно, не говорилось о выезде в Израиль, речь шла просто об эмиграции. Шемтов намеренно не поднимал этого вопроса.

На следующий день глава общины и премьер-министр совместно обсуждали детали проекта. Говорили о массовой эмиграции, но ни слова о процедуре выезда и о месте назначения. В письмах в Израиль Бен-Порат

делился своими мыслями о возможностях перевозки репатриантов. Первая — переброска в Рим самолетами; вторая — сухопутным путем на машинах. Но выполнимо ли это? А как регулировать количество выезжающих? Ведь это зависит не только от иракского правительства, но и от возможностей Израиля.

В Израиле надежды сменились трезвым реализмом.

Были и скептики, которые считали весь план нереальным и даже вредным. Они не верили в изменение общественного мнения Ирака и предлагали и впредь спокойно организовывать побег. Только тот, кто не прошел сам через ужасы и тяготы нелегального перехода границы, может сказать о нем — "спокойно".

В начале марта Бен-Порат сообщает в Израиль, что Шемтов намерен потребовать от правительства принятия мер для охраны евреев от разгула толпы, если она в последнюю минуту захочет пожить еврейским добром. Самооборона тоже будет наготове.

На следующий день выяснилось, что министр внутренних дел и начальник управления гражданской авиации могут быть привлечены к делу за определенные проценты. Но самолеты пока лишь мечта. Осуществляется ли она? Пока же просят Израиль изучить возможность сухопутного пути или перевозки людей на кораблях из Басры через Суэцкий канал.

"Мы вправе расплакаться от счастья, видя плоды нашего труда и труда тех, кто начал до нас. Настал день избавления и для этого несчастного еврейства. Большинство голосов правительство постановило разрешить исход евреев..."

Этими словами начиналась взволнованная телеграмма, посланная в Израиль 3 марта.

"У евреев существует целая организация для осуществления бегства, — так мотивировал министр внутренних дел внесение проекта на обсуждение в парламенте. — Это движение растет и крепнет. Раньше оно носило индивидуальный характер, частный договор между проводником-контрабандистом и беглецами. Теперь движение выросло настолько, что невозможно более о

нем умалчивать. Согласно информации, число пытающихся бежать, за последние недели составило сотни, и организованы банды для их нелегальной переправки через границу. Все, очевидно, обратили внимание на новые центры распродажи — это тоже этап подготовки к ликвидации еврейских предприятий и нелегальному бегству их хозяев. Эти распродажи действуют вполне открыто и их посещает много людей.

Мы связались с некоторыми членами еврейской общины и просили их содействовать правительству в ликвидации этих провокационных начинаний. Но и они оказались бессильны что-либо сделать.

Исходя из вышеизложенного, правительство сочло нужным внести законопроект, принимая во внимание, что насильственное удерживание в Ираке этой части граждан вопреки их воле не принесет стране пользы. Только вред”.

Утвержденный проект получил название ”Закона о лишении гражданства”.

— Правительство правомочно лишить гражданства каждого еврея, который по своей воле примет решение навсегда оставить Ирак и в присутствии представителя министерства внутренних дел поставит свою подпись на специальной анкете.

— Каждый еврей, покинувший или пытающийся покинуть Ирак, будет лишен иракского гражданства.

— Еврей, покинувший Ирак незаконным путем, и не вернувшийся в течение двух месяцев после вступления в силу этого закона, будет считаться покинувшим Ирак навсегда и будет лишен иракского гражданства.

— На министра внутренних дел возложена обязанность выслать из страны каждого человека, лишенного иракского гражданства, если правосудие или закон не требуют его задержки на некоторое время.

— Срок действия настоящего закона — один год со дня вступления его в силу, однако в любое время он может быть отменен королевским указом.

В течение получаса закон был принят, а через два дня утвержден сенатом и скреплен печатью регента.

Для Израиля это было неожиданностью. В канцелярии министра иностранных дел Моше Шарета пытались разобраться и понять, что могло побудить правительство Ирака разрешить исход евреев.

Надо сказать, что и по сей день многое осталось неразгаданным. Правительство Ирака оказалось объектом убийственной критики остальных арабских стран, расценивших это решение как измену делу всего арабского народа и укрепление враждебного государства. Да и в самом Ираке молниеносный поворот событий поставил население перед свершившимся фактом.

Свершившиеся события являются фактом исторического значения, поэтому мы считаем необходимым дать анализ упомянутым выше причинам, к нему приведшим:

- Беспомощность иракского правительства перед лицом массовых побегов через иранскую границу, и сознание того, что разумнее будет дать евреям возможность покинуть Ирак.

- Потрясение экономики и торговли в результате распродажи имущества, падения цен, массовых увольнений, ликвидации предприятий и всевозможных "левых сделок".

- Коррупция и взяточничество в государственных учреждениях в связи с ростом бегства евреев.

- Рост напряженности в отношениях Ирака с Ираном в связи с нарушениями границы и приемом беженцев Ираном.

- Реакция возмущения во всем мире, вызванная преследованиями евреев.

- Дипломатическое давление на правительство, главным образом со стороны президента Трумэна.

- Стремление занять освободившиеся места во всех отраслях хозяйства и завладеть еврейским имуществом.

- Личное влияние Шемтова на Тауфика-ас-Сувейди,

а также некоторых членов еврейской общины на арабскую верхушку.

— И последний, очень существенный момент: никто не мог представить себе, что исход евреев Ирака примет такие размеры, и в стране практически не останется евреев. Полагали, что уедет несколько тысяч десять, максимум двадцать, и Ирак избавится от "сионистских банд", бедняков, и, может быть, от многих евреев-коммунистов. Но...

В Израиле тоже плохо представляли себе, что происходит. Когда Шломо Хиллель, встретившись с Леви Эшколом, который в то время возглавлял финансовый отдел Сохнута, сказал, сам себе не веря, что из Ирака можно ожидать около шестидесяти тысяч человек, Эшкол был поражен.

— Молодой человек, — сказал он, — не прыгай, пожалуйста, выше головы. В стране уже много народу, и нет места для такой массы. Где они будут жить — на улицах?

В Ираке все пока окутано туманом. Закон утвержден — а дальше что? Как люди будут выезжать? Куда? Что станет с имуществом? Кто оплатит выезд? Как все будет организовано? Возможно ли прямое сообщение с Израилем?

И в Израиле нет конца толкам.

А пока люди подполья объезжают города, местечки, деревни и уговаривают: "Не записывайтесь!"

Министр внутренних дел недоволен. Вы же хотели уехать — почему никто не отказывается от гражданства?

Иногда на регистрационные пункты заходили деятели Движения и засыпали чиновников вопросами, на которые те не могли ответить и отсылали их дальше, в высшие инстанции, в министерство внутренних дел. Евреям, отказавшимся от иракского подданства, правительство готово выдать пропуск в Иран. Однако на это требуется согласие Ирана, а оно еще не получено. Тем временем, бегство с юга продолжается вовсю. Иногда — удачно, иногда дело кончается провалом.

Война нервов против иракского правительства была чревата опасностями. Ведущие ее знают, что идут по тонкому канату, который в любой момент может порваться. Еще совсем недавно они с раскрытыми объятиями приняли бы это предложение. Теперь же они хотят большего. Еврейская общественность Ирака в смущении. Не все разбираются в закулисной политической игре и терзаются сомнениями. Почему те, которые еще совсем недавно горой стояли за репатриацию, теперь запрещают записываться? А вдруг за новым законом кроется злой умысел; может быть, власти хотят таким путем поймать всех сионистов? Ходят слухи о том, что правительство создает концентрационные лагеря, куда поместят всех, кто отказался от гражданства, пока не найдут возможности их выслать.

В обстановке полнейшей неразберихи и панических настроений и была затеяна авантюра с майором Смитом.

* * *

В середине марта Бен-Порат сообщил в Израиль, что связался с директором британской авиакомпании, майором Смитом, "специалистом по всем видам транспорта". Он вел с ним переговоры о переброске евреев из Ирака в Израиль окольным путем, а при возможности — напрямик. Говорили о цене, о весе багажа. Смит очень заинтересован и будет просить разрешения в министерстве авиации Великобритании. Бен-Порат спрашивал: дает ли Израиль согласие на эту сделку, и может ли Смит немедленно приехать в Израиль для ведения переговоров?

Смит, высокий усатый майор, лет сорока, был человеком весьма амбициозным. Его соблазняла перспектива превратиться из заведующего чартерной авиакомпанией, перевозившей рабочих из Абадана на отдых, в директора серьезной компании, которой предстоят перевозки крупного масштаба, и он был полон решимости во что бы то ни стало заполучить заказ.

На встрече с Смитом Бен-Порат представился ему как Авраам-Иосеф Салман, служащий канцелярии председателя общины, и пригласил Смита в Багдад для переговоров с Шемтовым. Посредником в переговорах с общиной был назначен Ицхак-Давид Софер (Эйди), известный купец, хозяин магазина ковров, доверенный человек подполья.

При первой встрече со Смитом, за рюмкой виски, Эйди отказался назвать ему свое настоящее имя и сказал, что опасается обвинения в сионизме, если станет известно, каков истинный характер их разговоров. Он попросил своего собеседника сделать вид, будто он знаком с Эйди еще со времени его пребывания в Англии.

— Положись на меня, бояться нечего, — сказал Смит.

Было видно, что он человек бывалый. Самоуверенность, которая звучала в каждом его слове, была свойственна всем англичанам, глубоко убежденным, что в Ираке они могут делать все, что взбредет им в голову.

Казалось, что делу дан ход.

Вырисовывалась следующая ситуация:

Смит обязался отремонтировать самолеты "Тюдор" своей компании с тем, чтобы в каждый из них можно было вместить пятьдесят пассажиров. Определили цену и установили вес багажа. Первая посадка на Кипре, а оттуда — однако об этом ни слова — в Израиль. Через месяц он постарается найти возможность прямых перелетов в Израиль.

Все было решено и оговорено. Смит полетел в Англию за благословением министерства авиации. Глава общины был доволен, а с ним — и шлихим: наконец-то нашли какое-то решение. Главное — как отнесется к делу правительство Ирака. А оно пока ничего не решило. Эвакуация евреев воздушным путем будет слишком бросаться в глаза — весь мир заметит это, в том числе и арабские страны. Ирак превратится в мишень для критических обстрелов, правительство будут упрекать в "пораженчестве" в еврейском вопросе и в том, что они посылают неприятелю "солдат".

В Израиле всюду ведутся споры, дискуссии, и идет подготовка к приему репатриантов из Ирака. Режим экономии в полном разгаре. Нехватка жилья обязывает к осторожности в течение ближайших месяцев.

Легко сказать — "осторожность", когда не видишь того, что делается в Ираке. Тысячи еврейских семей, воспламенившись от радостного известия, распродали все, что у них было.

Запрещение записываться представляет собой опасную игру, и не только в глазах правительства. Трудности жизни в Израиле — не секрет. То, что их не торопят отправить туда, вызывает разные мысли: может, они там вообще не нужны? А пока ситуация не прояснится — нелегальное бегство продолжается. Власти удивляются и возмущаются: когда их не выпускают из страны — они бегут, разрешают выезд — не двигаются с места.

В последний день Песаха в доме Элизера собирается объединенный комитет Движения и Хаганы при участии Бен-Пората и Сурани. От них требуют разрешить запись. Есть евреи, которые записываются несмотря на запрет. Если число их увеличится, Движение потеряет свое влияние. Ему просто перестанут доверять. Кроме того, надо поставить правительство Израиля перед фактом.

В четыре часа дня решение было принято. Быстро составили воззвание на арабском языке; инструкторы обошли переполненные синагоги с призывом: "Евреи! Израиль зовет вас! Уезжайте из Ирака!"

На следующее же утро массы евреев устремились в синагогу "Тувейк" — центральный регистрационный пункт, чтобы отказаться от иракского гражданства. Только за один этот день записалось 3400 человек, а в течение недели число отказавшихся от подданства достигло во всем Ираке пятидесяти тысяч.

* * *

В те бурные дни, когда решалась судьба иракской общины, в Ирак тайно прибыл Иерахмиэль Аса. Его хо-

рошо помнили и любили. Дни деятельности Иерахмиэля в Ираке были "золотым периодом" Движения. Он пересек Шатт-эль-Араб и встретился с активистами Басры, которые подробно ему рассказали о событиях последних дней. Потом навестил арестованных сионистов. Большое волнение охватило его при виде заключенных, выбегающих из камер навстречу родственникам. Около ста двадцати евреев сидело в то время в тюрьме Басры, и среди них двадцать женщин.

Аса наносит визит также заключенным в багдадской тюрьме. Сопровождает его Заки. Заключенные, видя его, плачут как дети: "Не забыли нас!" Давнишние товарищи бросаются ему на шею, засыпают вопросами: как нас примут в Израиле? "Дядя Альбер" ничего не скрывает, говорит всю правду. Положение в стране тяжелое; кроме того, новоприбывающих ждут трудности абсорбции. Аса обходит улицы Багдада и видит целые стада арабов-покупателей, копающихся в еврейском добре. Изгнание на исходе. Мечта близка к осуществлению.

Договор между общиной и английским майором почти подписан. Только власти что-то тянут. Евреи записываются массами. Говорили уже о технических подробностях. Каждый взрослый имеет право вывезти пятьдесят динаров, ребенок — меньше. Можно брать с собой одежду и подержанные вещи. Нельзя вывозить золото и драгоценности. Однако продажа имущества разрешается. И никто не спрашивает у евреев, куда они дели выручку от проданных вещей и остатки капитала.

Казалось, великий исход из Ирака может начаться в любую минуту. Вдруг Эйди Софер совершенно неожиданно получает ясную и твердую инструкцию: "Немедленно, любой ценой, расторгнуть договор с майором Смитом!"

МИСТЕР АРМСТРОНГ У ТАУФИКА АС-СУВЕЙДИ

С приветливой улыбкой встречал Абд ар-Рахман Рауф, директор компании "Ирак Турс" двух нарядных английских джентльменов Ричарда Армстронга и Рони Барнета, сошедших с самолета. После длительного перелета гости выглядели усталыми, и Рауф сразу же повез их на своей сверкающей машине в "Семирамиду" — лучший из местных отелей, где для них заблаговременно был заказан номер.

Телеграмму о прибытии гостей он получил несколько дней назад. Рауфа извещали о приезде двух британских директоров крупной американской авиакомпании, собирающихся предложить ему необыкновенное дело, на котором можно прекрасно заработать. По дороге в отель обменивались отрывочными фразами. Рауф чувствовал, что не ошибся: у гостей действительно какой-то грандиозный проект. О нем будет особый разговор после того, как гости отдохнут и подкрепятся.

Ричард Армстронг отдыхал не слишком долго. Рядом с гостиницей был индийский магазин, где продавались газеты, журналы и сувениры для туристов. Армстронг зашел туда и попросил регулярно присылать к нему в номер несколько иностранных газет. Пока он перелистывал одну из них, в магазин зашел какой-то человек и встал возле него. Улучив момент, когда никого не было рядом, он шепнул Армстронгу:

— На улице вас ждет такси.

Мистер Армстронг расплатился и вышел. Дверца машины захлопнулась за ним. Отъехав от шумного центра, шофер повернул голову к пассажиру и спросил:

— Как здоровье Ривки?

Пассажир ответил, что Ривка жива и здорова.

— Все есть у нее, — сказал он, — не хватает только — Мордехая Бен-Пората.

Шофер успокоился. Свои — можно говорить.

Машина тихо ехала по улицам Багдада. Британский джентльмен рассказывал "сионистскому агенту" об американской компании "Нир Ист", в которой он и его коллега Барнет занимают посты директоров. Большая компания, располагающая четырехмоторными самолетами, хорошо проявила себя при выполнении серьезных заданий, например, при воздушной переправе нескольких тысяч иракских беженцев из Тегерана в Израиль. Теперь компания стремится получить заказ на перевозку иракских евреев прямо из Багдада. Куда? Это выяснится потом. Израиль всецело их поддерживает. Есть виды на то, что иракское правительство не откажется доверить им выполнение этой операции. Однако оно не должно знать о причастности Израйля.

Бен-Порат не слишком доверчиво относился к словам Армстронга, а тот продолжал разглагольствовать, объясняя, откуда у него такая уверенность, что переговоры с иракским правительством закончатся успехом.

Джимми Ваттон, совладелец "Нир Ист", поддерживает тесную связь с Абд ар-Рахманом Рауфом, директором "Ирак Турс". Каждый ребенок в Багдаде знает, что премьер-министр Тауфик ас-Сувейди одновременно является и совладельцем "Ирак-Турс". Нужно привлечь к делу эту компанию, сделать ее соучастником в прибылях и передать ей монополию на перевозки до аэродрома. При содействии Рауфа Армстронг и Барнет встретятся с ас-Сувейди. Надо полагать, что он даст свое согласие, ведь и он получит свою долю прибыли.

Но кто будет финансировать перелеты? Это была проблема, которую в Израиле никак не могли решить. Кое-кто предлагал: пусть уплатит Джойнт, но потом решили не вводить в дело никакого фактора, который мог вызвать догадки о связи с Израилем. Пассажиры уплатят за перелет сами, из своего кармана.

Бен-Порат продолжал молча везти машину. Глубокая морщина пересекла его лоб. Наконец он бросил в сторону Армстронга взгляд, полный упрека, и пробормотал:

— Дорогой Шломо, я никак не могу понять, почему вы так долго молчали?

* * *

На следующий день господа Армстронг и Барнет были гостями первого министра. Стоял теплый вечер конца апреля. В саду у ас-Сувейди нежно благоухали цветы. Рауф представил Его Превосходительству гостей, одетых в темные парадные костюмы. Ас-Сувейди оказался приятным обходительным человеком лет шестидесяти. Одет он был в простой костюм спортивного покроя. Сувейди встретил гостей очень приветливо. На приеме присутствовал и начальник его канцелярии. Через несколько минут слуга принес на подносе кофе и подошел к гостям, однако те поспешили проявить свою вежливость:

— Нет, нет, сначала Его Превосходительству!

Слуга склонился перед Его Превосходительством, а тот настолько разгневался, что не сдержался и обругал слугу по-арабски, в грубых площадных выражениях, общий смысл которых был: "Ну и осел! Разве ты не видишь, что мои гости — и н о с т р а н ц ы?"

Беседу начал Рауф. Он пел соловьем, изливая восторги по адресу компании "Нир Ист". По сей день он с удовольствием вспоминает их совместную работу. Если компания "Нир Ист" соглашается взять на себя заботы по эвакуации — лучшего нельзя и придумать. Нет сомнения, что все будет сделано как надо.

Ас-Сувейди не скрывал своих опасений. От иракского правительства еще не поступил ответ. Кроме того, нагрянут всякие журналисты да фотокорреспонденты. Правительство Ирака желало бы тихой, бесшумной эвакуации. Ас-Сувейди надеется на положительный ответ из Ирана. По получении его можно будет обсудить все детали. Однако Рауф считал, что откладывать не стоит. Пункт назначения не так уж важен для компании. Евреи хотят в Иран — можно и в Иран. Но компа-

ния готова перевезти евреев и в любое другое место, куда только им прикажут.

Рони Барнет представил компанию "Нир Ист" во всем ее величии: одна из крупнейших чартерных компаний Соединенных Штатов; обслуживала и продолжает обслуживать тысячи туристов и паломников; владеет большими самолетами, совершающими длительные беспосадочные перелеты. Для данной операции "Нир Ист" готова предоставить пять самолетов, рассчитанных каждый на 100 пассажиров с багажом — до 30 килограммов на человека. Темп эвакуации — 400-500 человек в день. Задание будет выполнено быстро. Кроме того, директора компании понимают, что речь идет о неимущих, и поэтому установили особо низкую оплату.

Так, потягивая сок и угощаясь яблоками, они вернулись к вопросу о пункте назначения.

— Если полетим прямо в Израиль, — можно будет взять еще дешевле, — бросил Барнет пробный мяч.

— Ни в коем случае, — резко оборвал его ас-Сувейди, — мы можем говорить о чем угодно, только не об этом.

Армстронг предложил Кипр: по его сведениям, там есть пустые лагеря, пригодные для временного устройства прибывающих.

Это предложение оказалось приемлемым и для Тауфика ас-Сувейди. Конечно, надо добиться согласия властей Кипра, — но отчего бы им не согласиться?

Глава правительства настоятельно требовал выполнения одного условия: первая посадка не будет в стране, не поддерживающей нормальных дипломатических отношений с Ираком.

Всем было ясно, о какой стране он говорит. Чтобы обеспечить выполнение этого условия, до Никосии каждый самолет будет сопровождать иракский жандарм. В этом весьма дружелюбном духе и закончилась беседа. Если выяснится, что Иран не согласен, никто не будет возражать против заключения договора на вышеописанных условиях.

Спустя несколько дней из Тегерана прибыл отрицательный ответ. Сразу закипела работа.

В Багдад прибыл Джимми Ваттон. Он встретился и вел переговоры с министром внутренних дел Салихом Джабром и с Нури Саидом, "сильным человеком", по указке которого вершились дела, даже когда он не стоял у кормила власти. Ваттон не обошел вниманием и его сына Саббаха, начальника управления гражданской авиации.

* * *

Английский самолет, который должен был вылететь из Никосии в Лод, в последнюю минуту задержали. Причина задержки: самолет из Багдада опаздывает, а в нем — очень важная особа, которая должна немедленно, не теряя ни минуты, лететь в Израиль. Вскоре багдадский самолет прибыл. Открылась дверь, и маленькая худощавая фигурка устремила ко второму самолету, который тут же поднялся в воздух. Если бы свидетелями этой сцены были агенты иракской разведки, то "чрезвычайно важная особа" наверняка вызвала бы их любопытство. Однако им заинтересовались другие свидетели. В Израиле вскоре получили сообщение из Никосии: "подозрительная личность по имени Армстронг, прибывшая из Багдада, отбыла самолетом в Израиль..."

В это самое время "подозрительная личность" была у премьер-министра Израиля. Когда "Армстронг" закончил свой рассказ, Бен-Гурион сказал: "Ты первый человек, которому за такой короткий срок удалось встретиться с двумя премьер-министрами — израильским и арабским".

О ходе дел в Ираке были оповещены все заинтересованные инстанции.

Вопросы и ответы, выяснения, последние инструкции.

Назавтра Шломо Хиллель и управляющие Эл-Ал летят в Никосию, устанавливают контакты с британским

комендантом и управлением авиации, добиваются их разрешения на посадку самолетов. Мистер Армстронг в тот же день возвращается в Багдад.

Положение его было более чем странным. В прошлом, будучи, посланником, он находился в подполье, теперь же, когда следовало бы скрываться гораздо более тщательно, он живет в центральной гостинице столицы, где полно сыщиков и тайных агентов, ведет переговоры, проворачивает большие дела и разыгрывает из себя почтенного вельможу. Ведь людям его сословия положено всячески проявлять щедрость и великодушие.

Мистер Армстронг наловчился держать в зубах трубку, хотя от запаха, исходившего от нее, его мутило. Ничего не поделаешь — положение обязывает. Он часто ходил с Барнетом в британское консульство, а с Ваттоном — в американское. Однажды, когда он чувствовал себя неважно, пришел председатель общины лично справиться о его здоровье. Короче говоря, — *persona grata* — высшей категории.

Обстоятельством, вызывавшим всеобщий интерес, был шрам на щеке у Шломо, память о днях его детства на берегах Тигра. Есть в Ираке муха, укус которой вызывает рану, так называемую "багдадскую розу". Когда рана заживает, остается шрам. У многих жителей Ирака он красуется на щеках или других частях тела, открытых для укуса в жаркие дни. Это нечто вроде "свидетельства о рождении" в Ираке. Откуда у английского господина, уверяющего, что он в Ираке впервые, такая "печать"?

Среди арабов, друзей Рауфа, шли различные толки по этому поводу. Один из них не сдержавшись, обратился к уважаемому мистеру Армстронгу и прямо спросил: "Что это у вас на щеке?"

Шломо, не моргнув глазом, тут же сочинил трогательную и героическую историю о том, как в конце мировой войны он был ранен во время столкновения двух самолетов, и как ему сделали пластическую операцию на лице и на ногах. От этой операции остались

шрамы. Арабы восхищались чудесами современной медицины и легко проглотили преподнесенный им блеф.

Армстронг, разыгрывая любопытного туриста, интересуется, что это за обряд творят люди на улице в клубах дыма.

Рауф объясняет, что это вовсе не обряд, а приготовление особой еды — "самак мазгуф".

— А какова она на вкус?

— Невероятно вкусна!

Когда Шломо изъявил желание попробовать, Барнет ушилнул его за руку.

Рауф сказал, что самые крупные специалисты по жарке "самака" — это евреи.

Тогда Шломо предложил: "Давай, попробуем".

Рауф его подбодрил: "Ручаюсь головой!"

Назавтра в полдень они участвовали в "рыбном пиршестве" в доме Шемтова. Столы ломились от обилия деликатесов, а запах "самака" разносился по всей улице. Гости, по местному обычаю, берут рыбу руками и жуют, причмокивая. Что может сравниться с таким деликатесом! Только оба "франджи" (европейца) — Барнет и Армстронг — пользуясь ножом и вилкой, разрезают рыбу и берут в рот по ломтику, как это принято у европейских аристократов. Остальные гости смотрят на них с чувством жалости к людям, которых культура лишает возможности наслаждаться истинными благами жизни и подшучивают над ними, переговариваясь на арабском языке. А Шломо, связанная овца на алтаре сионизма, сидит и молчит.

Спустя много времени Шломо встретился с Шемтовым где-то в Европе и напомнил ему этот обед и шутки, сыпавшиеся тогда по адресу "британского господина". Он открыл Шемтову и свое настоящее имя, которое был вынужден скрывать при их первом знакомстве.

* * *

Майор Смит кипел от гнева. Он менялся в лице, шумел, метал молнии и заявил Эйди Соферу, что сделает все, что сможет (а может он очень много!), чтобы расчитаться с теми, кто пытается всунуть ему палки в колеса.

— Так или иначе, вы не получите разрешения на посадку на Кипре. Я позабочусь об этом! — заявил англичанин с уверенностью хозяина вселенной.

Эйди, минуту назад уведомившему, что, к сожалению, договор не будет подписан, не оставалось ничего иного, как ответить ему, что американская компания уже получила разрешение на посадку. Такая неудача могла сильно повредить карьере Смита, всем его планам.

Бен-Порат — он же "Салман" — отсиживался в укрытии, пока буря не стихла. Возбужденный майор и представить себе не мог, что истинные его конкуренты проживают на расстоянии всего нескольких комнат от него в отеле "Семирамида".

Эйди, к которому он относился с полным доверием, советовал:

— Я тебе предлагаю поехать в Басру. Здесь я на страже. Если будут новости, немедленно сообщу тебе. Сделаю все, что в моих силах.

Майор уехал — и назавтра вернулся; кипя гневом, он отправился к главе общины.

— Что я могу сделать? — сказал ему Шемтов. — Решаю не я; правительство поручило дело другой компании; это решение министра внутренних дел и премьер-министра!

— Что мне твои министры, — выходил из себя англичанин. — Если захочу, завтра же сменю все это правительство!

— Сударь, — сухо ответил ему Шемтов, — я только глава общины и политикой не занимаюсь.

Смит вернулся в Басру, затаив гнев, надеясь найти способ вывести обманщиков на чистую воду.

Прошло несколько дней. В четверг, 18 мая, в "Семирамиду" явился Рауф со странным письмом: "Ирак-

ское сыскное отделение интересуется личностью Армстронга. Его срочно приглашают в паспортный отдел". Ваттон и Барнет отнеслись к сообщению пренебрежительно. Анекдот! Где это слыхано, чтобы выслеживали человека, ведущего переговоры с самим главой правительства!

Эйди Софер раздобыл оригинал донесения сыскного отделения. Там было написано: "Выяснить немедленно личность владельца британского паспорта на имя Армстронг!"

По этому поводу были только предположения. Возможно, что это дело рук Смита. Очевидно, Смит поинтересовался прошлым компании "Нир Ист" и открыл ее прежнее воплощение: компанию "Транс-Оушн", а также связи некоего Фарраза с ней и с Израилем. Сравнил приметы Армстронга и Фарраза — и разбудил багдадский сыск от спячки. Возможно, что в Никосии, когда Шломо пересаживался из багдадского самолета в израильский, какой-нибудь недруг отметил этот факт в своей записной книжке.

Вскоре мистер Армстронг сидел уже в самолете, летевшем на Кипр. Это был один из первых двух самолетов, открывших операцию "Эзра и Нехемия". ВЕЛИКИЙ ИСХОД из вавилонского изгнания начался.

* * *

В самолете больше всех волновался офицер иракской полиции, сопровождавший самолет в качестве инспектора: его присутствие должно было обеспечить, обязательную посадку на Кипре, По-видимому, это был первый полет в его жизни: у него кружилась голова, его тошнило. Мистер Армстронг как хозяин положения относился к офицеру с большим вниманием.

Когда самолет садился в Лоде, уже стояла ночь.

Спустя годы, если Шломо захочет восстановить подробности этого исторического эпизода, одним из основных творцов которого был он сам — он, пожалуй,

многого не сможет вспомнить. Все будто покрылось туманом: люди, впервые стоящие на земле Израиля, работники Мосада, озабоченно ожидающие его и репатриантов; аэродром — это он видел очень нечетко. Он вдруг почувствовал внезапную легкость в спине и тяжесть в ногах. Огромная усталость овладела им.

26

ИСХОД ИЗ ВАВИЛОНА

Маскировка Мордехая Бен-Пората была без изъяна. В Ираке к удостоверениям личности фотография владельца не прилагается, и ему было легко перевоплотиться в Нисима Моше, еврея, жителя Багдада, который тайно бежал в Израиль. В Багдаде у него остался "брат" — Наим Моше. Будучи уроженцем Багдада, Бен-Порат прекрасно владел языком и наречием местных евреев. Ему не грозила опасность попасться из-за неверных оборотов речи или иностранного акцента. Город и вся страна были для него открытой книгой. Он хорошо знал улицы и переулки, нравы и обычаи. Он знал, как обойти ловушки, а попавшись — умел выкрутиться. В подполье его называли "Заки" или "Хабиб". Он неоднократно менял свою внешность. С одинаковой легкостью облачался он в нарядный костюм купца или, по необходимости, в спецовку шофера и садился за баранку, что ему приходилось делать при ежедневных встречах с Шломо Хиллелем в течение трех недель своего пребывания в Багдаде.

Бен-Порат прибыл в Ирак как посланец Израиля. Хотя побеги евреев в Иран носили в последнее время все более и более открытый характер и вызвали ряд перемен в стране, организация, во главе которой стоял Бен-Порат, продолжала работать в условиях конспирации. С опубликованием закона о лишении гражданства

и начавшейся широкой подготовкой к массовому выходу, перед Бен-Поратом и его товарищами встали новые, очень сложные задачи.

Пройдут годы, и люди будут недоумевать: каковы были функции шалиаха и подполья в целом, когда алия была разрешена законом? Разве их роль не закончилась? Ведь Великий Исход уже начался! Казалось бы, им только и оставалось, что первыми отправиться в Израиль и встречать на аэродроме репатриантов приветствиями: "С приездом! Ну, что мы вам говорили?"

Глубокая ошибка!

Подполье все еще стояло перед тяжелой задачей на открытых обстрелу позициях.

Даже если бы массовый исход был результатом переговоров, прямых или через посредников, между Ираком и Израилем, то и тогда он был бы долгим и изнурительным, полным всевозможных препятствий. Но реальная ситуация была еще сложнее.

Израиль вообще не упомянут в переговорах. Напротив, если бы в Ираке возникло подозрение о причастности Израиля, все лопнуло бы как мыльный пузырь. Принятие закона и разрешение выезда было односторонним решением иракского правительства, основанным исключительно на внутренних интересах страны. Евреи хотят выехать — пусть себе выезжают. Все равно не удастся их здесь задержать. Связь между этим законом и мечтами евреев об Израиле — не более, чем случай. Так как было решено, что конечным пунктом — во всяком случае, "первой остановкой" — будет Кипр, власти Багдада стремились "вытолкнуть" евреев в ту сторону как можно скорее.

Судьба операции находилась в руках местных подпольщиков и представителей Израиля; они должны были наладить "поезд алии", установить свой контроль на железных дорогах и станциях; следить за погрузкой и выгрузкой, за проверкой пассажиров и их багажом, за быстротой, за порядком — то есть нести ответственность за все путешествие. Надо было охранять пассажиров от чужих грабителей и своих карманников, овла-

деть сигналами тревоги и опасности.

Бен-Порат занимался вопросами выезда людей, начиная с момента их регистрации и до посадки в самолет, и одновременно соблюдал "высокую политику", связанную с этим: нелегально занимался вполне легальным делом — эвакуацией масс евреев, а нелегальную алию — то есть выезд "прогоревших", подозреваемых и т.п. — организовывал легальными методами.

* * *

С самого начала регистрации было ясно, что иракская администрация с ее черепашными темпами не в состоянии справиться с задачей. Необходимо было мобилизовать особые кадры. Иехезкель Шемтов потребовал поручить эту работу чиновникам, назначенным общиной, и у министерства внутренних дел не было повода отклонить его предложение.

"Чиновники" — все деятели подполья — были размещены в пунктах регистрации в городах и местечках по всей стране, а также в двух больших центрах в Багдаде. Они руководили всеми этапами "отказа от гражданства", выдачей выездных удостоверений, доставкой людей к самолетам. Они выполняли огромную работу, сопровождая уезжающих по всем извилистым тропам Исхода, хотя и под наблюдением высших офицеров полиции.

Кстати, они работали сейчас рука об руку с теми офицерами, которым раньше было поручено раскрыть подполье. Никому из них и в голову не могло прийти, что здесь сидят крупные деятели Движения, ведь ни на одного из них не было даже заведено "дело" в полиции.

У офицеров были и иные, довольно веские, основания не слишком углубляться в изучение прошлого своих новых коллег. Правительство считало нежелательным заниматься сейчас "делами" сионистов. Размеры регистрации сами по себе были явным доказательством того, что все евреи Ирака — сионисты. Пока они не связаны с Израилем, выполняют указы иракского

правительства и не "угрожают безопасности государства" — правительство закрывает на это глаза.

Служебное рвение еврейских "чиновников" было беспредельным, и офицеры могли не особенно утруждать себя. Всю работу выполняли еврейские парни, а офицерам оставалось лишь ставить подписи. В конце концов активисты подполья взяли в свои руки все дело так, что начальство не могло рукой двинуть без подчиненных. Чтобы сделать офицеров более доброжелательными и приучить их не замечать некоторых вещей, с ними поддерживали отношения и после работы: устраивали вечеринки, предоставляли им возможность наслаждаться жизнью и щедро платили за "сверхурочную работу". Офицеры получали дорогие подарки, какие-то единовременные премии и зарплаты, намного превышавшие их обычные заработки.

Раз принято давать "бакшиш", в Ираке, как и всюду на Востоке, без него и шага не сделаешь. Иного выхода не было, хотя это и ложилось тяжким бременем на кассу. Не будь организованного подкупа всего государственного аппарата, каждый из десятков тысяч выезжающих оказался бы беззащитным перед лицом жестокого вымогательства, а порою и прямых нападений черни.

Вся деятельность была сконцентрирована в двух больших синагогах: "Тувейк" и "Масуда Шемтов". Первая служила центральным пунктом регистрации граждан, отказывавшихся от иракского подданства. Там разместили 14 отделов министерства внутренних дел. Во главе каждого отдела стоял полицейский офицер в звании инспектора. Если бы этим длинным и запутанным лабиринтом не ведали люди подполья, то каждому репатрианту пришлось бы дважды пройти через семь кругов бюрократического ада: тайную полицию, отдел подоходного налога, земельный отдел, личный отдел и т.д. Все чиновники получали дополнительное "жалованье" и не придирались к мелочам, а вполне полагались на сотрудников-евреев, которые умело сглаживали углы и заполняли анкеты по своему личному усмотрению. Офицеры подписывали документы ав-

томатически, так что появилась возможность незаметно включить в число олим и "нелегальных" кандидатов, а также активистов-подпольщиков, которым необходимо было исчезнуть, или тех, на кого были заведены "дела" и кому запретили регистрироваться. Этот же центр занимался переездом евреев со всей страны в Багдад, заботился о размещении их в синагогах и школах, о безопасности этих мест; организовывал столовые, где трижды в день выдавали еду. Его работники доставали одежду для нуждающихся и следили за чистотой и порядком. Все это бескорыстно осуществлялось деятелями подполья.

Списки с именами зарегистрированных, считавшихся "законными" во всех отношениях, направлялись в канцелярию премьер-министра после утверждения, возвращались в "Тувейк", где особый персонал заполнял выездные визы.

На аэродром отправлялись из синагоги "Масуда Шемтов". Списки выезжающих в данный день были известны заранее, и люди приходили в синагогу, чтобы взвесить багаж и оформить оплату. Затем минибусы отвозили их к самолету.

Финансирование операции было тайной подполья. На первый взгляд казалось, что репатрианты оплачивают перелет из собственного кармана. Особый отдел в синагоге получал деньги от выезжающих и передавал их "Ирак Турс", откуда они поступали в "Нир Ист". В действительности же эти поступления покрывали только около половины расходов. Были и бедняки, которые не могли заплатить ничего, даже части требуемой суммы. Они проходили через особую комиссию, тоже из членов подполья, которая устанавливала для них сумму взноса или освобождала от него. Недостающую часть расходов должен был покрыть Джойнт, но окончательный расчет между ним и государством Израиль будет произведен по завершении операции, так что это не отражалось на состоянии "кассы алии" в Ираке. Официально каждый эмигрант обязан был оплатить свой выезд собственными средствами. Но каждая про-

цедура, связанная с выездом, требовала денег — а где было их взять?

Выход был найден с помощью известного метода "двойной бухгалтерии". Этот способ применили и для перевода в Израиль денег, которые, согласно закону, евреи не могли взять с собою в самолет. Желавшие перевести свои капиталы в Израиль, отдавали их в распоряжение активистов алии, которые пользовались этими деньгами для подведения баланса кассы и оплаты всех текущих расходов. Одна бухгалтерская книга велась для властей, а в другой записывалось истинное положение дел.

* * *

Всей этой разносторонней деятельностью: связями, расходами, движением всего механизма в соответствии с направлением и темпами, разработанными "врагами-сионистами", руководили, при участии Бен-Пората, Эйди Софер и Чарльс. Эйди — купец с именем и большими связями в высших кругах; Чарльс — тоже купец из почтенной семьи, пользующейся доверием властей. Оба крепко вросли в иракское общество, сдружились с его заправилами, их считали преданными гражданами. Чтобы подкрепить это доверие, оба они не воспользовались возможностью отказаться от гражданства и в разговорах всячески подчеркивали, что иракская родина — их отчий дом. По поручению общины, а затем и министерства внутренних дел они проверяли работу различных учреждений и отделов, занимавшихся эмиграцией, а также осуществляли связь между правительством, еврейской общиной и компанией "Нир Ист".

Оба они были центральными фигурами подполья. Эйди действовал за кулисами. Чарльс выполнял важнейшие задания Хаганы, был "дипломатом" подполья, выступавшим на трех фронтах: в самой общине, в иракских правительственных учреждениях и в "международном" масштабе. С ними сотрудничал Гурджи

(деятель Хаганы, тоже не отказавшийся от подданства) и целый ряд активистов Движения.

Ежедневно по вечерам Бен-Порат встречался с инструкторами и выслушивал их отчеты о работе, о событиях за день, о возникших трудностях и перспективах на будущее. Они обсуждали все вопросы и совместно вырабатывали план действий. Какими-то никому не ведомыми путями Бен-Порат согласовывал все действия с Израилем.

Израиль в то время был страной бараков, временных жилищ для репатриантов и нужды. Страной, которая разрывается от множества проблем. Страной, которая мечтает, чтобы в ней собрались все евреи диаспоры, мечтает о массовой алие, волны которой, однако, могут затопить ее. Мысль о предстоящей массовой алие из Ирака греет сердца и в то же время выдвигает задачи, с которыми навряд ли страна будет в состоянии справиться. С одной стороны — радость избавления древнейшей диаспоры, с другой — недостаток средств для быстрой абсорбции ожидаемых десятков тысяч. О настоящей абсорбции, рассчитанной на продолжительное время, даже не говорили, речь могла идти лишь о самом необходимом на первое время, как то: шалаш для ночлега, хлеб с маргарином, врач, случайные заработки. Не хватало даже автобусов для перевозки репатриантов во временные жилища.

Делаются лихорадочные усилия, чтобы найти выход. Однако это невероятно сложно. Невозможно предложить людям ночевать на улице! Невозможно кормить травой, даже если страна переживает тяжелый кризис. Но из-за чего паника? В Израиле думают, что раз уже открыли ворота Исхода из Ирака — их не закроют. Если сегодня разрешают выезд — почему вдруг запретят завтра? Всех сразу принять невозможно, следовательно, нужно установить квоту, допустим, две тысячи олим в месяц. Правда, это продлится дольше, но зато можно будет принять людей "по-человечески".

Только тот, кто сам "варился в иракском котле", как Бен-Порат и его товарищи, может убедить израиль-

тян, насколько они заблуждаются, и как это опасно. При нормах, которые они предлагают, алия может затянуться на несколько лет! В то же время очевидно, что решение иракского правительства — неповторимое, счастливое стечение обстоятельств, исторический момент, упустить который нельзя ни в коем случае. Рука, открывшая ворота, может их и закрыть. Если не та же рука, то другая. Ирак никогда не отличался постоянством характера или устойчивостью политики. Стоит ветру подуть в другую сторону или смениться руководством — и новый премьер-министр, не знакомый с Шемто-вом, перевернет все вверх дном. Да и Тауфик-ас-Сувейди не настолько "у нас в руках", как это думают. Он сам в смятении, на него давят со всех сторон оппозиция, пресса, общественное мнение. Хотя решение о разрешении эмиграции было почти целиком его собственным, единоличным решением, на сердце у него неспокойно. Он быстро провел его через парламент и тем самым дал компании "Нир Ист" и Шемтову зеленый свет. Однако масштабы регистрации поразили и ас-Сувейди. В его намерения отнюдь не входило "очистить" Ирак от евреев. Он приоткрыл калитку, чтобы выпустить недовольных, а вместо этого — эмиграция целой общины! Страну покидают сотни торговцев, финансистов и банкиров, тысячи ремесленников, служащих, бухгалтеров, производителей и потребителей! Они оставляют за собой пустоту, которую будет трудно заполнить. Все отрасли хозяйства, где евреи занимали ключевые позиции, заметно пострадали. Распродажи расшатывают торговлю, сбивают цены. Воздушный поезд привлекает внимание мировой прессы: газеты смакуют подробности, фотографируют, придумывают, высказывают не совсем лестные для иракского правительства предположения. Появляются намеки насчет Израиля, якобы замешанного во всем этом. Неприятно. Если бы этот кошмар поскорее окончился, ну... в течение года. Но ведь из-за медлительности "Нир Ист" ему конца не видно!

Иракская улица исходит негодованием. Вид евреев,

стоящих в очередях на регистрацию, сотнями стекающих в Багдад, восторг и нетерпение, с которым они спешат покинуть Ирак, — все это разжигает страсти. Чернь ненавидела евреев испокон веков, теперь эта ненависть нашла себе оправдание: вот как они рады все бросить и стремятся в страну сионистского врага, где их сыновья будут воевать против нас! Националистические газеты, религиозные фанатики, ораторы — подливают масла в огонь. Полиция охраняет группы выезжающих по приказу правительства и в результате частной договоренности с еврейскими деятелями. Но порою и она может оказаться бессильной против разбушевавшейся толпы. Соседи-арабы уже начали присматривать себе еврейские дома, сады, утварь. Любая отсрочка усиливает опасность вспышки.

Не сочтет ли правительство, что при сложившейся обстановке будет разумным отменить закон, закрыть ворота? Принести евреев в жертву толпе? Согласно закону, правительство имеет право отменить свое решение еще до истечения годовичного срока. Возможны и другие решения: "оттеснить" евреев к границам, или поместить их в концентрационные лагеря.

Непрерывным потоком движутся евреи в города — центры округов, а оттуда — в столицу. Каждый город — транзитный пункт, особенно — Багдад. Извне — ненависть арабского населения. В душе — скорбь разлуки. Источники заработка ликвидированы. Тысячи остались без крыши над головой — их необходимо где-то разместить до выезда. Надо приодеть бедняков, следить, чтобы не шатались по улицам, чтобы не слишком бросались в глаза. Надо принять меры, чтобы из-за тесноты в школах и синагогах, где разместили людей, не вспыхнули эпидемии. Жалобы, крики, демонстрации, которые разгоняет полиция. Есть подозрения, что богачи устраиваются вне очереди; порою людей душит чувство расставания, отрыва от самого дорогого. Жизнь вышла из колеи. Взрослые не работают. Дети не учатся. Деньги подходят к концу. Нет дома. Нет праздников. Ничего нет. Пока они поднимутся в самолет, прой-

дет целая вечность. Всякое терпение может иссякнуть. А может быть, их не хотят там, в Израиле? Душевный подъем, в состоянии которого они мгновенно решили порвать с Ираком, может быстро пройти. Люди начнут размышлять, все заново взвешивать — не раскаются ли они? И кто знает, может быть, выезд запретят и всех бросят в тюрьмы? Даже если ворота не закроют, то все равно у властей в запасе есть острое оружие.

Выезжающие имеют право вывезти определенную сумму денег: в возрасте от 20 лет и старше — 50 динаров, от 10 лет до 20 — 30 динаров, а дети до 10 лет — 20. На эти суммы они получают официальные чеки оттоманского банка с выплатой, как это ни странно, в Израиле. Каждый может вывезти тридцать килограммов багажа, по установленному стандарту, главным образом — одежду и подержанные вещи. Запрещено вывозить золото, драгоценности, дорогие украшения. Значит, кроме указанной суммы в динарах и легкого багажа, эмигранты обязаны оставить в Ираке все свое состояние. Правда, пока правительство предпочитает на многое закрывать глаза. Продажа ценностей и имущества продолжается, и никто не интересуется, куда поступает выручка. Каждый находит возможность вывезти деньги, золото, драгоценности и прочее; некоторые делают это через местных маклеров, зарабатывающих на этом жирные проценты; другие передают деньги деятелям подполья, чтобы получить их в Израиле. Правительство знает об этих операциях, но молчит. Однако когти у властей острые, и они ждут только подходящего случая, чтобы пустить их в ход. Чем дальше эмиграция будет задерживаться, тем скорее наступит момент, когда терпение правительства иссякнет, оно использует свою власть и нанесет удар: конфискует деньги и имущество евреев, не проданное до сих пор, — и десятки тысяч людей станут совершенно нищими.

Для правительства — во главе операции стоит Иехезкель Шемтов: с ним заключили договор, он несет ответственность перед правительством и перед общиной за его выполнение. С него и спрос! Он считает своей

заслугой — и по праву — получение разрешения на массовый выезд. Да, подполье подготовило соответствующую обстановку, но именно дружба Шемтова с ас-Сувейди дала последний толчок. Связь Шемтова с Бен-Поратом и подпольем ставит под удар и его самого и всю операцию. Даже думать страшно, что произойдет, если эта связь будет раскрыта. С подпольем у него тоже отношения не блестящие: "молодежь" не всегда с ним согласна, а он не ребенок и не считает нужным им поддакивать. Например, он не согласен отдавать предпочтение в очереди на выезд активистам и их семьям; он не принимает аргумента, что они принесли нам избавление. У Шемтова было очень развито чувство собственного достоинства, и его задело, когда вдруг он осознал, что вожжи не в его руках. Он не из тех, кто согласен на роль "марионетки". Ему стало совершенно ясно, что не он руководит репатриацией, а та самая молодежь, которая даже не обо всем ему докладывает. Шемтов, как и все, хорошо знает, что дело может развалиться. Он встревожен. К нему приходят с претензиями, угрожают ему; и в случае провала вина падет на него. Ему известно, что темпы выезда зависят от Израиля, а потому он давит на тех, кто эту страну представляет — на Бен-Пората и его парней.

Заки, да и все подполье, в этом вопросе на стороне Шемтова. Правда, они хорошо знакомы с затруднениями в Израиле и понимают причины замедления алии, но все это может закончиться несчастьем.

"Мы ошеломлены, — писал Бен-Порат в Израиль, узнав, что квота репатриации не будет увеличена. — Мы надеялись, что вы сможете уберечь иракское еврейство от горького конца... Евреи здесь на краю гибели! Десятки тысяч отказались от гражданства... Принято ли во внимание, что возможен бунт против нас и общины со стороны семей, которые оставили работу, продали дома и теперь ждут дня выезда? Как вы могли заставить нас обмануть евреев и обещать им неограниченную репатриацию?"

Крики и мольбы о помощи несутся в Израиль.

Пусть людей ожидают муки абсорбции стократ сильнее, пусть первое время им придется ночевать под открытым небом — но нельзя упускать дарованного судьбой момента и злоупотреблять терпением ожидающих.

Ради Бога — шлите самолеты!

В правительственных кругах Ирака начинают сомневаться в солидности фирмы "Нир Ист", которая щедра на обещания, но не в состоянии их выполнить. Вызывают Рони Барнета, директора компании, и устраивают ему головомойку. Он обязался вывозить по 400—500 человек в день. При таком темпе можно было бы закончить всю операцию в течение одного года, даже если учесть, что большинство членов общины намерено оставить Ирак.

Однако в мае выехало всего 402 человека; в июне — 1966; в июле — 3333; в августе — 3462; в сентябре — 2729. Число выехавших за четыре с половиной месяца значительно ниже нормы, установленной на один месяц!

Огромный разрыв! Барнета бросало в жар и холод.

Он не может признаться властям, что не является директором самостоятельной компании; что самолеты, делающие посадку на аэродроме Багдада, а затем и Басры, принадлежат компании, связанной с Израилем; что среди летчиков есть евреи, члены Махала, бывшие военные летчики времен Войны за Независимость; что никакое чудо здесь не поможет, и он не сумеет предоставить ни одного самолета сверх нормы, установленной Израилем! Рони бросается туда и сюда, обещает, откладывает, увиливает — и жмет на хозяев.

Мало того, появилась проблема личной безопасности шлихим и активистов. Время работает против них. Иракская тайная полиция, хоть и медленно, но работает, открывая факт за фактом, становится все более осведомленной, и чем дольше задерживается алия, тем больше будет "улов" охраны.

Непрерывное ожидание и напряжение при постоянном снижении норм выезда плохо влияли на общее настроение. Каждый считает, что он лучше бы организо-

вал дело. Даже небольшие расхождения во взглядах вызывают острые споры. Любые решения и указания подвергаются критике и расцениваются как диктаторские замашки. Очередность на выезд тоже служит причиной недовольства и подозрений, что кому-то оказывают предпочтение.

Жертвы этих словесных выпадов проглатывали обиду и молчали. Вся система связей с бюстителями закона, кто берет и сколько; в какой мере нужны высокопоставленные личности; как с ними заключаются сделки; какими путями переправляют золото; тайны двойной бухгалтерии; как поддерживается связь с Израилем; как организована работа подполья — все это сокровенная тайна, в которую посвящены лишь немногие. На этой тайне держится вся операция. Порою она является причиной недомолвок и недоразумений. И, как и всюду, где замешаны деньги, начинаются сплетни.

В то старое доброе время, когда активисты еще только строили планы Исхода, они представляли его в более розовых красках.

* * *

И над всеми этими течениями, высоко над ними, величественно протекал чудесный трепетный процесс возвращения сынов в родной дом из изгнания.

Первыми начали покидать Ирак багдадские евреи. Багдадская община была самой многочисленной, председатель ее официально стоит во главе операции — она и заслужила эту честь.

Когда в Мосуле стало известно, что багдадцы уже двинулись, все взоры обратились к активистам Движения: а мы когда?

Мордехай (Бен-Яир), ветеран мосульского филиала, поехал в Багдад, где сразу направился в шумную канцелярию Иехезкеля Шемтова.

— У вас сотни, а у нас тысячи, — сказал ему глава общины, но обещал что-нибудь сделать. Прошло 24 часа, и Мордехай отправил телеграмму в свой город, что вы-

езд первой группы утвержден. В синагогах и еврейских домах Мосула в тот вечер были слышны звуки пения и танцев. Они доходили до мусульманских кварталов и возбуждали гнев. С тех пор, как мосульские "муджахиды" вернулись после проигранной войны, ненависть к евреям непрерывно росла. Казалось, что теперь она дошла до предела.

И действительно, перед выездом первой партии из 600 человек появилось опасение, что это может стать поводом для вспышек ненависти среди соседей-арабов. Самым опасным отрезком дороги был переход из школы "Альянс" (сборного пункта) до вокзала через густонаселенные арабские районы. Мордехай заручился помощью одного из своих приятелей из мосульской полиции, и когда двадцать автобусов двинулись в путь, их сопровождал вооруженный патруль.

Выезд мосульцев был сигналом для остальных городов, местечек и деревень всей страны. Деятели подполья, как истинные капитаны, поставили свои имена в конец списка.

Регистрация набирает высоту. Робкие и нерешительные, не решавшиеся вначале уезжать, были тоже унесены потоком, и не столько из-за сионистских идей, сколько из-за крепких семейных связей. Стоило одному члену семьи выехать, остальные теряли покой и следовали по его стопам.

Со всех концов Ирака, семья за семьей, стекались люди в Багдад.

Призыв "Евреи, уезжайте из Ирака!" раскололся на десятки тысяч звуков, докатившихся до каждого дома, каждой хижины, до каждого сердца. Следуя этому призыву, евреи тысячами подписывали отказ от гражданства. Вскоре число желающих уехать дойдет до ста тысяч и более — почти все иракское еврейство.

Никогда еще Ирак не видел столь многокрасочного представительства всех ответвлений еврейства!

К Движению примкнули не только бедняки, которым нечего терять, как предполагали вначале, но и люди из высших сословий — зажиточные, богатые, имущие,

которым было "что терять", и они знали это. Будучи до сих пор независимыми хозяевами, они теперь станут "новоприбывшими", зависящими от милости других, им придется начинать с самого начала, и они на это шли. Они смогут взять с собою лишь небольшую часть своего имущества, и тому, кто в Ираке был богачом — вряд ли хватит денег на покупку квартиры в Израиле. После многих лет почета и уважения евреев и арабов, им придется "показать" себя и завоевать себе уважение и возможность заработать на жизнь в дебрях чужой — и отчуждающей — бюрократии выходцев из Европы.

27

НА СЕЙ РАЗ ЖЕНИТЬБА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

В Басре никто не знал о том, как будет проходить выезд, так что Узиэль со своими помощниками продолжали переправлять людей через Шатт-эль-Араб. Когда же началась эвакуация евреев из Багдада самолетами, бегство через Иран постепенно начало сходиться на нет. Узиэль и его помощники оставались в состоянии готовности на случай каких-либо изменений. Несколько раз им пришлось прибегнуть к старому способу для спасения участников подполья, за которыми велась погоня, или просто евреев, которые не могли пройти официальную процедуру отказа от гражданства.

В конце июня 1950 года на этом, почти парализованном участке, произошел "инцидент", который мог привести к весьма печальным последствиям. Полицейские и сыщики нагрянули в дом торговца-еврея, подрабатывающего контрабандой. Они застали у него и арестовали 14 человек, среди них было два араба, остальные евреи. Все, кроме одного, были местными жителями, и их бросили в тюрьму. При обыске был обнаружен обильный материал, однако сыщикам и в голову не

пришло, что в руки им попали центральные фигуры местной подпольной сети, и среди них одна очень крупная. Сильные подозрения вызывал Нисим Моше, но после надлежащей "обработки" всех задержанных выпустили на поруки. Один из старейшин еврейской общины Басры удостоверил личность Нисима и занимаемую им должность, что было подтверждено в присланном из Багдада заявлении Шемтова.

Дело каким-то образом забылось и до суда не дошло. В тот раз Бен-Порат впервые попался в руки полиции. Хотя в целом дело закончилось ничем, однако имя "Нисим Моше" осталось записанным в полицейских протоколах.

За месяц до происшествия из Ирана прибыл в Басру Иоав Горал, присланный для руководства Движением.

Наряду с ощущением общности, связанной с Исходом, это был также период проявления эгоистичности, забот только о себе. Будущее было испещрено вопросительными знаками, и самые большие из них — работа, средства к существованию, деньги. Тот, кто прежде думал о духовной пище, начал заботиться о хлебе насущном. Спасти побольше. Продать побольше. Сколотить деньги и перевести их в Израиль, чтобы прокормить там семью. Разве в такой обстановке остается место для идеологических споров и абстрактных рассуждений? Даже романтика борьбы начисто пропала. Все торопятся уехать в Израиль.

И все же...

В разгар паники Иоав продолжает заботиться о молодых, работает с новичками. Они еще совсем "зеленые", даже иврита не знают. Иоав организует семинар инструкторов — последний семинар; создает кружки, группы. Пишет на иврите заметки о трудностях, подготавливая людей к репатриации.

* * *

Рафаэль Сурани, в то время "старший" из шлихим, вместе со своими помощниками, решают и не могут

решить вопрос: как быть дальше с самооборонной? Распустить эту организацию или нет? Пока еще в Ираке живет много евреев, и необходимо быть начеку, в особенности в это беспокойное время, когда неизвестно, что может случиться завтра. Однако города все больше пустеют. Арабы покупают еврейские дома или просто захватывают их, а ведь во многих — тайники с оружием и боеприпасами. Как поступить с этим имуществом?

Глубокой ночью по улицам Багдада и других крупных городов скользят тени людей, переносящих оружие в новые тайники. Оружейные запасы самообороны никогда не были значительными. Но теперь, когда все приходится таскать с места на место, кажется, что запасы эти огромны.

Оружие спрятали в обширных тайниках при общественных учреждениях, где было меньше шансов их обнаружить. В этой операции принимал участие молодой скромный юноша из бедной семьи, сапожник по профессии, Шалом Салих Шалом, покинувший несколько лет назад родную деревушку в горах Курдистана и осевший в Багдаде. До работы в Движении Шалом не умел ни читать ни писать. "Специалистом" по тайникам он стал лишь недавно и сразу проявил себя ловким и сметливым парнем. Когда подошла его очередь на выезд, его попросили задержаться в Багдаде, чтобы помочь "очистить" старые тайники и оборудовать новые.

Однажды ночью, когда Сурани вместе с Ювалом (Циони) закончили проверку одного из тайников, к ним подошли два ночных сторожа.

Как ни старались Ювал и Сурани убедить их в своем багдадском происхождении, сторожа отвели обоих в полицейский участок и указали там на Сурани:

— Мы поймали палестинца.

Ювал побледнел, но Сурани совершенно спокойно вынул из кармана членскую книжку Иракского торгового управления и положил ее на стол. Тут выяснилось, что офицер близко знаком с отцом Ювала. Этот факт вместе с членской книжкой, очевидно, сделали свое

дело, и оба были освобождены. Сурани даже попросил дать им сторожей в провожатые, чтобы к ним больше никто не приставал.

По дороге один из сторожей все время разглядывал Сурани и сказал наконец:

— Я уверен, что ты палестинец!

— Чего вдруг? — заулыбался Сурани.

— Я был среди "муджахиды", воевавших там, — сказал сторож, — а теперь уловил в твоём арабском несколько слов, которые произносят только в Палестине... Утром я все это передам в тайную полицию.

Назавтра Сурани уже был далеко от Киркука.

Через неделю в Багдад приехал Яков, брат Ювала, и рассказал Сурани кое-что интересное: оказывается, не членская книжка и не знакомство офицера с отцом Ювала были причиной их простого и легкого освобождения, а нечто другое.

В Киркуке живет благородный еврей, который платит ежемесячное "жалование" офицерам полиции: если попадется еврей — они его "автоматически" освобождают. После случая с Сурани офицер явился к этому еврею с требованием "премии".

— Вчера, сказал он, — я поймал и отпустил крупную рыбу — палестинца.

* * *

Последним этапом на пути выезда олим из Ирака был таможенный досмотр при посадке в самолет. Активисты подполья всеми силами старались облегчить для евреев эту процедуру. Однако прошел слух, что весь персонал подкуплен — и его заменили. Прислали новых таможенников, и проверка багажа стала мучительной процедурой. Многие вещи изымали и конфисковывали. Багаж придирчиво взвешивали и производили личные обыски, нередко оскорбительные. У чемоданов отрывали ручки, а стенки разрезали ножами; отрывали подметки обуви. Иногда снимали даже обручальные кольца. Нетрудно было догадаться, что виной

всему — новый начальник таможни аэродрома, близкий родственник начальника главного таможенного управления, человек очень самоуверенный, обладающий "железной" хваткой. Ицхак Элиас, один из активистов, решил расколоть этот орешек. Он узнал, что начальник согласен на переговоры, вошел с ним в контакт и был приглашен в гости. Тут-то и выяснилось, что орех намного тверже, чем казалось. Это был холостяк, живший с матерью-старухой. У него "ничто не горело", а потому он решил выжать для себя максимальную сумму.

— "Тафаддалу", — сказал ему Ицхак, — я весь к твоим услугам; почему ты создаешь трудности? Ведь уже разрешили этим людям выехать, зачем же мучить их в последнюю минуту?

— Я знаю, — заявил тот напрямик, — что каждому из сотрудников прежнего персонала ты платил тысячу динаров в месяц. Когда я пришел, вы меня игнорировали, поэтому я решил отомстить.

— Если ты заинтересован, мы можем договориться, — успокоил его Ицхак.

Тот был заинтересован, но затребованная им сумма оказалась непомерной. Тысяча динаров в месяц и еще "драхм" (шиллинг) за каждый чемодан. После получения согласия от Бен-Пората сошлись на сумме 500 динаров в месяц. Таможня сменила гнев на милость.

Иногда олим удавалось взять с собой в самолет золото или ценности. За день до вылета они отдавали маленькие узелки Иехезкелю Ионе. Тот выбрал себе в курьеры одного из офицеров полиции. Перед отъездом Иона заходил к этому офицеру домой и передавал ему узелки с именами владельцев. Офицер прятал их на глазах у Ионы под свой мундир. Не раз, стоя перед зеркалом, он спрашивал Иону, все ли в порядке, и тот помогал улучшить маскировку. Когда олим уже сидели на своих местах в самолете, офицер заходил проверить, все ли в порядке. К некоторым из пассажиров он почему-то придирался, называя их по фамилии, делал какие-то замечания и под шумок передавал пассажиру

узелок. Тот произносил шепотом пароль, а офицер, прикрикнув на него еще раз-другой, шел искать следующего клиента. При встрече с Иехезкелем он передавал ему код и получал свою долю — десять процентов чистоганом.

Когда решили отправить свитки Торы, возникли опасения, что таможенники наложат руки на вышитые занавеси ("парохет") и на драгоценные футляры, покрытые серебром и золотом. Но никто не посмел коснуться их; от книг даже отстранялись в страхе: среди мусульман прошел слух, что того, кто приблизится к этим священным предметам, поразит тяжелая болезнь. И слух этот никто не собирался опровергать.

Для охраны репатриантов и их багажа деятели алии создали своего рода полицию безопасности. Посты были размещены во всех местах, где существовала опасность чужого вмешательства, краж или нападений.

* * *

Время шло. Отношения между Бен-Поратом и Шемтовым обострились. Причиной тому был медленный темп выезда, а также натиск властей. Разногласия насчет очередности и известное недовольство членов Движения "диктаторскими" замашками Бен-Пората еще больше накаляли атмосферу. В водоворот попал и Сурани, у которого в некоторых вопросах была своя точка зрения, отличавшаяся от взглядов Бен-Пората.

Основным предметом спора являлся вопрос о руководстве операцией Исхода.

Полускрытый характер действий, необходимость сосредоточить все в руках одного законспирированного человека и замедленный темп репатриации, предпринятый Израилем, а также твердый властный подход Бен-Пората там, где была уместна большая тонкая "игра", — все это привело к кризису. Положение усугублялось еще и тем, что очень немногие были посвящены во все подробности операции. Члены Объединенного

комитета Движения и Хаганы чувствовали себя ободенными.

Они считали, что комитет должен быть полноправным участником при вынесении решений и постановлений, и требовали, чтобы Бен-Порат советовался с ними. Дескать, даже если во время его бесед с Шемтовым возникнет какая-либо неожиданная проблема, он может попросить извинения у собеседника и отложить принятие окончательного решения, чтобы иметь возможность посоветоваться с комитетом. Такой порядок был хорош в обычные дни, но неприменим в тех случаях, когда решения приходится принимать мгновенно.

Шломо Хиллель, завершивший свое полное драматических приключений пребывание в Ираке, но пристально следивший за ходом событий, писал из Европы: "Слишком много людей пляшут на этой свадьбе, и каждый — на свой манер".

В результате последних событий Шемтов подал в отставку. Предстояли выборы нового председателя общины. Бен-Порат и его соратники поддерживали кандидатуру Моше Шохата, с которым у них было полное взаимопонимание. Присоединились к ним и другие лидеры.

Все, однако, вышло иначе.

Чарльс и Эйди убедили Шемтова вылететь в Европу для встречи с Шломо Хиллелем и совместно попытаться найти выход из создавшейся ситуации. В беседе с Хиллелем Шемтов метал громы и молнии в адрес "этого зазнавшегося нахала", который посмел даже как-то крикнуть ему: "Выходи в отставку!". Так спорные вопросы и остались нерешенными; положение становилось критическим.

Изменения, конфликты, кризисы в "верхах" никак не влияли на ход алии. Выезд по-прежнему продолжался в темпе, продиктованном Израилем. Да и на пути к самолету вставали проблемы, с каждым днем усложнявшиеся. Теснота во временных жилищах была невероятной. Общественные кухни в Багдаде и в районных центрах должны были кормить тысячи голодных ртов.

Многие семьи остались без единой копейки. Недовольство доходило порою до взрывов, влиявших на общее настроение и ход работы. Но самолеты вылетали ежедневно и люди, поднимавшиеся по трапу, бросали прощальный взгляд на страну: "Прощай, Ирак, со всеми бедами".

Несколько месяцев иракские полицейские строго следили за соблюдением указания: в Никосии евреи пересаживаются на другие самолеты. Но потом сопровождающие офицеры решили, что не стоит привередничать: в Никосии они сходили с самолетов и шли отдохнуть в заказанные для них номера в роскошных гостиницах, а самолеты тем временем летели в Лод, высаживали пассажиров и возвращались в Никосию. В летном дневнике отмечали только посадку и подъем на аэродроме Никосии. Это вовсе не было секретом для иракских властей, но они предпочитали не вмешиваться.

В те дни внимание иракской охраны вновь привлекло к себе имя "Нисим Моше". Сыщикам казалось подозрительной непонятная тяга к пограничным районам этого багдадского жителя. Они старались доискаться до причины, но не предполагали, насколько она романтическая.

Длительное отсутствие и опасности, с которыми была связана работа и жизнь израильских посланников, вынуждали их зачастую надолго отрываться от родных и близких и "замораживать" свои личные дела. Однако они вовсе не считали себя жертвами. Для этих людей возложенная на них миссия была просто работой, которую необходимо выполнять во что бы то ни стало. Но при этом нельзя забывать, что в груди каждого из них билось живое сердце, отзывавшееся болью на любое воспоминание о прежней, настоящей их жизни. У каждого кто-то остался в той жизни: у одного — мать, глаза которой не просыхали от слез, у другого — молодая жена, у которой тревога и одиночество проложили первые морщинки в углах рта, и дети, для которых отец — нечто далекое и нереальное. А у Бен-Пората, кроме семьи, есть еще невеста, рыженькая Ривка из Холона.

Фотография Ривки стояла всегда на его столе в багдадской квартире — но то была всего лишь фотография.

Когда они впервые встретились в бурную зимнюю ночь, он был двадцатитрехлетним командиром отделения Хаганы, охранявшего Холон, а она — семнадцатилетней гимназисткой, добровольно вызвавшейся оказывать первую помощь и приносить еду бойцам. Это было началом их дружбы. Когда Ривка стала воспитательницей детского сада и санитаркой боевых частей, Бен-Порат поступил на офицерские курсы, а потом — служил в армии. Уезжая в Ирак, он обещал, предварительно условившись с Мосадом, что вернется через год.

Ривка с тревогой следила за каждым его шагом через людей Мосада и по его немногим письмам, которые привозила стюардесса Илана. Еще при прощании в Лодде сердце ей предсказывало, что он не вернется, как обещает. Она не возмущалась: задание есть задание. Теперь она просила только об одном: увидеть его и побыть с ним немного. Работники Мосада, хотя это и не входило в их прямые обязанности, порою занимались и сердечными делами своих шлихим.

Ривка надеялась, что сможет встретиться с женихом в Иране. Она постоянно ждала известия о прибытии Мордехая в Иран, однако оно не поступало. Наконец выяснилось, что Мордехай в Иран не прибыл. В начале сентября полицейские окружили ферму шейха-контрабандиста на берегу Шатт-эль-Араба и арестовали шестерых человек, в их числе — Нисима Моше. Шейху достались оскорбления и насмешки со стороны блюстителей закона, а задержанных подвергли длиннейшему допросу. Через несколько дней они предстали перед судом по обвинению в намерении бежать из страны. Полиция не знала, кто скрывается под именем Нисима Моше, однако его имя вторично попало в полицейские протоколы, и радоваться этому было нечего. Бракосочетание отложили до лучших времен.

Спустя некоторое время, когда казалось, что земля горит под ногами Бен-Пората, для замены его прислали

из Израиля Якова Франка. Но Франк не успел пробывать в Ираке и несколько недель, как его пришлось отозвать по соображениям безопасности: огненно-рыжая голова слишком выделялась на иракском фоне и могла привлечь к себе внимание. Несмотря на опасность, Бен-Порату пришлось выполнять задание до самого конца операции.

Иоав Горал продолжал работу в Движении, Узиэль закончил задание и вернулся в киббуц Сдот-Ям, Сурани же пришлось улететь до окончания своего срока, так как им заинтересовалась тайная полиция.

* * *

В 1950 году в составе иракского правительства произошли изменения: Нури Саид, истинный правитель страны, вновь занял пост премьер-министра, Салих Джабр в течение некоторого времени исполнял обязанности министра внутренних дел, но потом его сменил Мустафа аль-Умари.

Отношения между Нури Саидом и Моше Шохатом, хотя и не были столь личными, как отношения Шемтова и ас-Сувейди, но все же были очень дружескими, проникнутыми взаимным уважением и доверием. Как член консультационной комиссии, Шохат должен был следить за "верхами", и, благодаря его заботам, удалось предотвратить ряд неприятностей.

Среди друзей Нури Саида были евреи, и многие считали, что он вообще друг евреев; в действительности он любил лишь самого себя, свою власть и ещё Великобританию, считая, что Ирак должен быть связан с этой державой.

Теперь, когда Нури Саид снова вернулся к власти, в сердцах евреев возникли новые опасения, хотя они и не предполагали, что он запретит выезд. Было известно, что закон о лишении гражданства принят с его согласия, и если бы он возражал — закон просто не был бы утвержден парламентом. Однако Нури отличался более властным характером чем Тауфик ас-Сувейди, и к

тому же, не имел акций в "Ирак Турс". Было ясно, что если он решит ускорить выезд евреев — он это сделает.

Опасения вскоре оправдались. Нури считал, что если наводнить Израиль огромной массой эмигрантов одновременно, это приведет к его гибели. Кроме того, начатая и незаконченная эмиграция плохо влияла на общество и экономику Ирака. Пока выезд не закончится, пока хозяйство страны не войдет в норму, волнения среди населения будут продолжаться. Только когда евреи оставят страну, правительство сможет взять бразды правления в свои руки, — навести порядок, восстановить хозяйство. Нури решил "подстегнуть" евреев любой ценой.

К тому же сын Нури, занимавший пост начальника управления гражданской авиации, невзлюбил компанию "Нир Ист" и старался повлиять на отца, чтобы тот отстранил ее от выполнения операции.

Вскоре "Нир Ист" была взята на прицел. Барнет стал получать гневные предостережения и со своей стороны бомбардировал письмами Израиль: "Спасайте!", Рауф, который к тому времени уже знал, кто стоит за американской компанией, тоже получил разнос. Раздавались угрозы, что все лишённые гражданства евреи до выезда будут заключены в концентрационные лагеря, и не было сомнения, что если Нури Саид осуществит эту угрозу, то толпа, а также оппозиция, его поддержат.

Кто убедил Нури Саида и Саббаха снять этот план с повестки дня? — Моше Шохат. Глава правительства, знавший о связи "Нир Ист" с Израилем, понял намек, что никакая иностранная компания не сможет справиться с заданием. Лучше усилить нажим на "Нир Ист", а следовательно, и на Израиль, требуя ускорения выезда и быстрее завершения операции, избегая кризисов. Нури Саид знал, что Моше Шохат, член консультационной комиссии, пытается таким путем как-то сдвинуть все дело с места, и не хотел усложнять вопрос.

В конце 1950 года приключилась новая беда: был

опубликован приказ министра обороны приостановить выезд военнообязанных и резервистов, в том числе уже отказавшихся от иракского гражданства. Запрет коснулся также офицеров запаса, выпускников средних и высших учебных заведений, людей, отбывших воинскую повинность, а также тех, кто внес выкуп — пятьдесят динаров — для освобождения от службы.

Официально приказ касался только нескольких тысяч евреев, но в действительности из-за него задерживалось значительно больше. Если кого-нибудь из членов семьи не выпускали, то остальные не хотели с ним расставаться, причем активисты поддерживали таких людей. Они надеялись использовать это для нажима на правительство и задание это возложили на плечи Ицхака Элиаса, который сумел урегулировать это дело после длительной беседы с одним из офицеров.

* * *

Кроме того, репатрианты нередко натывались и на настоящие бомбы. Судя по всему, это было делом рук парней из "Истиклаль" или их прихвостней, не упускавших возможности отомстить евреям в последнюю минуту. Не исключено, что в некоторых случаях это делалось при поддержке или под прикрытием полиции.

Две первые бомбы взорвались еще до начала большого Исхода. Одну из них, по существу гранату, трое неизвестных бросили 8 апреля 1950 года в еврейское кафе на улице Абу Нувас. При взрыве было ранено четыре еврея, один — тяжело. В отчете, посланном в Израиль после происшествия, Бен-Порат отмечает, что взрыв был результатом злобной реакции черни, вызванной предстоящим выездом евреев, и что подобные инциденты происходили и в других районах столицы, и если выпады не прекратятся, следует немедленно начать сопротивление.

Вторая бомба была брошена спустя месяц в магазин Леви по продаже автомобилей. Раненых не было, но пострадало имущество.

Третий взрыв от брошенной гранаты произошел в синагоге "Мосуда Шемтов".

В тот день два автобуса (вернее микроавтобусы, они вмещали всего двадцать пассажиров) уже повезли партию олим на аэродром. В синагоге, во дворе и на мостовой стоял шум и гам: родственники и друзья прощались с уезжающими. Внутри синагоги хлопотали активисты. Привычная картина. Отсутствовали только арабы-лоточники, продавцы напитков и сладостей, обычно теснившиеся на краю тротуара, предлагая прохожим свой товар, — теперь их как ветром сдуло.

К трем часам дня третий автобус закончил погрузку олим и отошел. На улице возле большого входа стоял в то время Нисим (Рони) Зулайт, который руководил посадкой.

Автобус уехал, провожавшие разошлись. Нисим вернулся во двор и начал закрывать тяжелые двери большого входа. Он уже закрыл одну, как вдруг какой-то круглый предмет упал на мостовую возле двора. Раздался оглушительный взрыв. Душераздирающие крики. Тридцать шесть человек лежали на земле, залитые кровью, еще семь были легко ранены осколками. Первой жертвой был мальчик, обуглившийся от электрического провода, сорванного осколком. Раненых быстро развезли по больницам, двое из них были безнадежны, и четверо тяжело ранены. Один умер в больнице, другой находился в состоянии агонии и бредил. Члены общины обратились в полицию с требованием срочно прислать офицера-следователя, однако в полиции не спешили и отложили дело до завтра. Активисты и Бен-Порат дали свою кровь, необходимую раненому. Всю ночь врачи боролись за его жизнь, однако к утру он скончался.

В отчете, посланном немедленно в Израиль, Бен-Порат писал: "Случай этот некоторые относят к проявлению партийно-политических разногласий".

Вновь стали поступать сигналы о том, что необходимо вывезти евреев как можно скорее. Когда раненые немного пришли в себя, их тут же отправили в Изра-

иль. Нисим Зулайт, чудом спасшийся при взрыве, репатриировался с большой группой раненых вскоре после инцидента. Все его картины остались в Багдаде, в студии, опечатанной властями.

Спустя месяц была брошена еще бомба, но на сей раз метили не в евреев. Бомба взорвалась в американской библиотеке на улице Рашида. Никто не пострадал, было повреждено лишь имущество. Не оставалось сомнений, что это дело рук шовинистских кругов, которые не ограничиваясь больше провозглашением лозунгов, перешли к делу. Впоследствии правительство возложило ответственность за взрыв на двух арестованных евреев — Шалома Салиха Шалома и Иосефа Басри.

Пятая бомба взорвалась в дни завершения Исхода — 5 июня 1951 года, на узкой улочке между банком "Рафидан" и конторой еврея-миллионера Шаашуа. Дома были слегка повреждены. Многие из местных активистов узнали об этом уже в Израиле. Другие же, в том числе и Бен-Порат, услышали о происшествии в тюремных камерах.

* * *

В начале 1951 года усилился нажим на Израиль с целью увеличить темпы репатриации. Письма из Ирака были криком о помощи. Наконец в Израиле осознали всю серьезность положения.

Решили направить все ресурсы и все самолеты на завершение операции "Эзра и Нехемия"* . Главные раввины Израиля Герцог и Узиэль, видя в этом акт "спасения жизни", разрешили вылет из Ирака даже в субботний день. Правительство Ирака, со своей стороны, согласилось облегчить процедуру выезда, так как пребы-

* Операция по вывозу иракских евреев. Названа по имени двух вождей исхода из Вавилона (VI в. до н.э.; в правление персидского царя Кира).

вание в Ираке евреев, отказавшихся от гражданства, приносит государству только вред.

Так как Барнет от имени "Нир Ист" обязался эвакуировать по 600—700 олим в день, правительство аннулировало пункт договора о необходимости посадки самолетов на Кипре. Теперь самолетам разрешалось (хотя об этом никто не говорил прямо) совершать беспосадочные перелеты из Багдада в Лод.

28

НАСТАЛ ЧЕРЕД ЗАБРОШЕННЫХ И ЗАБЫТЫХ

Даниэль Сассон никогда не думал, что настанет день, и он решится порвать с прошлым, расстаться с деревней Ширан, где прожил всю жизнь, чтобы отправиться в дальние края.

Даниэль был доволен своей жизнью в горной деревушке, дружил с соседями и даже удостоился благосклонности самого помещика Махмуда Амин-аги. В Ширване родились, жили и были похоронены его родители; здесь он собственными руками построил глиняный дом для себя и скота, здесь выращивал хлеб, — и во всем ему сопутствовала удача. Летом он вместе с Ракелью, своей женой, пас скот на зеленых горных пастбищах, а в холодные дни, когда все селение было покрыто толстым слоем снега, любил посидеть с соседями и потолковать о добрых старых временах, когда деревня жила под покровительством курдистанской семьи Баразани, в особенности муллы Мустафы. То время ушло безвозвратно. В небесах Курдистана появились стальные птицы и они принесли огонь и смерть. Все жители деревни укрылись в большой пещере в горах, а когда вернулись, нашли дома разрушенными, поля — сожженными, а муллу Мустафа исчез, и нет его.

Снова замесили глину с сеном, заново выстроили

себе жилища и вышли пахать поля. С удивлением глядели на полицейских и солдат, появившихся в их деревне. В Ширване открыли отделение полиции для всей округи, проложили к нему дорогу, и часто можно было услышать в горах звуки автомобиля — странного существа, которое они видели лишь при своих редких поездках в Эрбиль или Мосул. Но жизнь в деревне не изменилась. Как и прежде, они сеяли хлеб и снимали урожай, пасли скот и выращивали овощи возле своих домов. Люди и скот жили под одной крышей. Часть урожая — аге, хозяину земли, на которой они жили; часть — себе. В городе — так они слышали — есть электрическое освещение, есть радио, есть газеты, а деревня, как и в давние времена, словно орлиное гнездо.

В деревне жили четыре еврейские семьи: Сассон, Зевулун, Цемах и Азар. Курды, которых было около сорока семей, любили их и уважали. Евреи славились как искусные ремесленники и соседи часто прибегали к их услугам. Кто, как не еврей, шил бы им теплую одежду, согревающую холодными снежными зимами? Евреев уважали и за то, что они сумели сохранить в себе искру древней веры — веры Моисея.

Никто из евреев не умел читать и писать, никто не знал молитв. Только один из них смутно помнил начало и конец какой-то молитвы, и в субботу, когда евреи собирались вместе, чтобы излить душу перед Всевышним, он что-то бормотал, а остальные только глядели на него во все глаза и молчали. Когда же он заканчивал — говорили: "Аминь". Они строго соблюдали субботу и в этот день не работали. Летом на пастбище в горах Рахель точно вела счет дням и никогда не пропускала субботы. Строго придерживалась законов кашрута. Раз или два в год по деревням проходил еврейский резник, и евреи приносили к нему овцу или две, чтобы он зарезал их кашерным ножом. Потом говядину солили и вешали на шест, про запас. Жирное мясо долго варили, чтобы жир растаял, и его хватало надолго. Случалось, что мясо кончалось, а резник не приходил. Тогда месяцами питались одними овощами и лепешками, лишь бы

не брать в рот трэфного. В Песах, Суккот или Пурим, когда сердце каждого еврея тянется к родным, за праздничным столом собиралась дюжина еврейских семей из окрестных деревень — Ширван, Дазо, Джауза, Харгуш, Мароз и Дара.

Этими деревнями для них и ограничивался весь мир. Когда кто-нибудь выходил за его пределы, проделав пешком двухдневный путь в деревню Равандуз, ему уже казалось, что он в шумном городе. А если верхом на лошади или муле добирались до Эрбиля — считали, что такого огромного города больше нет во всем мире. Езда на автомобиле была событием, о котором потом месяцами рассказывали соседям, не испытывавшим этого удовольствия.

Об окружающем мире не знали ничего. Знали только, что ведется война между вождем курдов Баразани и Ираком — и это все. Но как-то Сассон одним ухом слышал, что какие-то странные дела творятся в Святой земле. Капрал из полиции рассказал ему, что там теперь еврейское государство, и называется оно Израиль. Сассон, да и все остальные евреи не поверили этому..

— Это правда, — утверждал капрал, которому хотелось порадовать Сассона. — Есть такое государство. Теперь послушай, что я тебе еще скажу: все арабы вместе не смогли его победить.

Сассон запомнил услышанное, хотя это и казалось ему чем-то далеким и не имеющим к их жизни никакого отношения, чем-то очень туманным.

Что удивительного, если он и мулле Халилу не поверил? Мулла Халил вернулся тогда из Мосула, и Сассон зашел к нему узнать, что слышно в большом городе.

— Ты знаешь, что евреи уезжают в Палестину? — спросил мулла.

— Нет, не знаю. Как это уезжают?

— Уходят из Багдада, уходят из Киркука, Эрбиля, Мосула. Все уезжают самолетами, вроде тех, которые бросали бомбы на Баразани, только еще больше.

На следующее утро Сассон поцеловал близнецов

Зару (Захаву) и Азиза, и маленькую Азу (Зиву), оставил скотину на попечение Рахели и Савсан (Шошаны), старшей дочери, и отправился пешком в Равандуз. Там, в большой деревне, наверняка что-то знают. По дороге, проходя мимо военного лагеря, он завязал беседу со своим знакомым, курдским капралом Абд ар-Рахманом. Тот тоже слышал, что евреи уходят в Палестину.

— Зачем тебе туда идти? — спросил он, — вам будет трудно в Палестине; евреев там мало, а вокруг много арабов. Это только на руку богачам, которые хотят, чтоб вы работали на них и охраняли границы...

— Пусть мы всю жизнь будем на них работать, но надо идти туда! — ответил Сассон.

До Равандуза он не дошел. С него хватило уже того, что он услышал и увидел в деревне Диана, мимо которой лежал его путь. Все евреи деревни выставили свое добро на продажу.

— Готовьтесь, — сказали они ему, — скоро известим и вас, когда придет ваш черед выходить...

Сассон вернулся в Ширван с радостными вестями.

Если это еще не сам Мессия, то уж, наверно, весть о его приближении. Немедленно отправили гонца в Харгуш, а оттуда по всем деревням разнесся призыв:

— Продавайте все! Что останется — подарите соседям! Все семьи соберутся в Ширване. Едем в еврейскую страну!

Евреи погрузили мешки со скарбом на нанятого мула, на его спину усадили малышей и зашагали по извилистым горным тропам в деревню Сассона. Долгие дни они просидели в ней, ожидая сигнала. Евреи Ширвана тоже продали или раздарили все свое имущество. После многолетнего труда Сассон за все свое добро получил всего шесть динаров. С каждой семьи он собрал динар за динаром и передал деньги офицеру, чтобы тот их зарегистрировал и передал список в Эрбиль.

Муки расставания испытали и дети.

Однажды одиннадцатилетняя Зара пришла домой в слезах — подружки прогнали ее.

— Что ты приходишь играть с нами, — сказали они

ей, — ведь вы все уезжаете в Палестину!

Жители деревни были печальны.

— Мы дадим вам пятьдесят динаров, оставайтесь! — пробовал мухтар повлиять на Рахель.

Но она ответила ему ясно и решительно:

— Даже если дашь нам весь мир — мы идем!

Махмуд Амин-ага тоже горевал из-за ухода евреев. Когда через три месяца он провожал их, то не сдержался, заплакал:

— Вы уходите — и вся моя деревня разваливается.

* * *

Слух облетел все деревни. В те, что поближе, его приносили парни из Движения, в дальние — торговцы, случайные гости и птицы. Три брата Массаса, жители Мосула, пришедшие по торговым делам в деревню Файда, первыми принесли туда радостную весть.

— Ты лжец, — заявил хахам* Ханина Рахамиму Массасе, — ничего подобного не существует.

— Клянусь жизнью, уже составляют списки.

— Ну, конечно. Сначала всех запишут, а потом отправят в тюрьму!

Хахам Ханина тревожился за судьбу восьми еврейских семей в деревне и просил Рахамима держать язык за зубами, чтобы евреи не попали в ловушку. Три месяца спустя, когда Хахамим вновь посетил деревню, хахам изменил мнение:

— Если всех евреев, — сказал он, — уносят крылья орлов — полетим и мы. Быть может, Мессия скоро придет.

Шалом Бен-Хезкель вначале тоже был полон недоверия. Гость из Акры только насмехается над нами. В деревне А-Циан, на вершине горы, живут две еврейские семьи, им можно рассказывать сказки. Но гость настаивал на своем. Глазами не видел, но собственными

* Хахам (ивр.) — раввин.

ушами слышал из уст Ходжа Хино. Ходжа Хино из Ак-ры, тот, что переехал в Мосул. Ему можно верить, он врать не станет. Одного из парней отправили верхом в Акру узнать обо всем. Акра — большая деревня, там проживают двадцать еврейских семей. Из Акры пошлют кого-нибудь в Мосул и все точно разузнают. Посланец вернулся и рассказал:

— Все верно. Евреи записываются. В синагоге. Фотографируются. Дотрагиваются пальцем до подушечки с краской — и отпечатывают на бумаге. Большое движение. Еще немного — и в городе не останется ни одного еврея.

Шалом Бен-Хезкель продал все, что у него было. Вырученные пятнадцать динаров он завязал в платок и отправился пешком в Акру, а там уже все евреи сидят на чемоданах. Тетка его решила схитрить и вплела в косы свои немногие драгоценности. Выезжающих охраняли полицейские. Пришла машина и увезла их в Мосул. Большой праздник — второй раз в жизни Бен-Хезкель едет в машине.

Рассказывают, что жители деревни Амадия выехали по милости самого регента Абд аль-Иллаха. Когда он приехал в свою летнюю резиденцию, неподалеку от деревни, к нему пришли евреи, поднесли ему в дар все свои земли и имущество, и он отправил их с почестями в Багдад — пусть оттуда летят к себе в Палестину.

Пока евреи из деревень добирались до окружных центров, там уже оставалось мало их соплеменников — почти все выехали. В синагогах и школах дело кипит вовсю: заполняют анкеты, снимают отпечатки пальцев, заботятся о ночлеге в еде. Бывает, что ожидание затягивается на много дней. В Эрбиле, например, куда привезли Сассона и других евреев из окрестностей Ширвана (а набралось их триста семей), они ожидали выезда целых девять месяцев. Небольшие их сбережения кончились. Некоторым удалось наняться на поденные работы. Но зачем им деньги, если о них так заботятся?

А когда человеку нечего делать — чем он занимается? Болтает языком. Кто знает, куда они едут? И что

с ними там будет? Один слух сменяется другим.

Наконец пришли полицейские, окружили их, чтобы уберечь от зла, усадили в поезд, идущий по рельсам, и привезли в Багдад.

Большуший городище — этот самый Багдад. Сплошные чудеса. Кто мог себе представить, что дело зайдет так далеко? Удивительные вещи творятся вокруг — а они даже не выходят поглядеть на них. Им достаточно синагоги, в которой они живут. Хватит с них и того, что еще предстоит. Какое-то странное спокойствие снизошло на них. Во флигеле идет работа: движение, шум, что-то взвешивают, куда-то записывают, кого-то вызывают. А рядом, в большом зале синагоги, жизнь идет своим чередом. Убеленный сединами старец приклонился к колонне, губы его шевелятся. Женщина неопределенного возраста присела у другой колонны, окруженная детворой, кормит грудью полутородавого мальчика, а по фигуре ее видно, что скоро у него будет еще брат или сестра. Какой-то человек в своем углу присматривает за детьми, как наседка за цыплятами. Мужчины в традиционной курдской одежде домашней работы; женщины в пестрых платьях семеня босыми ногами по полу: только у немногих есть обувь. Тишина нарушается, когда главу семьи вызывают зарегистрировать свое потомство. Он собирает вокруг себя целую толпу детей с их мамами и командует ими, как ефрейтор взводом.

— Сколько их у тебя? — спрашивает его Эйди Софер.

Папаша взволнован, язык его онемел, число вылетело из головы. Может — тринадцать, а может — и все пятнадцать.

Есть целые хамулы*, есть и одиночки.

Эйди временами погружается в размышления. Перед ним предстал удивительный калейдоскоп, притягательная, многоцветная загадка, человеческий лабиринт, и нет ему конца. Эйди присматривается к разветвлен-

* Хамула (араб.) — клан.

ным семьям, к перипетиям их Исхода, он полон восторженного изумления: как это вся иракская диаспора разом поднялась, чтобы навсегда покинуть веками насиженное пристанище; он присматривается к старику, одинокому как перст, и сам спрашивает себя: откуда он? Где провел жизнь? И каким это образом в мире, основанном на содружестве людей и семье, оказался человек, у которого нет близких, с кем бы он мог ехать в землю отцов?

Когда кому-либо сообщают, что пришел его черед отправиться в дорогу, человек выпрямляется во весь рост, приводит себя в порядок, поправляет складки на одежде, приглаживает волосы, подходит к Эйди и спрашивает:

— Я могу в таком виде появиться в Израиле?

* * *

Из других краев, из далей пустыни, однажды прибыл бедуин. Он приехал верхом на верблюде, которого поставил на колени возле синагоги "Масуда Шемтов", и зашагал к воротам. Его задержали. Что надо бедуину в синагоге? Он хочет видеть людей, занимающихся репатриацией. В Рамади, откуда он проделал путь на верблюде, ему велели спросить Чарльса или Эйди.

Бедуина впустили. Высокий, худощавый, обожженный солнцем, в сером плаще, на ногах — сандалии, шапочка на голове, а вокруг нее свернутая куфия, узел на спине — кочевник.

— Шалом, — сказал вдруг бедуин к общему удивлению на иврите. Ему ответили по-арабски, опасаясь офицеров полиции, присутствовавших тут же.

— Кто ты? — спросили его.

— Шма, Израэль, Адонай Элохейну, Адонай эхад, — ответил он словами молитвы и сел, поджав под себя ноги.

Эйди и Чарльс совершенно растерялись. Они подняли его, усадили возле себя на диване, и он поведал им удивительный рассказ о евреях-бедуинах племени

Хайбар. Вопросы задавали по-арабски, а он отвечал на библейском иврите. Невелико его племя, всего несколько сот человек. Они скотоводы, пасут скот и верблюдов в большой пустыне Дулаим, что между Рамади и Саудовской Аравией. Похожи во всем на бедуинов: одеваются как они, живут как они, не знают денег. Живут плодами собственного труда. Что у них есть, съедают сегодня, ну а завтра — Бог велик. Но их Бог — не тот, что у жителей пустыни, это Бог Израиля. Их вера — вера Моисея. Огонь не погас, он тлеет еще с того времени, когда они жили в Хиджазе.

Давным-давно их предки составляли многочисленное еврейское племя, обитавшее на плодородной возвышенности Хайбар, снабжавшей хлебом, фруктами и овощами весь арабский север. Евреи Хайбара были гордыми и отважными, они дали миру больших героев, поэтов, писателей — весь Хиджаз славился ими. Пока не пришел Мухаммад, они обрабатывали землю и собирали богатые урожаи. Но посланник Аллаха пошел на них войной и покорил. Одна за другой пали их крепости, а кровь их сынов пропитала землю.

Во времена халифа Омара и после него евреи Хайбара были изгнаны со своих земель и рассеяны на просторах мусульманской империи. Некоторые породнились с евреями других стран, а иные забыли о своем происхождении и слились с мусульманами. Группа сынов этого племени, добравшаяся до большой пустыни, превратилась в племя кочевников. Но свято хранили они в душе заповеди еврейства. О своем происхождении они почти забыли. В их языке, похожем на язык бедуинов, сохранилось много еврейских выражений из Библии. Так они и странствовали, как песчинки в пустыне, пока не дошел до них слух, что евреи, их братья по вере, начали переселение на запад, в страну Израиля. Тогда они пришли к евреям, жителям Рамади, и спросили, а те направили их в синагогу "Масуда Шемтов", что в Багдаде. Усадили тогда они своего раввина и вождя на верблюда и наказали добраться до тех, кто занимается этим делом, и выразить им сокровенную мечту племе-

ни евреев-кочевников — вернуться в землю предков.

Спустя некоторое время все племя собралось в Рамади. Там проделали все формальности, связанные с лишением гражданства, оттуда направились в Багдад, заполнив большие автобусы. Всю дорогу лица их светились. Вошли в синагогу. Впереди приплясывая шел пастух с простым деревянным футляром в руках, а в футляре — свиток Торы, оставшийся с давних времен. Браслеты на руках женщин тихо звенели. Дети, составлявшие половину всех прибывших, молчали, огромными черными глазами глядя на странные дома и странных людей, собравшихся кругом.

За все время массовой алии не испытывали еще ее деятели такого волнения. Кто мог себе представить, что на расстоянии всего нескольких сотен километров обитает уцелевшая с давних времен ветвь древнего еврейского племени, и что им суждено принести избавление этому племени.

Когда последние из странников пустыни поднялись на два рокочующих самолета "Констеллейшн", распростертые крылья которых взметнулись в небесную лазурь, казалось, что высоко-высоко над ними слышится шелест других крыльев, крыльев вечного духа Израиля.

29

САМОЛЕТ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ

До 10 марта 1951 года Нури Саид скрывал от всех свои намерения, даже некоторые министры узнали о его планах за несколько минут до открытия заседания парламента. В ту субботу он показал свои когти.

Несколько недель оставалось до истечения срока действия закона о лишении гражданства, и стало известно, что правительство не собирается продлевать его.

Поэтому все заинтересованные должны были зарегистрироваться до 9 марта, так как в этот день закон автоматически теряет силу. До 9 марта зарегистрировалось около 104 тысяч евреев. Однако только 38 тысяч из них успели выехать, около семидесяти тысяч оставалось в Ираке. Многие из них, в основном записавшиеся в последнюю минуту, не успели продать или передать свое имущество, хотя их предупреждали, что медлить опасно. Закон о лишении гражданства таит в себе меч, который в любой момент может опуститься им на шею.

И на заседании парламента, которое было срочно созвано на следующий же день после установленного срока, меч опустился.

Нури Саид внес в парламент предложение конфисковать имущество всех лишенных гражданства. После прений, где в защиту евреев выступил лишь бывший министр внутренних дел Салих Джабр, предложение было принято и закон утвержден.

Конфискации подлежало все имущество, деньги и ценности, принадлежавшие евреям, лишенным гражданства. Евреям запретили распоряжаться имуществом — продавать или передавать его; это право передали правительственному опекуну, назначенному Советом министров. Нарушение закона каралось арестом до двух лет или штрафом до 4000 динаров, или тем и другим вместе.

Еще до опубликования нового закона министр финансов приказал на один день закрыть все банки и конфисковать деньги, внесенные на счета евреев. Были закрыты и опечатаны еврейские магазины. Полицейские ходили по домам еврейских купцов и ювелиров, реквизировали золото и товары. Забирали и личные автомашины евреев во избежание перевозки еврейского имущества. Любой сверток, бывший в руках еврея, проходившего по улице, — изымался. Нередко можно было видеть полицейских, несущих добычу к себе домой.

Новый закон грянул как гром с ясного неба. Огромные суммы, вложенные в банки или данные займы, долги, — все аннулировалось. Фонды алии также пост-

радали. Один из иракских министров оценил сумму, попавшую таким образом в руки правительства, в семь миллионов динаров (что равносильно семи миллионам фунтов стерлингов). Сотни семей, оставшиеся без средств к существованию, начали добиваться скорейшего выезда.

В Ираке было подготовлено соответствующее общественное мнение. Население отнеслось к этому закону с подчеркнутым злорадством. Пресса хвалила Нури Саида за верный и своевременный шаг. На улице царило погромное настроение; оно поддерживалось уверенностью, что в конце концов правительство снимет запрет на погромы. В провинциальных городах арабы врывались в еврейские дома, заявляя, что теперь эти дома переходят в их собственность. Многие евреи были арестованы по обвинению в нарушении нового закона. Страх охватил даже тех, кто не отказался от гражданства. Закон формально давал им право обратиться в министерство внутренних дел и получить справку, удостоверяющую, что они полноправные граждане страны. Но на улице, в газетах, в парламенте было много голосов, требовавших распространить действие закона на всех евреев без исключения, изгнать их или заключить в концентрационные лагеря! Нури Саид тоже был склонен создать такие лагеря. Раздавалось и другое требование: исключить из парламента пятерых делегатов-евреев, а заодно сместить сенатора-еврея — Эзру Менахема.

Внутреннее положение ухудшалось. Евреи начали продавать одежду, одеяла, чтобы купить хлеба. Около 80 процентов ожидающих выезда не имели никаких средств к существованию. Касса Движения тоже беднела. Евреи были вынуждены покупать еду у арабов, а те взвинтили цены. Полиция ожесточилась, и каждый еврей, попавший в ее руки по обвинению в нарушении нового закона, становился жертвой злобы и мести. Комитет в Багдаде был отрезан от Басры, а там положение было еще хуже.

Только до одного не добралась длинная рука властей — до аппарата, ведавшего эвакуацией, и до его кас-

сы. Правительство предпочитало взвалить все трудности на плечи самих евреев. Активисты работали по 24 часа в сутки. Огромная синагога "Масуда Шемтов" не вмещала всех выезжающих. Бывало, что ежедневно из Багдада вылетало 12 самолетов, а то и больше. Число выезжающих достигло 1610 человек в день.

* * *

Им некогда было осмысливать происходящее. Десятки тысяч репатриантов целиком были поглощены крупными и мелкими трудностями переселения, просмотром за детьми, изобретением способов спасти последние крохи своего имущества. Отрыв от Ирака был полным. Не оставалось ничего общего между ними и их вчерашними соседями. Назад не оглядывались. По сторонам не смотрели. О будущем тоже не имели представления. Они едут в неизвестность. Что было — то было, что будет — то будет.

Друзья-арабы заходят попрощаться. Сидят вместе — в последний раз — и молчат. Курят папиросу за папиросой; мнут пальцами кисточки скатерти. Пьют долгими продолжительными глотками кофе. Обмениваются бессодержательными обрывками слов. Ни звука о том, что было; ни звука о том, что будет. Ни "напишите", ни "передайте привет". Между ними — непроницаемая преграда, пустое пространство. О продолжении многолетней дружбы — не может быть и речи. Наконец гости встают, уходят. "Господь с вами". И все. Более близкие друзья порываются иногда что-нибудь сказать, но потихоньку, с глазу на глаз: "Дай бог, чтобы был мир!" "Бог даст, еще увидимся!" "Дай Бог" — и только тяжелые вздохи слышны в комнате.

Еврейские кварталы в провинциальных городах, а потом и в Багдаде, быстро пустеют. В проданных и захваченных домах — другие жильцы. Другое белье сохнет на веревках, другие запахи, другие звуки. Рынки пусты. Магазины закрыты. В кофейнях, где вечерами веселились дружные компании, — столики свободны..

Одинокий еврей, решивший остаться, сидит, вперив глаза в пустоту. Единственный звук, — это стук мисбахи в его руке, камешек стучит по камешку. Улицы, на которых веками кипела еврейская жизнь, где слышались напевные выкрики торговцев, теперь чужие и странные, будто религию поменяли... Дома, бывшие гнездами огромных семейств, стали враждебными крепостями. Багдад имеет вид транзитного лагеря. Синагоги и школы переполнены. Багдадцы, продавшие уже свои дома, ютятся у родственников. Автобусы спешат к аэродрому. Тихие прощания — без рукопожатий, без излишних эмоций. Каждый автобус оставляет за собой тишину. Счастливого пути! Мы следом за вами! Перед посадкой все собираются под большим навесом, сидят, закинув ногу на ногу. Мысли затуманены, чувства приглушены. Когда им подадут знак, поднимаются, идут к самолету. Идут, не глядя по сторонам, ушедшие всецело в себя.

Маленькие радости и большие тревоги деятелей алии. Каждый день отправляют сотни, тысячи. Три часа — и олим в Лоде. Активисты же пока остаются. Тем из них, кто не отказался от гражданства из чувства долга, чтобы довести дело до конца, придется выбираться из Ирака старыми путями бегства. А пока они руководят всей операцией, встречаются ежедневно с "сионистским агентом" — Бен-Поратом, действуют в соответствии с его указаниями, ведут двойную бухгалтерию, двойную жизнь. День, окончившийся благополучно, считают подарком судьбы. Каждый из них знает, что в любую минуту его могут схватить. Тайная полиция присматривается, принимаются, пытается обнаружить их связь с Израилем.

— Если я кончу все это десятилетним заключением — буду считать, что мне повезло, — сказал однажды Эйди.

Повседневная работа отвлекает от назойливых мыслей. Сознание, что каждый еврей, поднявшийся на самолет, — спасен, придает силы, как и радость, что в самолет удалось втиснуть пять человек сверх нормы.

Их доля — это двигать колеса избавления, организовывать процесс Исхода от начала до конца, а это ведь великая честь.

Надолго останется в памяти Эйди образ переписчика Торы, сидевшего в своей комнате, напротив школы "Альянс". Сидит и медленно водит пером по листу пергамента. Молодой, лет тридцати, унаследовавший свое ремесло от отца, а тот — от деда, и так — поколение за поколением. Бледное лицо, блеклая бородка под цвет пергамента. Целиком погружен в свой мир. Вначале он был далек от всего этого большого шума, сотрясавшего школу "Альянс". Там что-то записывают, взвешивают, люди садятся в автобусы, уезжают, чтобы больше не возвращаться. Что ему до всего этого?! У него — его священное дело. Понемногу он начинает прислушиваться к беспрестанному шуму, отвлекаясь от своего занятия. Наконец, откладывает перо, подходит к окну, наблюдает, базмышляет. Свитки Торы ведь тоже берут туда, среди них написанные им и его предками.

Эйди обратил на него внимание и как-то спросил:

— Что ты пишешь?

— Свиток Торы.

— Для кого?

— Для евреев.

— Каких евреев? Разве не видишь, что все уезжают?!

Скоро здесь не останется никого, кому понадобится Тора.

Писец погрузился в размышления.

— И ты можешь поехать, — сказал ему Эйди.

Назавтра переписчик оставил работу. Пришел в синагогу. Сел напротив Эйди. Сидел и молчал. Эйди тоже молчал. Так сидели довольно долго. Потом обратился к Эйди.

— Как туда едут?

— Просто. Чиновник заполняет анкету, ты подписываешь, потом фотографируешься. Остальное делаем мы, а ты поднимаешься на самолет!

Писец бросил взгляд на автобусы, потом в сторону своей комнаты напротив.

— Я думаю, — сказал он, — может быть, действительно стоит поехать. Ты думаешь, что там, в Эрец-Исраэль, я смогу писать свитки Торы?

— Конечно, — ответил Эйди, — если есть достойное место для писания Торы — это прежде всего Эрец-Исраэль!

Были случаи, когда влюбленные мусульмане пытались задержать своих возлюбленных силой. Один богатый араб задержал свою подругу на целую неделю, заявив, что имеется приказ о задержании ее вследствие неоплаченного долга. Пока не доказали, что это фантазия, пришлось снабдить героиню романа охраной, чтобы ее не похитили.

Другой влюбленный гнался за автобусом, увозившим даму его сердца к самолету, и угрожал револьвером. В таких случаях приходилось делать невозможное не только для того, чтобы умерить пыл разгоряченных любовников, но и повлиять на дам сердца, дабы они не поддались уговорам остаться.

Воздушные кони "Нир Ист" пересекали воздух, нагруженные до отказа. Каждый вылет сопровождался тревогой: как долетят, не откажет ли мотор, не произойдет ли что-либо неожиданное. Случалось, что из-за перегрузки приходилось делать посадку в Аммане. Иорданцы с эмигрантами были вежливы.

Однажды, в два часа ночи Мухаммад Абд аль-Азиз, офицер министерства внутренних дел, сообщил Чарльзу по телефону, что с самолета получена радиограмма — один мотор отказал. Самолет находится где-то между Ираком и Израилем, ближе к Багдаду, и летчик решил вернуться. Чарльса просят немедленно прибыть на аэродром. Администрации нужен свидетель, что их вины в этом нет.

Аэродром гудел. Опасались неудачной посадки. Инженер компании "Нир Ист" держал непрерывную связь с летчиками и давал инструкции. Чарльз тревожно смотрел в небо. Всю свою жизнь он был далек от религии и молитв, но когда самолет начал спускаться, губы его шептали: "Шма, Исраэль..."

Пассажиры ничего не знали о случившемся. Когда самолет приземлился, они были уверены, что прибыли в землю отцов. Чарльс знал, что многие из них, сойдя с самолета, бросятся на колени и станут целовать землю. Такое зрелище могло бы подействовать на арабов. Поэтому он тут же послал одного из сотрудников компании предупредить пассажиров. Как только подняли трап, тот встал у выхода и шептал на ухо каждому выходившему: "Это не Израиль"... Через три часа закончили ремонт, самолет снова поднялся в воздух, и вскоре приземлился в Лодде.

Широкие плечи были у Чарльса. Еще с первых дней подполья, будучи воспитанником Хаганы, он всегда был готов взять на себя самые ответственные задания. Только очень немногие знали об истинных его обязанностях. Его дом всегда служил пристанищем для посланцев Израйля и штабом операций. Именно он налаживал контакты с общиной еще в то время, когда ее деятелей считали ярыми противниками сионизма. Будучи "правой рукой" шлихим, он умел, когда надо, поставить и их на место: хотя они и представляют Израиль, однако, когда дело касается местных условий, можно кое-чему поучиться у здешних жителей. Как "дипломат" подполья он поддерживал связь с властями и в случае беды был одним из главных "спасателей".

Офицеры и представители власти и предположить не могли, что те, с кем они работают рука об руку, и есть давно разыскиваемые ими подпольщики. Но игра становилась со дня на день опаснее. В мае 1951 года, после нескольких отсрочек, Чарльс окончательно решил уехать. Он не мог лететь самолетом, как другие, и теперь у него был один выход — нелегально перейти в Иран. Он попытался бежать с фальшивым паспортом через Ханакин, откуда незадолго до того бежала его жена. При паспортном контроле подделку обнаружили, Чарльса задержали и отправили под конвоем в Багдад.

Бен-Порату сразу же сообщили о провале, а Гурджи обратился к одному из офицеров полиции, сотрудничавшему с ними, за советом.

— Ликвидируйте полицейских, — ответил офицер.

Несмотря на этот мудрый совет, решили прибегнуть к дипломатии.

Гурджи и Ицхак Элиас встретили арестованного и его "свиту" в одном из предместий Багдада и пригласили всех на обед. Пока полицейские угощались в одной из комнат, трое остальных сидели в другой — и советовались.

Версия, которую Чарльс собирался выдвинуть на допросе, казалась вполне логичной: он вовсе не собирался бежать в Израиль — ведь все знают, что он не сионист! Но в Ираке без евреев у него нет никакого будущего. Единственный выход — переехать в Иран; может быть, остаться там, а может быть, попытать судьбу в другом месте.

В Багдаде версии Чарльса поверили. Сам начальник тайной полиции Бахджат аль-Атийя распорядился поместить его в самую красивую комнату штаба, где он коротал время в дружеских беседах с офицерами.

Через неделю по указанию суда его освободили, и он вернулся к своей опасной работе.

Ночь перед судом Чарльс провел в доме судьи, и тот учил его, что говорить, чтобы отделаться минимальным наказанием. Чарльса присудили к штрафу в 10 динаров за попытку побега из Ирака. Его обязали отказаться от гражданства и уехать.

Но прежде чем он выехал, ему пришлось пережить еще не одну бурю.

22 мая 1951 года было обычным летним днем. Эвакуация общины — в разгаре, и близок уже ее конец. Еще несколько месяцев, и воздушный поезд остановится: большая часть еврейской общины Ирака уже на родине. Тогда шлихим и местные активисты смогут наконец, отправиться туда же.

Но судьба не пожелала дать подполью возможность завершить свое дело тихо и спокойно. Она держала про запас "мину", взрыв которой привел бы к катастрофе, к полному провалу. Огонек от зажигательного шнура мерцал уже в глазах араба, продавца галстуков в первом этаже роскошного универмага "Урузди-бек" на улице Рашида. Он стоял за прилавком у самого входа и внимательно следил за всеми, кто входил и выходил.

Еще недавно этот араб жил в Израиле, в городе Акко, где ему однажды пришлось побывать в военной комендатуре — заменить заболевшего двоюродного брата, разносившего кофе служащим. Вскоре после этого он переехал в Багдад. И вдруг недавно, стоя за прилавком, он, к своему великому удивлению, вдруг заметил одного из этих служащих, вошедшего в универмаг с видом самого настоящего эфенди. Продавец поспешил в тайную полицию с ошеломляющим сообщением: "По Багдаду расхаживает офицер израильской армии!"

Ищейки тайной полиции подтянулись. Давно уже они подозревали о присутствии израильтян, но обнаружить их не могли. Продавец-палестинец был для них даром божьим. Его хвалили, хлопали по плечу и вели бы на чеку: если тот офицер опять появится — не терять ни минуты.

22 мая в полдень продавец примчался в полицию.

— Он здесь! — сообщил он, — задыхаясь от волнения.

Покупателем был Иехуда (Юдка) Таджер — новое лицо на страницах этой книги, хотя к тому времени он находился в Ираке уже несколько месяцев. Юдка был

настоящий сабра, выпускник гимназии Бет-ха-Керем в Иерусалиме, а прошлом — боец Палмаха и Еврейской бригады, командир роты на иерусалимском фронте в дни Войны за Независимость. После демобилизации из армии он посвятил себя общественной деятельности.

Юдка прибыл в Багдад в конце 1950 года, чтобы помочь Бен-Порату.

Он прекрасно владел арабским и в Багдаде специально изучил иракский диалект, в чем ему помог Альфред Шмузли, двоюродный брат (настоящий) Бен-Пората.

Юдка не был уроженцем Ирака, он был здесь чужим. Ему поручали более спокойные задания, чтобы он меньше соприкасался с людьми, и одиночество было частым гостем в его доме. Не раз для того, чтобы развлечься, Юдка и Мордехай выезжали на машине за город, и там, закрыв плотно окна, часами изливали душу в израильских песнях.

В этом же черном "воксхолле" они подъехали в то утро к универмагу "Урузди-бек".

Легкомыслие ли, или излишняя самоуверенность были причиной того, что они зашли в шумный роскошный магазин — излюбленное место покупок верхушки багдадского общества? Спустя годы, восстанавливая в памяти события того дня, они придут к выводу, что это был, несомненно, необдуманный шаг, хотя имелись и "смягчающие вину обстоятельства".

При желании оба они могли бы оправдать свой поступок. То был период открытой эмиграции, когда конспирация была не столь строгой. Сионистское движение в значительной степени вышло из подполья, что, хотя и было чревато разоблачением, однако обеспечило успех операции "Эзра и Нехемия".

Их задержали, когда они уже вышли из магазина и направились к машине. За те несколько минут, которые они провели на втором этаже, продавец галстуков успел известить блюстителей закона.

Трое подошедших к ним были, по всем признакам, сотрудниками охраны: курдские башмаки, сложен-

ная газета под мышкой. Они остановили такси и учтиво предложили обоим приятелям сесть в машину. С первой же минуты было видно, что Салихон казался им "китом", а Нисим Моше — мелкой рыбешкой из местных. Наручников им не надели, но о попытке сопротивления или побега не могло быть и речи. Оставалась только одна надежда — на связи и деньги. Юдку усадили возле шофера, справа от него поместился один из сыщиков; Мордехая — на заднее сидение, с обеих сторон по сыщику. Мордехай взглянул направо, встретился взглядом с офицером, и они обменялись кивком в знак прежнего знакомства. Мордехай вспомнил его — они вместе учились в начальной школе.

В кармане у Мордехая лежал сложенный листок бумаги — записка из багдадской газеты, автор которой нападает на правительство: для чего, мол, оно держит в тюрьмах десятки арестантов-сионистов? В интересах государства поскорее освободить их и изгнать из Ирака. Целый ряд заметок на эту тему был напечатан и в других газетах по инициативе подполья — за оплату наличными. Целью этих публикаций была подготовка общественного мнения, настройка его на волну борьбы за освобождение арестованных евреев. Стало известно, что существует возможность выкупа заключенных за сумму в 180 динаров за человека, и газетные статьи могли бы ускорить заключение этой сделки.

Если бы такую заметку обнаружили у Нисима Моше, его заподозрили бы в нездоровом интересе к "высокой политике", связанной с эмиграцией евреев. Надо было срочно избавиться от нее. На лбу Мордехая заблестели капли пота — в машине было жарко. С самым невинным видом он достал носовой платок, начал вытирать им лоб, перекладывать из кармана в карман — и заодно засунул газетную вырезку под сиденье.

Вскоре их допрашивали в отделении полиции, каждого в отдельности.

* * *

Первый допрос был кратким. У Нисима Моше старались выпытать, кто такой Салихон. Он отвечал, что вообще не знаком с ним. О себе Нисим Моше сказал, что он младший сотрудник центра по эвакуации евреев в "Масуда Шемтов".

Через некоторое время Мордехая перевели в штаб тайной полиции и оставили в комнате рядом с комнатой дежурного офицера. Через полуоткрытую дверь до него доносились слова дежурного, и услышанное очень его взволновало. То были телефонные приказы об арестах. Дежурный называл имена, знакомые Мордехая — имена участников Движения. Мордехай прикрыв голову платком, сделал вид, что дремлет, и прислушивался, стараясь запоминать.

Сотрудники полиции входили и выходили: он внимательно изучал их лица. Один из них показался ему симпатичнее других — он пообещал ему кругленькую сумму, и тот взялся передать записку в синагогу. Мордехай написал, что Нисим и его товарищ задержаны и просят родных обратиться к адвокату и взять их на поруки. Он намекнул, что следует "очистить участок" от тех, чьи имена были названы дежурным.

Допрос Юдки был более скрупулезным. Проверили его знания "родного" языка, и оказалось, что он иракским не владеет. Вывод: его документы подделаны. Вызвали продавца галстуков, и тот опознал в нем израильского офицера, которого он видел в Акко.

Юдке ничего не оставалось, как сознаться, что он израильтянин, и назвать свое настоящее имя. Свое пребывание в Ираке он объяснял тем, что приехал свататься к местной еврейской девушке. Однако следователи не поверили ему.

После ареста произвели обыск в его комнате в армянском пансионе, расположенном в Бустан аль-хассе. Два часа рылись в его вещах, но ничего не нашли. Вечером был произведен второй, более тщательный обыск: вскрыли пол, разломали мебель, прокололи подушки, раздолбили стены. И тут наткнулись на частный тайник Юдки, а в нем — различные документы, красноречиво

свидетельствовавшие о роде его занятий и интересов.

До сегодняшнего дня остается невыясненным — каким образом следователям стали известны имена остальных деятелей, имена, услышанные Бен-Поратом через полуоткрытую дверь. Одна из версий — по номерам телефонов, записанных в тетрадке, которую отобрали у Юдки. Но, по его словам, там не было ни одного номера телефона или адреса людей, с которыми он связан. Там были лишь номера телефонов различных организаций и учреждений Багдада. И дома у него, как утверждал Юдка, тоже не могло быть найдено ни адресов, ни телефонных номеров. Только один документ содержал кое-какие детали, которые могли навести полицию на след. Но это случилось позже, после арестов. Еще одна версия: в учебнике арабского языка, который лежал открытым на столе, был записан номер телефона Альфреда Шмуэли, двоюродного брата Бен-Пората, который занимался с Юдкой, помогая ему овладеть иракским диалектом.

Тем временем в "Масуда Шемтов" все очень волновались. Мордехай и Юдка исчезли, не оставив и следа. В полдень позвонили в пансион к Юдке, и хозяйка сказала, что он еще не вернулся. Вечером на звонок ответил полицейский, он сказал, что Салихон болен и спросил, кто хочет с ним поговорить. Ясно, что ответа он не получил. Ицхак Элиас, проходивший случайно мимо "Урузди-бек", заметил возле магазина "воксхолл" Мордехая и сообщил об этом товарищам. Это послужило сигналом тревоги. Решили к машине не подходить, опасаясь ловушки. Были приняты меры предосторожности: некоторые документы уничтожили или спрятали. Ицхак взял на всякий случай две тысячи динаров.

Он еще не успел выйти из синагоги, как появились пять офицеров в сопровождении рядовых полицейских и сыщиков. Арест "мелкого чиновника" в компании с израильянином усилил их подозрения, что существует связь между местными работниками отдела эмиграции и Израилем.

— Скройся! Пусть хоть ты не будешь замешан в это дело, — шепнули Эйди и Гурджи Чарльсу.

Чарльс выскользнул из синагоги и услышал, что офицер районной полиции спрашивает о нем.

Эйди, услышав вопрос офицера, притворился удивленным.

— Где он?! Он ведь давно уже не работает здесь!

Один из офицеров заметил внутренний телефон, установленный в синагоге и бросился к нему.

— Что это такое? — спросил он.

Гурджи, известный своим остроумием, разрядил атмосферу:

— Это прямой провод в Палестину.

Семерых работников отдела эмиграции задержали и привели в штаб тайной полиции, но Эйди и Гурджи пока не трогали: ведь Эйди получил назначение от министра внутренних дел, Гурджи никогда не вызывал подозрения.

И в синагоге и в штабе тайной полиции у задержанных пытались выяснить, кто такой Нисим Моше. Их показания подтвердили, что он действительно мелкий служащий в аппарате эмиграции. Всех оставили на ночь, чтобы продолжить допросы на следующий день.

Пока шли допросы, Ицхаку Элиасу удалось сообщить о происходящем Бахджату эль-Атийе, начальнику тайной полиции Ирака. Дружеские отношения и искренняя доброжелательность связывали деятелей еврейской эмиграции с Атийей; возможно, причиной было то, что домашним врачом семьи Атийя был еврей Альбер Элиас. В ту же ночь Ицхак был освобожден и поспешил к начальнику тайной полиции с жалобой на аресты своих "подчиненных". Ему обещали, что завтра всех выпустят. На совещании активистов алии было решено продолжать выезд, что бы ни случилось. Их долг — оставаться на посту и довести до конца операцию "Эзра и Нехемия". В связи с отсутствием Бен-Пората был назначен новый штаб алии во главе с Эйди.

* * *

Поздней ночью Гурджи и Наим ("брат" Бен-Пората) срочно вызвали адвоката Иосефа Птаэля. Иосеф был преуспевающим юристом, компаньоном двух адвокатов-мусульман, имевших большое влияние в кругах полиции. Правда, он никогда не был членом подполья, но был хорошо знаком с его деятелями, слышал о Заки. Узнав о его аресте, Птаэль сразу вызвался помочь и, не откладывая, отправился в главный штаб, где, по слухам, находился Мордехай. Вначале он надеялся уладить дело с низшими чиновниками. Дежурный офицер вежливо его принял и выразил готовность помочь. Он перелистал журнал арестов, но имени Нисим Бен-Моше не нашел. В камерах его тоже не нашли. Пришлось отложить до утра.

Назавтра капрал из "своих", выяснил, что Нисим Моше находится в "Дауре", отделении конной полиции по ту сторону реки. Его засадили в одиночку и всю ночь жестоко допрашивали, избивали и подвешивали на цепях. Друзья опасались, что следователи пристрелят Мордехая, а потом заявят, как обычно, что застрелен при попытке к бегству. Необходимо было срочно договориться с влиятельным адвокатом, который вел бы это дело. Посоветовавшись, решили обратиться к Джамалю Бабану. Бабан — известный адвокат, курд по происхождению, в прошлом шесть раз занимавший пост министра юстиции, был известен своим бесстрашием и острым языком. Как курд, он был далек от арабского шовинизма, и можно было надеяться, что он будет честно защищать даже клиента-сиониста. На следующее утро Птаэль договорился с адвокатом о встрече в тот же вечер.

Наутро всех семерых задержанных выпустили на поруки: один ручался за другого.

Надо было срочно спасти людей, которым угрожал арест, в том числе и упомянутых в записке Бен-Пората. В ближайшие же дни все они покинули Ирак.

За домом Овадии Шмуэли была установлена слежка, и к нему старались не подходить. Овадия Шмуэли был дядей Бен-Пората, у него в доме, где он жил вместе с

сыном Альфредом, иногда устраивались встречи активистов. Овадию нашли по номеру телефона в учебнике Юдки. Арестовали обоих — дядю вместе с сыном, произвели обыск, но тайника не нашли. Теперь полицейские не спускали глаз с дома и посетителей, из которых старались выбить показания об их связях с Юдкой, а Альфреду даже устраивали очные ставки с ним. (В конце концов следователи убедились, что связи эти не представляли ничего существенного; Альфред остался под арестом, но однажды его отпустили на пару дней — и он исчез. Через два месяца он нелегально перешел в Иран).

В тот же день был задержан еще один человек — Раудани. Раудани был чудаком лет сорока. В Багдаде он владел маленькой фабрикой по производству текстиля. У него были документы британского подданного, английский он знал безупречно. Раудани лелеял мечту: добиться мира между Израилем и арабскими странами. В евреях, жителях арабских стран, он видел "мост" к желанному миру. Ему было известно о существовании шлихим, и не раз он упрашивал знакомых устроить ему встречу с Заки, но наталкивался на отказ. Раудани находился еще только в процессе "акклиматизации" и нащупывал пути к этому самому миру, когда его взяли. Уверения его, что он "мирный посланник Израиля", не произвели никакого впечатления на следователей. После того, как его пропустили через машину допросов, Раудани рассказал то немногое, что знал.

В тот день, в три часа дня, Бен-Пората под вооруженным конвоем перевели из отделения полиции "Даура" в главный штаб. Всю предыдущую ночь его мучили: избивали, секли хлыстом, и он испытал вкус знаменитого "подвешивания" на цепях за одну ногу. Несколько раз он терял сознание от боли, а когда приходил в себя, его вновь вешали — в другой позе. Следователи стремились выпытать у него, кто такой Юдка Таджер, и каков характер их взаимоотношений. Несмотря на пытки, Бен-Порат твердил: он не знает Салихона и ему

нечего рассказывать. Тогда они решили применить к нему иные методы.

Во-первых, устроили очную ставку с Раудани. На вопрос, знает ли он его, Бен-Порат ответил отрицательно. Он прекрасно знал, кто этот человек, и теперь радовался, что в свое время не захотел с ним встретиться. Потом его привели к судье-следователю, где он взглядом встретился с Юдкой, стоявшим в углу. После "обработки" в подвалах вид Юдки наводил ужас. По взгляду Юдки Бен-Порат понял, что и его собственный вид тоже не радует глаз. Очень громко, чтобы дошло до ушей Юдки, Бен-Порат стал на ходу импровизировать версию об их знакомстве. Он утверждал, что они сидели как-то рядом на концерте, и завели беседу. Салихон представился как недавно приехавший турист и попросил сопровождать его и помочь сделать кое-какие покупки на следующий день. Назавтра они встретились в "Урузди-бек", и вдруг их задержали... Когда дошла очередь Юдки говорить, он заявил, что плохо владеет арабским языком и ввиду того, что сказанное им может решить его судьбу, просит разрешения говорить по-английски. Из присутствующих никто не знал английского, и Бен-Порат вызвался быть переводчиком. Понятно, что показания их идеально сходились. Когда следователи спросили Бен-Пората, на каком языке он беседовал с "туристом", тот ответил:

— На ломаном арабском.

Вновь их разлучили. Заки вернули в "Дауру". "Великим инквизитором" конной полиции был Салим Джасим, следователь, известный во всем Ираке. Его жестокости не было предела. После пяти дней, проведенных в тюрьме, Бен-Порат оглох на одно ухо и потерял четыре зуба. Стойко перенося мучения, он упрямо повторял свою версию.

Пока тайная полиция переворачивала весь город в поисках другого израильянина, о присутствии которого они узнали из свидетельских показаний, — следователи Бен-Пората принимали его за заурядного багдадского еврея, который запутался в делах. Их глав-

ные усилия были направлены на Юдку: всеми силами они старались выбить из него подробности его задания и имена соучастников.

* * *

В канун субботы Иосеф Птаэль и Наим Моше гостили у Джамаля Бабана. Вдруг Наим, разрыдавшись, начал жаловаться юристу-курду на невероятное оскорбление, нанесенное его брату.

Как это может быть, чтобы среди бела дня, арестовали совершенно невинного человека и бросили его в подвал пыток?

Бабан тоже разволновался, хлопал его по плечу. вздрагивавшему от рыданий, и успокаивал:

— Перестань, перестань, получишь ты своего брата еще на этой неделе!

Первые результаты дали себя знать уже через несколько дней. То, что курдский адвокат взял на себя ведение дела Нисима Моше, а также 500 динаров, переведенные на имя Салима аль-Курейши, заместителя начальника багдадской тайной полиции, и такая же сумма, доставшаяся Салиму Джасиму, сделали свое дело: после пяти тяжелых дней, проведенных Бен-Поратом в заключении, пытки были прекращены и его отправили в общую тюрьму.

”Брату” разрешили посетить его и принести еду, одежду и одеяла. Еврейка, секретарша Джамаля Бабана, которая старалась всеми силами помочь ему, напечатала прошение об освобождении Нисима Моше на поруки. Похоже было, что его дело уладится. Что касалось Юдки, то тут ситуация была куда хуже. Стало известно, что он израильтянин, так что вряд ли найдется отважный адвокат, который посмеет защищать его.

28 мая, на шестой день ареста, судья кассационного суда подписал приказ об освобождении Нисима Моше на поруки до вызова на суд, под залог в 500 динаров. Пока найдется поручитель, его перевели в отделение полиции квартала аль-Карх. После многих сомнений и

размышлений адвокат Птаэль обратился к отцу своего компаньона — богатому арабу-подрядчику, любившему его, как сына — и тот согласился поручиться за Нисима Моше, семью которого он хорошо знал.

Мордехай освобожден был в полдень — а назавтра вновь очутился за решеткой. Этот арест, четвертый по счету, назревал еще перед третьим.

Мордехай ехал на аэродром, чтобы передать стюардессе Илане пакеты с почтой. Вдруг его машина легко толкнула какого-то велосипедиста. Тот распростерся на земле, изображая обморок. Собралась толпа, велосипедист раскричался, Мордехай — тоже. Спектакль, устроенный пострадавшим, был обычным способом вымогательства, и в таких случаях лучшая защита — нападение. Крикуны замолчали и разошлись. Только один энергичный, нарядно одетый мужчина настаивал, чтобы Мордехай дождался полиции. У Мордехая не было терпения, и он осыпал эфенди звучными ругательствами. Наконец он усадил раненого в свою машину и поехал с ним в отделение полиции, начальником которого был один из "своих" (оплачиваемых). По пути он заскочил к дяде и оставил у него пакет. Потом начальник написал рапорт на шофера и отпустил его. Для большей уверенности Бен-Порат повез раненого в больницу для осмотра. Врач велел ему три дня отдохнуть — и на этом, казалось, дело закончилось. Из-за дальнейших событий Мордехай совершенно забыл о случае с велосипедистом. Но когда он освобожден был, его уже ждала повестка в суд. Друзья настаивали, чтобы он не ходил. Не стоит лишний раз показаться на глаза блюстителям закона, когда те рыщут в поисках агента из Израиля. Рано или поздно они докопаются до истины. Но Бен-Порат заупрямился. Он решил, что у него надежная "крыша", и никто его ни в чем не подозревает, в противном случае его бы не освободили так быстро. Кроме того, при инциденте никто не пострадал, стало быть — нечего бояться.

Но на суде его ожидал неприятный сюрприз. Свидетельские показания давал тот самый почтенный госпо-

дин, с которым у Мордехая случилась перепалка. Сейчас он был одет в военную форму капитана и расписывал поведение и грубость Мордехая в резких выражениях. Военный мундир и чин капитана произвели впечатление, к тому же судья не питал любви к евреям.

— Как же ты не остановился после столкновения? — строго допрашивал он, — ведь по закону следует задерживать всякого человека, причастного к инциденту, привести его к следователю и только потом освободить на поруки!

Бен-Порат спокойно объяснил, что это был незначительный пустячный случай, и потому не придерживались всех тонкостей закона.

— Как бы не так! — вспыхнул судья, — евреи всегда умеют устроиться!

И закатил ему двухнедельный арест.

Друзья Бен-Пората вновь обратились к Джамалю Бабану. Адвокат вскипел и поспешил к судье, который дал приказ освободить Бен-Пората на поруки от прежнего ареста:

— Полиция просто смеется над судом, — сказал он ему, — ты дал приказ освободить, а он снова в тюрьме!

Судья не мог снести это оскорбление и тут же подписал приказ освободить вторично арестованного.

* * *

Приказ есть приказ, но пока он дополз до тюрьмы, прошло несколько дней, а Бен-Порат сидел тем временем за решеткой, с бритой головой, в арестантской одежде. Но нет худа без добра — эта отсидка, как выяснилось, спасла ему жизнь.

Тайная полиция не сидела сложа руки. Всюду, куда вели нити от Таджера и Раудани, производились тщательные обыски. Те, кому грозила опасность, скрывались в тайниках или улетали с репатриантами. Вся процедура регистрации и выезда находилась в руках подполья, и это давало возможность включать в очередную группу тех, кому было необходимо исчезнуть.

Не оставалось никакого сомнения — это был не временный кризис, а провал, только чудом пока не отразившийся на выезде. Перегруженные самолеты продолжали улетать каждый день — Чарльс, Эйди и группа активистов руководили операцией. Сами они были между молотом и наковальней, но считали своим долгом оставаться на посту. Если бы они вдруг исчезли, это послужило бы явным доказательством их связи — и связи всего эвакуационного аппарата — со "шпионской сетью".

5 июня арестовали Латифа Эфраима, старшего сотрудника фармацевтической фирмы Якова Баттата и Шломо Хореша. Латиф выполнял кое-какие задания, связанные с выездом, и тайная полиция напала на его след по попавшему в ее руки документу. Когда производили обыск на складе фирмы, нашли конверт с письмом, и на нем было написано: "Брату Абу Якубу". Это было обычное письмо, посланное одному служащему-мусульманину, не имевшему никакого отношения к подполью. Но офицеры сыска ухватились за конверт, как за великую находку. Согласно их толкованию, имя "Абу Якуб" означало "Иосеф". Однако допрос показал, что среди рабочих склада нет человека по имени Иосеф.

Ясно было, что теперь полиция будет искать человека по имени Иосеф, а это вызывало тревогу, ибо опасность грозила сразу двоим: Иосефу Хаббазе (впоследствии Бет-Халахми) и Иосефу Басри. Первый жил в наемной квартире, под полом которой были скрыты сокровища подполья — списки членов Движения и Хаганы, планы расположения тайников и т.п. Второй — Иосеф Басри, адвокат, сотрудник министерства финансов, человек, принятый в широком кругу мусульман и христиан, — сотрудничал с подпольем с самого начала. В свое время Басри занимал командный пост в Хагане, и когда пришел его черед репатриироваться, он нелегально перебрался в Иран, но вскоре был приглашен вернуться в Ирак для выполнения срочных и ответст-

венных заданий. Свое временное отсутствие он объяснил летним отдыхом.

Положение Басри было настолько устойчивым и далеким от закипающего котла, что, казалось, нечего было особенно тревожиться. Спасать следовало Иосефа Хаббазу. Пока товарищи готовили для него подходящие документы, сам Иосеф Хаббаза отправился предупредить Салима Муаллима.

Салим был заместителем директора банка "Рафидан" в Багдаде и преподавателем торгово-экономического института. Он не был членом подполья, но поддерживал с ним дружеские связи, особенно с Юдкой Таджером. Связным между ними был Латиф. Так как Латифа задержали, следовало предупредить Салима. Товарищи тогда еще не знали, что надвигается беда с другой стороны: в доме Юдки нашли какие-то официальные бумаги, переданные ему Салимом, которые тот получил от правительственных чиновников в качестве материала, необходимого для подготовки лекций. В передаче документов преподавателю университета не было ничего предосудительного, но то, что они попали к третьему лицу, да еще израильтянину, вызвало подозрение. Тайная полиция установила, из каких архивов эти документы изъяты и в чьи руки переданы. К тому же в одном из документов упоминался еврей — "экономист", поддерживающий связь с "сетью".

В тот вечер он допоздна сидел за своим письменным столом в банке. Это было время отчетов и подведения баланса, и приходилось много работать. Потом он сходил с приятелями в кино и в полночь вернулся домой. Не успел лечь в постель — раздался телефонный звонок. Иосеф Хаббаза попросил его немедленно явиться на свидание. Через пару минут к дому подъехали две машины компании "Майами", в одной сидел Хаббаза, а во второй — специалист по тайникам Шалом Салих Шалом. Иосеф сообщил Салиму об аресте Латифа и сказал, что ему необходимо немедленно покинуть Ирак. Решили, что утром Салим пойдет на работу, а позднее, в условленный час, выйдет из канцелярии, ос-

тавив пальто на вешалке. На углу его будет ждать такси. Его привезут прямо на аэродром, где к тому времени подготовят необходимые документы, и он улетит первым же самолетом.

Однако к утру Салим был уже арестован. В два часа ночи к нему явились полицейские. Обыск ничего не дал, но когда Салима привели в штаб тайной полиции, там были уже трое — чиновники, от которых он получил документы. Они утверждали — и это была правда — что дали ему документы без всякого умысла, никак не предполагая, что уважаемый лектор передаст их в другие руки. Они придерживались этой версии в ходе всего следствия, и суд, состоявшийся через некоторое время, оправдал их. К делу же Салима пытались привязать еще одно обвинение. В ту ночь возле банка "Рафидан" взорвалась бомба. Никто не сомневался, что это дело рук шовинистов-экстремистов, но полиция ухватилась за происшествие.

Тут же было сострепано обвинение в диверсии.

В тот период чернь кипела негодованием и недовольством против правительства. Ожилась оппозиция. Сионистское подполье долго работало под самым носом властей, и газетчики раструбили, что кроме пойманных "агентов", в стране действовал также самый настоящий израильтянин. И вот именно он — сбежал... Горе тому государству, у которого такая полиция!

Тайной полиции необходимо было экстренно поднять свой престиж. Вот и раздули дело о взрыве, превратили его в "мировую сенсацию": иракская полиция раскрыла группу провокаторов и диверсантов.

В последующие дни было арестовано множество людей. От хозяина дома, где жил Салим Муаллим, узнали о ночном телефонном звонке, от него нить протянулась к Иосефу Хаббазе и Шалому Салих Шалому. Компания "Майами" была взята на прицел. Шоферов таскали на допросы, проверяли журналы и нашли запись о вызове такси для перевозки чемодана каким-то Иосефом. Чиновники из тайной полиции тут же связали этого Иосефа с Абу Якубом и с Иосефом Хаббазой (хотя ника-

кой связи между ними не было) и вместе с шофером направились к дому, откуда была заказана машина. Это был дом Сассона Садика, совершенно "чистый". Никакого Иосефа Хаббазы там не было. Но когда сыщики уже собирались уйти, внимание одного из них привлек шкаф в углу комнаты, который стоял как-то странно, будто его сдвинули с места. Полицейский заглянул за шкаф и обнаружил другого Иосефа — Иосефа Басри.

Басри, он же "Иосеф", заказавший машину от своего дяди Садика, очень нервничал. Увидев приближающихся сыщиков, он поспешно спрятался между шкафом и стеной. Это и решило его судьбу. Останься он сидеть на месте, никто бы его не заподозрил, так как его общественное положение и связи были надежной защитой. Но столь странное местонахождение уважаемого адвоката в сочетании с именем "Иосеф" не оставляло сомнений в его причастности к "сети".

Поиски Иосефа Хаббазы продолжались, но безуспешно. Как-то ночью Юсуф Далах, старший сотрудник отдела регистрации, захватив выездную визу Иосефа Хаббазы, отправился домой к офицеру паспортного отдела полиции. Офицер настолько доверял своему "коллеге", что отмахнулся от его извинений и тут же поставил печать. В ту же ночь Хаббаза поднялся на борт самолета. Случайно самолет вылетел на час раньше, и этому случаю Хаббаза обязан жизнью. Через полчаса после отлета самолета на аэродром явились полицейские с ордером на его арест.

В ту же ночь, другим самолетом, улетел шалиах Иоав Горал — свидетель заключительной главы Движения, в котором он рос и воспитывался с юных лет. Самым горестным зрелищем было для него сожжение огромной библиотеки из трех тысяч томов, которые до того были аккуратно сложены на чердаке его дома, а потом преданы огню. Три дня и три ночи горел костер, и в нем сгорела последняя материальная ценность Движения на берегах Тигра. Она превратилась в воспомин-

нение... Маленькую часть книг, "сердце" библиотеки, спрятали.

* * *

Сыщики не теряли времени. Они тщательно просмотрели накопившийся материал и сделали кое-какие выводы.

Внимание привлекло имя Нисима Моше, задержанного вместе с израильским "агентом" и освобожденного на поруки. Затем Нисим Моше исчез. Возникло подозрение, что выпустили из рук "крупную рыбу", возможно — самую крупную. Стали копаться в делах и обнаружили "уголовное прошлое" Нисима; нашли записи о том, что в течение последних двух лет его дважды задерживали в Басре при подозрительных обстоятельствах. Последний арест и таинственное исчезновение усиливали подозрения: не есть ли он тот самый "Заки" или "Хабиб", которого они разыскивают?

Был отдан приказ — во что бы то ни стало найти Нисима Моше! Но он как в воду канул. Кто мог подумать, что "вражеский агент" в это время сидел в тюрьме, буквально в их руках, отбывая наказание за нарушение правил уличного движения.

Четверо суток пришлось Бен-Порату отсидеть за решеткой в ожидании приказа об освобождении. Он снял арестантскую одежду, надел костюм, получил обратно деньги и документы и в сопровождении полицейского должен был направиться в сыскное отделение, чтобы снять отпечатки пальцев. Его товарищи заранее знали, что ему придется проделать этот путь пешком — не станут же ради мелкого нарушителя движения гонять машину — и с таким расчетом разработали план дальнейших действий. Все понимали, что если он войдет в здание тайной полиции — выйти оттуда будет трудно.

И сопровождающий и арестант двигались лениво. Когда проходили мимо барахолки "Сук аль-хардж", Бен-Порат, воспользовавшись шумом и суматохой, толкнул своего провожатого и скрылся в паутине пе-

реулков. Начали большую облаву. Полицейские и сыщики рыскали по всем домам и закоулкам. Не только безопасность страны, но и честь полиции и властей были положены на чашу весов. Газеты расписывали происшествие под крупными заголовками. Рассказывали, насмехаясь, читателям о недомыслии тайной полиции: четыре раза сионистский агент был у них в руках и четыре раза его выпускали... Фельетонисты издевались: "Был Хабиб — уехал в Тель-Авив".

В доме Наима, потемневшем от солнца, за закрытыми ставнями, просиживал он день за днем, ожидая избавления. Он чувствовал, что кольцо вокруг него сжимается — однако иногда приходилось на время выходить из убежища. В одну из ночей он вместе с Шаломом Салихом соорудил тайник для кое-каких "ценностей" подполья.

Это был последний тайник Шалома Салиха Шалома. Имя его уже давно украшало дневники полиции, была установлена и его причастность к тайникам. Бен-Порат не раз предостерегал Шалома, что веревка уже наброшена на его шею, что ему пора скрыться. Перед отъездом Шалом должен был зайти к портному и забрать заказанные брюки — хотел явиться в Израиль в приличном виде. И эта задержка подвела его. 10 июня утром он был арестован.

Полиция располагала неопровержимыми доказательствами деятельности Шалома как специалиста по тайникам; отрицать это было бессмысленно. Изнурительными допросами и пытками добивались у него показаний о местонахождении всех сооруженных им тайников. Им удалось сломить его, и Шалом дал показания. Но своим мучителям он сообщил только те данные, которые, по его мнению, особого вреда принести не могли. Он знал, что Иосефу Хаббазе удалось бежать и, рассчитывая, что тайник, который он соорудил в его доме, уже пуст, назвал его. Но Шалом ошибся: товарищи еще не успели освободить тайник, и сыщикам досталась большая добыча. В руки полиции попали полные списки членов Движения и Хаганы, а возле каждого

имени — кодовая кличка... Была там и карта всех тайников Багдада, и даже фотоснимки некоторых из них.

Пока следователи расшифровывали попавшиеся им документы и посылали наряды полицейских для новых обысков и арестов — созрел новый план бегства Мордехая Бен-Пората.

12 июня из Израиля получили письмо с точным маршрутом бегства. Рони Барнет приехал в Багдад для уточнения деталей. Ответственность за операцию была возложена на Иосефа Птаэля, Шломо Хореша и Якова Батата. Эти трое не были на подозрении. План спасения Бен-Пората представлял собою нечто вроде операции "Майкельберг" для одного человека.

В сумерки Эйди отправился на встречу с Бен-Поратом. За ним увязался "хвост", и ему пришлось прыгать из одного такси в другое, пока тот не отстал. (Одним из испытанных способов избавиться от "хвоста" было зайти в дом терпимости и заставить сыщика ждать у входа. В таких случаях те долго не выдерживали. Некоторые из них жаловались начальству, что их обзывают обидным прозвищем "Арас" — сводник. Справедливости ради следует отметить "заслуги" проституток-евреек, в нужное время занимавших почтенных господ или выведывавших у них информацию.

Свидание Эйди с Бен-Поратом и состоялось в этом веселом заведении. Туда же явились Шимон Хабиба и Менаше Бен-Хаим с планом побега.

— Мы видимся, может быть, в последний раз, — сказал Эйди Бен-Порату, — и голос у него при этом был теплый и отеческий. Все шлихим были его детьми.

Шимон и Менаше рассказали Бен-Порату о всех своих бедах, о тайниках, где они скрываются, но Заки прервал их:

— Я прошел через большие муки, — сказал он, — а рта не открывал. Но кто знает, если меня опять поймут и испробуют на мне новые методы — быть может, больше уже не устою... быть может, сломаюсь... Никто не знает предела своей выдержки. Я ничего не хочу знать... Не рассказывайте мне больше!

Все было готово. Птаэль, Хореш и Батат взяли на себя заботу о всех деталях. Батат привлек для дела своего друга — сына шейха, который согласился подвезти Бен-Пората к аэродрому. Ему сказали, что пассажир — обанкротившийся еврей, скрывающийся от кредиторов. В полночь сын шейха остановил машину возле дома Наима. Мордехай в темном костюме с сидарой на голове вскочил в машину. До этого он побрызгал на костюм немного арака, и теперь развалился на сидении, распространяя по всей машине запах спиртного. Если машину остановят, шофер скажет, что он отвозит домой пьяного родственника.

Возле аэродрома машина затормозила, и Бен-Порат бросился в темноту, прополз под ограждениями, пока не очутился у края взлетной полосы. Аэродром на сей раз не был погружен в дремоту, как это было при операции "Майкельберг". С тех пор, как начался Исход евреев, на аэродроме жизнь кипела днем и ночью. Самолеты двигались по полосе — вперед и назад, прожектор шарил лучами по всей округе. Без четверти час летчик закончил посадку пассажиров, самолет двинулся к краю взлетной полосы и остановился, разогревая моторы и ожидая разрешения на вылет. Прожектор контрольной вышки осветил его. Самолет зажег огни и направил их в сторону контрольной вышки. Дверь на мгновение открылась, Бен-Порат проскочил среди теней и ухватился за спущенную для него веревку. Из самолета его подтягивали, пока он не поднялся и дверь не закрылась за ним. Все было завершено в мгновение ока, пассажиры даже не почувствовали, что к ним присоединился "тремпист".

Мать Мордехая то и дело выглядывала из окна своего дома в предместье Тель-Авива.

После того, как сын уехал с заданием, она в долгие часы бессоницы пришла к "соглашению" с Всевышним:

— Я дала тебе своего сына, — говорила она, — но ты обязан мне его вернуть!!!

Эти же слова шептала она и сейчас, выжидающе глядя на улицу. Губы ее еще шевелились, когда мать уви-

дела сына, возвращавшегося к ней, с бритыми ранеными руками — но живого!

Спустя несколько дней Мордехай жени воспитательнице из Холона.

31

ДО САМОЙ ВИСЕЛИЦЫ

В полдень наряд полиции с миноискателями начал прочесывать площадь возле "Масуда Шемтов". Под вечер туда созвали почтенных евреев, офицеров, священников, высокопоставленных чиновников и других, чтобы представить им результаты операции. Последние лучи заходящего солнца дали фотографам запечатлеть это историческое событие, и на утро во всех багдадских газетах появились снимки: почтенные гости удивленно созерцают целые груды оружия и боеприпасов, извлеченные из тайника.

Шалом Салих Шалом стоял тут же со скованными руками и ногами. Его приволокли как преступника к месту преступления.

— Он пропал, — сказал Эйди про себя.

Чарльса не было на площади. Эйди и Гурджи продолжали повседневную работу с эмигрантами, словно не имели никакого отношения к происходящему. Но их жизнь и безопасность висели теперь на волоске.

— Они имеют к этому отношение? — спросил офицер Шалома, указав на них.

Шалом хорошо знал, что имеют. Тайник на этом месте он соорудил с их ведома и согласия. Эйди понимал, что Шалом сломлен окончательно и что следователи могут выведать у него всю правду. Он мысленно уже ощущал лязг оков на своих руках. Но Шалом Салих взглянул на них и отрицательно покачал головой. У

него хватило сил не потянуть за собой в пропасть и других.

Планы, попавшие в руки полиции в доме Хаббазы, привели ее и к остальным тайникам. Богатые запасы самообороны, которые создавались со времен Шмарьи и Эзры, были выставлены напоказ как свидетельство обвинения: 436 гранат, 33 пулемета, 186 револьверов, около 25 тысяч пуль, 97 пулеметных магазинов, 32 кинжала. Все оружие смазано, снаряжение упаковано; все подготовлено к длительному зимнему хранению.

В газетах и кофейнях смаковали случившееся. Скромный Шалом Салих фантазией улицы перевоплотился в кровожадного вампира, замышлявшего погубить родной Ирак с помощью страшных орудий, найденных в тайнике.

Застенчивого мальчика, не достигшего двадцати лет и адвоката Иосефа Басри Нури Саид и его прихлебатели решили сделать козлами отпущения во устрашение других.

Им приписывали взрывы в американской библиотеке и еще в двух местах: возле фирмы Леви и банка "Рафидан".

Страшные пытки, о которых он только упомянул на суде, совершенно сломили волю Шалома. И еще больше, чем пытки, на него подействовали уговоры и обещания.

— Шалом лишился рассудка, — рассказывал потом Эйди сотрудник тайной полиции.

— Ему обещали, что если он возьмет на себя вину за взрыв в американской библиотеке, ему выдадут заграничный паспорт. Он и сознался.

Инквизиторы не ограничились признанием, они требовали от Шалома "восстановить" картину преступления на месте, включая действия его сообщников Иосефа Басри и Иосефа Хаббазы. Под действием пыток и посулов Шалом изобразил следователям, как он и его сообщники выполняли "задание", и подписался под подробным признанием. Потом, как стало известно, он настоятельно требовал от своих мучителей обещанного

заграничного паспорта. Ответом были новые издевательства. Начальник полиции Абд аль-Джаббар аль Фахми предназначил ему главную роль в спектакле, который он готовил по приказу своих хозяев.

Раскрытие тайников с оружием вызвало новые аресты. В руках полиции оказались имена и адреса членов Движения и Хаганы, и хотя большинство из них находилось уже в Израиле, остальных удалось задержать. Толстые стены камер пыток были в те дни свидетелями страшных, трагических сцен. Если бы камни могли говорить — земля бы содрогнулась.

Арабская пресса начала бешеную антисионистскую кампанию, чтобы к моменту суда над "террористами", диверсантами и шпионами" создать среди черни атмосферу ненависти и нетерпимости.

* * *

Задержав в "Урузди-бек" Юдку Таджера, тайная полиция изо всех сил старалась расколоть этот твердый израильский орешек. Его жестоко избивали бамбуковой тростью и плетью, подвешивали за руки и за ноги, а приведя в чувство, придумывали новые пытки. Каждый вечер его помещали в камеру, смежную с камерой пыток, чтобы он слышал вопли истязуемых.

— Это твои товарищи, — говорили ему.

30 ночей продолжался этот кошмар; Юдка до крови истискивал нижнюю губу, напрасно пытался закрыть уши, заставить себя не слушать: находится здесь, за стеной, было хуже, чем в камере пыток. Тогда решили действовать иначе. Следователь пригласил его в свой кабинет и заявил, что поскольку, как ему известно, самолеты используются для переброски шпионов и вредителей, он уполномочен прекратить выезд евреев до тех пор, пока Юдка все ему не расскажет. На завтра, когда Юдка просматривал утреннюю газету, принесенную в его камеру, он не нашел там ежедневной сводки о количестве выехавших евреев. В последующие дни сводки тоже не оказалось. Юдка был в затруднении:

если он выдаст личность Нисима Моше (Он не знал, что Бен-Порат уже улетел) и других, их, безусловно, повесят. Но как он может взять на себя ответственность за прекращение алии даже ценою жизни нескольких человек? Ведь в таком случае он выносит смертный приговор многим из тех, кто останется в Ираке. Однако Юдка выстоял. Через неделю в газете снова появились сведения о выезжающих. Следовательно с улыбкой признался, что заранее знал о недельном перерыве и хотел им воспользоваться, чтобы сломить упрямого израильянина.

На следующий день после раскрытия тайников охрану Юдки сменили: к нему приставили солдат военной полиции, относившихся к нему с удвоенной жестокостью. Издевательствам не было конца.

— Завтра тебя повесят, — радостно сообщили ему однажды ночью.

Юдка протестовал: нельзя человека повесить без суда!

— Какой суд? Зачем суд? — отвечали ему, — о тебе уже все известно. Мы захватили все ваше оружие. Нечего больше допрашивать. Завтра тебя повесят.

Всю ночь камера была забита солдатами, а в углу раввин читал псалмы. В три тридцать утра его перевели в камеру смертников, заставили расписаться на какой-то анкете и к ногам привязали мешок с песком. На голову хотели надеть черный мешок, но он отказался. Он пойдет на смерть с открытыми глазами. Юдку поставили на эшафот, лицом к стене, и когда на его шее затянулась петля, он понял, что это конец. Сейчас потянут за ручку, люк откроется, веревка натянется и — конец... Еще только несколько секунд... и все. А ведь одно только слово могло бы его спасти!

Секунды что-то затягивались и дошли до четверти часа. Пятнадцать минут он стоял в объятиях приближающейся смерти.

Ничего не случилось.

— Наш король Фейсал добросердечен и милостив, —

сказали палачи, снимая с него петлю. — Он дает тебе возможность предстать перед судом.

Юдку вернули в камеру.

Следователь, он же судья, пригласил его в кабинет и рассказал, что под давлением израильского правительства и международных еврейских учреждений, Юдку не повесят. Судья сказал, что сам он только исполнитель воли властей и обязан выполнять приказы. Но что касается меры наказания — все в руках обвиняемого. Если он передумает и расскажет, кто стоит во главе шпионской сети в Ираке, его включают в группу приговоренных к пяти годам заключения. Юдка уже знал, что Бен-Порат недосыгаем, а потому на минуту испытал искушение рассказать судьям все и посмотреть, какова будет реакция. Но этим он только повредил бы и себе и остальным заключенным. Ведь на всех прежних допросах он утверждал, что не знает, кто начальник. Поэтому Юдка продолжал повторять свои прежние показания, хотя и сознавал, что сам себе выносит приговор: пожизненная каторга.

* * *

— Только сознайся, — говорил следователь Фуаду Далаху, — скажи, что ты член Движения, подпишись и получишь заграничный паспорт.

Фуаду Далаху (ныне Халед) было тогда всего 18 лет. Он только что закончил школу и работал в автомобильном агентстве. После того, как обнаружили его имя в списках, Фуада арестовали и бросили в подвал пыток. Цепь, на которую его подвесили, угрожала оторвать его руки от тела, ноги беспомощно болтались на высоте полуметра от пола, а четверо следователей били его палками. В перерывах старший палач уговаривал его признаться и назвать имена сообщников. Парень не сдавался. Побой усиливались. Под одежду ему насыпали охапки колючек, потом опять подвешивали на цепи и били. Сотни иголок впивались в его тело, и казалось, что вот-вот дойдут до сердца. Откуда взялись

у него силы выдержать 15 часов адских пыток, он и сам не знал. В такие минуты у человека вдруг появляется железная воля, какая-то непроницаемая броня, отделяющая его от действительности. Будто это пытаются вовсе не его, а кого-то другого, с кем он воссоединяется лишь в момент передышки, на те краткие минуты, когда пытаются сломить его волю сладкими видениями свободы или уговорами:

— Это не детская игра, подумай! Для тебя же лучше, если ты все расскажешь. Чем больше будешь упрямить-ся, тем больше ты рискуешь жизнью.

Убедившись, что мальчик ничего не выдаст, его отправили на 15 дней в "Дауру". Там, в конюшнях конной полиции, он получит то, что заслужил.

Тут же стали готовить транспорт. Полицейские с серьезными лицами о чем-то шептались и грузили лопаты и цепи. Все говорило о том, что до "Дауры" ему живым не добраться. В одном из высохших русел Тигра ему прикажут вырыть яму, а потом застрелят. Два полицейских офицера инсценировали спор по поводу мер, которые следует применить в отношении Далаха. Один действовал ругательствами и пинками; второй — медовыми речами:

— Ты молодой парень, — говорил он, — вся жизнь у тебя впереди. Почему ты не подписываешь? Мы ведь все знаем о тебе. Если поедешь с нами — смерти тебе не миновать. Ты ведь знаешь, мы имеем право на смерть двадцати процентов заключенных. И если даже не умрешь — останешься калекой на всю жизнь. Зачем тебе все это? Только маленькая подпись...

Что верно, то верно — свое имя в списке он видел собственными глазами. Да и в любом случае — сознается он или нет — все равно его осудят. Фуад решил подписаться лишь под теми показаниями, которые не повредят другим, настаивая на формулировке: "при-мкнул к сионистскому движению, когда убедился, что для евреев пришло время репатрироваться в Израиль. Изучал иврит с целью подготовки к жизни в этой стране".

Следователи требовали, чтобы Фуад подтвердил подписью свою принадлежность к Хагане, но он отказался. К счастью, в его доме ничего не нашли. На вопрос о руководителях он ответил, что все они уже оставили Ирак.

Вскоре Фуада перевели в центральную тюрьму до начала суда.

Такой же путь прошли и остальные узники-подпольщики. Каждый из них пережил все муки ада. Некоторые подтвердили факты, которые все равно нельзя было отрицать. Одного из заключенных, Элияху Гурджи Абида, сдавшего Иосефу Хаббазу квартиру, где был обнаружен тайник, заставили вырыть себе могилу, что входило в инсценировку казни.

* * *

Суды судами, а алия шла своим чередом. Операция "Эзра и Нехемия" подходила к концу. Позади были тысяча двести полетов — больше ста тысяч иракских евреев. Если начать счет с 1942 года, когда алия была еще нелегальной, число олим превышало сто двадцать тысяч. На следующий год выехало лишь несколько сотен, задержавшихся по разным причинам в Ираке. Последние могикане подполья, стоявшие у руля до самого конца, сидели в почти пустой синагоге. Через некоторое время и они оставили Ирак.

Стоит рассказать, как выехал Чарльс.

В сыскное отделение прибыла анонимка, в которой Чарльс был назван "командиром сионистской Хаганы". В полиции только ухмылялись: что общего у Чарльса с сионизмом, с Движением? Мухаммад Абд аль-Азиз, начальник паспортного отдела, работавший все эти годы рука об руку с Чарльсом, смеясь рассказал ему об этом странном письме и для большей безопасности советовал на время выехать из Ирака. Чарльс взял паспорт в нейтральную страну и перед отъездом душевно распрощался со всеми офицерами полиции и отдела эмиграции. Когда самолет взлетел, они еще долго махали ему руками.

Покидая страну, евреи оставляли земли, сады, дома, предприятия, магазины. Вместе с собственностью общины стоимость этого имущества составляет около двухсот миллионов динаров (фунтов стерлингов). Имущество общины, накопленное годами, включало благоустроенные больницы, амбулатории, большие, прекрасно оборудованные школы, десятки синагог, украшенных персидскими коврами, дорогими предметами богослужения, клубы и многое другое. В школах и синагогах власти поселили палестинских беженцев; больницы и амбулатории община была вынуждена сдать внаем за символическую плату. Во всем Ираке оставалось около шести тысяч евреев.

Остатки многочисленной общины, они вскоре оказались свидетелями последней драмы в истории иракского подполья.

В конце 1951 года все иракские газеты писали одно и то же. Об этом кричали заголовки, об этом говорили иракское общество и толпа. Полиция восстановила свое доброе имя благодаря блестящему успеху: поймала "изменников" и "шпионов". Теперь суд неизбежен!

Вслед за иронией и насмешками после исчезновения "Хабиба" акции тайной полиции высоко поднялись. Около тридцати обвиняемых предстанут перед судом. Нури Саид решил, что две петли на виселице только укрепят его положение. Трем судьям оставалось только вынести приговор, продиктованный им сверху.

Обвиняемых разделили на три группы. В первой были Шалом Салих Шалом и адвокат Иосеф Басри, которых обвиняли в "использовании бомб и взрывчатых материалов с намерением совершить убийство в политических целях". Второй группе (21 человек) было предъявлено обвинение в "участии в диверсионной группе". Третьей — около двадцати человек, среди них и арабы — в "связи с врагом и передаче военной информации".

Поклеп про бомбы, возведенный на Шалома и Басри, основывался на признании Шалома, взрывчатке, найденной якобы в чемодане Басри, и "вреде и разру-

шениях, причиненных взрывом, а также ранениях людей, находившихся в американской библиотеке". "Ясно, что диверсанты бросали бомбы с целью убийства людей, — было сказано в обвинительном заключении, — и хотя людских потерь не было, цель сама по себе может служить основанием для обвинения." Им были приписаны три взрыва: в библиотеке, в торговом доме Леви и возле банка "Рафидан". "Доказано, что в замыслы диверсантов входило убийство нескольких человек с целью извращения истинного лица страны и запятнания ее доброго имени. Они стремились создать впечатление, будто власти преследуют евреев и вынуждают их эмигрировать".

Когда Шалом Салих начал давать показания, он отказался от своего прежнего признания и во всеуслышание заявил о методах полиции, вынудивших его приписать себе преступление:

"Это было в семь часов вечера. Меня взяли в особое отделение и заковали в железные цепи. Потом меня пытали, подтягивая на цепях к потолку, и требовали сказать, что я знаком с тем-то и тем-то, и что они фотографировали военные объекты.

Я ответил, что не знаю этих людей.

Меня перевели в другое отделение полиции. Руки были скованы, на шее — железная цепь. Капрал стал избивать меня рукояткой револьвера, потом затянул цепь на шее и сбил с ног. Так я провалялся до рассвета. Утром меня истязали еще больше: вырывали усы, брови и ресницы. Я заявил следователю, что ни в чем не виноват, а он ответил: "Если не скажешь, как тебе велено, будем мучить еще больше!".

И вот, чтобы положить конец моим мукам, я был вынужден сказать, что я с такими-то людьми бросал бомбы. Меня просто заставили это сказать..."

Шалом приподнял рубашку и показал судьям и публике рубцы и шрамы, оставшиеся на его теле после истязаний.

Иосеф Басри, не сдавшийся на допросах и отрицавший свою вину, тоже рассказал немало.

”В один из летних дней Рамадана несколько следователей особого отделения зашли в полицию ”аль-Вазирия”, куда меня поместили. Мне не дали закончить завтрак, схватили и подвесили за руки так, что я не мог сесть. Следователи сказали мне, что заместитель начальника тайной полиции Салим аль-Курейши придет вечером меня допрашивать. Так я висел приблизительно до восьми часов вечера. Заместитель начальника пришел и перевел меня в здание отделения. Там он приказал снова подвесить меня: руки сзади и одна нога поднята на высоту около двух футов от земли. В таком состоянии я оставался более часа. Я испытывал невыносимые муки и громко кричал. Потом он пришел и снял меня. Я не мог ходить. Тогда он начал бить меня по ногам и ругать, утверждая, что я притворяюсь. Затем он приказал двум полицейским перевести меня в кабинет начальника. Там усадил меня на стул, дал папиросу и велел принести мне холодной воды. Потом сказал, что пытки, которые я вынес — это легкие пытки, а теперь он намерен вырывать мне ногти и терзать меня другими видами пыток, о которых я никогда не слышал. Поэтому он советует мне закончить дело. Наверно, имел в виду, что я дам ему взятку. Так как я сидел под арестом довольно долго, а родственникам запретили меня навещать, то и денег у меня не было. Не получив ответа, он позвонил Абд ар-Рахман ас-Самарраи и сказал, что от меня толку не добиться. В эту минуту зашел капрал Аббуд. Он осыпал меня ударами и изрыгал всяческие проклятия — таких грубых проклятий я за всю свою жизнь не слышал. Потом велел принести ружье и плетки. Он бил и стегал меня, а другой человек бил меня ногами. Потом велел принести весла, лопаты и связку ремней. Через четверть часа в комнату пришли следователи особого отдела, завязали мне глаза большим белым платком и повезли куда-то в машине. Приблизительно через час машина остановилась. Сняли платок с глаз. Я был в пустынном месте наедине со своими мучителями. Один из следователей приказал остальным двум копать мне могилу. И они выкопали

могилу в мой рост. Следователь вытащил револьвер и говорит: "Признайся перед Богом, прежде чем я застрелю тебя!" Я спросил его: "Что вас побуждает так поступать со мной? В чем я должен признаться?". Он ответил: "Нашли оружие, и ты знаешь другие места, где есть оружие". Я сказал, что не знаю, и мне велели произнести молитву. После этого один из следователей отвел меня в сторону и сказал: "Ведь мы тебя сейчас расстреляем, так подумай о себе. Мы нашли оружие. Думаешь ли ты, что есть еще оружие и в других местах?" Я ответил: "Не знаю". Другой сказал: "Неужели так трудно сказать, что есть оружие и в других местах?" Прежде чем я успел ответить, он сказал остальным, будто я признался, что есть еще оружие. Затем этот следователь с одним из копавших могилу пошли в полицию "Дауры", чтобы оповестить о продвижении дела. Не знаю, просили ли они разрешения продолжать пытки или вернуть меня в особый отдел. Пытки усилились. Однажды в камеру пришло несколько человек. Они подвесили меня. Настала ночь, потом утро и полдень — больше 25 часов я оставался подвешенным. Только когда из носа и рта потекла кровь, начальник позвонил в особый отдел. Он сообщил, будто я уже при смерти, и он не хочет нести ответственность за мою смерть. Только тогда меня сняли. Двое суток я не мог ни стоять ни ходить. В тот же день и еще два дня мне не давали еды.

Я не могу описывать все перенесенные мною муки, подвешивания и избиения. Меня пытали в большой темной комнате, не пропускающей криков".

Адвокат, защищавший Басри, не побоялся указать на истинные причины злобного навета:

"Полиция находилась под давлением общественного мнения, высокопоставленных лиц и широких кругов, требовавших немедленного разоблачения преступников. Поэтому полиция была вынуждена найти обвиняемых и придумать показания, чтобы с честью выйти из этого дела".

Адвокат Шалом Салиха тоже за словом в карман не лез:

”Кто несет ответственность за создание еврейского государства? Я говорю это не для оправдания сделанного, но чтобы открыто сказать то, о чем сегодня все говорят шепотом. Если бы прокурор в своей обвинительной речи не возбудил вопроса о государстве Израиль, я вообще бы его не коснулся. Шалом Салих не несет ответственности за создание государства Израиль. Еврейская проблема — проблема историческая; она существовала еще со времени Навуходоносора и до тех пор, пока Черчилль, Эттли и другие за последние несколько лет не восстановили еврейское государство. А вы возлагаете эту ответственность на Шалом Салиха, словно он создал это государство!”

Хоть эти слова и наводили судей на некоторые размышления, они вынуждены были выполнить волю своих хозяев.

На основании трех статей обвинения суд приговорил Шалом Салиха и Иосефа Басри к смертной казни через повешение.

* * *

Черни пришлось вооружиться терпением, пока она получила возможность ликовать у трупов повешенных. Иракская машина ”справедливости” еще не закончила работу, а двое приговоренных еще не испили всю чашу страданий. Салиху пришлось вынести еще одно судебное представление, а Иосефу Басри — целых два.

Скованные цепями по рукам и ногам, облаченные в коричневую одежду смертников, они были приведены в зал суда, где разбиралось дело второй группы. В этой группе, кроме них, были еще 19 человек: Юдка Таджер, Салим Хаббаза (брат Иосефа) и его мать; Элияху Гурджи Абид (хозяин дома Хаббазы) и три девушки.

Им была инкриминирована ”диверсионная деятельность”, что означало принадлежность к сионистскому подполью.

Некоторых взяли на основании списков, найденных в тайнике, других — после проведенного расследования.

Обвинение представило вещественные доказательства: револьверы, пулеметы, копилки Керен Каемет, листовки и инструкции. Было зачитано старое письмо, попавшее в руки сыщиков, в котором член киббуца расхваливает боевые способности воспитанников Движения, бежавших из Ирака, и отлично проявивших себя во время Войны за Независимость. Таким образом, обвинение доказало, что еврейская молодежь училась владеть оружием еще будучи в Ираке, и затем направляла его против иракской армии.

После 26 заседаний был вынесен приговор.

Шестеро обвиняемых, среди них Салим Хаббаза с матерью, за отсутствием улик были оправданы; девушки получили по пять месяцев заключения; восемь обвиняемых: Фуад Далах, Аврахам Иехезкель, Шаул Иехезкель, Аврахам Киркукли, Яков Шаая, Эзра Рахамим, Фуад Натан и Ицхак Сити были приговорены к пяти годам тюрьмы; Элияху Гурджи Абид — к 15 годам; Шалом Салих Шалом и Иосеф Басри — к 15 годам; Юдка Таджер был приговорен к пожизненному заключению.

Иосефа Басри вернули в камеру для обвиняемых на время суда над третьей группой.

Состав обвинения: шпионаж в пользу Израиля.

В эту группу входили: Юдка Таджер, Раудани, Салим Муаллим и Латиф Эфраим, а также несколько арабов, обвиняемых в связях с сионистами, среди них и три высоких чиновника, те самые, которые, ничего не подозревая, передали Салиму Муаллиму документы, найденные впоследствии в тайнике Юдки.

Оправдали всех арабов и нескольких евреев, когда выяснилось, что они не имеют никакого отношения к организации.

Раудани, Салим и Латиф получили по пять лет; Юдку вторично присудили к пожизненному заключению; Иосефа Басри — тоже вторично — к смертной казни че-

рез повешение. К десяткам узников присоединились 13 новых заключенных.

Борьба и приспособление, ожидание и повседневность; мечта о великом избавлении и мелочи быта; упорная борьба за ничтожные облегчения. Чтобы выжить, приходилось налаживать отношения с тюремщиками, с уголовниками, с коммунистами и оставаться людьми, помогать, уступать, сжиматься, оставляя жизненное пространство и другому. Влачить тяжкие оковы, переносить побои, сидение в одиночке, голодные забастовки, не сдаваться, не отчаиваться, не опускаться, сохранять интерес к жизни. Заставлять работать уставший мозг, играть, делать гимнастику, учиться, бежать от небытия!

Первыми должны были выйти на свободу сидевшие с июня 1948 года, со времени истории с письмами. После них настанет черед арестованных во время демонстраций против главы общины, нелегальных перебежчиков и тех, кого взяли по доносу Хиласчи. В 1956 году должны были выйти на свободу последние 11 узников. В когтях властей останутся только трое — Элияху Гурджи Абид, приговоренный к 15 годам; Юдка Таджер, приговоренный к пожизненному заключению, и Даниэль Барух из Басры — тоже приговоренный к пожизненному заключению. Им принесет избавление переворот Касема — тот переворот, который в 1958 году сметет в Ираке королевский режим.

На столбах виселиц, которые новая власть воздвигнет на улицах Багдада, заслуженное возмездие настигнет тех, кто в свое время замыслил, запланировал и осуществил суды над сионистами в 1951 году и затянул петлю на шее Иосефа Басри и Шалома Салиха.

Зима, царившая на улицах Багдада, еще больше ощущалась за тюремными стенами. В тот день, 18 января 1952 года, холод проник не только в камни, но и в сердца. Перешептывания тюремщиков, какие-то приготовления, намеки всеведущих арестантов-арабов, стук молотков в тюремной столярной мастерской — все это прогоняло последнюю надежду.

Все хлопоты на месте и через дипломатические каналы, все просьбы отменить жестокий приговор ни к чему не привели.

Завтра утром Иосеф Басри и Шалом Салих взойдут на эшафот.

Через форточку Эзра Давид в последний раз беседовал с Шаломом Салихом. Оба были друзьями детства, росли в одном квартале и вместе участвовали в Движении. Дороги их разошлись в начале 1949 года, когда Эзра в группе из 6 человек вышел в сторону иранской границы через район Ханакина. Их задержали в Баакубе, подвергли жестоким допросам, но никто из них рта не раскрыл. С вырванными ресницами и бровями, опухшие от побоев, они были брошены в тюрьму "Абу Гу-райиб" и спустя несколько месяцев предстали перед судом, который приговорил их к пяти годам заключения. Когда в тюрьме слышали, что правительство разрешило евреям выехать — не поверили... Но потом в их сердцах, как и в сердцах всех заключенных всех времен, появилась надежда на досрочное освобождение и репатриацию в страну своей мечты. Последний провал могильным камнем загородил им путь к освобождению.

Через окошечко в камере Эзры хорошо были видны камеры смертников и двор, куда их трижды в день выводили на прогулку. Эзра и его товарищи обычно воздвигали пирамиду из старых ящиков и с ее высоты наблюдали за двором, выжидая момента, когда охранник на минуту отвлечется, чтобы обменяться парой слов с осужденными. Первое время Шалом Салих казался настроенным оптимистически. Он был уверен, что следователи выполнят обещание и выпустят его. Но вскоре убедился, что его участь решена.

— Я — просто жертва, — говорил он товарищам, — ведь мне обещали паспорт...

Камера смертников представляла собою клетушку — три метра на метр восемьдесят. Тяжелая цепь охватывала лодыжки их ног, а железный брус позволял им передвигаться только мелкими шажками. На ночь и руки также сковывали цепями и пристегивали к желез-

ному шесту в карцере, чтобы исключить возможность самоубийства.

18 января Шалом уже знал, что конец его близок.

— Я покидаю этот грешный мир, Эзра, — сказал он другу, — передай привет родным.

Он просил товарищей позаботиться о его семье, которая была уже в Израиле, и просил у близких прощения за причиненные им страдания.

— Постараюсь изо всех сил держаться стойко, — сказал он.

В ту ночь никто из заключенных не сомкнул глаз. Они сидели, каждый в своем углу, молчаливые, пожелтевшие, настороженные, прислушиваясь к каждому шороху. Некоторые, не сломленные даже пытками и продолжительным заключением, тихо плакали.

Юдка Таджер, снискавший уважение тюремщиков и арестантов, получил разрешение провести последнюю ночь вместе с приговоренными к смерти. Оба были спокойны, вели себя сдержанно. Кокаин, тайком доставленный одним из тюремщиков, скрасил им последние часы жизни. У Шалома Салиха был приятный голос, и всю ночь он пел на иврите израильские песни и песни Войны за Независимость, которым его научили в Движении. На лице Иосефа Басри блуждала улыбка. Их глаза оставались сухими, зато Юдка проплакал всю ночь.

Около пяти часов утра в дверях камеры появились начальник тюрьмы, судья, врач, представитель министерства внутренних дел и с ними Гурджи Муаллим, присланный общиной для совершения обряда прощания смертников с этим миром по традициям Израиля. С их рук и ног сняли тяжелые цепи, принесли шапки и воду для омовения. Последней их просьбой было, чтобы их тела были переданы семьям (они имели в виду Израиль). Начальник тюрьмы обещал. Но обещание это не было выполнено. Когда оба спросили, кто прочтет Кадиш — рыдания сдавили горло Муаллима. Он ответил:

— Много людей прочтут Кадиш.

Муаллим произнес молитву.

Потом раскрыл книгу и передал им ее. Оба громко прочли: "Слушай, Израиль, Господь Бог наш, Бог единый", повысив голос на слове "Израиль". Будто ток прошел по телам присутствовавших.

На площади Баб-аль-Муаззам поставили виселицу, две петли свисали с перекладины. Десятки тысяч празднично одетых жителей столицы собрались любоваться зрелищем казни.

— Прощайте, — обратился Салих в последний раз к товарищам, наблюдающим через окно, — я ухожу!

Когда палач вернулся, он нашел Юдку горько рыдающим.

— Нет, сказал ему тот, кто только что затянул обе петли, — Иосеф (Басри) не позволил бы тебе плакать! Он жил героем и умер героем!

Палач знал, что говорит.

И как и он, знали это десятки тысяч собравшихся на площади.

עיריית חיפה
מחלקת תרבות הפנאי
מחלקת תרבות לעולים
בית אדריסטיין - ספריה
מס. מלאי.....

361

ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГИЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
Р.О.В. 21650
61216 Tel-Aviv
ISRAEL**

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Альбер Мемми. **ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ.**

Пер. с французского.

Автор, родившийся в Тунисе, дает в своем произведении психологический анализ жизни, мышления и образа действий еврея в диаспоре. Истинное решение еврейской проблемы он видит только в возвращении народа на свою землю, в страну Израиля.

Милтон Стейнберг. **КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ.**

Роман. Пер. с английского.

Автор (1903—1950) — известный представитель консервативного иудаизма в США, раввин и писатель. Несмотря на свободное обращение с историческим материалом, на всем протяжении романа сохранена верность духу древнего мира, как эллинистического, так и еврейского. Роман посвящен жизни Элиши бен Авуи и других мудрецов, упоминаемых в Талмуде.

Ахарон Аппельфельд. **ПОРА ЧУДЕС.**

Пер. с иврита.

Автор (р. 1932) — известный израильский прозаик, прошедший через фашистские лагеря смерти, раскрывает тему Катастрофы европейского еврейства средствами универсальной аллегорической символики.